

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук**

На правах рукописи

Удовенко Илья Витальевич

**СТАНОВЛЕНИЕ ЛАГЕРНОЙ СИСТЕМЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1918–1923 гг.)**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Иванова Галина Михайловна

Москва 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Формирование советской лагерной системы	31
1.1. Влияние и преемственность лагерного опыта Первой мировой войны.....	31
1.2. Лагеря ВЧК на начальном этапе советской власти.....	43
Глава 2. Система лагерей Главного управления принудительных работ и лагерный социум	70
2.1. От лагерей ВЧК к лагерям принудительных работ НКВД.....	70
2.2. Состав заключенных и условия содержания	98
2.3. Основные категории заключенных: крестьяне и военнопленные.....	140
Глава 3. Опыт организации принудительного труда и ликвидация лагерной системы в условиях нэпа	178
3.1. Принудительный труд как социальный эксперимент.....	178
3.2. Межведомственные разногласия и ликвидация лагерной системы.....	214
Заключение	239
Список сокращений	246
Список источников и литературы	249
Приложение. Сводная таблица лагерей первых лет советской власти (1918–1923 гг.)	270

Введение

Актуальность исследования. Тема советских лагерей относится к числу наиболее политизированных и мифологизированных. На протяжении ряда лет исследовательский интерес к этой проблеме определялся не столько потребностями исторической науки, сколько политическими соображениями. В зарубежной историографии до настоящего времени имеют место значительные искажения исторической действительности, в частности, несмотря на современные многочисленные публикации архивных документов, сохраняют свою популярность мифы о численности и составе заключенных в разные годы. Многократно преувеличенные оценки времен холодной войны активно используются в антироссийской пропаганде не только на Западе, но и в отдельных странах бывшего СССР.

Задача сохранения исторической правды требует обращения к новым комплексам источников и новым интерпретациям с целью понимания самой природы советских лагерей. В контексте Первой мировой войны, затем Гражданской, а также ряда локальных военных конфликтов первой четверти XX века, когда для содержания военнопленных и интернированных начали широко применяться лагеря, закономерным является вопрос о становлении лагерной системы в Советской России.

В годы Гражданской войны все стороны конфликта в целях изоляции и подавления своих противников создавали и использовали лагеря. Белые правительства устраивали лагеря для содержания красноармейцев и красных партизан в Сибири и на Урале, страны Антанты – в Архангельской губернии, США и Япония – на Дальнем Востоке. Концентрационные лагеря для заключения пленных красноармейцев и просоветских граждан создавали правительства Польши и Финляндии. Большевики в условиях Гражданской войны также организовывали лагеря, используя их в качестве действенного инструмента для изоляции и нейтрализации своих противников.

Становление лагерной системы в Советской России шло по двум направлениям: ВЧК создавала концентрационные лагеря, где содержались

преимущественно политические противники большевиков; НКВД РСФСР отвечал за организацию и деятельность лагерей принудительных работ, в которых содержались представители всех слоев населения, преимущественно военнопленные и крестьяне. Разделение лагерей на типы во многом было формальным и незначительно влияло на характер и условия содержания заключенных. Лагерная система функционировала на территории от Якутска до Волыни и от Мурманска до Крыма и Северного Кавказа. Всего в изучаемый период было образовано 222 лагеря. Лагеря ВЧК (с 1922 г. ГПУ) существовали с 1918 г. по 1923 г. Период функционирования лагерей НКВД РСФСР был несколько короче – с 1919 г. по 1922 г. Именно система лагерей принудительных работ стала прообразом будущих исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

Зародившись в середине 1918 г. в качестве органов особого назначения, лагеря со временем превратились в законодательно оформленную систему исправительно-трудовых учреждений, где отбывали наказание в виде лишения свободы не только политические противники большевиков, но также уголовные преступники и общественно-опасные элементы. Тяготы военного времени и перипетии классовой борьбы не позволяли лагерям добиться полной самокупаемости, как того требовали нормативные акты, однако Наркомату внутренних дел удалось организовать в лагерях продуктивное использование труда заключенных, что было практически невозможно в традиционных местах заключения, таких, например, как тюрьмы.

Советская лагерная система, становление которой пришлось на период Гражданской войны, сыграла значительную роль в истории Советской России, однако эти страницы жизни послереволюционного общества до настоящего времени остаются практически неисследованными и нуждаются в углубленном изучении, что обуславливается в первую очередь потребностями исторической науки.

Степень разработанности проблемы. История становления лагерной системы в Советской России неразрывно связана с проблемой плена и интернирования. Некоторые лагеря ВЧК, образованные в 1918–1919 гг., были

сформированы на базе лагерей для военнопленных Первой мировой войны, а беженцы из западных стран в Советскую Россию зачастую попадали в административном порядке в лагеря НКВД РСФСР. Проблема русского плена не являлась предметом исследований советских историков и была актуализирована лишь в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В этот период вышли работы, в которых впервые приводились данные о количестве лагерей и числе военнопленных на территории России¹. В дальнейшем это направление исследований развивалось в отечественной историографии в региональном аспекте, лагерные структуры для военнопленных рассматривались на примере конкретных губерний или военных округов².

В постсоветский период отечественные и зарубежные исследователи приступили к изучению советских эвакуационных органов: Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) в 1918–1920 гг. и Центрального управления по эвакуации населения (Центроэвак) в 1920–1922 гг., которым подчинялись лагеря для военнопленных³.

Исследование лагерей НКВД РСФСР невозможно без комплексного изучения проблемы советского плена периода советско-литовской и советско-польской войн 1918–1921 гг. ввиду того, что иностранные военнопленные данных конфликтов попадали в лагеря НКВД РСФСР. Тема советского и польского плена начала активно разрабатываться в середине 1990-х гг.⁴ Обстоятельные

¹ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М., 1999; *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк.* М., 2002. С. 624–643.

² *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // *Вестник Омского университета.* 2013. № 3. С. 81–83; *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

³ *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000; *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; *Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges.* Paderborn, 2005. S. 239–266.

⁴ *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; *Райский Н.С.* Польско-советская война 1919–1920 гг. и судьба военнопленных, интернированных, заложников и

публикации по проблеме советского плена периода 1918–1922 гг. стали выходить в отечественной историографии только в середине 2000-х годов. В 2004 г. под редакцией И.И. Костюшко был издан сборник документов, посвященный польским военнопленным в советском плену⁵. Помимо ценных документов, сборник содержит научные комментарии и статьи, в которых приводятся статистические данные о советском плене. В монографии И.И. Костюшко на большом фактическом материале раскрыта попытка советизации Польши в период ведения боевых действий в 1919–1921 гг.⁶ В последнее десятилетие российские и польские историки сохраняют исследовательский интерес к проблеме советского плена в лагерях НКВД РСФСР, а также исследуют вопросы репатриации польских военнопленных на родину⁷.

Становление системы лагерей в Советской России было тесно связано с проводившейся в стране исправительно-трудовой политикой. Изучение пенитенциарных институтов в РСФСР началось в 1920–1930-е гг. в рамках уголовно-исполнительного права и отражало юридическую сторону вопроса⁸. Этот же подход сохранялся в работах российских правоведов и в более поздний период⁹. Основываясь на новых архивных материалах, М.Г. Детков одним из первых дал подробное описание Главного управления принудительных работ

беженцев. М., 1999; *Karpus Z., Alexandrowicz S. Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały.* Toruń, 1995.

⁵ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 гг.): Документы и материалы. М., 2004.

⁶ *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б) 1920–1921 гг. М., 2005.

⁷ *Оплаканская Р.В.* Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 384. С. 116–119; *Резмер В.* Польские военнопленные в советском плену // Военнопленные 1920. Краков; Варшава, 2020. С. 69–165; *Белова И.В.* Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг. По материалам центральных губерний Европейской России // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 76–81; *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 21–34;

⁸ *Ширвиндт Е.Г.* Наше исправительно-трудовое законодательство. М., 1925; *Герцензон А.А.* Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928; *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934; От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. ст. М., 1934, и др.

⁹ *Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИТУ советского государства (1917 – 1925). Домодедово, 1990.

НКВД РСФСР, которому подчинялись лагеря принудительных работ, привел сведения о количестве мест заключения в РСФСР, в том числе лагерей, и численности заключенных в период 1919–1922 гг.¹⁰

Проблема эволюции мест заключения в Советской России неоднократно поднималась в зарубежной и отечественной историографии. Одни исследователи рассматривали всю советскую пенитенциарную систему, в том числе и ГУЛАГ, как единое целое и считали ее порождением революции¹¹, другие четко разграничивали пенитенциарную систему периода нэпа и места лишения свободы сталинского времени¹². Определенные разногласия присутствуют и в современной историографии. По мнению некоторых исследователей, революция 1917 г. прервала эволюционный путь развития российской пенитенциарной системы, породив новые места заключения в виде лагерей принудительных работ¹³; с точки зрения других историков, основная часть мест лишения свободы в РСФСР продолжила свое развитие в традиционном ключе, используя при этом так называемую прогрессивную систему, получившую распространение за рубежом¹⁴.

Вопросы развития советской пенитенциарной системы, в том числе правовые основы ее функционирования и межведомственные разногласия, продолжают оставаться в поле зрения современных исследователей. Историки отмечают наличие в РСФСР к середине 1918 г. двух карательных систем. Одна из них, относящаяся к Наркомату юстиции, основывалась на советском юридическом праве, другая, подведомственная ВЧК, в большей степени руководствовалась принципами революционного правосознания. Такая

¹⁰ *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992.

¹¹ *Геллер М.* Концентрационный мир и советская литература. London, 1974.

¹² *Solomon P.H.* Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation // *Slavic Review*. 1980. Vol. 39. № 2. P. 195–217.

¹³ *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997; *Иванова Г.М.* Эволюция и слом российской пенитенциарной системы и создание первых лагерей советской власти. 1917–1922 гг. // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России, Самара, 18–20 апреля 2017 года. Самара, 2017. С. 31–38.

¹⁴ *Погорелов М.А.* Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022.

двойственность в пенитенциарной политике порождала межведомственные конфликты, в которых различные ведомства отстаивали свое право контроля над всеми местами заключения¹⁵.

В постсоветский период некоторые историки стали отказываться от институционального подхода к изучению проблем карательной политики и мест заключения, уделяя основное внимание психологии масс в моменты общественных потрясений и пытаясь понять причины всплеска революционного насилия¹⁶. Так, В.П. Булдаков, рассматривая революцию и Гражданскую войну с точки зрения психосоциальных изменений в обществе, выделял, главным образом, движение снизу, а именно девиантные изменения в поведенческих моделях населения России. Октябрьская революция, по мнению Булдакова, не разделила страну на красных и белых, а лишь актуализировала всеобщее насилие внутри маргинализованного рабочего класса и традиционалистского крестьянства¹⁷.

Архивная революция начала 1990-х гг. привела к появлению новых исторических источников и позволила исследователям сосредоточиться на изучении советских карательных органов и проводимой ими внутренней политики. Особое внимание уделялось деятельности революционных трибуналов, ставших одним из главных инструментов осуществления революционного правосудия¹⁸.

В числе первых исследователей, которые на богатом архивном материале описали структуру и основные виды деятельности ВЧК, были российские

¹⁵ *Тараканов Ю.В.* К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918–1922 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1. С. 99–104; *Кубасов А.Л.* Из истории тюрем и лагерей ГПУ (1922–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 17. С. 126–135, и др.

¹⁶ *Степанов А.И.* Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек: социально-психологический аспект. Материалы конф., 28–30 ноября 1994 г. М., 1996. С. 201–222.

¹⁷ *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

¹⁸ *Смирнов Н.Г.* Высшие суды революции: Центральные революционные трибуналы. 1918–1922 гг. М., 1990; *Смыкалин А.* Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39–42; *Павлов Д.Б.* Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 1–17, и др.

историки Л.П. Рассказов¹⁹, И.С. Ратьковский²⁰ и В.Н. Хаустов²¹, однако в их работах практически не рассматривалась роль ВЧК в становлении лагерной системы.

Расширение источниковой базы стимулировало интерес исследователей как к системе лагерей в целом, так и к региональным особенностям функционирования отдельных лагерных комплексов. Всесторонне и наиболее полно история ГУЛАГа и политических репрессий в СССР в период с 1918 по 1958 г. раскрыта в трудах В.Н. Земскова, Г.М. Ивановой, О.В. Хлевнюка²². Основное внимание этих и других авторов сосредоточено на 1930–1950-х годах, вместе с тем научное освещение получил и более ранний период. Так, в работах Ивановой прослеживается эволюция лагерных систем в СССР от лагерей принудительных работ к исправительно-трудовым лагерям, анализируется нормативно-правовая база создания и деятельности лагерей, исследуется влияние феномена заложничества на становление лагерной системы в условиях Гражданской войны²³.

Заметное влияние на изучение советской лагерной системы оказал справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», изданный в 1998 г. Особую ценность для данного диссертационного исследования представляет вступительная статья М. Джекобсона, М.Б. Смирнова «Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930», где рассматриваются разные

¹⁹ *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.

²⁰ *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

²¹ *Хаустов В.Н.* Развитие советской спецслужбы (1917–1941) // Исторические чтения на Лубянке. М., 1997. С. 55–61.

²² *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16; *Земсков В.Н.* Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124; *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Хлевнюк О.В.* Принудительный труд в экономике СССР: 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010, и др.

²³ *Иванова Г.М.* Большевицкие концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 121–126.

аспекты организации лагерей ВЧК и принудительных работ, приводится статистика заключенных по учреждениям ВЧК, НКВД, НКЮ²⁴.

В начале 2000-х гг. были опубликованы два небольших исследования, которые во многом стали определяющими для понимания эволюции лагерных систем ВЧК–ГПУ–ОГПУ. Эти работы, написанные А.Л. Кубасовым и Т.Ф. Мельник, основаны на обширной источниковой базе и раскрывают историю лагерей в Архангельской губернии. В отличие от других лагерей РСФСР, эти места заключения пережили демонтаж всей лагерной системы осенью 1922 г. и стали основой для формирования лагерей ГПУ–ОГПУ в 1923 г.²⁵

В последние десятилетия изучение советской лагерной системы раннего периода ведется преимущественно на региональном уровне с использованием местных архивных материалов. В работах, посвященных местам заключения в условиях Гражданской войны, представлены многие российские регионы – Екатеринбург, Поволжье, Рязанская губерния, Сибирь, Тамбовская губерния, Урал и др.²⁶ Эти работы содержат богатый фактический материал, который

²⁴ *Джекобсон М., Смирнов М.Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 10–15.

²⁵ *Кубасов А.Л.* Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 58–65; *Мельник Т.Ф.* О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские межд. научные чтения. Архангельск. 2008. С. 88–106.

²⁶ *Островская И.В.* «Оставить эти концентрационные лагеря для ... господ» // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46–49; *Камардин И.Н.* Лагеря принудительных работ в Поволжье в годы военного коммунизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). Ч. 1. С. 95–98; *Григоров А.А., Григоров А.И.* Заключенные Рязанского губернского концлагеря (губернского лагеря принудительных работ) 1919–1923 гг.: списки, личные дела, регистрационные карточки, анкеты, различные ведомости и протоколы; документы на освобождение из концлагеря. М., 2013; *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 1. С. 32–37; *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 18–22; *Знак Т.М.* Любовь в концлагере № 1 города Екатеринбурга. Екатеринбург, 2021; *Рубинов М.В.* Становление и развитие советской пенитенциарной системы, 1918–1934 гг. (по материалам Урала): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000; *Потапов М.Г.* Книга в пенитенциарных учреждениях Сибири: 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003; *Усманова Ф.Р.* История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004; *Евсеев И.В.* Формирование и

позволяет выявить региональную специфику становления лагерной системы в Советской России.

Значительным вкладом в современную историографию стал коллективный труд российских историков «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии»²⁷. В центре исследовательского интереса авторов находятся такие вопросы, как советская судебная система (Д.Б. Павлов), большевистские концентрационные лагеря (Г.М. Иванова, И.В. Удовенко), дети в годы Гражданской войны (Т.М. Смирнова), крестьянское повстанческое движение (В.В. Кондрашин) и ряд других, которые позволяют глубже понять проблему становления лагерной системы в Советской России.

Тема советских лагерей по-прежнему интересует зарубежных историков, однако их подходы к данной проблематике изменились. Широкое распространение получил компаративистский подход, который используется для сравнения лагерных систем самых разных стран и хронологических периодов. Лагеря в СССР рассматриваются «не только сквозь призму советского опыта, но и в контексте всемирной истории девятнадцатого и двадцатого столетий»²⁸.

Особую ценность для изучения истории Советской России в годы Гражданской войны имеет 12-й том 20-томного издания Института российской истории РАН «История России», вышедший из печати в 2024 г.²⁹ Непосредственное отношение к проблематике диссертации имеет раздел, посвященный созданию судебной и пенитенциарной системы. Автор раздела В.В. Кондрашин связывает возникновение системы лагерей, во-первых, с упразднением ряда мест заключения царской России, во-вторых, с необходимостью изолирования в условиях Гражданской войны опасных для

развитие исправительно-трудовой системы СССР, 1918–1941 гг. (на примере Южно-Уральского региона): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010, и др.

²⁷ Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018.

²⁸ *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003; *Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст.* СПб., 2020. С. 8.

²⁹ История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. М., 2024.

советской власти лиц³⁰. Кондрашин также отмечает первостепенную роль высшего руководства страны, в частности В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, в создании системы концентрационных лагерей. Большое значение для понимания и раскрытия отдельных сюжетов диссертации имеют разделы, посвященные судьбам крестьянства, интеллигенции и детей в годы войны³¹.

Проведенный историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что тема становления лагерной системы в Советской России, несмотря на наличие обширной литературы по истории лагерей в годы Гражданской войны, остается недостаточно изученной. В частности, до сих пор не исследованы предпосылки формирования лагерной системы, которая была напрямую связана с существовавшей в 1918 году системой лагерей Центропленбежа. Кроме того, в историографии не представлена комплексная картина лагерного социума, его эволюции и повседневной жизни. Также недостаточно изучена трудовая политика, проводимая в лагерях, которая впоследствии легла в основу системы исправительно-трудовых лагерей. Таким образом, на сегодняшний день в историографии отсутствует комплексное исследование советских лагерей периода 1918–1923 годов, которое бы охватывало не только историю становления лагерной системы и лагерного социума, но и показывало предпосылки к формированию системы лагерей в СССР.

Объектом исследования являются лагеря ВЧК–ГПУ и НКВД РСФСР, существовавшие на территории Советской России с лета 1918 г. по осень 1923 г.

Предметом исследования является процесс становления лагерной системы в период 1918–1923 гг., а также производственная деятельность лагерей, состав заключенных, условия их содержания и трудового использования, лагерная повседневность.

В диссертации используются следующие **основные понятия**:

³⁰ Кондрашин В.В. Советская судебная и пенитенциарная системы // История России. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 142.

³¹ Кондрашин В.В., Сухова О.А. Крестьянство в войне // История России. Т. 12. Кн. 2. М. 2024. С. 527–564; Фортунатов В.В. Интеллигенция в войне // История России. Т. 12. Кн. 2. М. 2024. С. 587–612; Смирнова Т.М. Дети в условиях Гражданской войны // История России. Т. 12. Кн. 2. М. 2024. С. 613–625.

Лагерь – комплекс зданий и сооружений, специально оборудованных для содержания под стражей лиц, лишенных свободы по приговору суда или в административном порядке.

Лагерная система – совокупность мест лишения свободы, включавшая концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ, находившиеся в ведении ВЧК–ГПУ и Главного управления принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР, существовавшие на территории РСФСР и других советских республик с 1918 по 1923 г.

Концентрационные лагеря – официальное наименование мест заключения, подведомственных ВЧК–ГПУ, которые создавались и использовались большевистской властью с целью изоляции и содержания под стражей классовых противников, заложников и уголовных преступников. Это наименование использовалось в официальном делопроизводстве до лета 1929 г., когда по решению Политбюро ЦК ВКП (б) было заменено на термин «исправительно-трудовые лагеря».

Лагеря принудительных работ – официальное наименование мест лишения свободы, имевшее классовый карательно-воспитательный оттенок, введено по предложению Ф.Э. Дзержинского в 1919 г. Эти лагеря находились в ведении НКВД РСФСР и существовали в период с 1919 по 1922 г.

Пенитенциарная система – система государственных учреждений, предназначенных для содержания лиц, осужденных судебными органами к лишению свободы либо направленных для отбытия наказания в места заключения по административным решениям. Пенитенциарная система первых лет советской власти включала лагеря, тюрьмы, арестные дома, колонии и др., а также государственные органы и институты, которые контролировали исполнение уголовных и административных наказаний, осуществляли организацию принудительных работ, занимались вопросами реабилитации граждан после освобождения и т.д.

Принудительный труд / принудительные работы – вид наказания, которое заключенные или другие категории граждан отбывали по приговору суда,

находясь в местах лишения свободы, или без содержания под стражей. Принудительные работы могли иметь характер как физического, так и умственного труда.

Лагерная повседневность – поведенческие паттерны заключенных, среди которых главное место занимал принудительный труд, используемый в производственной деятельности лагерей, а также модели взаимоотношений внутри лагерного социума, включая взаимоотношения заключенных с лагерной администрацией, условия содержания и бытования в лагерном пространстве.

Цель диссертации – изучить становление лагерной системы в Советской России в период с 1918 по 1923 г.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **основные задачи**:

- исследовать предпосылки создания лагерей как мест заключения на территории РСФСР;
- определить место лагерей ВЧК–ГПУ и НКВД РСФСР в общей системе пенитенциарных учреждений Советской России;
- проследить трансформацию лагерной системы в зависимости от проводимой большевиками внутренней и внешней политики;
- выявить различные категории и группы заключенных, которые составляли основную массу лагерного социума;
- изучить опыт организации принудительных работ и охарактеризовать основные направления производственной деятельности лагерей;
- проанализировать поведенческие паттерны заключенных в рамках лагерного пространства;
- исследовать межведомственную борьбу и ее влияние на процесс ликвидации лагерной системы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 г. по 1923 г. – именно в эти годы функционировала система лагерей в Советской России.

Территориальными рамки исследования в основном ограничиваются территорией РСФСР, на которую распространялась юрисдикция ВЧК при СНК РСФСР, ГПУ при НКВД РСФСР, а также ГУПР НКВД РСФСР. Всего на территории РСФСР было создано 192 лагеря. Некоторые сюжеты данного исследования затрагивают территории Украинской ССР (УССР), где существовало 29 лагерей и Советской Белоруссии (ССРБ), где функционировал 1 лагерь. Границы советских республик, ввиду изменений внутренней политики, а также в ходе боевых действий Гражданской войны, советско-польской войны и других конфликтов, в рассматриваемый период значительно менялись, поэтому некоторые лагеря в разное время относились к разным республикам. Украинская ССР имела собственное Управление лагерями принудительных работ, подчиненное Отделу принудительных работ и Главному управлению общественных работ и повинностей при НКВД УССР, действия этих структур координировались в Москве. На территории ССРБ, а затем БССР в рассматриваемый период лагерь принудительных работ подчинялся ГУПР НКВД РСФСР.

Теоретико-методологические основы работы. Исследование велось в соответствии с конституционным принципом сохранения исторической правды и основано на общих принципах исторического объективизма, системного подхода в работе с источниками и научной литературой. Принцип историзма позволил рассмотреть становление лагерной системы в динамике, а также выявить предпосылки к формированию системы лагерей в СССР. Принцип научной объективности обеспечивался посредством критического анализа исторических источников.

В настоящем исследовании реализован междисциплинарный подход в рамках новой политической истории, где внутренняя и внешняя политика понимаются как взаимодействие практик, которые формируют не только социальную среду государства в целом, но и культурные и политические позиции

конкретного индивида³². Политические практики, под которыми понимаются главным образом государственные институты, а также идеология и ритуалы власти являлись прямыми участниками формирования как общественных систем, так и социальных экспериментов, к которым относились лагеря. Кроме того, неинституциональный подход новой политической истории, позволяет посмотреть на историю лагерной системы более широко, раздвинув хронологические рамки³³, разобрать предысторию данного вопроса, которая лежит в череде военных конфликтов первых двух десятилетий XX века. При таком подходе становится очевидной преемственность лагерных институций Российской империи и лагерей советского периода. Теория непрерывности российской истории С. Коткина³⁴ от империи к Советам позволяет более широко и объективно проследить становление общества модерна в России, в том числе через эволюцию нарративов власти, которые влияли как на политическую повседневность в стране в целом, так и на карательный аппарат в частности.

Историко-сравнительный подход в диссертации используется для выявления общих и специфических черт лагерных систем разных стран и сторон в военных конфликтах начала XX века, а также сравнения различных элементов пенитенциарных систем, таких как лагерь и тюрьма, позволяет более объективно взглянуть на историю советских лагерей в изучаемый период. Кроме того, история лагерной системы исследуется в рамках концепции мобилизационного общества³⁵. Данный подход дает возможность рассмотреть лагерное население как один из ресурсов советской власти по проведению мобилизационной политики в стране в военной сфере и экономике.

³² Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 7–17.

³³ Большакова О.В. Новая политическая история России: современная зарубежная историография: аналитический обзор. М., 2006. С. 11.

³⁴ Kotkin St. 1991 and the Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // The Journal of Modern History. Chicago, 1998. Vol.70, № 3. P. 398.

³⁵ Фомотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993; Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003.

Методология исторического институционализма³⁶, позволяет, в частности, подробно изучить процесс трансформации государственных и социальных институтов, особенно на раннем этапе формирования советской государственности, то есть в те годы, когда была заложена советская «историческая колея», имевшая долгосрочные перспективы в развитии государственных институтов и советского общества. Советские институты власти, в особенности те из них, которые осуществляли карательную политику, характеризовались гибкостью и неформальными подходами, через которые выкристаллизовывалось советское законодательство, определявшее траекторию «исторической колеи» советского государства и развития общества. Институциональный выбор советской власти в пользу развития института лагерей в начале 1920-х гг., сделанный в атмосфере соперничества идеологий³⁷, сыграл роль исторической развилки в развитии всей системы мест заключения в Советской России.

Поскольку диссертация посвящена становлению лагерной системы как одного из институтов власти в лице Главного управления принудительных работ НКВД РСФСР, метод исторического институционализма, в частности концепция Д. Норта о влиянии государственных институтов на экономическое развитие и обогащение страны³⁸, помогает проследить эволюцию лагерей как специфического государственного института, непосредственно связанного с экономикой страны в условиях военного коммунизма и нэпа.

Динамичные институциональные изменения, проходившие в стране в послереволюционный период, оказывали непосредственное влияние на поведенческие паттерны всех слоев общества. Разрушение старых и создание новых социальных связей, формирование которых пришлось на период 1917–1923 гг., особенно ярко проявлялось в пространстве советских лагерей, которые

³⁶ *Steinmo S.* Historical institutionalism // *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective.* New York, 2008. P. 118–138.

³⁷ *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010. С. 29.

³⁸ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

были населены в том числе представителями «прошлой России» и являлись, согласно методологии М. Фуко, ярким примером девиационной и кризисной гетеротопии³⁹, противопоставляясь главному завоеванию революции — пространству свободного общества. Лагеря вмещали в себя носителей отживших социальных установок и практик, объединенных в систему прочных приобретённых предрасположенностей, которые были чужды модернизированному революционному социуму. Один из принципов гетеротопии, по Фуко, подразумевает замкнутость пространства, которому помимо изоляционной функции присущи собственные обряды и ритуалы, что наделяет лагерь особыми индивидуальными качествами, несвойственными другим категориям мест лишения свободы.

В свою очередь, сообщества и группы, населяющие лагеря, являются предметом социальной истории, в частности истории повседневности. Немецкий историк А. Людтке рассматривал в качестве главного актора истории человека и его взаимодействие с миром и действительностью посредством набора социальных практик, наделяющих его, в конечном счете, рядом качеств⁴⁰. На необходимость изучения социальных факторов мотивации и стимулирования труда обращали внимание С.В. Журавлев и М.Ю. Мухин, справедливо отмечая, что оценить действенность разных форм мотивации без знания комплекса социальных факторов невозможно⁴¹. Данный подход имеет большое значение при анализе труда заключенных лагерей.

Концепцию советской повседневности в условиях ускоренной модернизации страны разработал И.Б. Орлов, который справедливо указывал на невозможность понять советскую повседневность только лишь из общественных норм общежития и бытового поведения. Для целостной картины следует рассматривать взаимосвязь поведенческих норм власти и общества, которые

³⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М., 2006. С. 198–202.

⁴⁰ Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.

⁴¹ Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. С. 10.

работали не только сверху вниз, но и в обратном направлении⁴². Данные связи хорошо просматриваются на примере лагерной системы в первые годы советской власти, когда именно лагерный социум оказывал существенное влияние на характер выстраиваемых взаимоотношений.

Таким образом, сочетание разных подходов и методов и их применение на разных предметных полях: политической системы, государственных институтов и лагерного социума позволило провести комплексное исследование заявленной темы, проанализировать становление и эволюцию лагерной системы, а также изучить социальный состав лагерного населения и его основные поведенческие паттерны.

Источниковая база исследования. При подготовке данного диссертационного исследования были использованы источники различных видовых категорий.

Фундаментальной опорой работы является группа источников, включающая **законодательные и распорядительные акты**, которые оказывали влияние на развитие пенитенциарной системы страны. В их число входят законы, постановления, декреты и кодексы, принятые высшими органами власти: Советом народных комиссаров РСФСР (СНК), Всероссийским центральным исполнительным комитетом РСФСР (ВЦИК). Ключевые законодательные акты по теме диссертации опубликованы в полном научном издании декретов и постановлений высших органов РСФСР 1917–1921 гг. «Декреты Советской власти».

Вторая группа источников содержит **актовые и нормативные документы** советских ведомств: Наркомата внутренних дел РСФСР (НКВД), Наркомата юстиции (НКЮ), Всероссийской чрезвычайной комиссии при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) и др. Многие из названных источников публиковались в ведомственных изданиях, а также выходили в разные годы в

⁴² Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

тематических сборниках документов⁴³, отдельные нормативно-правовые документы хранятся в фондах государственных архивов.

Основным массивом источников, использованных в диссертации, являются **делопроизводственные документы** различных государственных учреждений, хранящиеся в государственных архивах. В первую очередь это нормативные и делопроизводственные документы их фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Наибольшую ценность для раскрытия темы представляют документы из фондов Р-393 (Наркомат внутренних дел РСФСР) и Р-4042 (Главное управление мест заключения НКВД РСФСР).

Из фонда Р-393 использовались главным образом документы Главного управления принудительных работ НКВД РСФСР, вошедшие в опись 89. Данная опись насчитывает свыше 300 дел, которые потребовали тщательного изучения, так как являются основополагающими документами, раскрывающими историю лагерной системы в первые годы советской власти. Документы из описи 89 полностью посвящены деятельности ГУПР в период 1919–1922 гг. и дают представление как о структуре и развитии самого ведомства, так и о подведомственных ему лагерях. В частности, здесь представлены постановления ГУПР и приказы НКВД, отчеты и доклады комендантов лагерей и начальников региональных подотделов принудительных работ, которые содержат информацию о производственной деятельности лагерей, а также о составе заключенных, условиях их содержания и повседневной жизни. Документы фонда позволяют проследить взаимодействие двух органов – ВЧК и НКВД РСФСР, с деятельностью которых связано становление лагерной системы.

⁴³ Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: (Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья), с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий. М., 1922; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. № 41–60. Отдел первый. М., Б. г.; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. М., 1953; Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.): История законодательства. М., 1959; Красная книга ВЧК. Т. 1, 2. 2-е изд. М., 1990; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007; В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов. Часть II: 1920–1922 гг. М.; Берлин, 2017; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003, и др.

В фонде Р-4042 хранится большой комплекс всевозможных докладов и отчетов, поступавших в Главное управление мест заключения НКВД РСФСР (ГУМЗ) из различных мест заключения. Кроме того, здесь представлены статистические материалы по всем местам заключения, в том числе и по лагерям, что позволило установить приблизительную численность заключенных по годам.

Помимо документов, непосредственно связанных с лагерями ГУПР, фонд содержит архивные дела, освещающие межведомственные отношения главным образом между Наркоматом внутренних дел, Центроэваком и Наркоматом юстиции, взаимоотношение которых нередко имели конфликтный характер. Материалы фонда дают представление о перспективах развития лагерной системы и о причинах ее расформирования в конце 1922 г. Кроме того, документы ГУМЗ хорошо раскрывают вертикально-горизонтальные связи между Москвой и регионами. Эти связи далеко не всегда носили подчиненный характер и оставляли широкие возможности для маневрирования и импровизации в регионах.

С целью выявления взаимосвязи между созданием лагерей ВЧК и существовавшими в стране лагерями для военнопленных Первой мировой войны были изучены материалы фонда ГА РФ Р-3333 (Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) НКВД РСФСР). Центропленбеж (с 1920 г. Центроэвак) был создан 23 апреля 1918 г. при Наркомате по военным делам для организации эвакуации пленных Первой мировой войны. Именно в этом ведомстве сосредоточилось все управление лагерями для военнопленных. Помимо военнопленных, в лагерь Центропленбежа попадали беженцы из приграничных территорий. С лета 1918 г., используя частично лагерь для военнопленных Центропленбежа, ВЧК начала устраивать в Москве и других местах лагерь для изоляции и содержания противников советской власти. 24 мая 1919 г. Центропленбеж был передан в НКВД РСФСР. Актовые документы Центропленбежа из ф. Р-3333 позволяют проследить процесс трансформации лагерной системы от лагерей Первой мировой войны к лагерям ВЧК.

В исследовании также были использованы отдельные документы других фондов ГА РФ: Народного комиссариата юстиции (ф. А-353), Комиссии Совета

труда и обороны СССР по учету и реализации государственных фондов (Р-1726), Совета министров СССР (Р-5446), Верховного Совета СССР (Р-7523) и ЛагереЙ для военнопленных на территории Германии (Р-9488). Материалы названных фондов помогли более подробно раскрыть отдельные сюжеты диссертации, в частности, касающиеся использования труда заключенных лагереЙ.

Помимо делопроизводственной документации различных советских ведомств, в исследовании использовались материалы личных и партийных фондов из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Так, фонд Ф.Э. Дзержинского (ф. 76) содержит деловую переписку руководителя ВЧК и НКВД РСФСР с его заместителями, телеграммы и стенограммы публичных выступлений, в которых можно найти ключевые указания, характеристики и распоряжения, связанные с развитием лагерной системы. Аналогичные материалы были получены в фонде В.И. Ленина (ф. 2). Кроме того, в исследовании использовались документы из фондов И.В. Сталина (ф. 558), Всесоюзного общества старых большевиков (ф. 124), в также материалы Совнаркома РСФСР и Совета рабоче-крестьянской обороны РСФСР (ф. 19). Документы из названных фондов РГАСПИ позволили восстановить биографии отдельных руководителей ГУПР НКВД РСФСР, дали возможность реконструировать и изучить повседневную жизнь в местах заключения.

Существенную часть населения лагереЙ ГУПР НКВД составляли иностранные военнопленные, в частности, военнопленные советско-литовской (1918–1919 гг.) и советско-польской войны (1919–1921 гг.). Поскольку большевики считали данные конфликты частью Гражданской войны, военнопленные прибалтийцы и поляки попадали не в лагереЯ Центропленбежа, а в лагерную систему Главного управления принудительных работ. С учетом этого факта в источниковую базу исследования были включены документы Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б), которое координировало агитационно-пропагандистскую и организационную работу среди польского населения России и на территориях, занятых РККА. Также в качестве источников использованы материалы Польской секции (отдела) Политического управления

Революционного Военного Совета Республики (РВСР ПУР), названная секция занималась делами военнопленных. Часть материалов по истории польских военнопленных на территории советских республик уже опубликована и введена в научный оборот⁴⁴.

Для изучения этой категории заключенных лагерей принудительных работ в диссертации использовались документы РГАСПИ из фондов Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП (б) (Польбюро) (ф. 63) и Временного революционного комитета Польши (Польревком) (ф. 68). Документы данных фондов содержат отчеты Польбюро ЦК РКП о работе среди военнопленных, а также идеологические инструкции ЦК РКП об отношении к военнопленным польской армии.

В исследовании также использованы документы Политического управления РККА (ф. 9) Российского государственного военного архива (РГВА), в которых содержатся сводки и донесения Польотдела ПУРа о лагерях военнопленных поляков.

Отдельной группой источников, которые раскрывают роль ВЧК–ГПУ в создании лагерей на территории Архангельской губернии, является делопроизводственная документация из Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ). Именно лагеря Архангельской губернии стали связующим звеном между лагерной системой первых лет советской власти и Соловецким лагерем особого назначения ОГПУ. В фондах № 1 и № 66 ЦА ФСБ хранятся ценные документы, содержащие сведения о Холмогорском, Пертоминском и Соловецком лагерях. В числе таких документов письма комендантов названных лагерей к руководству ВЧК, переписка Уполномоченного по делам ВЧК в Архангельской губернии с Ф.Э. Дзержинским, приказы ВЧК о создании специальной коллегии по делам заключенных в лагерях, списки заключенных из числа белого офицерства, а также сведения о расстрелах в лагерях.

⁴⁴ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы. М., 2004.

Для выявления региональной специфики в деятельности лагерей были использованы материалы Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО, ф. 66) и Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО, ф. Р-1). Для изучения судеб интеллигенции, оказавшейся в лагерях, использовались документы архива Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 54).

Важной группой источников для изучения состава заключенных лагерей являются документы по истории крестьянских восстаний на территории РСФСР, значительная часть которых опубликована и введена в научный оборот⁴⁵. Особо следует отметить материалы, относящиеся к Тамбовскому восстанию 1920–1921 гг., в ходе подавления которого органы ВЧК создали непосредственно на территории Тамбовской губернии сеть полевых лагерей для крестьян, взятых в качестве заложников⁴⁶. Для освещения темы заложников в тамбовских лагерях были изучены документы из фонда Реввоенсовета Республики (РГВА, ф. 33988), в частности, материалы учетной части подотдела принудительных работ Тамбовской губернии.

Исследование лагерной повседневности, условий жизни и быта заключенных велось преимущественно на основе **источников личного происхождения**, при этом использовались воспоминания не только бывших заключенных, но и жителей городов, где располагались лагеря. В настоящее время в России опубликована большая подборка свидетельств очевидцев и воспоминаний, написанных в разные годы в эмиграции людьми, пережившими красный террор. Эти эго-источники отражают взгляд современников на внутреннюю политику большевиков в конкретных регионах⁴⁷.

⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4-х т. Т. 1: 1918–1922 гг. М., 1998; Сибирская Вандея. 1919–1920: Документы: в 2-х т. Т. 1: 1919–1920. М., 2000; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002.

⁴⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 99.

⁴⁷ Красный террор глазами очевидцев. М., 2010; Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010; Красный террор в Петрограде. М., 2011; Красный террор на Юге России. М., 2013.

Для настоящего исследования особую ценность представляют воспоминания княгини Т.Г. Куракиной⁴⁸, которая сама лично являлась заключенной лагерей и тюрем; П.Е. Мельгуновой-Степановой⁴⁹, чей муж, историк С.П. Мельгунов, был арестован в 1920 г.; бывшего заключенного Бутырской тюрьмы Надеждина⁵⁰ (автор, будучи в эмиграции, пожелал не раскрывать инициалы) и др.

Отдельно следует отметить свидетельства дочери Л.Н. Толстого Александры, директора музея «Ясная поляна», которая была арестована и заключена в лагерь в 1920 г. Эти события нашли подробное освещение в ее дневниковых записях⁵¹. Также по делам арестов музейных сотрудников в Москве привлекались документы из архивного фонда № 54 Государственного исторического музея, где содержится переписка Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса с Особым отделом ВЧК по поводу судьбы репрессированных деятелей культуры.

В диссертации использовались также воспоминания простых горожан, в частности москвичей, в чьих дневниках и мемуарах описана повседневная жизнь городов, в пространство которых были вписаны лагеря времен Гражданской войны. Многие авторы и очевидцы сами напрямую сталкивались с проводимой большевиками внутренней политикой, затронувшей в большей степени круги интеллигенции и бывшей аристократии того времени⁵².

Особое внимание привлекают дневники москвича Н.П. Окунева, который день за днем на протяжении семи лет запечатлевал образ революционной и послереволюционной Москвы и, в частности, превращение древних московских

⁴⁸ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве... С. 175–196.

⁴⁹ Мельгунова-Степанова П.Е. Где не слышно смеха // Красный террор в Москве... С. 9–70.

⁵⁰ Надеждин. Год в Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве... С. 319–346.

⁵¹ Толстая А.Л. Проблески во тьме. М., 1991.

⁵² Астров Н.И. Положение русской интеллигенции в Советской России // Красный террор в Москве... С. 275–277; Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания. М., 2005; Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. М., 2010; Ершова А.А. В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. М., 2017, и др.

православных обитателей в лагерь⁵³. Ценным источником по изучению лагерной повседневности являются дневники и записи историка, правоведа И.А. Малиновского. В начале 1920-х годов он находился в заключении в Ивановском лагере в Москве и оставил подробное описание внутреннего лагерного пространства, жизни и быта заключенных⁵⁴.

В воспоминаниях бывших белых офицеров Ю.Д. Безсонова⁵⁵ и С.А. Мальсагова⁵⁶, совершивших в 1925 г. побег из Соловецкого лагеря особого назначения, описаны условия жизни и быта заключенных в лагерях Севера. Оба автора прошли через лагерь Архангельской губернии. Оказавшись за границей, они опубликовали свои свидетельства о положении заключенных в северных лагерях. Аналогичные материалы неоднократно публиковались в зарубежной прессе и в современной России⁵⁷, однако их содержание не подвергалось критическому анализу.

Уникальным источником по истории лагерной повседневности периода Гражданской войны являются личные письма и обращения заключенных в Политический Красный Крест (ПКК). Эта общественная организация была образована в 1918 г. с целью помощи политическим заключенным. Ее основателями были Е.П. Пешкова и юрист Н.К. Муравьевым. Названный комплекс документов отложился в ГА РФ в фондах Общества Е.П. Пешковой (ф. Р-8409) и Московского Политического Красного Креста (ф. Р-8419).

Письма в ПКК писали не только политические заключенные из числа членов оппозиционных партий, но и обычные заключенные, а также их родственники, которые разыскивали своих родных, попавших в лагерь и тюрьмы. В письмах зачастую описываются тяготы повседневной жизни в местах

⁵³ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: В 2 кн. Кн. 1, 2. М., 1997.

⁵⁴ Малиновский И.А. Дневник. Москва 1920–1921 г. Ивановский концентрационный лагерь [Электронный ресурс]. Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221920-01-01%22&diaries=%5B1970%5D> (дата обращения: 06.08.2024)

⁵⁵ Безсонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928.

⁵⁶ Мальсагов С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Нальчик, 1996.

⁵⁷ Холмогорский концентрационный лагерь // Красный террор глазами очевидцев. М., 2010. С. 358–363.

заклучения, произвол администрации, невыносимые условия содержания и многие другие аспекты жизни в неволе.

В качестве источника в диссертации использовалась также **периодическая печать**, которая делится на ведомственную печать и общественную. К ведомственной печати относятся издания ВЧК, НКВД РСФСР и НКЮ⁵⁸. К общественной – центральные и региональные издания, выходившие в Советской России и за рубежом⁵⁹.

Обзор источниковой базы показывает, что она репрезентативна и включает в себя комплексы разнотипов источников, что гарантирует достоверность результатов научного исследования. Группы использованных источников являются взаимодополняемыми и позволяют решить поставленные задачи и реализовать цель диссертации – изучить становление лагерной системы в Советской России в период с 1918 по 1923 г.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в историографии:

- на основе репрезентативной источниковой базы комплексно исследован процесс становления и эволюции лагерной системы в Советской России в период с 1918 по 1923 г.;
- выявлена тесная взаимосвязь и преемственность между лагерными структурами Первой мировой войны и лагерями ВЧК;
- показана трансформация лагерей, которые за сравнительно небольшой период времени прошли путь от мест заключения, созданных с целью концентрации и изоляции противников советской власти, до пенитенциарных трудовых учреждений и даже производственных комплексов;

⁵⁸ Красный террор: еженедельник чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Казань, 1918. № 1; Пенитенциарное дело в 1922 году. М., 1923; Тюремное дело в РСФСР в 1921 году: Отчет Народного Комиссариата Юстиции по Центральному Исправительно-Трудовому Отделу, IX-му Всероссийскому Съезду Советов Р., Кр., и К. Д. М., 1921, и др.

⁵⁹ Известия ВЦИК. 1918–1919; Вестник театра. 1920; Воля России. Еженедельник. 1920, и др.

– выявлены и изучены все основные категории лагерного социума, показана специфика каждой конкретной группы заключенных, условия их содержания, перемещения и повседневной жизни внутри лагерного пространства;

– охарактеризованы основные направления производственной деятельности лагерей, раскрыты методы мотивации и стимулирования труда заключенных, выявлены результаты хозяйственной деятельности мест заключения;

– изучена межведомственная борьба за управление местами заключения между НКЮ и НКВД и ее влияние на процесс ликвидации лагерной системы;

– разработана и представлена в виде таблицы полная база данных первых советских лагерей, которая включает историческое описание 222 лагерей, их дислокацию, годы существования, численность и состав заключенных.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий, лекционных курсов, музейных выставок и экспозиций. Материалы диссертации помогут при написании обобщающих трудов по истории русской революции и Гражданской войны. Результаты исследования, в частности база данных лагерей, представлены в виде одного из слоев Интерактивной карты советских лагерей на сайте Музея истории ГУЛАГа⁶⁰.

Основные положения, выносимые на защиту:

– большевистские лагеря, созданные в ходе Гражданской войны с целью изоляции классовых противников, являлись продолжением лагерной традиции, заложенной в Европе в виде концентрационных лагерей для военнопленных Первой мировой войны;

– первоначально советская лагерная система предназначалась для военнопленных Гражданской войны, а также заложников – специфической категории заключенных, которых большевики использовали в качестве инструмента сдерживания и устрашения, и которые служили своеобразным «обменным фондом» между противоборствующими сторонами;

⁶⁰ Карта советских лагерей [Электронный ресурс]. Сайт ГБУК г. Москвы Музей истории ГУЛАГа. Режим доступа: <https://gulagmap.ru/> (дата обращения 15.08.2024).

– создание Главного управления принудительных работ в 1919 г. было обусловлено невозможностью содержания местными органами власти большого количества лагерей, а также передачей всех хозяйственных вопросов в одно центральное ведомство – НКВД РСФСР;

– социальный состав заключенных лагерей первых лет советской власти был обусловлен спецификой Гражданской войны и включал в себя представителей всех классов, слоев населения и социальных групп; в числе заключенных преобладали мужчины, меньшую часть составляли женщины, в отдельных лагерях содержались дети разных возрастов;

– основу лагерного населения составляли бывшие крестьяне, попавшие в лагеря в качестве военнопленных Гражданской войны, участников крестьянских восстаний, а также иностранные военнопленные советско-польской войны и других военных конфликтов;

– принудительный труд в лагерях представлял собой неотъемлемую часть внутренней политики всеобщей трудовой повинности в РСФСР;

– реорганизация лагерной системы ГУПР НКВД РСФСР в конце 1922 г. была обусловлена межведомственной борьбой между НКВД РСФСР, ВЧК и НКЮ;

– главным причинами ликвидации лагерной системы послужили экономическая нецелесообразность использования труда заключенных в условиях нэпа и невозможность добиться самоокупаемости большинства лагерей.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, а также приложения.

Введение включает в себя обоснование актуальности исследования, обзор историографии и источников, определение объекта, предмета, цели и задач работы, территориальных и хронологических рамок исследования, методологии и основных положений, выносимых на защиту. В первой главе рассматриваются вопросы формирования системы лагерей ВЧК в условиях Гражданской войны. Во второй главе анализируются процессы организации и функционирования

Главного управления принудительных работ НКВД, а также рассматриваются основные группы заключенных лагерей принудительных работ в период 1919–1922 гг., их быт, условия содержания и повседневность. В третьей главе анализируется опыт организации принудительного труда и причины ликвидации лагерной системы в условиях нэпа. В заключение сформулированы основные выводы по исследуемой проблеме. В приложении к диссертации представлена база данных лагерей периода 1918–1923 гг.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации успешно прошли апробацию как в научном, так и в практическом плане. Автор выступал с докладами по теме диссертации на международных и всероссийских конференциях, в том числе на Всероссийской научно-практической школе-конференции молодых ученых (Москва, ИРИ РАН, 2018 г.), на Международной научной конференции «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта» (Москва, ИРИ РАН, 2018 г.) и др. О результатах, полученных в ходе исследовательской работы над диссертацией, докладывал на заседании Центра социальной истории России ИРИ РАН (2023 г.). На базе материалов диссертации реализован музейный проект «Визуализация базы данных лагерей в годы Гражданской войны в проекте “Интерактивная карта советских лагерей”» ГБУК г. Москвы «Государственный музей истории ГУЛАГа» (<https://gulagmap.ru/>).

Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, в том числе в 4-х изданиях, рекомендованных ВАК.

Глава 1. Формирование советской лагерной системы

1.1. Влияние и преемственность лагерного опыта Первой мировой войны

В начале XX в. Российская империя имела довольно развитую систему мест заключения, при этом занимала одно из последних мест в мире по числу заключенных. Начиная с 1900 г. в Российской империи ежегодно к лишению свободы осуждались от 100 тыс. до 200 тыс. человек⁶¹, а относительное количество заключенных составляло приблизительно 60 человек на 100 тыс. населения страны. Средний срок заключения в этот период составлял 2 месяца⁶².

До Февральской революции большинство мест лишения свободы в Российской империи находились в ведении Главного тюремного управления (ГТУ), входившего в состав Министерства юстиции. В систему мест заключения ГТУ входили губернские, уездные и областные тюрьмы, каторжные тюрьмы, а также исправительно-арестантские отделения. К наиболее тяжелым уголовным наказаниям в России относились каторга и ссылка⁶³.

С момента вступления России в Первую мировую войну на территории империи, в ее Европейской части, начинают появляться первые лагеря для военнопленных. Надо сказать, что лагеря, как пространства концентрации с целью изоляции большого количества людей, были известны еще в XIX в.

Появление лагерей связано с изменением характера и способа ведения войн начиная со 2-й половины XIX в., который к началу XX в. приобрел тотальный характер. На этом фоне лагеря появляются как способ интернирования большого количества военнопленных. Особенно широко лагерный способ интернирования начинает применяться во время колониальных кампаний европейских держав в конце XIX — начале XX в. по отношению к местному населению: война за независимость Кубы от Испании (1895–1898 гг.), Англо-бурская война в южной

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р–7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 11.

⁶² Человек и тюрьма. Сборник информационных материалов. М., 1999. С. 14.

⁶³ *Иванова Г.М.* Эволюция и слом российской пенитенциарной системы и создание первых лагерей советской власти. 1917–1922 гг. // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады 6-го историко-архивного форума, посвященного 100-летию революции 1917 г. в России, Самара, 18–20 апреля 2017 года. Самара, 2017. С. 32.

части Африки (1899–1902 гг.), немецкий геноцид африканских племен в Намибии (1904–1908 гг.) и др. Вся будущая мировая система лагерей вырастет из института концентрационных лагерей для военнопленных. По мнению исследователей лагерных структур Ж. Котека и П. Ригуло, лагеря активно использовались многими правительствами на всех континентах в целях обезличивания массы заключенных, тем самым лагерное заключение противопоставлялось тюремному, где каждый заключенный имел «тенденцию к индивидуализации»⁶⁴.

После второй Гаагской конференции 1907 г. и принятия на ней «Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны», лагерь как место удерживания пленных впервые получил международное юридическое обоснование: «Военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключение может быть применено к ним лишь как необходимая мера безопасности и исключительно пока существуют обстоятельства, вызывающие эту меру». Далее в Конвенции давалось немаловажное пояснение: «Государство может привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям... Работы, производимые для государства, оплачиваются по расчету цен, существующему для чинов местной армии, за исполнение тех же работ, а если такого расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам»⁶⁵. Данную конвенцию в 1907 г. приняли все страны-участники конференции, в том числе и Россия.

В полной мере лагеря стали создаваться практически всеми сторонами конфликта во время Первой мировой войны. Массовое и повсеместное

⁶⁴ Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 13.

⁶⁵ Международный комитет Красного Креста (МККК), Гаагская конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны и Приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 г. [Электронный ресурс]. UNHCR «Агентство ООН по делам беженцев». Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/legal/intinstrument/icrc/1907/ru/31788> (дата обращения 15.08.2024).

использование лагерей для организации огромного числа военнопленных (согласно современным подсчетам историков, за время Первой мировой войны в плену с разных сторон побывало около 9 млн человек⁶⁶) побудило впоследствии европейские державы выработать международную «Конвенцию об обращении с военнопленными», принятую в 1929 г. в Женеве. Именно эта Конвенция была призвана регулировать обращение с военнопленными во Второй мировой войне. Одним из ключевых пунктов этого документа стала часть «О содержании в плену», где подробнейшим образом было расписано устройство лагеря для военнопленных, требования к помещениям, рацион питания, медосмотр, содержание пленных и т.д.

Традиционно в исторической публицистике создание первых концентрационных лагерей в Европе приписывают Австро-Венгрии, которая уже в первые дни войны в 1914 г. создала на своей территории первые лагеря: Талергоф в Австрии и Терезиенштадт в Чехии. Австрийские лагеря предназначались для депортированных русинов из Галиции и Буковины, которые политически симпатизировали Российской империи. Начиная с 1915 г. к созданию сети лагерей на приграничных территориях, а также на захваченных территориях Царства Польского приступает Германия. В этих лагерях содержатся пленные армий Антанты, преимущественно военнопленные Русской императорской армии. О нечеловеческих условиях содержания русских солдат в немецком плену свидетельствуют как многие архивные документы⁶⁷, так и личные воспоминания, например, таких видных литераторов того времени, как Эрих Мария Ремарк, который подробно описал в своем автобиографичном романе «На западном фронте без перемен» встречу с русскими военнопленными в одном из немецких концентрационных лагерей⁶⁸.

Лагеря Первой мировой войны были хорошо известны среди русской эмиграции, в частности, лидерам революционного движения. Всю важность

⁶⁶ *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 143.

⁶⁷ *Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг.* М., 1942.

⁶⁸ *Ремарк Э.М.* На Западном фронте без перемен. М., 2007. С. 208–211.

агитаторского дела среди пленных осознавал еще до Октябрьского переворота В.И. Ленин. В своем письме к И.Ф. Арманд из Цюриха 30 января 1917 г. он пишет о чрезвычайной роли ведения пропаганды в лагерях на примере пленных Первой мировой войны: «У нас было недавно двое бежавших пленных <...> Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать. Пробыл год в немецком плену (вообще там тьма ужасов) в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за “самостийность” (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год — срок большой. Условия для галицийской пропаганды — архиблагоприятные <...> Насчет царя и бога все-де 27 000 вполне покончили, насчет крупных помещиков тоже. Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»⁶⁹.

С концентрационными лагерями был также хорошо знаком Л.Д. Троцкий, который сам побывал в лагере, возвращаясь в Россию весной 1917 г. на теплоходе через канадский порт Галифакс. В Канаде Троцкий был задержан британскими властями и направлен в лагерь, где содержался менее одного месяца до 30 апреля 1917 г. Сам Троцкий писал о своем заключении в лагере следующее: «Только на другой день утром комендант лагеря полковник Моррис в ответ на наши непрерывные домогательства и протесты официально изложил нам причины нашего ареста: “Вы опасны для нынешнего русского правительства” <...> Военный лагерь "Amherst" помещался в старом, до последней степени запущенном здании чугунолитейного завода, отнятого у собственника-немца. Нары для спанья расположены были в три ряда вверх и в два ряда вглубь с каждой стороны помещения. В этих условиях нас жило 800 человек. Не трудно себе представить, какая атмосфера царила в этой спальне по ночам. Люди безнадежно толпились в проходах, толкали друг друга локтями, ложились,

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. М., 1964. С. 377.

вставали, играли в карты или в шахматы»⁷⁰. Арест Троцкого вызвал скандал в мировой прессе. В поддержку Троцкого выступили А.Ф. Керенский, В.И. Ленин, П.Н. Миллюков и др.

Таким образом, оба будущих лидера Октябрьского переворота были хорошо осведомлены о системе лагерей Первой мировой войны, и именно за Лениным и Троцким оставалось политическое решение о создании собственной системы концентрационных лагерей на территории России. Немаловажным обстоятельством в принятии этого решения послужил тот факт, что Троцкий был задержан британскими властями без предъявления каких-либо обвинений (за исключением устного объяснения коменданта лагеря) и соответствующих судебных решений, то есть в административном порядке. И именно такой порядок заключения в лагерь будет воспроизведен в 1918–1919 гг. уже большевиками по отношению к заложникам и противникам советской власти.

Первые пленные в России появились уже осенью 1914 г., когда в результате Галицийской битвы в плен к русским сдались порядка 100 тыс. австрийских солдат. Всего, по разным оценкам, за годы войны русским удалось взять в плен порядка 2,5–3 млн военнопленных вражеских армий. В октябре 1914 г. Россия приняла «Положение о военнопленных», которое вводило еще более гуманные принципы обращения с пленными в сравнении с Гаагской конвенцией⁷¹.

Долгое время считалось, что первые лагеря для военнопленных в России начали появляться только с 1915 года в индустриальных и промышленных районах империи (Донбасс, Баку, Европейский Север), но современные архивные данные свидетельствуют, что лагеря существовали уже в 1914 г. Так, согласно переписке ВЧК с комендатурой московского Кожуховского лагеря принудительных работ за 1919 г., данный лагерь, располагавшийся рядом с Симоновским монастырем у деревни Кожухово (в настоящее время это часть Москвы) был устроен в самом начале войны, возможно, осенью 1914 г., когда в России появились первые австрийские пленные. Согласно этой же переписке,

⁷⁰ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии: В 2 т. Т.1. М., 1990. С. 320–321.

⁷¹ Нахтигаль Р. Военнопленные в России ... С. 148.

через Кожуховский лагерь с 1914 по 1919 г. прошло 1,5 млн военнопленных⁷². Такое огромное число пленных свидетельствует, вероятно, о пересыльном назначении лагеря. Лагерь располагался в непосредственной близости от железнодорожной станции Кожухово Московской окружной железной дороги, по которой эшелоны военнопленных могли поступать на московские вокзалы, откуда пленные отправлялись уже в лагерь постоянного пребывания.

Москва и в последующие годы играла роль распределителя, являясь крупнейшим транспортным узлом с хорошо развитой железнодорожной сетью. Всего за годы Первой мировой на территории Российской империи было образовано около 400 лагерей для военнопленных, которые имели привязку к военным округам. Больше всего лагерей располагалось в Центральной России, в Московском (128) и Казанском (113) военных округах⁷³. Таким образом, к моменту Февральской революции Россия уже имела довольно богатый опыт в устройстве лагерей для военнопленных, сеть которых распространилась практически по всей европейской части империи, а также в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Военнопленные были заняты различного рода физическим трудом, начиная от добычи угля на Донбассе, строительством Мурманской железной дороги и заканчивая уборкой городских улиц. Также военнопленных имели право нанимать частные предприниматели для выполнения различных работ.

Одним из первых юридических актов, изданных Временным правительством после Февральской революции 1917 г., стало распоряжение об амнистии всех политических заключенных. Лицам, осужденным по уголовным статьям, срок сокращался наполовину. Кроме того, перед новым правительством стояла задача глобального пересмотра судопроизводства, уголовного законодательства, сокращения количества тюрем и арестных домов. В области карательной политики огромным достижением, принципиальным для Временного

⁷² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 156. Л. 24.

⁷³ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. С. 87.

правительства, стала отмена каторги как вида наказания. Существенно изменился принцип исполнения наказаний: отменялись оковы, кандалы, арестантские робы, телесные наказания. В результате проведенной амнистии тюрьмы страны опустели, к сентябрю 1917 г. в местах заключения насчитывалось всего 34 083 человека⁷⁴ (согласно другим исследованиям, 36 468 осужденных в 712 местах заключения⁷⁵).

5 марта была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, на которую возлагалась задача ведения допросов видных царских чиновников и генералов. Через неделю в стране была отменена смертная казнь, ликвидированы полиция и жандармерия. В лагерях для военнопленных были полностью отменены принудительные работы⁷⁶. Революционная обстановка в стране полностью дискредитировала старую систему правопорядка. Временное правительство приступило к реформированию пенитенциарной системы, ее руководителей объявили «царскими приспешниками». Однако сил для создания нового централизованного карательного аппарата у Временного правительства не было — не хватало кадров.

В результате Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти большевиков в стране началась глобальная трансформация внутренней политической системы. 26 октября 1917 г., согласно декрету «Об учреждении Совета Народных Комиссаров», были учреждены республиканские наркоматы, в том числе Наркомат внутренних дел (НКВД) и Наркомат юстиции (НКЮ). 7 декабря 1917 г. при СНК была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которую возглавил Ф.Э. Дзержинский. В последующие пять лет именно эти три ведомства – НКВД, НКЮ и ВЧК – определяли всю карательную политику в стране.

⁷⁴ Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. Учебник для правовых вузов и юридических курсов. М., 1934. С. 84.

⁷⁵ Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 11.

⁷⁶ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. С. 278.

Период двух революций характеризовался массовым бегством и частичной репатриацией военнопленных из российских лагерей, чему способствовало полное разложение, а затем и ликвидация Русской императорской армии, осуществлявшей надзор и охрану лагерей. Но все же существенная часть пленных оставалась в России. С 1917 г. на территории страны работали представители Датского и Шведского Красного креста, которые оказывали материальную и медицинскую помощь военнопленным. По данным зарубежных историков, в период с декабря 1917 г. по март 1918 г. из России было репатрировано около полумиллиона военнопленных⁷⁷. Юридически процесс возвращения на родину пленных был оформлен после подписания 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, который предусматривал скорейший обмен военнопленными. Уже весной-летом 1918 г. из Советской России вернулись на родину сотни тысяч австро-венгерских и германских солдат.

Для организации такого массового процесса 23 апреля 1918 г. при Наркомате по военным делам была создана Центральная коллегия по делам пленных и беженцев, сокращенно Центропленбеж⁷⁸, под руководством ближайшего соратника Ф.Э. Дзержинского – И.С. Уншлихта, входившего в состав коллегии НКВД. В ведение Центропленбежа попали все имевшиеся на тот момент в стране концентрационные лагеря. На местах также устраивались региональные коллегии пленбежа, в задачи которых входило: приём, учет, регистрация, оказание помощи прибывшим и прибывающим из вражеских стран русским военнопленным, организация отправки на родину беженцев и иностранных военнопленных и др. В категорию беженцев входили те группы лиц, которые были определены положением закона «Об обеспечении нужд беженцев», принятого 30 августа 1915 г.: «Беженцами признаются лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные

⁷⁷ *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России ... С. 151.

⁷⁸ Декреты Советской власти. Том 2.: 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 165–167.

распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств»⁷⁹.

В результате начавшейся в России Гражданской войны процесс репатриации военнопленных и беженцев затянулся на годы. 7 августа 1918 г. СНК подписал декрет «О российском обществе Красного Креста»⁸⁰, согласно которому РСФСР признавала преемственность с имперской организацией Красного Креста и все существующие международные нормы, включая Гаагскую конвенцию по обращению с военнопленными.

Центропленбеж соединял в себе функцию содержания лагерей, а также функцию управления пленными, в частности, обустройство их быта, устройство их на работы, в том числе по договорам с запрашивающими организациями и т.д. В дальнейшем схожие функции будет иметь соседнее ведомство с Центропленбежем в НКВД РСФСР — Главное управление принудительных работ (ГУПР), которое в свою очередь являлось прообразом будущего ГУЛАГа. Таким образом, лагерная культура в России сохраняла преемственность от лагерей для военнопленных Первой мировой войны до лагерей ВЧК и НКВД РСФСР и далее к исправительно-трудовым лагерям ГУЛАГа.

В феврале 1918 г. под руководством Л.Д. Троцкого начинала формироваться новая Рабоче-крестьянская Красная армия. Большевистское руководство, которое было нацелено на осуществление мировой революции, через Центропленбеж приступило к активной пропаганде среди военнопленных. 26 июня 1918 г. в структуре Центропленбежа появился культурно-просветительский отдел, на который было возложено проведение агитации и пропаганды как среди вернувшихся на родину русских солдат, так и среди находящихся в плену иностранцев.

⁷⁹ Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. 2-е изд., доп. М., 1916. С. 2.

⁸⁰ Постановление № 642 Совета Народных Комиссаров о Российском Обществе Красного Креста. 7 августа 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942 С. 701–702.

В начале 1918 г. правительство предоставляет всем пленным российское гражданство и дает им возможность вступать в ряды Красной армии⁸¹. Во внутреннем делопроизводстве слово «военнопленный» меняется на «иностранный пролетарий»⁸². Лагеря периода Гражданской войны стали одним из инструментов пополнения Красной армии в 1918–1922 гг. Окончательно репатриация военнопленных Первой мировой войны из Советской России закончилась в 1922 г.

Лагеря Центропленбежа пополнялись не только военнопленными, но и беженцами из приграничных территорий. Согласно приказу Центропленбежа от 4 июня 1918 г., «все пленные и беженцы, следующие вне плана или распоряжения Отдела Обмена, кроме гражданских пленных, следующих за свой счет, подлежат задержанию и немедленному водворению в ближайшие концентрационные лагеря»⁸³. Положение беженцев, следовавших по России эшелонами, согласно донесениям комиссаров Центропленбежа, было весьма плачевным: «...при каждой остановке поезда ходили по путям и подбирали объедки, обгладывали валяющиеся кости, облизывали консервные банки...»⁸⁴.

Ситуация с перемещением пленных и беженцев в 1918 г. по территории РСФСР говорила о полной неподготовленности властей к приему и обеспечению такого огромного количества людей. Многие эшелоны неделями курсировали по республике в ожидании, что какой-нибудь город или селение сможет принять беженцев⁸⁵. 18 июня 1918 г. председательствующая комиссия Центропленбежа во главе с Уншлихтом была вынуждена констатировать факт крайнего перенаселения иностранными военнопленными лагерей Москвы и Московской губернии, в частности Калужского и Вяземского лагерей⁸⁶. Ввиду отсутствия продуманных методов и средств единственным выходом из сложившейся

⁸¹ *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России ... С. 152.

⁸² ГА РФ. Ф. Р–3333. Оп. 23. Д. 1. Л. 20.

⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁸⁴ Там же. Оп. 2. Д. 42. Л. 30.

⁸⁵ *Белова И.Б.* Политическое просвещение пленных и беженцев в Советской России в 1918–1919 годах // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 15.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р–3333. Оп. 2. Д. 11. Л. 63.

ситуации была дальнейшая перетасовка групп военнопленных между Москвой и регионами.

Согласно декрету от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации», в отношении беженцев, которые на тот момент не могли «тронуться в путь», Центропленбеж брал все обязательства по устройству быта, включая питание на уровне с тыловым питанием Красной армии, устройство бараков, а также оказание «беженцам всех видов материальной и духовной помощи»⁸⁷. На данный декрет было возложено много надежд, его с воодушевлением встретили беженцы, но в действительности их материальное положение в 1919 г. нисколько не улучшилось, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты Центропленбежа⁸⁸. В результате предпринятых советской властью мер были полностью уничтожены дореволюционные органы помощи беженцам, вместо которых были созданы примитивные эвакуационные пункты, организованные по лагерному типу. В отличие от военнопленных, беженцам отказывали в оптации (выборе гражданства), а также в зачислении в Красную армию. Кроме того, запрещалось самостоятельное движение в сторону мест постоянного проживания под страхом заключения в лагерь. Из общей массы беженцев периода 1918–1922 гг. (более 3,5 млн) лишь около 7,5 % было бесплатно отправлено на родину Центропленбежем⁸⁹.

На протяжении всей Гражданской войны иностранные пленные были инструментом давления РСФСР на другие страны, впрочем, это был обоюдный процесс, и европейские страны также тянули с вывозом российских пленных из-за боязни пополнения Красной армии. Поток многочисленных обоюдных репрессалий, сопровождавших жизнь военнопленных иностранцев в России, применялся в ответ на действия немцев по отношению к русским военнопленным в Германии. По данным Центрэвака (Центральное управление по эвакуации

⁸⁷ Декреты Советской власти. Т. 4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 327–329.

⁸⁸ Белова И.Б. Политическое просвещение пленных и беженцев ... С. 15.

⁸⁹ Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны в Советской России. 1918–1919 гг. // Гуманитарный науки в Сибири. 2014. № 3. С. 36.

населения — преемник Центропленбежа с февраля 1920 г.), в России к концу 1918 г. находилось 2,2 млн пленных австрийских и германских подданных⁹⁰.

Центропленбеж также занимался организацией возвращения в Россию военнопленных из лагерей Четверного союза. Из материалов коллегии следует: «Общее число наших военнопленных в Германии достигается приблизительно 1 300 000 человек, из них 1 000 000 великороссов. Точные цифры следующие: 1 252 265 нижних чинов, 12 402 офицеров и около 10 000 гражданских пленных, среди которых имеются 602 женщины и 170 детей, находящихся также в лагерях»⁹¹. На первоначальном этапе репатриации, после подписания Брест-Литовского мирного договора, Германия отправляла в Россию только тяжелораненых и пожилых военнопленных, а молодые и здоровые пленные оставались в немецких лагерях работать на производствах. Как отмечал в докладной записке атташе по военным делам при посольстве РСФСР в Берлине С.М. Семков, лишь 10–20% русских военнопленных находилось в лагерях, а основная масса была разбросана по предприятиям⁹².

Самый большой поток российских пленных на родину наблюдался после заключения Компьенского перемирия, когда с ноября 1918 г. по январь 1919 г. в Россию вернулось порядка 1 млн пленных⁹³. Массовое возвращение русских пленных из Европы закончилось в феврале 1919 г. в связи с решением Антанты об установлении контроля над вывозом пленных из германских лагерей. В апреле 1919 г. Совет 5 министров иностранных дел Франции, Великобритании, Италии, США и Японии принял решение об отправке военнопленных в те регионы России, которые не контролировала советская власть. Отныне путь на родину для русских пленных лежал только через их согласие служить в Белой армии⁹⁴.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р–3333. Оп. 23. Д. 1. Л. 13.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р–9488. Оп. 1. Д. 47. Л. 31.

⁹² Лазаренко Е.И. Резвакуация военнопленных русской армии Первой мировой войны из иностранных лагерей // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2021. № 3 (72). С. 185.

⁹³ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000. С. 24.

⁹⁴ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919 гг.). Казань, 1971. С. 176.

Многие пленные западных держав, число которых до сих пор не до конца установлено, остались на постоянном проживании в Советской России после 1922 г. Как правило, это были этнические славяне, а также «интернационалисты». Основной принцип царского правительства — деление и группирование пленных по национальностям — впоследствии был в полной мере применен в лагерях периода Гражданской войны. «Германские пленные направляются во Псков, Австрийские на Оршу», – говорилось в приказе Центропленбежа от 4 июня 1918 г.⁹⁵

24 мая 1919 г. Центропленбеж был передан в НКВД РСФСР, а через полтора года, в декабре 1921 г., все губернские и уездные центры эвакуации населения были ликвидированы. В конце 1922 г. было окончательно упразднено Центральное управление по эвакуации населения⁹⁶. По данным этого ведомства, на 1 января 1921 г. официально Россию покинули 3 572 900 беженцев и 1 409 600 военнопленных, число вернувшихся в РСФСР пленных составило 3 171 100 человек⁹⁷.

1.2. Лагеря ВЧК на начальном этапе советской власти

С лета 1918 г. в освобождавшихся лагерях для военнопленных ВЧК начинает обустривать собственные лагеря, предназначенные для противников советской власти. Именно в это время лагерная система в России получил новый виток развития. В приказе наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого от 8 августа 1918 г. сообщалось: «Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва – Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р–3333. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁹⁶ Щеров И.П. Центропленбеж в России ... С. 49.

⁹⁷ Там же. С. 50.

преступления или приговариваться Военно-революционным трибуналом к другим карам»⁹⁸.

В первые годы советской власти полномочия наркоматов, а также ВЧК не были четко определены. Например, помимо роли исполнительного органа (розыск и поимка преступников), ВЧК имела право на собственное судопроизводство — право на арест, обыск, ведение следствия, и даже право на расстрел, т.е. была фактическим проводником внутренней политики. Юридическое понятие «контрреволюционное действие» было закреплено в УК РСФСР в 1922 г., а до этого времени органы ВЧК–ГПУ официально руководствовались политическими принципами диктатуры пролетариата и самостоятельно определяли причастность того или иного лица к врагам революции. Одной из основ диктатуры пролетариата, которая была законодательно закреплена как принцип построения государства в Конституции РСФСР 1918 г.⁹⁹, являлось скорейшее разрушение существующей политической системы, а также подавление групп населения, поддерживающих эту систему. Ленин ставил принципы диктатуры пролетариата выше любых возможных законов, такая власть могла и должна была поддерживаться непрерывным насилием пролетариата¹⁰⁰. Советская репрессивная политика не была спонтанным экспериментальным явлением — она была частью проводимой внутренней политики советской власти, которая основывалась на идеологии марксистско-ленинского учения о государстве¹⁰¹. ВЧК с момента своего образования была наделена обширными и чрезвычайными полномочиями. Именно ВЧК положила начало внесудебной практике вынесения приговоров, которая будет применять в дальнейшем вплоть до середины 1950-х годов.

⁹⁸ *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция: на военной работе. Материалы и документы по истории Красной армии. Т.1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 232–233.

⁹⁹ Глава 5, статья 9 Конституции РСФСР 1918 г.: Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти.

¹⁰⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. М., 1969. С. 245.

¹⁰¹ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С.93.

На рубеже 1917–1918 гг. все места лишения свободы (за исключением лагерей для военнопленных) в Советской России находились в ведении Наркомата юстиции, при котором существовало Главное управление мест заключения (ГУМЗ). В ведении ГУМЗ находились тюремные инспекции, которые контролировали все места заключения в стране. Поскольку ГУМЗ было прямым наследником Главного тюремного управления (ГТУ) со времен Российской империи, индекс доверия со стороны новой власти к старым тюремным служащим был крайне низок. Вероятно, по этим причинам в апреле 1918 г. Главное управление мест заключения было упразднено, а вместо него был сформирован новый, соответствующий революционному духу, Центральный карательный отдел (ЦКО).

ЦКО предпринял решительную модернизацию мест заключения, основополагающие принципы которой были сформулированы во «Временной инструкции»: 1. Самоокупаемость 2. Перевоспитание заключенных¹⁰². Эти два базовых революционных принципа, которые полностью отсутствовали в дореволюционной России, легли в основу деятельности всей дальнейшей советской пенитенциарной системы. Принцип самоокупаемости мест лишения свободы так или иначе подводил к мысли об использовании труда заключенных. Идея использования принудительного труда заключенных эволюционировала и окончательно приняла юридическую форму в 1929 г. в постановлении СНК СССР «Об использовании труда уголовно-заключенных»¹⁰³. Но основы всей карательной системы в РСФСР были заложены уже в первые годы советской власти.

Принудительный труд и массовые репрессии в качестве важных инструментов государства в условиях революционного вызова признавал ведущий партийный идеолог и экономист Н.И. Бухарин. В работе 1920 г. «Экономика переходного периода» он писал: «Пролетарское принуждение во всех

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 8. Д. 1. Л. 21.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р–5446. Оп. 1. Д. 48. Л. 210–212. Опубликовано: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 58–59.

формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»¹⁰⁴.

С переходом Гражданской войны в активную фазу с лета 1918 г. ЦКО перестало хватать тюремных площадей. Тогда ВЧК пришла к выводу о необходимости использования части лагерных пространств Центропленбежа. Так практика содержания иностранных военнопленных в лагерях стала постепенно вытесняться новой реальностью — содержанием в лагерях пленных Гражданской войны¹⁰⁵. На скорейшей организации концентрационных лагерей для попов, кулаков и белогвардейцев настаивал Ленин в августе 1918 г.¹⁰⁶ Таким образом, с лета 1918 г. на территории РСФСР начинает формироваться сеть лагерей ВЧК.

Помимо уже существующих лагерей в Западной Сибири, губернские ЧК создавали свои лагеря на территориях, освобожденных от белогвардейских войск. Исследователь Севастопольского лагеря И.В. Островская отдает первенство создания советских концентрационных лагерей Л.Д. Троцкому, связывая это событие с концом мая 1918 г., когда «предполагалось разоружение чехословацкого корпуса»¹⁰⁷. В действительности же приказ наркома по военным делам обязывал военных комиссаров «разоружить чехословаков, а в случае оказания сопротивления отправлять в лагеря для военнопленных»¹⁰⁸. То есть в приказе речь шла об использовании уже существующих лагерей для военнопленных времен Первой мировой. Но, вероятно, именно эти события стали первым опытом советской власти по созданию собственных лагерей в период Гражданской войны. В любом случае, можно утверждать, что лагерь как место изоляции противников советской власти использовался большевиками уже с весны-лета 1918 г.

¹⁰⁴ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 168.

¹⁰⁵ Кондрашин В.В. Советская судебная и пенитенциарная системы // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 143.

¹⁰⁶ Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М., 1957. С. 61.

¹⁰⁷ Островская И.В. «Оставить эти концентрационные лагеря для ... господ» // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46.

¹⁰⁸ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Документы и материалы: В 2 т. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М., 2018. С. 153.

Осенью 1918 г. лагеря ВЧК получили официальный статус. 5 сентября 1918 г. вышел декрет СНК «О красном терроре», в котором прямо указывалось: «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях»¹⁰⁹. Наиболее емко о целях и задачах красного террора высказался 9 мая 1920 г. один из его идеологов Ф.Э. Дзержинский в интервью, опубликованном в Известиях ВУЦИК: «признаки [красного – И.У.] террора: это устрашение, аресты и уничтожение врагов революции по принципу их классовой принадлежности»¹¹⁰.

За три дня до официального выхода декрета был издан секретный приказ ВЧК от 2 сентября 1918 г., который объяснял суть использования новой карательной меры: «Арестовать, как заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря, установив самый надежный караул, заставляя этих господ под конвоем работать. При всякой попытке сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул — немедленно расстреливать»¹¹¹.

Основные принципы красного террора выразил член коллегии ВЧК М.Я. Лацис, который писал в еженедельнике ВЧК «Красный террор»: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора»¹¹². Лацис был последовательным сторонником карательной политики ВЧК, считая этот орган передовым отрядом партии. В 1921 г. он написал первый исторический очерк об органах Чрезвычайной комиссии, где прямо указывал: «ЧК — это не следственная коллегия и не суд <...> Это —

¹⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 192. Л. 10. Опубликовано: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 70.

¹¹⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 187.

¹¹¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 14.

¹¹² Красный террор: еженедельник чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Казань. 1918. № 1. С. 2.

боевой орган партии будущего, партии коммунистической <...> Она уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концентрационный лагерь»¹¹³.

Анализируя эволюцию карательного аппарата РСФСР и его правовую подоснову, можно утверждать, что лагеря ВЧК представляли собой феномен Гражданской войны и социальный эксперимент, одновременно являющийся инструментом диктатуры пролетариата, одним из видов классового возмездия. Формулировка приказа ВЧК от 2 сентября 1918 г. «заставляя этих господ под конвоем работать» говорит о физическом труде как о форме принуждения и показательного унижения. В систему лагерей изначально закладывалась трудовая компонента в качестве способа исправления и перевоспитания заключенных. Лагерная система развивалась в направлении от изоляции заключенных (социальной эксклюзии) к их адаптации (социальной инклюзии).

По мнению некоторых исследователей, специфика большевистских лагерей заключалась именно в том, что они являлись частью политики красного террора. Такая позиция позволила авторам книги «Органы и войска МВД России» сформулировать важный вывод о сущности лагерей: «Правовые основы их деятельности были иными, чем обычных мест заключения. Состав контингента лагерей ВЧК–НКВД позволяет сделать вывод о том, что они являлись первыми учреждениями, предназначенными для содержания специфического контингента, и являлись частью принципиально новой системы мест заключения»¹¹⁴. В этой же работе делается предположение о том, что лагеря появились на фоне революционных событий, когда уголовные преступления стали тесно соприкасаться с политическими.

Важно отметить, что в части организации лагерей губернские ЧК получили полную свободу. Для организации лагеря не требовалось согласования с центром, лагеря могли быть организованы по решению местного органа. Население лагерей могло комплектоваться без судебной санкции, в административно-принудительном порядке, о чем свидетельствовали многочисленные

¹¹³ Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 8.

¹¹⁴ Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 344.

постановления: «Отдел Принудительных Работ, рассмотрев составленный комендантом Покровского лагеря протокол допроса гражданина Федора Егоровича Фролова, задержанного 4 сентября заведующим отделом тов. Медведем, нашел, что собственным сознанием Фролов изобличается в том, что в настоящее время никаких определенных занятий не имеет, а потому постановил: Федора Егоровича Фролова за праздничатательство временно заключить в концентрационный лагерь на 3 месяца»¹¹⁵; «за опоздание на спектакль артистка Агрелия оштрафована в размере двухнедельного заработка, а в случае повторения инцидента её дело будет отправлено в коментруд для помещения оной в концентрационный лагерь»¹¹⁶. Таким образом, лагерная система в Советской России на начальном этапе носила стихийный и даже хаотичный характер.

Если политическое решение о создании лагерей для противников советской власти оставалось за Троцким и Лениным, то практическую и теоретическую базу новой пенитенциарной политики сформулировал непосредственно глава ВЧК Ф.Э. Дзержинский. Выступая 17 февраля 1919 г. на 8-м заседании ВЦИК, Дзержинский подвел итог работы ВЧК за прошедшие годы и четко обозначил границы будущей карательной системы: «... Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена <...> Россия желает и имеет силы быть Советской Россией, Россией рабочих и крестьян. Наши внутренние враги, бывшее офицерство, буржуазия и чиновничество царское, разбиты, распылены <...> теперь система борьбы и у наших врагов изменилась, теперь они стараются пролезть в наши советские учреждения <...> И в этом смысле метод борьбы должен быть сейчас совершенно иной <...> Поэтому в проекте, который я от имени фракции вношу на усмотрение ВЦИК, первый пункт гласит: “Право вынесения приговоров по всем делам, возникаемым в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам, причем следствия по всем делам должны быть заканчиваемы не позднее одного

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 386. Л. 66.

¹¹⁶ *Островская И.В.* «Оставить эти концентрационные лагеря ... С. 48.

месяца”»¹¹⁷. Таким образом, Ф.Э. Дзержинский пытался ввести карательную политику в русло законности.

Развитие лагерной системы и использование подневольного труда Дзержинский считал перспективной идеей как в качестве уголовного, так и в качестве административного наказания за определенные проступки. Лагеря в качестве административного способа наказания рассматривались также и Лениным, который в 1919 г. писал: «Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные неприфронтовые, но и не голодные губернии»¹¹⁸. Но лагерь в представлении Дзержинского был уже не просто карательной мерой, а «школой труда» — механизмом строительства нового утопического общества будущего, где однажды принудительный труд, каковым он был, по мнению Дзержинского, в царской России, обязательно станет добровольным.

Необходимо отметить, что на территории России в годы Гражданской войны существовали не только большевистские лагеря. Лагеря для пленных Гражданской войны устраивались на территориях, контролируемых Белой армией и даже войсками иностранной интервенции. Так, например, два самых крупных лагеря, устроенных войсками Антанты, были расположены на острове Мудьюг в устье Северной Двины, недалеко от Архангельска, а также под Мурманском (Йоканьский лагерь). Второй возник вследствие восстания заключенных на Мудьюге, что стало поводом для разгрузки острова от контингента. Всего через лагеря Антанты в Северной области прошло 50 800 заключенных¹¹⁹.

Ответом на действия Антанты на Европейском Севере России стало постановление СНК от 3 июня 1919 г., подписанное Лениным, в котором говорилось: «Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных поданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия, в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концентрационные

¹¹⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 100–105.

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9852. Л. 1.

¹¹⁹ Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 59.

лагеря»¹²⁰. В конце 1920-х годов в Мурманске и Архангельске советское правительство установило памятники жертвам этих двух лагерей Антанты.

Довоенная советская историческая наука посвятила немало трудов исследованию белого террора и, в частности, пенитенциарных систем, существовавших на оккупированных войсками Антанты северных территориях¹²¹. Доказывая, что лагеря Антанты появились в России первыми, советские историки тем самым оправдывали большевистскую политику красного террора. В действительности лагеря Антанты и лагеря ВЧК формировались одновременно. Согласно современным исследованиям, лагерь на о. Мудьюг появился 23 августа 1918 г.¹²², т.е. практически одновременно с первыми заявлениями Ленина и Троцкого о создании большевистских лагерей. Концентрационные лагеря применялись всеми сторонами конфликта в период Гражданской войны как форма приемлемого политического насилия.

Белые командиры в политике содержания и управления лагерями придерживались старых принципов времен Первой мировой, т.е. регистрации и распределения пленных по национальному признаку¹²³. Особенно жесткий режим содержания заключенных пришелся на время прихода к власти в Сибири адмирала А.В. Колчака¹²⁴. Так, один из заключенных колчаковского лагеря в Омске, созданного на территории Западно-Сибирской выставки (открыта в 1911 г.), Ф.А. Березовский, в будущем известный советский писатель, свидетельствовал: «Концентрационный лагерь был обнесен высоким забором, а сверх него еще колючей проволокой. Кроме того, внутри бараков тоже были сделаны перегородки из колючей проволоки. Повсюду была страшная грязь, воздух напоитан невыносимым зловонием. Жажда свежего воздуха была настолько

¹²⁰ Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 56.

¹²¹ Интервенция на Севере в документах. М., 1933.

¹²² Ратьковский И. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021. С. 189.

¹²³ Бразевич С.С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 4. С. 110.

¹²⁴ Талалин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81.

сильна, что у форточек выстраивались очереди заключенных. Вокруг лагеря стояли сторожевые вышки с пулеметами. По ночам лагерь освещался сильными прожекторами; на территорию его выпускались дрессированные собаки. Охрана в лагере помещалась в одном из барачков. День и ночь у дверей каждого барака стояли часовые из белоказачьих отрядов атаманов Красильникова и Анненкова. <...> По ночам из лагеря в фургонах или в открытых повозках навалом вывозились трупы людей, погибших от недоедания и болезней»¹²⁵. Подобное описание белогвардейских лагерей не является единичным, что в целом позволяет утверждать, что уровень содержания заключенных в них был не лучше, чем в большевистских лагерях.

В период Гражданской войны в составе населения лагерей появилась новая социальная группа, ранее не использовавшаяся в условиях военных конфликтов, — заложники, которых активно использовали большевики. Эта категория заключенных стала на начальном этапе существования лагерей одной из двух доминирующих групп населения лагерей в 1918–1919 гг. наравне с военнопленными Гражданской войны. Заложники стали массово попадать в лагеря ВЧК уже с лета 1918 г.¹²⁶ Практика заложничества была обоснована приказом наркома внутренних дел РСФСР Г.И. Петровского от 22 сентября 1918 г. после покушения на Ленина и убийства Урицкого 30 августа 1918 г. В приказе говорилось: «Все известные правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейших попытках сопротивления должен применяться массовый расстрел»¹²⁷.

Директивные указания о взятии заложников относятся к более раннему периоду. 11 августа 1918 г. в телеграмме за подписью В.И. Ленина, наркома продовольствия А.Д. Цюрупы и члена Высшего военного совета РСФСР Э.М. Склианского к председателю Пензенского губисполкома говорилось: «По

¹²⁵ Цит. по: *Палашенков А.Ф.* Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. С. 110–111.

¹²⁶ *Мозохин О.Б.* ВЧК // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 84.

¹²⁷ Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11.

каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или ссыпные пункты и сдать властям все, дочиста, излишки хлеба в волости. Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок исполнение наложенной контрибуции»¹²⁸.

Институт заложничества вводился как вынужденная мера советской власти, направленная против различных групп населения, так или иначе связанных с сопротивлением и противоборством большевикам. Эта мера вводилась в связи с резким ухудшением положения большевиков в Гражданской войне к середине 1918 г. 2 мая 1918 г. Верховный военный совет Антанты принял решение о начале интервенции в России. На территорию страны вступили солдаты Антанты, США, войска Японии и Германии (в совокупности более 1 млн человек). Началась острая фаза Гражданской войны. Советы теряли территории одну за другой: Русский Север, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Почти три четверти территории бывшей Российской империи находилось под контролем различных антисоветских сил. В Центральной России сложилась критическая ситуация в экономике, угрожающие масштабы приняла спекуляция и уголовный бандитизм, возникла угроза голода. Антибольшевистские силы в тылу усилили подрывную деятельность, направленную на свержение советской власти.

По мнению историка М. Геллера, в первые послереволюционные годы советская власть еще не стеснялась официальной жестокости, объясняя и отпуская свои грехи искупительной революцией¹²⁹. Практика взятия заложников расширилась в последующие годы, в эту категорию стали попадать члены небольшевистских партий, представители бывшей царской элиты, высших сословий, бывших царских и белых офицеров, а также члены их семей. Наиболее емкую и точную формулировку заложничества как явления дал Ф.Э. Дзержинский в телеграмме своему заместителю И.К. Ксенофонову 26 июня

¹²⁸ Кондрашин В.В. Советская судебная и пенитенциарная системы // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 143.

¹²⁹ Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London, 1974. С. 7.

1920 г.: «Понятие “заложник” включает в себе элемент наказания невинных за преступление не пойманных сородичей»¹³⁰.

С.П. Мельгунов относил появление первых заложников советской власти на территории Северного Кавказа к началу сентября 1918 г.: «Напомним хотя бы о гибели ген. Рузского¹³¹, Радко-Дмитриева и других заложников в Пятигорске. Они, в количестве 32, были арестованы в Ессентуках <...> Затем были взяты заложники в Кисловодске (в числе 33) и в других местах. Всего числилось 160 человек, собранных в концентрационном лагере в Пятигорске»¹³². События, описанные Мельгуновым, явились следствием указаний, данных руководителем НКВД РСФСР Г.И. Петровским 3 сентября 1918 г.¹³³ о проведении красного террора.

Взятие заложников происходило по спискам, которые формировались в губернских городских советах и передавались в ГубЧК. Например, осенью 1918 г. в Петрозаводске по спискам были взяты в заложники 47 человек, из которых 12 были расстреляны¹³⁴. Организацией красного террора занимались губернские исполнительные комитеты городских советов. На заседании городского совета Петрозаводска депутаты 5 сентября 1918 г. приняли следующее решение: «Слушали: ...15. “Красный террор” — телеграмма от народного комиссара внутренних дел Петровского с предписанием всем совдепам провести в жизнь красный террор за убийство т.т. Володарского, Урицкого и за покушение на т. Ленина. Тов. Парфёнов предлагает таковое предписание привести в исполнение. Исполнительный комитет единогласно постановил немедленно привести в исполнение предписание комиссара внутренних дел Петровского о красном

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 70. Л. 19.

¹³¹ Генерал Николай Владимирович Рузский, участник Русско-турецкой, Русско-японской и Первой мировой войн, сыграл ключевую роль в отречении императора Николая II, впоследствии был взят большевиками в заложники 11 сентября 1918 г. в Ессентуках и убит сотрудником ЧК Г.А. Атарбековым.

¹³² Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979. С. 25.

¹³³ Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11.

¹³⁴ Пашков А.М. «...Одна только “популярность” врачей не может служить причиной ареста в заложники». «Красный террор» осени 1918 г. в документах Национального архива Республики Карелия // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 812.

терроре. Провести в жизнь в следующем порядке: арестовать всех правых эсеров в г. Петрозаводске, арестовать по несколько представителей буржуазии и офицерства в г. Петрозаводске и держать их под арестом в качестве заложников»¹³⁵.

Красный террор был официальным и публичным явлением. Главные губернские газеты постоянно печатали резолюции исполнительных органов власти, в том числе о количестве арестованных и расстрелянных заложников. Так, в «Известиях Олонецкого губисполкома» от 7 сентября 1918 г. было напечатано объявление Петрозаводского городского совета: «Президиум Исполнительного комитета Петрозаводского Совета рабочих и красноармейских депутатов настоящим извещает граждан города Петрозаводска, что во исполнение телеграммы наркома внутренних дел Петровского Исполнительным комитетом 5-го сентября сего года арестованы некоторые граждане г. Петрозаводска, кои будут расстреляны тотчас же при первой попытке выступления кого-либо против Советской власти или при покушении на того или иного советского работника»¹³⁶.

Списки взятых заложников публиковались повсеместно, что должно было обозначить серьезность намерений советской власти. Приказ о взятии заложников из буржуазии выполнялся губернскими ЧК незамедлительно. Например, в первом номере «Еженедельника ВЧК» от 22 сентября 1918 г. в рубрике «Красный террор» было опубликовано следующее объявление: «Всем гражданам города Торжка и уезда. Наемники капитала направили руку на вождей Российского пролетариата <...> За голову и жизнь одного из наших вождей должны слететь сотни голов буржуазии и всех ее приспешников <...> Новоторжская Чрезвычайная комиссия уведомляет, что ею арестованы и заключены в тюрьму — как заложники —

¹³⁵ Цит. по: Из протокола заседания исполкома Петрозаводского горсовета о красном терроре 5 сент. 1918 г. // Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы: в 3 кн. Кн. 3, 1903–2003. Петрозаводск, 2003. С. 135.

¹³⁶ Цит. по: Пашков А.М. Красный террор в Петрозаводске осенью 1918 года // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1(3). С. 72.

поименованные ниже представители буржуазии и их пособники: правые эсеры и меньшевики»¹³⁷. Далее следовал список из 18 фамилий.

По условиям содержания заложники приравнивались к политическим заключенным. Им не разрешались свидания с родственниками. Неоднократно в ответ на волнения и восстания против местных властей заложников расстреливали. Только за сентябрь 1918 г., по данным Бюро печати НКВД, было расстреляно 2 732 человека, в том числе 733 заложника¹³⁸. 6 ноября 1918 г. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов отменил практику взятия заложников органами ГубЧК, сохранив это право только за ВЧК¹³⁹.

В заложники брали не только ГубЧК, но и руководители белого движения. Известна радиограмма от 13 августа 1918 г., направленная руководством Северной области, оккупированной в тот период Антантой, Совнаркому, о применении репрессий по отношению к арестованным большевикам в случае расстрела чекистами заложников из числа деятелей антибольшевистского движения¹⁴⁰. Данная радиограмма была направлена за три недели до официального постановления СНК о начале красного террора, что, могло побудить советскую власть к ответным мерам. Также известны приказы губернатора Енисейской и части Иркутской губернии генерала С.Н. Розанова от 27 марта 1919 г. о взятии заложников среди населения и их дальнейшем расстреле. Один из авторов работы «Красная книга ВЧК», видный партийный деятель Армении П.М. Макинциан, оправдывал действия советской власти по отношению к заложникам именно политикой белых генералов. По его мнению, «Красный террор представлял собой вынужденную чрезвычайную меру самообороны пролетарского государства, введенную в ответ на белый террор»¹⁴¹.

¹³⁷ Цит. по: Красный террор глазами очевидцев. М., 2010. С. 15.

¹³⁸ *Иванова Г.М.* Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 121.

¹³⁹ *Мозохин О.Б.* ВЧК // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. Культура. М., 2024. С. 85.

¹⁴⁰ *Кубасов А.Л.* Концентрационные лагеря на севере России ... С. 58.

¹⁴¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. 2-е изд. М., 1990. С. 7.

Заложничество применялось большевиками не только по отношению к враждебным советской власти слоям населения, но также к родственникам военспецов, которые служили в Красной армии. Советская власть не верила в лояльность командиров молодой Красной армии, которые еще совсем недавно служили царю. С осени 1918 г. красные командиры в учетных карточках и анкетах были обязаны заполнять данные о своих ближайших родственниках, включая адреса их проживания.

Первым за повсеместное использование групп заложников в качестве психологической меры высказался осенью 1918 г. Л.Д. Троцкий. Он предлагал брать в заложники членов семей перебежчиков как из рядов Красной армии, так и среди гражданского населения. В одном из распоряжений Троцкого говорилось: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жён и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»¹⁴².

Во исполнение распоряжения Троцкого штабы военных округов стали требовать установления семейного положения лиц из числа командного состава. 28 декабря 1918 г. штаб Орловского военного округа выпустил следующий приказ: «По приказанию Председателя Революционного Совета Республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного

¹⁴² Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция: на военной работе. Материалы и документы по истории Красной армии. Т.1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 151.

состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах советской России, и сообщение каждому под личную расписку — его измена и предательство повлечёт арест семьи его, и что, следовательно, он берёт на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи»¹⁴³.

В заложники могли попасть и офицеры Красной армии из числа военных специалистов. Историк А. Ганин приводит цифру в 8 тысяч офицеров военных специалистов, служивших в Красной армии, которые к октябрю 1918 г. оказались в заложниках¹⁴⁴. Заложники-военспецы находились в лагерях весьма непродолжительное время. Через месяц постановлением VI Всероссийского съезда Советов в условиях упрочения рабоче-крестьянской власти была объявлена амнистия, которая также распространилась на военных специалистов, за исключением тех, «задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов»¹⁴⁵. Так, в мае 1919 г. в Москве ВЧК арестовала как заложницу жену генерала В.О. Каппеля, которая вскоре после смерти мужа в 1920 г. была отпущена.

С начала 1919 г. функции ареста членов семей перебежчиков и белого офицерства были переданы от Военного контроля РККА вновь созданному 19 декабря 1918 г. Особому отделу ВЧК.

В категорию заложников могли также попасть бывшие царские офицеры и представители небольшевистских партий, находившиеся в московских тюрьмах. Например, после покушений, совершенных Ф. Каплан на Ленина 30 августа 1918 г. и террориста Соболева на Московский комитет РКП(б) 25 сентября 1919 г., в разряд заложников были переведены многие члены социалистических партий (в первую очередь, эсеров и анархистов), содержавшихся в тюрьмах Москвы. По воспоминаниям бывшего заключенного Бутырской тюрьмы А. Бекренева, в

¹⁴³ Цит. по: *Критский М.* Красная Армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926. С. 270.

¹⁴⁴ *Ганин А.* «Измена и предательство повлечёт арест семьи...» Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // *Родина*. 2010. № 6. С. 71.

¹⁴⁵ Цит. по: *Ганин А.В.* «Измена и предательство повлечёт арест семьи...» ... С. 72.

одной из камер содержался австрийский военнопленный Кароли, которого следователь ВЧК по ошибке идентифицировал как венгерского графа. Через какое-то время Кароли объявили заложником за венгерских коммунистов, ведущих борьбу с румынской оккупацией под руководством Б. Куна¹⁴⁶.

Следующая волна заложников, которых советская власть стала массово отправлять в лагеря, поднялась в середине 1919 г. Активизация деятельности большевиков по взятию заложников была связана с наступлениями армии А.И. Деникина на юге России летом 1919 г., а также с борьбой Прибалтийского ландесвера против большевиков в Латвии. В Москву стали поступать эшелоны с заложниками с Украины, Дона, Кубани, а также из западных регионов России. Отдел принудительных работ НКВД 16 июня 1919 г. в переписке с НКЮ сообщал о 5 000 заложниках из Рижского района¹⁴⁷, направленных в Москву, и рекомендовал для их размещения использовать Ивановский женский монастырь с целью минимизации затрат по охране.

В это же время, 24 июля 1919 г., из Киева в Москву в качестве заложницы была этапирована княгиня Т.Г. Куракина с сыном. Татьяна Георгиевна была одной из самых известных лагерных заключенных этого периода. Она оставила подробные воспоминания о московских лагерях. Куракина приходилась двоюродной сестрой барону П.Н. Врангелю, который на тот момент был командующим Кавказской армией ВСЮР и под руководством которого 30 июня 1919 г. был взят Царицын. Княгиня Т.Г. Куракина вспоминала, как они с сыном стали в одночасье заложниками от буржуазии и были этапированы из Киева в Москву: «Все нервничали в ожидании чего-то; полная неизвестность была невыносима. И тут пронесся зловещий слух, что нас, как заложников, отошлют в Москву. Выстроили нас в ряды и под сильнейшим конвоем повели на Киевскую товарную станцию: сопровождал нас Угаров, для пущего страха стрелявший изредка в воздух из револьвера. Нас было ровно 200 человек заложников, которых

¹⁴⁶ Бекренев А. Штрихи тюремного быта // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 224.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 156. Л. 6.

разместили в товарных вагонах»¹⁴⁸.

Зимой 1920 г., после падения армии А.В. Колчака и роспуска Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, из Сибири и с севера России в Москву стали свозиться другие группы заложников, включая офицеров Белой армии и чиновников. Последняя партия заложников Гражданской войны была доставлена в московские лагеря весной 1920 г. в ходе апрельского контрнаступления П.Н. Врангеля в Крыму на Перекопе.

Московские лагеря не были предназначены для содержания тысяч заложников, включая белое офицерство, поэтому столичные места заключения играли роль транзитного пункта перед отправкой основной массы заключенных в северные лагеря. Именно по причине пересыльного характера московских лагерей Москва стала самым крупным местом сосредоточения заложников со всей России. Бывший московский городской голова при Временном правительстве Н.И. Астров, находясь в 1919 г. на юге России в Ростове-на-Дону, писал, что в Москве сконцентрировано 30 тыс. заложников. «О судьбе их гадать не приходится. Они погибнут, как только армия освобождения [Добровольческая армия А.И. Деникина] будет подходить к Москве. Примеры городов Одессы, Киева, Харькова, зверства, чинимые во всех больших и малых городах — свидетельствуют об этом»¹⁴⁹, — утверждал Астров.

Воспоминания заключенных этого периода описывают случаи расстрела женщин и детей из московских тюрем и лагерей¹⁵⁰. Например, княгиня С.А. Волконская (урожденная графиня Бобринская), которая вернулась из эмиграции в конце 1919 г., узнав, что ее муж находится в тюрьме, в своих воспоминаниях отмечала, что жена генерала-перебежчика Н.Н. Стогова была расстреляна как заложница. «Была тут и жена моряка Д.-Б-го, сидевшего уже больше года и потом, кажется, просидевшего еще столько же, — писала

¹⁴⁸ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 176.

¹⁴⁹ Астров Н.И. Положение русской интеллигенции в Советской России // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 276.

¹⁵⁰ Сидоров Д.В. Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 249–251.

Волконская, — и племянница князя А.Л. Голицына, и жена генерала С-ва, впоследствии расстрелянная большевиками в отместку за смелый побег генерала из тюрьмы, и еще многие другие»¹⁵¹. Следует отметить, что документальных подтверждений этих событий на данный момент не обнаружено. Сам генерал Н.Н. Стогов поступил на службу в Красную армию в январе 1918 г. и входил в состав Всероглавштаба РККА, одновременно сотрудничая с антибольшевистской организацией «Всероссийский национальный центр». В апреле 1919 г. он был арестован ВЧК и содержался сначала в Бутырской тюрьме, а затем в Андрониковском и Ивановском лагерях. Из последнего он сумел совершить побег¹⁵², после чего добрался до Ставки ВСЮР в Таганроге. С мая 1920 г. являлся комендантом Севастополя, отвечал за эвакуацию белых войск из Крыма.

Несмотря на всю серьезность такого положения, многие заложники из южных губерний после окончания активных боевых действий Гражданской войны были отпущены. Княгиня Куракина также в своих воспоминаниях пишет, что заложники в Москве могли быть отпущенными за взятку в миллион совзнаков, если такие деньги заключенный или его родственники могли предоставить. В условиях гиперинфляции в период военного коммунизма до начала денежной реформы 1922-1924 гг. это была относительно небольшая сумма. Исследователь А.В. Ганин отмечает, что, несмотря на довольно жесткие требования Троцкого и ВЧК касательно заложников из семей перебежчиков и не внушавших доверия красных командиров, все же «массовое заложничество членов семьи оставалось лишь декларированной угрозой»¹⁵³.

8 июня 1919 г. Ленин в телеграмме заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э.М. Склянскому решительно настаивал на взятии заложников из числа родственников военных специалистов: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров — ввиду учащения измен.

¹⁵¹ Волконская С.А. Горе побежденным // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 249–251.

¹⁵² Красная книга ВЧК. Т. 2. 2-е изд. М., 1990. С. 407.

¹⁵³ Ганин А.В. «Измена и предательство повлечёт арест семьи...» ... С. 74.

Сговоритесь с Дзержинским»¹⁵⁴. Через неделю, 15 июня 1919 г., на заседании Пленума ЦК РКП(б) председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский выступил с предложением расширить права ВЧК и «распространить расстрелы, как меру наказания, на продавцов кокаина, взломщиков общественных лавок, поджигателей, фальшивомонетчиков, шпионов, предателей, должностных преступников и семьи перешедших на сторону белых»¹⁵⁵.

Много лет спустя в Мексике Троцкий посвятил этим вопросам раздел очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г. вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы — оправдание декрета, как и всей вообще гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»¹⁵⁶. Данное свидетельство еще раз подтверждает, что указания о заключении в лагерь или тюрьму и расстрел заложников носили зачастую формальный характер и не были массовым явлением.

Следующий этап в развитии советской системы заложничества пришелся на декабрь 1919 г., когда ВЧК издала приказ № 208 за подписями Ф.Э. Дзержинского и М.И. Лациса «Об аресте заложников и буржуазных специалистов», в котором впервые давалось определение понятия «заложник». «Заложник — это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется, — разъяснялось в приказе. — Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что

¹⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 343.

¹⁵⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 126.

¹⁵⁶ Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. 1991. М., 1992. С. 220.

противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров. Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учёными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учёт всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»¹⁵⁷.

За 1919 г. ВЧК взяла в заложники 5491 человека¹⁵⁸, что говорит об относительно умеренной репрессивной политике против членов семей военных специалистов. Запустив механизм репрессий, ВЧК так и не приняла решительных шагов по распространению института заложничества, т.к. в действительности такая практика могла спровоцировать ответные шаги со стороны белого движения, где также содержались заложники. Антибольшевистская мемуаристика русской эмиграции описывает частные случаи применения высшей меры наказания для заложников, но это именно отдельные случаи, которые требуют тщательной проверки. Системный же подход в применении расстрела к заложникам так и не был запущен ВЧК, и заложники содержались в тюрьмах и лагерях на территории республики на общих основаниях с другими категориями заключенных.

Итак, с весны–лета 1918 г. на территории республики начали появляться лагеря ВЧК, население которых включало две основные группы заключенных: военнопленные Гражданской войны и заложники. Еще в 1917 г., после принятия Декрета о земле, была отменена земельная частная собственность, а также

¹⁵⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 148.

¹⁵⁸ Ганин А.В. «Измена и предательство повлечёт арест семьи...» ... С. 74.

начался процесс полного отчуждения церковных земель в пользу государства. В результате по всей стране бывшие монастырские территории опустели и стали использоваться по усмотрению местных властей, в том числе и под устройство в них лагерей.

Одним из первых мест, где появились лагеря ВЧК, стала Москва, которая с 1914 г. использовалась как транспортный узел для распределения военнопленных Первой мировой войны. Для размещения лагерей ВЧК в Москве были отведены известные московские монастыри: Рождественский, Ивановский, Покровский, Новоспасский и Андрониковский. Разоренные и опустевшие обители очень быстро были перепрофилированы в места массового заключения.

Монастыри наиболее часто являлись местом устройства первых лагерных территорий. Например, Смоленский лагерь принудительных работ размещался в Авраамиевском монастыре, основанном при сыне Владимира Мономаха Мстиславе Смоленском в 1128 г. Михаило-Архангельский мужской монастырь в Великом Устюге (XIII в.) приспособили под Северо-Двинский лагерь. Екатеринбургский лагерь № 2 (Нижний Тагил) располагался на подворье женского Крестовоздвиженского монастыря. Митрофановский лагерь (Воронежская губерния) перенял имя первого Воронежского епископа Митрофана, которого особенно любил и почитал Петр Великий. Один из первых лагерей обосновался на территории знаменитого московского Андроникова монастыря, основанного в середине XIV в., на кладбище которого были похоронены участники Куликовской битвы, Северной войны 1700–1721 гг., Отечественной войны 1812 г. Новоспасский мужской монастырь в Москве с усыпальницей бояр Романовых был превращен в концентрационный лагерь уже в сентябре 1918 г., о чем сообщалось в одном из прошений наместника монастыря¹⁵⁹.

В ходе подобных «превращений», которые десятками совершались по всей стране, православные монастыри в кратчайшие сроки доводились, по свидетельству современников, «до высшей степени запустения», всё имущество

¹⁵⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 960. Л. 31–31об.

их разворовывалось, помещения приходили в полную негодность. В одном из отчетных докладов за 1919 г. комендант Андрониковского лагеря И. Богомолов писал: «При вступлении моём в обязанность коменданта лагеря, 20 августа 1919 г., лагерь представлял из себя действительно разоренный монастырь, кроме голых стен и нар ничего более не было, отхожие места были разрушены и загрязнены, не было ни водопровода, ни освещения, ни канализации, ни инструментов»¹⁶⁰. Между тем, в лагере содержалось около 400 человек.

На первых порах пространство лагеря было максимально импровизационным. У советской власти, которая вела Гражданскую войну, не было ни средств, ни желания обустроить новые места заключения, поэтому лагеря ВЧК могли размещаться буквально в любом месте, где были жилые помещения и ограда. Сюда подходили и православные монастыри с их кельями, мощными стенами и башнями; усадьбы с флигелями, службами и оградой; бывшие царские казармы, где все уже было устроено для содержания больших групп людей. Например, два лагеря в городе Орле были организованы на территории бывшей каторжной тюрьмы и в здании бывшего дворянского пансиона, которое характеризовалось как «вполне устроенное и приспособленное для зимнего времени»¹⁶¹.

Первые советские лагеря были максимально далеки от сформировавшегося современного образа концентрационного лагеря с рядами колючей проволоки, сторожевыми башнями и бараками для заключенных. Большевистские лагеря периода Гражданской войны создавали свое жилое пространство в пустоте бывшей имперской роскоши, наполняя ее революционной справедливостью. Начальник подотдела череповецких лагерей в 1919 г. восторженно писал о ходе поиска нового места для размещения лагеря: «Буржуазный аппарат царского режима, построенный без участия масс, разрушен, но жизнь требует немедленного строительства нового аппарата, построенного на более менее устойчивом фундаменте, на самосознании масс <...> После долгих поисков

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 87. Л. 6.

¹⁶¹ Там же. Д. 59. Л. 16.

соответствующих помещений для заключенных и удовлетворительной местности по организации земледельческого хозяйства, подотделу удалось найти таковое при станции Суда северной железной дороги, бывшее имение “Межное”»¹⁶². Лагерь представлялся одной из форм торжества советской власти над вековой несправедливостью по отношению к угнетенному населению России, в новой реальности бывшие усадьбы и имения с их угодьями, наконец, попадали в руки трудящихся, пусть и в принудительном порядке.

В концепцию устройства лагерей входил обязательный труд для заключенных, которые сами должны были обустроить помещения для жилья и внешнюю территорию. Надо сказать, что идея принудительного труда предшествовала появлению системы лагерей. Еще в самом начале 1918 г. Ленин в телеграмме к В.А. Антонову-Овсеенко писал: «Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники»¹⁶³. А уже 8 мая 1918 г. Ленин подписал декрет «О взяточничестве», где одним из видов наказания были тяжелые принудительные работы.

В конце 1918 г. в Советской России была введена всеобщая трудовая повинность. С этого момента труд стал обязательным условием социального договора между государством и его гражданами. Принудительный труд для определенных категорий людей рассматривался в контексте общей трудовой политики государства и не представлял собой ничего экстраординарного ни в глазах советской общественности, ни за рубежом. В этот же период принудительный труд активно использовался как в странах Европы, так и в США¹⁶⁴. Кроме того, после отмены в 1917 г. Временным правительством наказания в виде каторги в отдаленных регионах, советские лагеря выглядели

¹⁶² Там же. Л. 26-27.

¹⁶³ Цит. по: *Геллер М.* Концентрационный мир и советская литература. London, 1974. С. 24.

¹⁶⁴ В 1920-е годы в ряде развитых европейских стран, в частности в Англии, существовали работные и дисциплинарные дома, использующие подневольный труд низших слоев населения. В это же время в США труд заключенных на арендной основе использовался на крупных индустриальных объектах: строительстве железных дорог, каменоломнях и др. В Российской империи до революции 1917 г. также были распространены дома трудолюбия и работные дома для неимущих, бродяг и беспризорников.

более либеральной пенитенциарной системой. Принудительный труд первой трети XX века в общемировом контексте носил институциональный характер и был широко распространен в самых разных формах.

В 1919 г. под эгидой Лиги Наций была образована Международная организация труда (МОТ), призванная регулировать трудовые отношения, в первую очередь в Европе, с целью недопущения революционных настроений внутри общества по большевистскому сценарию. В 1930 г. МОТ приняла конвенцию о постепенной отмене принудительного и обязательного труда. Этот документ впервые на международном уровне поставил под сомнение легитимность использования принудительного труда. В разных странах, которые ратифицировали эту конвенцию, процесс сворачивания подобных институтов значительно растянулся во времени. СССР ратифицировал эту конвенцию только в 1956 г.

Лагеря в послереволюционные годы являлись одним из инструментов проводимой советской властью трудовой политики. Согласно принятому в декабре 1918 г. Кодексу законов о труде, граждане не занятые общественно полезным трудом, привлекались местными Советами к общественным работам в принудительном порядке. В феврале 1920 г. при Совете рабочей и крестьянской обороны был образован Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд), председателем которого являлся Ф.Э. Дзержинский. Помимо задач по проведению трудовой политики, Главкомтруд осуществлял борьбу с трудовым дезертирством и определял категории людей, подлежащих заключению в лагеря на принудительные работы. Так, в постановлении Главкомтруда от 7 апреля 1920 г. заключению в концентрационный лагерь подлежали лица с уголовным прошлым, укрывающиеся от трудовой повинности, живущие на нетрудовые доходы, не имеющие определенных занятий, рабочие и служащие, нарушающие кодекс о труде и др.¹⁶⁵

¹⁶⁵ Кондрашин В.В. Советская судебная и пенитенциарная системы // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 146.

Разница между всеобщей трудовой повинностью, введенной 10 декабря 1918 г., и принудительным трудом сильно ощущалась людьми умственной работы, но эту грань уже менее остро чувствовали рабочие и крестьяне. Труд заключенных лагерей не был направлен на достижение экономических показателей в отличие от лагерей ГУЛАГа, которым на откуп отдавались целые сегменты советской экономики. Чаще всего труд заключенных концентрационных лагерей носил случайный характер и был обусловлен как возможностями лагеря, так и возможностями подрядчика. Советские лагеря 1918–1922 гг. являлись социальным экспериментом, через который прошли представители всех слоев общества. Его целью было устрашение своих противников, сдерживание и фильтрация населения. Этот эксперимент положил начало формированию пенитенциарной системы нового типа, не имевшей аналогов в мире.

Принудительный труд в годы военного коммунизма приобретал разные формы. Существовали категории граждан, осужденных к принудительным работам без лишения свободы¹⁶⁶, из запасных частей РККА формировались трудовые армии, на принудительных работах использовался контингент исправдомов, труддомов, трудовых дружин и сельскохозяйственных колоний. Но именно лагерная субкультура в России, и позднее в СССР, достигла небывалых масштабов как по количеству вовлеченных в нее людей, так и по территориальному охвату и сложности своего устройства. Социальная лагерная инженерия стала важным инструментом формирования советского общества.

Выводы

Появление лагерной системы в Советской России в 1918 г. было напрямую связано с существовавшими в тот период лагерями для военнопленных Первой мировой войны, находившимися в ведении Центропленбежа. Используя опыт

¹⁶⁶ Ярким примером подобного рода наказания может служить приговор в мае 1920 г. в Омске по отношению к ряду бывших «колчаковских министров» (тех, кого не расстреляли), таких как министр народного просвещения Российского правительства П.И. Преображенский, министр продовольствия и снабжения Н.В. Дмитриев и др. Будучи незаменимыми специалистами в условиях кадрового голода в Сибири, принудительный труд для них обернулся вполне интеллектуальной работой в различных хозяйственных ведомствах Сибревкома.

этих лагерей, ВЧК приступила к созданию собственной системы лагерей для военнопленных Гражданской войны, перебежчиков, заложников и противников советской власти. Политическое решение о создании лагерей принадлежало В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, а его практическое воплощение было возложено на главу ВЧК Ф.Э. Дзержинского. Лагерная форма заключения представляла собой для большевиков быстрый и эффективный способ концентрации и изоляции большого числа своих оппонентов и соответствовала чрезвычайным мерам революционной эпохи. Лагеря обеспечивали потребности «революционной законности» в годы Гражданской войны, балансируя между различными юридическими нормами.

Лагеря не входили в систему мест заключения Наркомата юстиции, и решение об их организации на начальном этапе в 1918 г. оставалось за ВЧК. Изначально в систему лагерей было заложено использование труда заключённых, что должно было обеспечить их самокупаемость. Принудительный труд в лагерях являлся частью проводимой большевиками с 1918 г. политики всеобщей трудовой повинности. Формирование лагерей ВЧК часто носило импровизационный характер. В качестве мест заключения использовались здания и сооружения, которые в связи с революционными событиями и новым законодательством не использовались по назначению. Это могли быть монастыри, усадьбы, казармы, общественные здания и другие объекты.

Одной из наиболее значимых категорий лиц, направляемых в лагеря, стали заложники. Институт заложничества был введён как чрезвычайная мера, связанная с положением большевиков в Гражданской войне. Взятие в заложники осуществлялось по спискам, формируемым региональными властями (губисполкомами), которые затем передавались в ГубЧК. Заложничество применялось советской властью не только к политическим противникам, но и к родственникам лиц, лояльность которых вызывала сомнения. В частности, такая практика распространялась на родственников военных специалистов из Красной армии. К заложникам в лагерях применялись самые строгие меры, вплоть до расстрела.

Глава 2. Система лагерей Главного управления принудительных работ и лагерный социум

2.1. От лагерей ВЧК к лагерям принудительных работ НКВД

Следующий эволюционный виток в развитии советской лагерной системы случился 3 апреля 1919 г., когда по предложению Ф.Э. Дзержинского НКВД РСФСР принял проект постановления ВЦИК «О концентрационных лагерях». После окончательной доработки постановление ВЦИК вышло 15 апреля с формулировкой «О лагерях принудительных работ»¹⁶⁷. В результате система лагерей в России с 1914 по 1919 гг. прошла эволюцию от «концентрации» к «принудительным работам». Советская власть вынесла функцию концентрации людей за скобки, придав лагерям новую сущность, в основе которой лежали труд и наказание посредством труда. Новая лагерная система стала носить ярко выраженный классовый характер, с явными воспитательными элементами, как и полагалось «школам труда» по замыслу Дзержинского. Именно система лагерей принудительного труда, созданных в 1919 г., стала прообразом будущих исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Конечно, все существующие концентрационные лагеря в РСФСР не стали в один миг лагерями принудительных работ. Неразбериха в делопроизводстве продолжалась вплоть до конца 1920-х годов. Иногда, чтобы уж точно не ошибиться, к одному лагерю приписывали сразу два названия, например, «Дело Покровского концентрационного лагеря принудительных работ»¹⁶⁸. Понятие «концентрационный лагерь» встречалось в делопроизводственных документах вплоть до конца 1930-х годов.

Согласно постановлению ВЦИК от 15 апреля 1919 г., лагеря принудительных работ образовывались при Отделах Управления губернских исполнительных комитетов. Организация системы лагерей была доверена члену коллегии ВЧК М.С. Кедрову. Именно Кедров сделал из неупорядоченной

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 6. Л. 15об-16. Опубликовано в: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. М., 2000. С. 14-15.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 38а.

совокупности лагерей, имевшихся к 1919 г., полноценную пенитенциарную систему. Сам Кедров в своей автобиографии в 1920 г. писал: «С 1 января 1919 г. — первый председатель Особого отдела ВЧК (члены Павлуновский и Эйдук) <...> С марта по совместительству член Коллегии НКВД, первый заведующий лагерями принудительных работ Республики»¹⁶⁹. Именно Кедров в 1920 г. стал организатором лагерей на Европейском Севере. Один из них в 1923 г. был преобразован в Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ, который долгие годы оставался единственным лагерем, куда вывозили политических заключенных из крупных городов, в том числе и из Москвы.

17 мая 1919 г. внутри Наркомата внутренних дел был образован Отдел принудительных работ (ОПР), который вскоре реорганизовали и переименовали в Главное управление принудительных работ (ГУПР)¹⁷⁰. 24 мая Центропланбеж был передан из Наркомата по военным делам в НКВД. Отныне все создаваемые лагеря ВЧК должны были переходить в ведение НКВД. Такая межведомственная чехарда объясняется тем, что с весны 1919 г. оба ведомства (ВЧК и НКВД РСФСР) возглавлял один и тот же человек — Ф.Э. Дзержинский. С весны 1919 г. все места заключения в стране делились между тремя ведомствами: Наркоматом юстиции, в ведении которого находился Центральный карательный отдел¹⁷¹ с тюрьмами; ВЧК с собственной системой концентрационных лагерей и НКВД РСФСР с лагерями принудительных работ, предназначенными для политических противников советской власти и классово чуждых элементов.

В годы Гражданской войны в России возникла своеобразное «двоевластие» в системе исполнения наказаний, что создавало ряд проблем для государства. Советская власть стояла перед выбором: передать все места лишения свободы в одно ведомство или оставить их разделенными между несколькими

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852. Л. 4об.

¹⁷⁰ С сентября 1920 г. до февраля 1921 г. ГУПР на время был переименован в Главное управление общественных работ и повинностей (аббревиатура ГУПР использовалась как существительное мужского рода). После этого, управлению было возвращено старое название. Окончательно ГУПР был упразднен 12 октября 1922 г.

¹⁷¹ ЦКО (Центральный карательный отдел) был образован решением НКЮ 9 сентября 1919 г. В октябре 1921 г. ЦКО был преобразован в Центральный исправительно-трудоустройственный отдел (ЦИТО) НКЮ.

государствами структурами. От этого решения зависела дальнейшая стратегия развития исправительной политики. Если НКЮ предлагал традиционный вариант мест заключения, целью которых было изолирование и исправление преступника, то лагерная система ГУПР в своей основе содержала принудительные работы, которые должны были возместить государству убытки и средства, затраченные на содержание заключенных. Перспективность второго подхода казалась очевидной для всего высшего руководства страны.

Между системами мест заключения НКЮ и НКВД не существовало четких границ. К ведению Наркомата юстиции относились тюрьмы, которые так же, как и лагеря, использовались для размещения лиц, обвиняемых в контрреволюционных преступлениях¹⁷². Довольно частым явлением был перевод заключенных из лагеря в тюрьму и наоборот. Как правило, такие группы заключенных состояли из видных бывших царских офицеров, чиновников, представителей духовенства. Бывший заключенный Бутырской тюрьмы Надеждин так описывал подобные перемещения: «Уже с марта 1919 г. в Бутырскую тюрьму начали свозить из Московских лагерей и из других городов видных представителей старого режима и титулованной знати, уцелевших после первой волны массовых расстрелов в сентябре-октябре 1918 года. К лету 1919 года в Бутырках очутились: министр внутренних дел Макаров, командир Отдельного корпуса жандармов Д.Н. Татищев, личный друг Николая II флигель-капитан А.А. Долгорукий <...> В огромном большинстве это были старики, опустившиеся, зачастую потерявшие всякий человеческий облик, обовшивевшие, истощенные и изголодавшиеся люди, буквально валившиеся с ног от слабости и всего перенесенного. Некоторые были прямо отвратительны в своем стремлении отречься от всего, чем они жили и что исповедовали всю жизнь, в поисках благовидного объяснения, почему они служили в жандармах, шпионах, провокаторах, почему они проповедовали антисемитизм или организовывали

¹⁷² В августе 1919 г. московская тюремная система была реорганизована: Бутырская тюрьма была полностью передана МЧК, а в Таганской содержались подследственные Верховного Революционного трибунала.

погромы. Большинство пыталось свалить вину за все это друг на друга или на уже погибших у “стенки” деятелей прежнего времени. Все они горячо ненавидели бывшего “обожаемого монарха”; иные поприличнее просто избегали говорить о своей былой деятельности»¹⁷³.

Изначально тюрьма во всех смыслах была более строгим и тяжелым местом отбывания наказания по сравнению с лагерем¹⁷⁴. Если лагеря принимали в себя все категории заключенных из самых разных слоев населения, то тюремная система была более избирательна. Туда попадали по большей части представители оппозиционных антибольшевистских политических партий и объединений, подозреваемые в заговорах, а также бывшие царские чиновники и представители «титулованной знати отошедшего в вечность режима»¹⁷⁵.

Многие заключенные, в особенности выходцы из среды интеллигенции и аристократии, воспринимали лагерное пространство как некую долю свободы по сравнению с пребыванием в тюремной камере в период следствия или с этапом из одного места заключения в другое. Заключенная Харьковского концентрационного лагеря Александра Алексеевна Ершова так описывала свои ощущения по прибытии в лагерь 21 июля 1920 г.: «Здесь “на этапе” такая же грязь и теснота, но не так стеснительно. Была даже и в церкви, у обедни! А после обеда нас неожиданно привели с этапа в новый, устроенный здесь в каком-то большом красивом здании “концентрационный лагерь”, и, кажется, пока не повезут никуда дальше, а оставят здесь. Я этому очень, очень рада. Можно будет, наконец, отдохнуть, помыться, переодеться»¹⁷⁶.

Образ тюрьмы и образ лагеря в дневниках заключенных того периода представляются совершенно с разных позиций. Если тюрьма — это пространство тревоги, неизвестности и безнадежности, то лагерь — место более открытое и во всех смыслах более свободное, у многих ассоциировался с местом надежды на

¹⁷³ *Надеждин*. Год в Бутырской тюрьме // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 325.

¹⁷⁴ С осени 1920 г. после массового расширения лагерной системы, условия содержания в лагере стали сравнимы, а зачастую и гораздо худшие чем в тюрьме.

¹⁷⁵ *Надеждин*. Год в Бутырской тюрьме ... С. 325.

¹⁷⁶ *Ершова А.А.* В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. М., 2017. С. 48.

свое будущее. К примеру, в дневниках Иоанникия Алексеевича Малиновского, профессора, историка и правоведа, арестованного летом 1920 г., тюрьма ВЧК на Лубянке выглядит следующим образом: «Две небольшие комнатки; вдоль стен нары: в одной на 9 чел, в другой на 6 чел. А всего было 18 чел. Троиц, в том числе и мне, как позже других прибывшему, пришлось спать на полу. Я предполагал провести ночь, сидя на табуретке. И когда товарищ по камере предложил занять место на полу, я сказал: “Одну ночь можно и не спать: завтра меня освободят”. — Завтра? Едва ли. Таких случаев ещё не было в В.Ч.К. Недельку-другую продержат”. Их предположения оправдались <...> Я почти за 3 недели пребывания в тюрьме В.Ч.К. только три раза выходил на воздух»¹⁷⁷. В конце 1920 г. И.А. Малиновский был переведен к Ивановский лагерь в Москве, и образ лагеря, описанный в его дневниках, совершенно отличается от картины тюремного быта: «Сегодня встал в 7 часов утра, по обыкновению оделся и сейчас же пошёл гулять. Рассвет, абсолютная тишина, не слышно городского шума, лишь издали доносится звон колоколов. Я очень люблю эти утренние прогулки. И раньше не раз их делал. Как бы сливаешься с природой и забываешь, что в неволе <...> Хуже всего было мне в подвале ДЧК и в тюрьме ВЧК, когда запрещены были прогулки совершенно, приходилось сидеть в запёртом и охраняемом помещении и не иметь общения не только с людьми, но и с природой. Лучше было в Ростовской тюрьме и ещё лучше здесь, в Ивановском лагере»¹⁷⁸.

Все заключенные тюрем делились на две категории: имевших судебный приговор и тех, по делам которым велось следствие различными органами. Также в тюрьмах содержались люди, приговоренные к высшей мере наказания. Воспоминания заключенных того периода описывают многочисленные случаи, когда расстрел заменялся сроком в лагере.

¹⁷⁷Малиновский И.А. Дневник. Москва 1920–1921 г. Ивановский концентрационный лагерь [Электронный ресурс]. Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221920-01-01%22&diaries=%5B1970%5D> (дата обращения: 06.08.2024)

¹⁷⁸ Там же.

Расстрелы в Советской России активно проводились в период с лета 1918 г. по 17 января 1920 г.¹⁷⁹, т.е. до выхода постановления СНК «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)». Данное решение правительства являлось формальным и было связано с прекращением активных военных действий на фронтах Гражданской войны. Через три месяца смертная казнь была возвращена¹⁸⁰. Постоянная угроза перевода в тюрьму, а также реальный страх перед смертной казнью свидетельствуют о высокой степени экстремальных условий жизни населения лагерей. Страх стал существенной частью лагерной повседневности, обусловленной политикой государственного террора.

В первые послереволюционные годы не существовало четкого разграничения между существовавшими исправительными системами, которые входили в состав конкурирующих между собой ведомств. Разница между тюрьмой и лагерем лежала не в плоскости жизни и быта заключенных или их трудового использования, а в юридических нормах. Заключенные тюрьмы все же имели реальный судебный приговор и срок, в то время как в лагерь попадали люди зачастую в административном порядке.

Это главное отличие тюрем от лагерей подчеркивал 17 февраля 1919 г. в своем выступлении на 8-м заседании ВЦИК глава ВЧК Ф.Э. Дзержинский: «Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно концентрационный лагерь. Уже и сейчас далеко не используется труд арестованных на общественных работах, и вот я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного понуждения, или если мы возьмем советские учреждения, то здесь должна быть применена мера такого наказания за недобросовестное отношение к делу, за

¹⁷⁹ Всего в РСФСР, по официальным данным, опубликованным 6 февраля 1920 г. в Известиях ЦИК, за 1918–1919 гг. было расстреляно 9641 человек, из них 7068 за контрреволюционные преступления. В настоящее время в отечественной исторической науке принятое количество расстрелов органами ВЧК за период 1918–1921 гг. составляет 17,5 тыс. человек. См.: *Мозохин О.Б.* ВЧК. // История России: в 20 т. Т. 12: Кн. 2. С. 87–88.

¹⁸⁰ *Тоскина Г.Н.* Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) // *Lex russica* (Русский закон). 2016. №12. С. 110.

нерадение, за опоздание и т. д. Этой мерой мы сможем подтянуть даже наших собственных работников. Таким образом, предлагается создать школу труда, и по поводу этого предложения существует следующее: “ВЧК предоставляется право заключения в концентрационный лагерь, причем ВЧК руководствуется точным положением о порядке заключения в концентрационный лагерь (инструкция), которое утверждается Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом”»¹⁸¹.

В рассматриваемый период переходным типом между лагерем и тюрьмой являлись лагеря особого назначения, которые располагались в Москве: Андрониковский¹⁸² и Ивановский, «предназначенные для заключения контрреволюционеров, заложников и вообще явных и скрытых противников Советской власти»¹⁸³. Изначально эти два лагеря, появившиеся в Москве в числе первых в 1918 г., предназначались для строгой изоляции преступников по тюремному типу.

До середины 1919 г. лагеря Московской губернии имели различное подчинение, что негативным образом сказывалось на их снабжении и функционировании. 21 мая 1919 г. М. Кедров¹⁸⁴ зачитал доклад перед комиссией НКВД о лагерях принудительных работ в Москве, часть из которых на тот момент находилась в подчинении Центропленбежа. Главным посылом доклада являлось утверждение о полной неспособности Центропленбежа организовать надлежащий караул в лагерях, обеспечить порядок и режим. Вследствие этого комиссия вынесла решение: «подчинить означенные лагеря Центропленбежа отделу принудительных работ в смысле административного использования их с применением к ним общей инструкции»¹⁸⁵. С этого момента все московские лагеря перешли под управление ОПР НКВД РСФСР, при сохранении за

¹⁸¹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. С. 100-105.

¹⁸² В документах того периода использовались названия Андрониковский, Андроньевский.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 287. Л. 348.

¹⁸⁴ Михаил Сергеевич Кедров (1878–1941) – первый руководитель, с апреля по июнь 1919 г., Главного управления принудительных работ НКВД РСФСР. Расстрелян в 1941 г.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 1. Д. 19. Л. 121.

чекистами решающего права организации новых и закрытия действующих лагерей.

Московские лагеря являлись экспериментальной базой в плане управленческой политики. 17 сентября 1919 г. вышло постановление Президиума Московского городского совета о передаче всех московских лагерей в ведение Моссовета¹⁸⁶. Таким образом, Моссовет брал на себя не только финансовые обязательства по снабжению московских лагерей, но и полностью возлагал на себя полномочия по использованию трудового потенциала заключенных. В настоящий момент доподлинно неизвестно, было ли притворено в жизнь решение МСР и КД, но к концу 1919 г. московские лагеря вновь числились за ГУПР.

В целом власть на местах в 1919-1922 гг. играла значительную роль как в проведении репрессивной политики в отношении целых групп населения, так и в трудовом использовании заключенных, а также категорий людей, осужденных к принудительным работам без лишения свободы. Методы социальной защиты и наказания по отношению к определенным гражданам принимались коллективно на заседаниях и городских конференциях местных Губкомов и Советов депутатов. Так, в резолюции 14-й Горконференции в Самаре, опубликованной в местной печати 1 сентября 1920 г., содержался призыв массово отправлять в лагеря лодырей и труддезертиров. В Иваново-Вознесенске такая же мера была принята на Губернском съезде депутатов по отношению к «распродающим продукты мешочникам»¹⁸⁷.

К середине 1919 г. сеть московских лагерей так сильно разрослась, что НКВД был вынужден создать отдельное Московское Управление лагерями принудительных работ, входившее в систему ГУПР. Кроме того, с целью разгрузки московских лагерей начали образовываться лагеря и лагерные командировки в Московской губернии. Москва являлась крупным распределительным пунктом, откуда заключенные направлялись в регионы, в том числе и в Московскую губернию. В 1919 г. в деревнях Владыкино и Кожухово,

¹⁸⁶ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 75. Л. 8.

¹⁸⁷ Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): сборник документов. Ч.2. М., 1929. С. 64.

лежащих вблизи Московской окружной железной дороги, были открыты первые два лагеря, крупнейшие во всей губернии. В это же время в подмосковных городах Сергиев Посад, Орехово-Зуево и в близлежащем г. Покрове Владимирской губернии открылись небольшие лагеря для разгрузки Москвы. С 1921 г. начали функционировать производственные лагеря близ железнодорожных станций Крюково, Лианозово, Перерва, Кудиново и Снегири.

Для регулирования многочисленного потока заключенных Московское управление принудительных работ разработало собственную классификацию лагерного контингента, которая включала в себя 16 пунктов¹⁸⁸. В первые 4 пункта входили группы заложников, содержащиеся до окончания Гражданской войны или особого распоряжения: представители крупной и мелкой буржуазии, а также иностранцы, имеющие крупный капитал и наемных рабочих. Вторую группу заключенных составляли все чиновники бывшего царского аппарата: полиция и жандармерия, кабинет министров и департаментов «и их товарищи», представители судебной системы, офицеры армии и флота, высшего слоя духовенства и др. Эта группа также подлежала содержанию в лагерях до окончания Гражданской войны или особого распоряжения. Остальные пункты включали категории граждан, имевших судебные приговоры и направляемых в лагерь на конкретный срок. В свою очередь, эту группу заключенных можно поделить на две подгруппы: осужденные за «соучастие или сочувствие контрреволюционным или шпионским организациям» на срок от 1 года до 20 лет и осужденные за различные уголовные преступления также на срок от 1 года до 20 лет. Последние два пункта в разработанной классификации выделяли в отдельные категории военнопленных, а также несовершеннолетних до 17 лет.

Таким образом, лагеря использовались советской властью в качестве формы легального революционного насилия, на необходимости которого непрерывно настаивали большевистские вожди, в частности Ленин: «Революционная диктатура есть власть, завоеванная и поддержанная насилием

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 10а. Л. 1-3.

пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»¹⁸⁹. Учитывая разнообразие категорий граждан, которые могли быть арестованы и отправлены в лагеря, а также размытость критериев, по которым осуществлялись аресты, и масштабы операций, проводимых органами НКВД и ВЧК, можно сказать, что в лагеря могло попасть значительное число людей.

Всего в первые годы советской власти непосредственно в Москве (в границах 1917 г.) было образовано 9 концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ, а также один трудовой дом для несовершеннолетних. В Московской губернии было образовано 9 лагерей и 5 сельскохозяйственных трудовых колоний. Во время советско-польской войны (1919–1921 гг.) в Москве для военнопленных поляков были образованы 4 трудовые дружины, организованные по лагерному типу.

Москва занимала одно из первых мест по количеству заключенных, прошедших через лагеря. Например, через Покровский лагерь за 1920 г. прошло порядка 9 тыс. заключенных, хотя единовременное количество не превышало 1100 человек. В это время Покровский лагерь, который располагался рядом с Покровским бульваром в Большом Трехсвятительском переулке, в бывшем особняке Морозовых, предназначался для содержания в нем «хитровцев»¹⁹⁰ – мелкого уголовного элемента, обитателей ночлежек и московских рынков, в первую очередь Хитровского.

Будучи крупным транспортным узлом, Москва принимала большие партии заключенных со всей страны. Архивные документы свидетельствуют о значительном перенаселении московских лагерей уже в 1919 г. К этому времени в столице было образовано 5 лагерей, которые вмещали приблизительно 5 тыс. человек. Для сравнения, в других губерниях число заключенных лагерей редко превышало одну тысячу человек. В отдаленных губерниях и Петрограде не было перенаселённости лагерей, как в Москве. Весной 1920 г. на вопрос Народного комиссариата по военным делам РСФСР о возможности принять военнопленных

¹⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1974. С. 245.

¹⁹⁰ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 878. Л. 9.

член коллегии ВЧК и заведующий Главным управлением принудительных работ Ф.Д. Медведь¹⁹¹ отвечал: «Приблизительно число свободных мест в лагерях: Петроград – 1000, Ярославль – 1000, Кострома – 600, Оренбург Илецкая защита — 600, Тула — 500...»¹⁹².

Высокая степень мобильности и перемещаемости заключенных определяла их жизнь. Перемещение внутри мест заключения становилось важной составляющей их повседневной жизни. Княгиня Куракина в мемуарах описывает, как за один год она сменила три лагеря (Печерский, Кожуховский и Андрониковский) и две тюрьмы (Новинскую и Бутырскую). Высокая степень перемещаемости заключенных объяснялась преимущественно тем, что лагеря были новой формой социальной организации для России. Сотрудникам НКВД приходилось довольно много импровизировать. Заключенных постоянно сортировали с целью придания каждому лагерю конкретного профиля: для иностранцев, для военнопленных, особого назначения, для женщин и т.д.

Более развернуто информация о создании лагерей была изложена в инструкции ВЦИК от 17 мая 1919 г., которая предписывала следующее:

«1. Организация лагерей принудительных работ возлагается на Губернские Чрезвычайные Комиссии, которым жилищный отдел местного Исполнительного Комитета предоставляет соответствующие помещения.

Примечание. В зависимости от местных условий, лагеря принудительных работ могут быть устраиваемы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.

2. По организации лагеря, таковой передается в ведение отдела соответствующего Исполнительного Комитета, с разрешения Отдела Принудительных Работ Народного Комиссариата Внутренних Дел <...>

4. Общее управление всеми лагерями принудительных работ на территории Р.С.Ф.С.Р. принадлежит отделу Народного Комиссариата Внутренних Дел»¹⁹³.

¹⁹¹ Филипп Демьянович Медведь (1899–1937) – второй руководитель, с сентября 1919 г. по февраль 1920 г., Главного управления принудительных работ. Расстрелян в 1937 г.

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 60. Л. 11.

¹⁹³ Известия ВЦИК. 1919. 17 мая. № 105.

Два ведомства – ВЧК и ГУПР НКВД РСФСР – взяли на себя организацию и содержание лагерей соответственно. Перед губернскими чрезвычайными комиссиями ставилась задача открыть во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый. Согласно отчету НКВД РСФСР, всего к концу 1920 г. на территории советских республик существовало 84 лагеря, а уже к середине 1921 г. — 122. Из этого числа на РСФСР приходилось 108 лагерей, распределенных по 43 губерниям. В отчете также была предпринята попытка систематизации всех имеющихся лагерей по следующим категориям:

«1. Лагеря особого назначения, каковы Андрониковский и Ивановский в г. Москве, в которых помещаются наиболее серьезные категории заключенных;

2. Концентрационные лагеря нормального общего типа;

3. Производственные лагеря, представляющие из себя фабрики, заводы, сельские хозяйства и т.п.;

4. Лагеря для военнопленных в виде трудовых дружин с приданием им воинской организации;

5. Лагеря-распределители в крупных центрах, через которые проходят заключенные в ожидании размещения по другим лагерям»¹⁹⁴.

Организация и производственная деятельность лагерей напрямую зависели от процентного соотношения различных групп лагерного населения, которое не было постоянным и менялось в течение 1918–1922 гг. Лагеря, неспособные приносить доход и требующие постоянного вливания средств на их повседневные нужды либо закрывались, либо передислоцировались в места новых производств.

На раннем этапе организации и деятельности лагерей труд не имел производственной направленности, трудовое использование заключенных носило преимущественно характер классового возмездия. В приказе ВЧК от 28 февраля 1919 г. об отношении к бывшим полицейским чиновникам говорилось: «Если за арестованных полицейских чинов ручательства в их лояльном отношении к Советской власти нет и если в прошлом они зарекомендовали себя как

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 13. Д. 1v. Л. 112.

преданнейшие слуги Романовых, таковых перевести из тюрем в концентрационные лагеря для общественных работ»¹⁹⁵. Классовое возмездие проявлялось в самых разных формах, в зависимости от местоположения лагеря.

Как правило, бывших офицеров, которые были открыто настроены против советской власти и представляли опасность в плане вооруженного восстания, отправляли в лагеря Русского Севера. Участник обороны Зимнего дворца штабс-ротмистр Г.Д. Безсонов, арестованный и отправленный 13 декабря 1918 г. в один из лагерей Архангельской губернии, сумел совершить в 1925 г. удачный побег с Соловков. Георгий Дмитриевич оставил подробные воспоминания, где описал условия содержания в лагере: «Вообще Советская власть очень любит смягчать названия, касающиеся наказания ее граждан. Ея гуманное ухо не выдерживает грубых названий. Так, например, каторжан она называет поднадзорными, каторгу — принудительными работами, тюрьмы — исправдомами, что в переводе означает исправительные дома, одиночные тюрьмы — изоляторами и т.п. За недостатком места в старых тюрьмах, во многих местах ею построены или заняты деревянные бараки, рассчитанные на большое количество арестантов. Советская власть мягко называет их “концентрационными лагерями” <...> Я не знаю, какова была смертность в этом проклятом забытом всеми, среди лесов и снегу, местечке, искусственно созданном больной большевицкой фантазией. Знаю только, что за короткое время моего заключения там, несколько человек сошли с ума <...> Работы наши заключались в подготовке тыловых позиций Красной армии. Мы заготавливали кольца для проволочного ограждения, вбивали их в землю, опутывали проволокой, и, изредка, копали окопы. Это было очень тяжело, т. к. было много снега и приходилось его расчищать»¹⁹⁶.

В целом период 1918–1919 гг. — время становления лагерной системы — весьма точно охарактеризовал в своем докладе начальник Петроградского подотдела принудительных работ: «хаотическое ведение дел <...> произвольно

¹⁹⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7-ми томах / Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 525.

¹⁹⁶ *Безсонов Ю.Д.* Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928. С. 37–41.

толковались и понимались каждым в отдельности как чужие, так и свои собственные обязанности и полномочия. Отчётность ими [лагерями — прим. И.У.] велась из ряда вон хаотично или ее тщательно избегали и не вели вовсе <...> Все это сделало почти невозможным правильное ведение всего дела»¹⁹⁷. В ходе разбирательств по поводу растраты государственных средств в петроградских лагерях Ревтрибунал Петрограда приговорил к расстрелу заведующего подотделом принудработ, а начальника лагеря — к бессрочным принудительным работам. Петроградские лагеря имели много проблем и с организацией, и со снабжением. Ответственный инструктор Петроградского подотдела принудработ в своем докладе в НКВД в августе 1920 писал: «Лагеря № 2 (Кресты), № 4 (б. заводе Кенинга) и № 3 (Разлив) ниже всякой критики, полный хаос, администрация чуть ли не каждый день либо выгоняется, либо арестовывается, и в настоящее время можно смело сказать, что отсутствует, т.к. люди совершенно не приспособлены и по своим качествам не могут быть руководителями столь серьезного дела»¹⁹⁸. Следует отметить, что в 1920-1922 гг. ревизиям и проверкам подвергалось большинство лагерей Центральной России, после чего нередко случались аресты как отдельных комендантов лагерей, так и всей администрации подотделов принудительных работ. Так, в ходе инспекции московских лагерей в 1922 г. за должностные преступления были арестованы заведующий Московским управлением принудительных работ М.И. Кацеф¹⁹⁹ и комендант Покровского лагеря²⁰⁰.

После создания в 1919 г. Отдела принудительных работ и передачи всех лагерей на баланс НКВД РСФСР труд заключенных начал приобретать более

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 223. Л. 15–16об.

¹⁹⁸ Там же. Д. 110. Л. 198.

¹⁹⁹ Марк Исаакович Кацеф (1898–1972) — с 13 марта 1922 г. по 14 сентября 1922 г. — заведующий Московским управлением принудительных работ. Был арестован в 1922 г., но отпущен за отсутствием состава преступления. Затем занимал различные хозяйственные должности. В 1936 г. стал начальником Административно-хозяйственного отдела НКВД Белорусской ССР. В 1937 г. в той же должности в УНКВД по Московской области. Арестован в 1938 г., в 1940 г. осужден к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. После освобождения административных должностей не занимал. Умер в 1972 г.

²⁰⁰ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 134. Л. 1, 6, 10.

системную организацию. Внутри лагерей на постоянной основе формировались производственные мастерские, заключенных брали на подряд советские учреждения, определенным категориям заключенных разрешались выездные работы вне лагеря. 15 сентября 1920 г. в ГУПР НКВД были переданы военнопленные поляки советско-польской войны, из которых формировались трудовые дружины по аналогии с трудармией.

Положение ВЦИК от 17 мая 1919 г. определяло физический труд в качестве основного вида лагерной деятельности для всех заключенных. В отдельных случаях заключенные, имевшие соответствующую специальность, могли заниматься умственным трудом. За свой труд заключенные получали заработную плату, из которой вычитались деньги (не более трех четвертей от заработка), потраченные лагерем на их содержание. За перевыполнение производственного плана и хорошее поведение отдельным заключенным разрешалось проживание вне лагеря на частных квартирах, а также допускалось снижение срока заключения. Последний пункт относился лишь к тем заключенным, которые были помещены в лагеря по административному решению.

В период с 1918 по 1919 год наиболее многочисленной категорией заключенных были военнопленные Гражданской войны, в основном представленные крестьянами. В большинстве случаев, советская власть использовала этот контингент для пополнения рядов Красной армии. Например, с мая 1919 г. по январь 1920 г. через Кожуховский лагерь в Москве прошли около 18 тыс. пленных, из них 11 895 человек были перенаправлены в военные комиссариаты для зачисления на воинскую службу²⁰¹.

Согласно многочисленным докладам инспекторов труда и комендантов лагерей, в наиболее тяжелых условиях содержались именно крестьяне, воевавшие на стороне белых. Им отказывали в праве работать вне территории лагеря, а также не разрешалось общение с родственниками. Участь военнопленных крестьян подробно описал комендант Андрониковского лагеря в докладе в Президиум ВЧК от 16 апреля 1920 г.: «Наблюдая непосредственно за содержащимися в лагере, в

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 13. Л. 8.

особенности за военнопленными перебежчиками белого фронта, я пришел к мысли, почему эту темную массу, более всего или почти исключительно крестьянскую, никуда не используя содержатся в лагерях, и что скверно, это по всем лагерям, где она ничего не делает, поедает голодный паек, от недоедания болеет и мрет. Я полагаю, что содержать этих людей в лагерях не только нецелесообразно, но и преступно, я обращаю внимание особенно на Кожуховских лагерь, где исключительно содержатся военнопленные перебежчики, где благодаря темноте и невежеству этой массы, так много заболеваний и смертности от антисанитарного состояния лагеря»²⁰².

В условиях постоянной ротации заключенных было очень сложно наладить трудовую деятельность лагерей в мастерских и на подсобных работах. Поэтому принудительный труд в лагерях в начальный период 1918–1919 гг. характеризовался крайней фрагментарностью и бессистемностью. За 1919 г. в ОПР НКВД было отпущено 35 млн руб., а заработано заключенными лагерей за этот же период 25 млн руб.²⁰³ Труд заключенных лагерей до конца 1919 г. не вышел на уровень самоокупаемости.

Среди всех регионов, где в 1919–1920 гг. были образованы концентрационные лагеря, особым образом выделялась Архангельская губерния. В январе 1919 г. Красная армия освободила город Шенкурск на юге губернии от белогвардейцев и американо-канадских войск. За полгода до этого события в Шенкурске произошло антибольшевистское выступление крестьян, которые протестовали против мобилизации. Именно для восставших крестьян в октябре 1919 г. было принято решение организовать первый на Севере концентрационный лагерь: «Необходимость организации его выдвинула сама жизнь»²⁰⁴, — говорилось в речи заведующего отделом управления Болотова на заседании Архангельского исполкома 12 августа 1919 г. в Шенкурске. После полного

²⁰² Там же. Д. 87. Л. 213.

²⁰³ Там же. Д. 13. Л. 10.

²⁰⁴ Цит. по: Мельник Т.Ф. О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения. Архангельск. 2008. С. 90.

освобождения Архангельской губернии от иностранных интервентов и белогвардейцев к марту 1920 г. Шенкурский лагерь был переведен в Архангельск и объединен с Архангельским лагерем принудительных работ №1. Комендантом лагеря стал начальник Архангельского подотдела принудительных работ, член РКП(б) Я.Н. Набатов-Павловский.

К осени 1920 г. Архангельская губерния имела собственную развитую систему лагерей принудительных работ: Архангельский № 1, Исакогорский № 2, Соловецкий № 3 и лагерь-распределитель на Быку № 4²⁰⁵. Их непосредственным организатором являлся начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров. Пользуясь крайней удаленностью от крупных городов и цивилизации, ВЧК использовала северные лагеря для содержания особо опасного контингента из числа представителей оппозиционных партий, мятежных крестьян и бывших белогвардейцев. Как и во многих других регионах страны, Архангельские лагеря занимали территории православных храмов и монастырей. При наступлении Красной армии на север весной 1919 г. в Архангельских Епархиальных ведомостях было напечатано следующее обращение к правительству Антанты в Северной области: «Храмы Божьи не только запечатываются, но обращаются в кинематографы, в чайные, в казармы для солдат. В алтарях устраиваются оргии, причем престолы обращаются в “мерзость запустения”. Пастыри Церкви при нашествии большевистских отрядов вынуждены бежать из своих мест, или готовиться к мученической кончине»²⁰⁶.

Лагеря требовали строгой изолированности, для чего как нельзя лучше подходил Соловецкий архипелаг, который 29 апреля 1920 г. посетил М.С. Кедров. Лагерь на Большом Соловецком острове был образован 25 мая 1920 г. Как отмечалось в официальном отчете Архангельского подотдела принудительных работ, Соловецкий лагерь создан «...для уголовных, крупных спекулянтов и тех, которые требуют особой изоляции. Соловецкий монастырь при наличии хорошо

²⁰⁵ Лагеря № 2 и 4 входят в современную территорию г. Архангельска.

²⁰⁶ Временному правительству Северной области // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1919. 9 мая. № 9. С. 5.

оборудованных мастерских может служить по своему естественному положению при почти полной невозможности устроить побег, тем местом, куда следовало бы высылать долгосрочных, неисправимых преступников»²⁰⁷. Уже в первые годы советской власти лагерное начальство практиковало выдвижение на административные позиции в лагере бывших заключенных. Так, начальником хозяйственной части Соловецкого лагеря принудительных работ стал бывший заключенный этого же лагеря А.К. Сакнит. Также бывшие заключенные нередко назначались надзирателями в лагере.

Заключенные Соловецкого лагеря соседствовали с монахами монастыря, которых на 1921 г. насчитывалось 325 человек. Сохранению порядка на территории обители способствовало то, что лагерь располагался за стенами монастыря на территории Филипповского корпуса и примыкавших к нему строений. Все население Соловецких островов делилось на пять категорий: колония малолетних преступников, комендантская команда, заключенные лагеря, монахи-работники, советские служащие и их семьи. Единовременное количество заключенных на Соловках в период 1920–1921 гг. не превышало 350 человек. Отсутствие достаточного количества людей, тем более не имевших, как правило, достаточного опыта ведения хозяйства, очень быстро привело некогда богатейшую обитель к упадку. Тем не менее, островное положение лагеря как нельзя лучше подходило для организации принудительных работ. Как писала газета «Известия Архангельского губернского ревкома» 4 мая 1920 г., «условия для этого очень подходящие: суровая природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будет хорошей школой для всяких порочных элементов»²⁰⁸.

В это же время на территории Архангельской губернии появляется первый железнодорожный лагерь в РСФСР. 26 мая 1920 г. был образован Исакогорский лагерь № 2, который занимался обслуживанием Северной железной дороги Архангельск — Вологда. Как следует из документов, Исакогорский лагерь стал

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 59. Л. 87–87об.

²⁰⁸ Цит. по: *Кубасов А.Л.* Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны // *Новый исторический вестник.* 2009. № 2 (20). С. 61.

«филиальным отделением губернского»²⁰⁹, т.е. Архангельского лагеря № 1. Таким образом, уже с этого времени появляется сложившаяся впоследствии практика создания лагерных пунктов, отделений и командировок, которая будет в полной мере распространена в Соловецком лагере во второй половине 1920-х годов.

Население Архангельской губернии проходило тщательную фильтрацию в органах ЧК в 1920–1921 гг. С момента освобождения региона от белогвардейцев и до конца 1920 г. коллегия ГубЧК вынесла 258 постановлений о смертной казни. Обвиняемые в контрреволюционных преступлениях, избежавшие этой участи, отправлялись в лагеря сроком до окончания Гражданской войны. С середины 1920 г. в Архангельскую губернию начинали свозить пленных белых офицеров со всей страны. Для этих целей созданы два новых лагеря в Холмогорах на территории бывшего Успенского монастыря с отделением в деревне Торва и Пертоминске на территории Спасо-Преображенского монастыря. Из переписки Архангельской ГубЧК с ВЧК за 1920 г. можно предположить, что отдаленные лагеря в Холмогорах и Пертоминске были сформированы из-за перегрузки контингентом Архангельского лагеря № 1: «Деникинцев и Миллеровцев — 985 человек. Проходят курсы политподготовки. Просьба выслать их всех из города в отдаленные местности»²¹⁰.

В эмигрантской печати того времени активно распространялись слухи о массовых расстрелах и убийствах белого офицерства на территориях этих лагерей. Одно из самых известных описаний этих событий изложил командир Первого ингушского кавалерийского полка в Добровольческой армии Деникина Созерко Мальсагов. В 1923 г. он был арестован и отправлен на Соловки, откуда в 1925 г. с группой белых офицеров бежал за границу, где издал свои воспоминания: «Согласно свидетельству очевидцев, около 10 000 человек были расстреляны в Холмогорах и Пертоминске. Как это ни ужасно, но в этой цифре нет ничего поразительного. Ибо в течение трех лет подряд до своего расформирования эти лагеря составляли главную тюрьму всей Советской России.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 74. Л. 92об.

²¹⁰ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 22. Л. 34.

В огромные этапы из всех уголков европейской и азиатской России попадали те, кого по каким-либо причинам было нежелательно убивать на месте, например, все те, кто был «амнистирован» местными властями»²¹¹.

Одним из символов террора, который использовали обе стороны конфликта, стала баржа с заключенными или военнопленными. Плавучие «баржи смерти», по воспоминаниям эмигрантов, использовались Белой армией для изоляции военнопленных, в частности, каппелевцами и Российским правительством А.В. Колчака. По выражению российского историка В.Б. Жиромской, «формы террора были одинаково отвратительны и отличались лишь некоторыми деталями. Как правило, это были расстрелы, казни, часто на средневековом уровне, взятие заложников, тюрьмы, расправа с военнопленными, пытки, самосуд, концлагеря, лагеря смерти, эшелоны смерти, плавучие баржи смерти и многое другое»²¹².

Свидетельства о северных большевистских лагерях были всесторонне описаны зарубежными русскоязычными газетами «Голос России», «Революционная Россия», «Воля России» и др. Газеты, не совсем представляя реалии проводимой политики и в целом лагерной системы, рисовали образ северных лагерей как «лагерей смерти», «дома смерти», «усыпальницы русской молодежи». Сам Архангельск назывался «городом мертвых». Перечисляя количество жертв и зверства большевиков, корреспондент «Воли России» задавался вопросом: «Вы не верите? Вам кажется это невероятным, циничным и бессмысленным? Но такая судьба была довольно обычна для тех, кого отправляли в Холмогорский концентрационный лагерь»²¹³.

В доказательство этих многочисленных расправ над заключенными С.П. Мельгунов приводит свидетельства человека, по всей вероятности, социалиста, ездившего «с большой трудностью и опасностью для себя специально

²¹¹ Мальсагов С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Нальчик, 1996. С. 32–33.

²¹² Жиромская, В.Б. Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. 2004. С. 248.

²¹³ Воля России: Еженедельник. 1920. № 14.

на далекий север, чтобы собрать сведения об ужасах, о которых доходили слухи в Москву». По корреспондентским статьям Мельгунов описывает также карцер и штрафной изолятор Холмогорского лагеря, который он называет «Белый дом», в котором размещаются провинившиеся заключенные. Надо сказать, что подобная практика не была характерна для лагерей Центральной России. Мельгунов доверяет подобным свидетельствам, так как сам был арестован в 1920 г. по делу «Тактического центра», около года содержался в Бутырской тюрьме в Москве и видел случаи жестокого отношения к заключенным. С первых лет своего существования советская лагерная система была окутана страхом смерти и слухами о бесчеловечной жестокости. Этот образ, который был впервые сформирован в эмигрантской публицистике 1920-х годов, будет прочно сопровождать советские пенитенциарные учреждения.

Слухи о северных лагерях не были беспочвенными. Массовые расстрелы в Холмогорском и Пертоминском лагерях действительно происходили. Современный историк северных лагерей А.Л. Кубасов, изучив переписку по Холмогорскому лагерю внутри ВЧК, писал о 1 300 расстрелянных пленных офицерах Белой армии²¹⁴, на основании списков офицеров, содержащихся в северных лагерях. Данные списки, подписанные и санкционированные к расстрелу секретарем губернского комитета партии, на данный момент хранятся в архиве Управления ФСБ России по Архангельской области²¹⁵. Расстрелы в Архангельских лагерях, по всей вероятности, начались не ранее весны 1921 г., когда Архангельская ГубЧК направила Дзержинскому следующую телеграмму от 1 марта 1921 г.: «Наличие в концентрационных лагерях более 1000 Кубанских, Уральских, Деникинских офицеров. О необходимости ликвидации означенного белого офицерства, вынужденного ВЧК. Заслуживает, несомненно, высшей меры наказания являясь нашим непримиримым врагом, ждущим удобного момента для открытого выступления»²¹⁶.

²¹⁴ Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России ... С. 62.

²¹⁵ Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 131.

²¹⁶ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 53. Л. 2.

О том, что северные лагеря были предназначены для полной изоляции и для расстрелов белого офицерства, свидетельствует переписка 1921 г. председателя Архангельской ГубЧК с ВЧК, которая разыскивала пленного белого офицера Н.А. Малютину по запросу жены. Председатель Архангельской ГубЧК З.Б. Кацнельсон в телеграмме от 7 апреля прямо указывает на расстрельный характер Холмогорского лагеря: «Мною получена нешифрованная депеша следующего содержания: предлагаю сообщить, кому был подведомствен Холмогорский лагерь принудительных работ, где содержался Николай Малютин, и куда распределены заключенные после ликвидации? Насколько мне известно, Холмогорский лагерь был организован Кедровым, повторяю Кедровым секретно, исключительно для массовой ликвидации белого офицерства, а после его отъезда из архгубчк Смирнову. Заключенных там не было, и привозили лишь для ликвидации и никуда оттуда не распределялись, кроме тех, кто был освобожден фильтрационной комиссией. Малютин очевидно был ликвидирован, ибо списков ликвидированных нам не оставили, они были увезены в Москву»²¹⁷.

О наличие подобного рода списков также упоминал З.Б. Кацнельсон в телеграмме Дзержинскому от 11 апреля 1921 г.: «Засыпают отношениями ВЦИК, Наркомпрос, Канцелярия Совнаркома с требованием дать справку, находится ли тот или иной интернированный. Ответов, кто попал в Холмогорский лагерь, дано быть не может, т.к. у нас нет списков, последние после ликвидации всех этих офицеров отвезены Кедровым и Калужским. Прошу дать нам разрешение отвечать на запросы, что такие-то расстреляны, ибо, если он не значится в Холмогорском лагере, значит ликвидирован»²¹⁸.

Частично списки расстрелянных представляет в своей работе архангельский историк Ю. Дойков. Со ссылкой на Государственный архив Архангельской области он приводит списки некоторых расстрелянных, в том числе высшего командования Белой армии:

1. Абрамов Константин Самуилович — генерал

²¹⁷ Там же. Д. 493. Л. 14.

²¹⁸ Там же. Л. 17.

2. Гельфрейх П.О. — генерал-лейтенант
3. Костырев Павел Павлович — генерал-майор, 59 лет, из дворян Казанской губернии.
4. Марков П.А. — генерал-лейтенант
5. Масловский Иван Александрович — генерал
6. Муравьев А.М. — генерал-лейтенант
7. Протопопов П.Н. — генерал-лейтенант
8. Талышиханов А.Б. — генерал-майор
9. Таранов В.И. — генерал-лейтенант
10. Толстихин Иван Николаевич — генерал-майор. Забайкальский атаман²¹⁹.

Вопиющие факты расстрелов и ужасных условий в лагерях Архангельской губернии будоражили умы не только русской эмиграции, но и местных коммунистов, которые писали записки в ЦК на имя В.И. Ленина: «Многоуважаемый товарищ Ленин В.И. Известно ли Вам о творимых безобразиях на Севере, которые как раз дают обратные результаты в укреплении социалистического строя <...> на острове Ельники в верстах семидесяти от города Архангельска, где зверски расстреляны привезенные на баржах из Холмогорского лагеря, Москвы и Кубани беззащитные люди, свыше семи тысяч граждан, из пулемётов, голодных, истерзанных, большинство из которых люди образованные, могущие принести своему отечеству в строительстве лишь пользу <...> Теперь заключённых отправляют на Ухту (Печорского уезда) на верную голодную и холодную смерть. Неужели, товарищи, нельзя обойтись без этого? Война кончена. Пора одуматься. Довольно крови, горя и сирот <...> Товарищи, остановитесь. Дайте Северу вздохнуть <...> Сочувствующий идейному социализму Степанов»²²⁰.

Подобной славой расстрельного полигона славился и Пертоминский лагерь, располагавшийся на берегу Унской губы, в 250 км от Холмогор. Пертоминский

²¹⁹ Цит. по: Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы). Архангельск, 2011. С. 9.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 61. Л. 29.

лагерь выполнял функцию штрафного изолятора для всех лагерей губернии. По словам очевидицы событий, пожелавшей остаться в эсеровском сборнике «Че-ка» за 1922 г. под инициалами Х.Х., «одно упоминание о Порталинске заставляет трепетать холмогорских заключенных — для них оно равносильно смертному приговору, а между тем в Холмогорах тоже не сладко живется»²²¹. На данный момент достоверно известно о расстреле как минимум 70 офицеров Белой армии в Пертоминске²²².

В конце весны 1921 г. лагеря Архангельской губернии начали закрываться, а все заключенные были либо отправлены в тюрьмы, либо в Холмогорский лагерь. Летом–осенью 1923 г. из заключенных Пертоминска и Холмогор формировались первые этапы в новый лагерь особого назначения на Соловках, который был открыт 13 октября 1923 г. Лагеря Архангельской губернии выполнили свою главную функцию — полную изоляцию заключенных от внешнего мира. Помимо репрессивных мер, которым подвергались заключенные со стороны ЧК, лагерное население выполняло функцию колонизации новых земель, о чем неоднократно писал в письмах и докладах Дзержинский: «Я в корне не могу согласиться с предложениями по карательной политике, выработанными ЦКК <...> Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может на них тратить больших средств — они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности — на Печоре, в Обдорске и пр.»²²³.

Лагеря Архангельской губернии в 1919–1922 гг. стали плацдармом, с которого была выстроена вся будущая лагерная система ГУЛАГа. В Центральном архиве ФСБ сохранилась докладная записка от 21 января 1921 г. на имя Ф.Э. Дзержинского от Уполномоченного по делам ВЧК в Архангельской губернии Баритонова, который выразил суть лагерной системы в северном

²²¹ Холмогорский концентрационный лагерь // Красный террор глазами очевидцев. М., 2010. С. 359.

²²² Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике ... С. 9.

²²³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л. 57–58. Опубликовано: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ ... С. 525.

регионе и перспективы ее дальнейшего развития: «Основной целью организации Северных Колоний ВЧК, как явствует из всех постановлений Политбюро, было создание особого рода исправительно-трудовых колоний, как меры пресечения для особого государственно-опасного и вредного элемента, с целью массовой совершенной изоляции его, но не в стенах мест заключения, а путем полного территориального отмежевания от всего остального общества, в которое этот элемент вносил свое разлагающее влияние.

Необходимость организации таких колоний была продиктована политическим моментом внутренних смут, массовым бандитско-повстанческим движением и моментом временных, но неизбежных в эпоху революционной борьбы проявлений контрреволюционных вспышек <...> Без сомнения — организованные на севере колонии есть наилучшая форма этой борьбы, единственно способная дать необходимый положительный результат, и так же несомненно — эти колонии должны иметь за собой блестящее политическое и экономическое будущее. Окружение естественной преградой, непроходимыми топями, трясиными и болотами весной и летом, непроходимыми сугробами, массой дикого зверья по лесам, лютыми морозами и выюгами — зимою, при отсутствии на десятки верст вокруг какого бы то ни было жилья, эти места парализуют всякую мысль о побеге, почему и охрана их, в виде сторожевых ограждений, не представляет собой особых затруднений»²²⁴.

К моменту написания этого документа внутри ГУПР произошли значительные перемены. В первую очередь изменился принцип управления лагерями. Внутри ГУПР в 1921 г. образовывался Центральный хозяйственный отдел, который имел свои подразделения в каждом подотделе принудительных работ. На отдел возлагалось, помимо ведения всей хозяйственной деятельности лагерей, взятие кредитов из Государственного банка РСФСР для снабжения лагерей. Предполагалось, что труд заключенных будет покрывать этот кредит с процентами. Помимо этого, организация лагерей теперь частично ложилась на местные власти, а именно Губсовдепы. Власть на местах должна была проводить

²²⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 28. Л. 3–4.

подготовку мест к созданию в них лагерей по запросу ГУПР. В Губсовдепы рассылались анкеты с просьбой ответить на следующие вопросы: «Имеется ли вполне подходящее оборудованное помещение на предмет открытия лагеря и сколько заключенных можно поместить в нем? Какие работы общегосударственного значения имеются в настоящее время и какие предполагаются? Указать ясно, где находится: в городе или вне города?»²²⁵ и др.

Помимо финансовой составляющей, вокруг лагерей не утихали споры и в правовом поле. Наркомат юстиции неоднократно отмечал, что ни НКВД, ни ВЧК не занимаются главной задачей в жизни заключенных — перевоспитанием. Кроме того, в пенитенциарном деле образовалась некоторая нестыковка. Люди, которые были приговорены к принудительным работам без лишения свободы, числились за НКЮ, в отличие от заключенных лагерей, которые, по сути, занимались тем же самым — принудительным трудом. Наркомат юстиции боролся буквально за каждого заключенного. Заведующий Центральным карательным отделом Л. Саврасов направлял губернским отделам юстиции телеграммы с требованием переводить заключенных в места заключения НКЮ: «В настоящее время в концентрационных лагерях иногда содержатся лица, которые по характеру содеянного ими преступления должны были бы отбывать наказание в общих местах заключения, но направлены туда вследствие неточной формулировки приговора»²²⁶.

21 мая 1921 г. появилось совместное постановление НКЮ и НКВД о передаче Главного управления общественно-принудительных работ и повинностей в Центральный карательный отдел НКЮ²²⁷. Было ли это постановление претворено в жизнь или нет, на данный момент неизвестно. Вероятнее всего, этот небольшой эпизод отражает лишь конкуренцию двух ведомств и иллюстрирует неизбирательный подход молодой советской пенитенциарной системы, которая окончательно оформится к концу 1920-х годов.

²²⁵ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 11. Л. 53.

²²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 36. Л. 2.

²²⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 7. Л. 49.

Так или иначе, с лета 1921 г. лагерная система вновь числилась за ГУПР НКВД РСФСР.

Борьба за заключенных между НКВД и НКЮ усиливалась по мере роста числа лагерей. Все больше заключенных оставалось вне поля зрения советской юстиции. Со второй половины 1920 г. начинается расцвет лагерной системы, лагеря начинают появляться повсеместно. Если, согласно инструкции к постановлению ВЦИК от 15 апреля 1919 г., лагеря должны были устраиваться «во всех губернских городах», то с осени 1920 г. в каждой губернии насчитывалось по 3–4, а иногда и больше лагерей. На такой рост лагерей напрямую влияли события как внешней, так и внутренней политики. К главным причинам роста лагерей можно отнести следующие факторы:

- окончание активного противостояния в Гражданской войне в ноябре 1920 г.;
- наступательные действия Красной армии в советско-польской войне, начиная с весны 1920 г.;
- активизация крестьянских восстаний в 1920–1921 гг.;
- коллективные судебные процессы над группами людей, обвиняемых в контрреволюционной деятельности.

Категории людей, которые подвергались заключению в лагерь (о них подробно будет рассказано в следующем параграфе), постоянно менялись в зависимости от инструкций, исходящих из разных инстанций, пока в 1921 г. Наркомат юстиции РСФСР не выпустил циркулярное указание «в целях установления единообразия в практике судебных учреждений в отношении выбора рода лишения свободы»²²⁸. Согласно этому распоряжению, Наркомюст предлагал руководствоваться следующими критериями правонарушений при заключении человека в лагерь:

1. лица, уклоняющиеся от общественно-полезного труда (праздношатающиеся);
2. лица, виновные в саботаже;

²²⁸ Там же. Л. 62.

3. мелкие спекулянты, поскольку спекуляция не связана с хищением из государственных складов, фабрик и учреждений;

4. контрреволюционеры, не представляющие явной опасности для Республики;

5. не злостные дезертиры, не прибегающие в целях уклонения от воинской службы по подложным документам;

6. труд-дезертиры;

7. лица, совершившие должностные преступления не корыстного характера.

Все остальные, осужденные лишению свободы, подлежат отбыванию наказания в местах заключения, подведомственных Наркомюсту²²⁹.

Категории граждан, преступления которых карались заключением в лагерь, постоянно расширялись и дополнялись отдельными инструкциями, либо постановлениями ВЦИК или СТО. Например, 15 апреля 1921 г. СТО выпустил постановление об усилении наказания за нарушение правил пользования железнодорожным транспортом, в котором предлагал лиц, едущих на паровозах и тормозных площадках, заключать в лагерь сроком на 5 лет²³⁰.

В 1921 г. СНК сделал выбор в пользу принудительного труда в лагерях, отодвигая принципы перевоспитания заключенных на второй план. 28 ноября 1921 г. было издано Постановление СНК за подписью В.И. Ленина «Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы РСФСР и отбывающих принудительные работы». С этого момента НКВД и НКЮ должны были предоставлять рабочую силу из числа заключенных в учреждения Наркомтруда. Тогда же все осужденные к принудительным работам без лишения свободы были также переданы в ГУПР.

За восемь месяцев своего существования, с сентября 1918 по апрель 1919 г., система лагерей прошла путь от места содержания противников советской власти до использования заключённых в трудовых целях. С мая 1919 г. можно говорить о существовании в Советской России института лагерей принудительных работ,

²²⁹ Там же.

²³⁰ В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов. Ч. 2: 1920–1922 гг. М.; Берлин, 2017. С. 196.

которые были объединены в Главном управлении принудительных работ (ГУПР). Именно ГУПР определит новую траекторию той исторической колеи, в которой будет развиваться институт использования принудительного труда заключенных.

2.2. Состав заключенных и условия содержания

Всего в период с 1918 по 1922 гг. на территории Советской России, а также с 1919 г. на Украине и в Белоруссии было образовано 222 лагеря и 45 трудовых колоний. В данный момент сложно сказать, сколько именно людей прошло через лагерную систему первых лет советской власти, т.к. лагеря этого периода имели очень высокую проходимость заключенных. Например, в августе 1921 г. во всех 115 существующих на тот момент лагерях НКВД РСФСР содержалось 54 248 заключенных. За этот месяц в лагеря вновь прибыло 29 375 человек, выбыло (с учетом освобождения, побегов, смертности и перевода в другие места заключения) — 23 027²³¹. Если рассматривать проходимость конкретных лагерей, то она также была весьма высока. Например, только через один Кожуховский лагерь в Москве за 1920 г. прошло свыше 9 тыс. заключенных²³².

Исходя из этих данных, стоит отметить, что единовременное количество заключенных не дает полного представления о масштабах проходимости заключенных через лагеря. Такая высокая проходимость в лагерях являлась следствием внутренней политики большевиков, согласно которой в лагеря зачастую попадали люди не по приговорам суда или ревтрибунала, а по административному решению без определенного срока заключения, либо до 1 года, либо до особого распоряжения. По оценке исследователей, все лагеря ВЧК и НКВД в период с 1919 г. по 1921 г. содержали от 25 до 55 тыс. заключенных²³³. Максимальное количество заключенных, зафиксированное в документах, единовременно содержащихся во всех лагерях — 60 457 человек в 117 лагерях

²³¹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 19.

²³² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 203. Л. 65.

²³³ *Джекобсон М., Смирнов М.Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР. 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 12.

на 1 сентября 1921 г. без учета Украины, Крыма и Средней Азии²³⁴. Согласно другим данным – 63 887 заключенных на 1 июля 1921 г.²³⁵. Также на данный момент известен отчет Материального подотдела принудительных работ за вторую половину 1921 г., в котором указывается общее количество заключенных в советских республиках за исключением Украины и Средней Азии. Общее количество заключенных, согласно этому отчету, составляет 151 000 человек, из которых к Наркомату юстиции, т.е. к тюремной системе, относится 74 500 заключенных, а к лагерям НКВД и заключенным ВЧК — 76 500 человек²³⁶. Данные значения не относятся лишь к лагерям, т.к. часть заключенных ВЧК содержалась в тюрьмах.

Статистика по численности лагерей имеет много неточностей из-за своего происхождения и методов подсчета. Документы ГУПР часто подсчитывали численность заключенных лагерей НКВД, игнорируя лагеря ВЧК и наоборот. Сложности в подсчете также возникали из-за высокой ротации заключенных, их статуса, а также многочисленных изменений числа пенитенциарных учреждений, некоторые из которых создавались всего на несколько месяцев. По динамике численности заключенных в Советской России можно с уверенностью сказать только одно: общее количество заключенных в России увеличилось с октября 1917 г. по ноябрь 1921 г. в пять раз с 36 тыс. до 183 тыс. человек. Из них в учреждениях ВЧК находилось порядка 50 тыс. человек²³⁷.

В конце 1920 г. в лагерях числилось 25 336 заключенных, не считая военнопленных советско-литовской и советско-польской войн, которых было 24 400 человек²³⁸. В это время большинство заключенных лагерей, имевших приговор, были осуждены чрезвычайными органами: ревтрибуналами (25% всех

²³⁴ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 19.

²³⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 1v. Л. 112.

²³⁶ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 11об.

²³⁷ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 169.

²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 1v. Л. 112.

дел) и органами ЧК (43% всех дел)²³⁹. Бывали случаи, что решение о направлении конкретного человека в лагерь принимал лично Ф.Э. Дзержинский²⁴⁰. Осужденные по приговорам местных судебных инстанций (народные, полковые, дисциплинарные суды) составляли наименьшую часть заключенных лагерей — порядка 15,7%, по приговорам трибуналов — 20%, по решениям органов ЧК — 52%. Остальные заключенные попадали в лагеря по решению милиции, уголовного розыска, комиссий по работе с дезертирством и трудовым дезертирством и пр.

При этом по составу преступлений в период с 1919 по 1921 г., согласно исследованиям социолога С.С. Бразевича, наиболее многочисленными преступлениями являлись контрреволюционные действия (16,5%)²⁴¹. Помимо отдельной большой группы контрреволюционных преступлений, около 7% заключенных лагерей числились за совершение государственных преступлений, такие как организация восстаний, шпионаж, борьба с РКП(б) и др. Таким образом, на государственные преступления, включая контрреволюционные, приходилось около 24% заключенных лагерей.

Более ¼ всех заключенных лагерей отбывали наказания за преступления против порядка управления, куда входили такие правонарушения как подделка документов и денежных знаков, спекуляция, нарушение общественной безопасности, а также различные асоциальные действия: пьянство, проституция, картежные игры и др. В эту же категорию заключенных, порядка 4%²⁴², входили нарушители трудовой, налоговой и воинской повинности, в том числе те люди, которые не уплатили чрезвычайный революционный налог, введенный для поддержания Красной армии декретом ВЦИК осенью 1918 г.

²³⁹ Бразевич С.С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 733.

²⁴⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 73–74.

²⁴¹ Бразевич С.С. Историческая социология революционного насилия... С. 732.

²⁴² Чебышев Н. Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях // Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел. 1922. № 4–6. С. 53.

Отдельной группой заключенных являлись люди, совершившие воинские преступления, за которые отбывали наказания около 16% заключенных, главным образом за дезертирство. Должностные преступления среди заключенных лагерей составляли около 12%. К этой группе заключенных относились люди уличенные во взяточничестве, растрате, хищении, превышении полномочий, саботаже и др. Заключенные, совершившие преступления против имущественных прав (бандитизм, разбой, грабеж, кража) составляли около 20% лагерного населения. Преступления против личности (убийство, телесные повреждения) составляли самую незначительную долю среди лагерных заключенных и составляли около 1,3% от общего числа.

В 1922 г. в журнале «Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел» вышла аналитическая статья Н. Чебышева, который на основании анализа 21 000 карточек заключенных лагерей РСФСР представил статистические данные. Согласно этому исследованию, в период 1919–1921 г. на территории Советской России уголовные приговоры и административные решения о заключении в лагерь по количеству имели примерно равные доли: 44,6% и 54,4% соответственно²⁴³. При этом основная доля государственных и контрреволюционных преступлений приходилась все же на долю административных приговоров — 80%. Таким образом, подавляющее большинство всех заключенных, отбывавших наказание в лагерях РСФСР за контрреволюционные преступления, направлялось в лагеря в административном порядке. Процентное соотношение административных решений и судебных приговоров по направлению в лагерь наглядно прослеживается по материалам ЧК. Например, за сентябрь 1919 г. в ходе мероприятий проведенных МЧК было задержано 1121 человек, из которых 481 были направлены в лагеря, 245 в другие места лишения свободы и лишь 93 – в судебные инстанции²⁴⁴.

Среди всех лагерей РСФСР особым образом выделялись два: Андрониковский и Ивановский в Москве, в которых располагался особый

²⁴³ Там же. С. 52.

²⁴⁴ *Мозохин О.Б.* ВЧК. // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 95.

контингент: «наиболее серьезные категории заключенных»²⁴⁵. Контингент всех лагерей в РСФСР был регламентирован секретным приказом ВЧК о «Красном терроре» от 2 сентября 1918 г. Согласно этому приказу, наиболее видные противники советов (меньшевики и эсеры) подлежали заключению в тюрьмы. В то же время сравнительно умеренная оппозиция и выходцы из классово враждебных советской власти слоев, включая крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, священнослужителей, монахов и офицеров, подлежали заключению в лагеря. По выражению заключенного А. Бекреньева, «аристократическое происхождение есть уже само по себе тяжкое преступление против советской власти»²⁴⁶.

В.И. Ленин рассматривал лагерное заключение в качестве серой зоны советской правовой системы. Лагеря представляли специфический формат заключения, предназначенный для тех людей, которые не совершили серьезного правонарушения, но тем не менее могли бы подозреваться в подобном. 9 августа 1918 г. в ответ на телеграмму из Пензы о вспыхнувшем в губернии восстании крестьян Ленин так определял лагерный контингент: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города»²⁴⁷. В категорию «сомнительных» граждан попадали самые широкие слои населения: от бывшей аристократии, до асоциальных элементов крупных городов.

Являясь местом концентрации антисоветского элемента, лагеря стали одним из способов ранней советской социальной инженерии. О том, что лагеря представляли собой механизм по унификации населения, догадывались сами заключенные. Будучи заключенной Харьковского лагеря, потомственная дворянка А.А. Ершова писала в своем дневнике в 1920 г.: «Тонкий верхний слой общества (он очень был тонок, к несчастью!) сметен у нас точно порывом ветра, и толща

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 1v. Л. 112.

²⁴⁶ Бекренев А. Штрихи тюремного быта // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 223.

²⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 143–144.

народная едва замечает его отсутствие, и видит только, что водворилось равенство»²⁴⁸.

Социальная палитра лагерного населения лагерей выделялась своим многообразием. Преимущественно в них содержались военнопленные советско-польской войны 1919–1921 гг., участники Белой армии, дезертиры из Красной армии, иностранные граждане, поддержавшие Белое движение, участники антисоветских восстаний (главным образом Антоновского восстания в Тамбовской области), а также асоциальные элементы: тунеядцы, проститутки, наркоманы и др. В обследовании Кожуховского лагеря особого назначения в Москве от 2 ноября 1921 г. социальный состав лагеря описывается следующим образом: «... он [лагерь] включает в себя вопреки общественному принципу для лагерей особого назначения самый разнообразный элемент — начиная с политических преступников и кончая проститутками и подростками»²⁴⁹.

Особенно пестрый национальный состав был у Андрониковского лагеря в Москве, где на июнь 1921 г. из 315 заключенных только 61 был русским. Основную массу заключенных этого лагеря составляли поляки — 104 человека, жители Прибалтики — 68 человек и чехословаки — 19²⁵⁰. В этом же лагере находились 13 заключенных из Хивинского ханства.

После революции 1917 г. на территории Хивинского ханства, которое с середины XIX в. находилось под протекторатом Российской империи, начались волнения басмачей, в результате которых был убит законный правитель Хивы — Асфандияр-хан. На престол был возведен его малолетний брат Саид Абдулла-хан. Реальная же власть в ханстве перешла в руки предводителя басмаческого движения в Туркмении Джунаид-хану, агрессивная внешняя политика которого быстро привела экономику региона в упадок. В ноябре 1919 г. в Хиве началось народное восстание, на помощь которому выступили регулярные войска Красной армии. К февралю 1920 г. отряды Джунаид-хана были полностью разгромлены. 2

²⁴⁸ *Ершова А.А.* В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. М., 2017. С. 67.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 203. Л. 202.

²⁵⁰ Там же. Д. 287. Л. 353.

февраля 1920 г. Саид Абдулла-хан был вынужден отречься от престола. 26 апреля 1920 г. была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика в составе РСФСР. Семья Саида Абдуллы-хана была насильственно выселена на территорию России, все имущество хана было конфисковано. Путь изгнанников шел через Ташкент, оттуда — в Самару, а потом в Москву. Здесь хан с семьей провел больше года, побывав в Ордынском, Андрониковском и в Ивановском лагерях. Скитания узников закончились в феврале 1922 г., когда их освободили. ГПУ рекомендовало бывшему хану и его семье отправиться на работу в Екатеринослав, а оттуда в г. Верховцево, где они и осели в совхозе. Саид Абдулла не раз обращался за помощью как в государственные органы, так и в общественные организации, к Екатерине Пешковой в Политический Красный Крест с просьбой об отправке семьи на родину в Хиву: «Мы, нижеподписавшиеся, бывший хан Хивинский, Сеид Абдула <...> уже четвертый год находимся в плену и терпим страшную нужду и лишения вдали от родины. В течение трех лет мы находились в концентрационном лагере, но там, по крайней мере, мы не испытывали таких лишений, как в настоящее время с тех пор, как нас поселили в совхозе <...> Мы все покоряемся своей участи и не питаем никаких враждебных чувств к Советской власти <...> Мы просим предоставить нам средства к существованию»²⁵¹. Всю оставшуюся жизнь с 1924 г. Саид Абдула со своей семьей прожил в Кривом Роге, в поселке Гвардия при шахтуправлении, где умер в 1933 г. во время голода на Украине. Семье Саид Абдуллы-хана в 1933 г. было разрешено вернуться для проживания в Среднюю Азию, за исключением Хивы.

27 августа 1919 г. внутри ВЧК была создана Коллегия по делам заключенных в концентрационных лагерях под руководством Ф. Другова²⁵². Коллегия создавалась для проверки правильности заключения в лагерь заложников, иностранцев, осужденных и прочих, а также для контроля действий органов управления лагерями на местах. В первую очередь ВЧК интересовали

²⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 10. Л. 277.

²⁵² ЦА ФСБ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 141.

политические заключенные и люди, направляемые в лагерь за контрреволюционные преступления и шпионаж. Впредь на каждое вновь поступающее лицо обозначенной категории необходимо было немедленно предоставлять в Коллегию готовую анкету заключенного, а также сообщать обо всех изменениях: освобождение, перемещение и др.

Очень многие люди, которые подвергались аресту и заключению в 1918–1922 гг. по делам о контрреволюции, а также по политическим мотивам, впоследствии также подвергались арестам и репрессиям на основании учетных картотек ВЧК–ОГПУ. Согласно отчету ГУПР за 1921 г., количество заключенных, попавших в лагеря за контрреволюционные преступления, составляло 16,9%²⁵³.

В 1920 г. в один из московских лагерей был заключен выдающийся экономист, профессор, организатор и директор Конъюнктурного института, автор теории больших циклов экономической конъюнктуры Николай Дмитриевич Кондратьев. Кондратьев был эсером и убежденным сторонником открытого рынка. Под подозрение органов ВЧК он попал в связи с участием в эсеровских и монархических кругах, в частности, в «Союзе возрождения», который объединял в столице самые различные антибольшевистские силы. Кондратьев был заключен в лагерь со сроком «до окончания Гражданской войны», но через месяц по ходатайству другого известного экономиста А.В. Чаянова был отпущен. Впоследствии Кондратьев неоднократно подвергался арестам.

Как заложник, содержался в заключении на Алтае, в Бийске другой эсер — известный советский писатель Виталий Валентинович Бианки. В Барнауле Бианки в 1919 г. был мобилизован в армию Колчака, где служил писарем, но вскоре дезертировал оттуда и уехал к семье в Бийск. В 1921 г. Бианки дважды арестовывался ВЧК и содержался в местной тюрьме в качестве заложника. Впоследствии писатель неоднократно арестовывался по делам об участии в контрреволюционных организациях, но по заступничеству других писателей, а однажды и самого М. Горького и его жены Е.П. Пешковой, освобождался.

²⁵³ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 20.

В годы Гражданской войны политические заключенные отличались от контрреволюционеров своей принадлежностью к какой-либо партии, будь то анархисты, эсеры, меньшевики или монархисты: Союз возрождения, Национальный центр и др. К заключенным, обвиненным в контрреволюционных преступлениях, мог относиться любой человек, не состоящий или не подтвердивший свою причастность к различным политическим силам. Это могли быть крестьяне — участники восстаний или выступлений, рабочие-стачечники, выходцы из неподходящих сословий — мещан или дворян, обвиненных в антисоветской агитации, а также служащие советских учреждений в сотрудничестве с белыми в период оккупации.

Дела о контрреволюционных преступлениях носили зачастую коллективный характер, после чего обвиняемых заключали в лагерь или тюрьму. Подобные коллективные дела были характерны для Урала и Сибири, где в 1918–1919 гг. территории контролировали войска Сибирской добровольческой армии. Например, 3 августа 1920 г. ГубЧК по Екатеринбургской губернии рассмотрела дело сразу на 31 человека, обвиненных в антисоветской агитации на территории Нижне-Тагильского уезда. Часть обвиняемых была освобождена из-под стражи ввиду малограмотности и несознательности. Другую часть из 10 человек предписывалось, «признавая их виновность установленной контр-революционной деятельности при Колчаке, о чем свидетельствует ряд имеющихся в деле документов и свидетельских показаний, принимая во внимание, что большинство обвиняемых составляют кулачешкий и интеллигентешкий элемент, отрицательно к Сов. Власти настроены и ввиду того, что почти все они эвакуировались к белым и вернулись домой только после ликвидации белогвардейской агентуры, как на Урале, так и в Сибири, а по возвращении на местожительства обвиняемые снова повели разлагающую агитацию против Советов, — направить в концентрационный лагерь с применением принудительных работ как элемент сознательный контр-революционно настроенный»²⁵⁴.

²⁵⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 25782. Л. 346.

Что касается военнопленных-специалистов Белой армии, суды над которыми проходили в Сибири и на Урале в 1919–1920 гг., то данная группа заключенных и заложников, как правило, пользовалась лояльностью власти на данном этапе становления советского государства. Специалисты, выходцы из аристократии, дворянства и интеллигенции, обвиненные в контрреволюционных преступлениях и направленные в лагеря или тюрьмы, использовались властью на местах в советских государственных учреждениях. Подобную практику рекомендовал Ф.Э. Дзержинский в приказе ВЧК № 208 от 17 декабря 1919 г.: «Второй вопрос — это специалисты. Наши специалисты в своем большинстве — люди буржуазного круга и уклада мыслей, весьма часто родовитого происхождения. Лиц подобных категорий мы, по обыкновению, подвергаем аресту или как заложников, или же помещаем в концентрационные лагеря на общественные работы. Прodelывать это без разбора и со специалистами было бы очень неблагоприятно. У нас еще мало своих специалистов. Приходится нанимать буржуазную голову и заставлять ее работать на Советскую власть <...> Надо считаться с целесообразностью, когда он больше пользы принесет — арестованным или на советской работе»²⁵⁵.

Зачастую, в ГУПР писались прошения с просьбой направить заключенного на принудительные работы из тех учреждений и предприятий, где человек работал последнее время перед своим заключением. Например, 19 сентября 1920 г. в Московское управление лагерей принудительных работ была направлена следующая телеграмма: «Настоящим Правление Серпуховских Хлопчатобумажных фабрик просит отпустить заключенного Соломона Ильича Гальперина к нам на работу по его специальности, как нужного и незаменимого работника по топливу для наших фабрик. До его ареста, он работал у нас по топливу»²⁵⁶.

Уже через несколько месяцев, в январе 1921 г. Дзержинский инициировал освобождение всех заключенных-специалистов, сотрудничавших с Белой армией: «...местные органы ЧК производят аресты квалифицированных специалистов,

²⁵⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 148-149.

²⁵⁶ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 93. Л. 4.

работающих по важнейшим отраслям промышленности страны, возводя им обвинения в контрреволюционных деяниях во время пребывания в белармии, чем парализуется налаживающаяся созидательная работа. ВЧК предлагает прекратить аресты специалистов по обвинению в “старых делах”, также немедленно освободить специалистов, арестованных по вышеуказанным мотивам, под поручительство ответственных коммунистов, заинтересованных в работе»²⁵⁷.

К большому потоку заключенных, обвиненных в контрреволюционных преступлениях и направленных в лагеря, привели кампании против церкви: по вскрытию мощей и изъятию церковных ценностей. Антицерковные кампании, организуемые советской властью в послереволюционные годы, провоцировали верующих по всей стране к выступлениям и неповиновениям властям, что в свою очередь приводило к коллективным судебным делам. В первую очередь кампании по вскрытию мощей святых Православной церкви сопротивлялись непосредственно священнослужители.

Отношения между церковью и большевиками были напряженными с первых дней Октябрьской революции. 27 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был принят Декрет о земле, согласно которому принадлежавшие Церкви земли, среди прочих, переходили «в распоряжение Волостных Земельных Комитетов и Уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного собрания»²⁵⁸. Изданная 2 ноября 1917 г. Советом народных комиссаров «Декларация прав народов России» провозглашала, среди прочего, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

Очевидец событий начала гонений на церковь Н.П. Окунев, автор известного «Дневника москвича», воспринимал эти события как личную трагедию и так описывал процесс отделения государства от церкви: «Церковь от государства отделена — это еще полгоря; но люди-то государства отделились от нее — вот в чем безмерное горе! Точно обрадовались: вот, мол, были церковные

²⁵⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 253.

²⁵⁸ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 17.

расходы, а теперь я волен их и не делать. Бессовестные мы, простые русские люди, в особенности пожилые и старики. Ведь не всех нас перестреляли и заточили по тюрьмам и лагерям. Кому бы, как не нам, теперь еще чаще бы, чем прежде, направлять стопы свои в Храм Божий, а мы сидим себе в своих комнатах и кричим о трудностях современной жизни. Прогневался на нас Господь, но это по делам нашим!»²⁵⁹. Как человек глубоко верующий, Никита Потапович лично переживал превращение древних московских обителей в концентрационные лагеря, что довольно ярко отразил в своем дневнике, оставив для современного исследователя бесценные образы революционной столицы в 1919 г.: «В воскресенье опять был “на дровах” и принес “собственноспинно” готовых дров топки на две. Записываю это для того, чтобы впоследствии посчитать, сколько лошадиных сил я заменил своими слабыми, почти старческими силами. С такой ношей пришлось идти мимо Новоспасского монастыря. Он уже не монастырь сейчас, а один из “концентрационных лагерей” (т.е., попросту сказать, тюрьма, или каторга), и там преимущественно заключаются проститутки... Это не моя выдумка и не обывательская сплетня, а сообщение почерпнуто в советских “Известиях”. В Ивановском монастыре тоже приют каких-то преступников, если не против своей совести, то против власть предержавших... Это называется “веротерпимостью”»²⁶⁰.

Наиболее серьезный удар по церкви был нанесен в январе 1920 г., когда СНК РСФСР принял Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, он же Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Документ лишал церковь всякой собственности и статуса государственного института, полностью изолируя ее от какого ни было влияния на общество.

Церковь пыталась отстаивать свои права и проявляла явные признаки неподчинения властям. Одним из первых официальных актов неповиновения церкви по отношению к советской власти стало воззвание патриарха Тихона от 22 января 1918 г. в ответ на Декрет о свободе совести, церковных и религиозных

²⁵⁹ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 295.

²⁶⁰ Там же. С. 297.

обществах: «Противостать врагам Церкви силою властного всенародного вопля, который покажет безумцам, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, так как действуют прямо противно совести народной»²⁶¹. С весны 1918 г. из собственности церкви начинается процесс изъятия учебных заведений: школ, семинарий и академий. Эти события вызвали волну возмущения среди духовенства. Окончательно же отношения церкви и советской власти были испорчены осенью 1918 г., когда началась кампания по вскрытию мощей.

Кампания по вскрытию мощей сопровождалась активным сопротивлением со стороны духовенства и мирян, нередко случались стычки между верующими и красноармейцами. Сопротивление со стороны церкви советская власть активно использовала для уничтожения активной части духовенства и мирян. В день объявления красного террора, 5 сентября 1918 г., в Петровском парке Москвы были расстреляны руководитель русского монархического движения, настоятель Храма Василия Блаженного в Москве протоиерей Иоанн Восторгов и епископ Ефрем Кузнецов. Повсеместные расстрелы священников происходили на территориях, освобожденных Красной армией от белогвардейцев. Официальные расстрелы часто сопровождались самосудами и убийствами священнослужителей со стороны красноармейцев, а также обычных людей — нередко из желания личной наживы путем разграбления храмов. Только из высшего духовенства за 1918 г. было расстреляно и убито 12 епископов и один митрополит.

31 декабря 1918 г. по распоряжению Главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина была создана «Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков». В апреле 1919 г. комиссия привела список из более чем 500 убитых священнослужителей, пострадавших в период красного террора. Материалы комиссии в настоящее время хранятся в ГА РФ. Ф. Р-470 и до сих пор публиковались отдельными исследователями лишь фрагментарно²⁶². Данные документы по сей день являются предметом многочисленных споров среди

²⁶¹ Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 17.

²⁶² *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И.* Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 3–34.

историков на предмет достоверности приведенных в них сведений²⁶³. По мнению современного историка Ю.А. Бирюковой, исследователя деятельности комиссии, «целью комиссии было, конечно, не столько расследовать, сколько фиксировать преступные деяния большевиков и затем оповещать общественность в России и за рубежом, то есть использовать их в качестве пропаганды»²⁶⁴.

Тем не менее, в настоящее время в исторической науке отсутствует достоверная статистика репрессированных священнослужителей и монахов православной церкви в годы красного террора. По мнению историка и протоиерея В.А. Цыпина, к концу 1924 г. в тюрьмах и лагерях побывало около половины всего российского епископата, т.е. 66 архиереев. Всего же общее количество репрессированных церковнослужителей и церковных деятелей за период 1921–1923 гг. составило около 10 тыс. человек, из которых около 2 тыс. были расстреляны²⁶⁵.

Помимо репрессий в отношении представителей церкви материалы Особой следственной комиссии описывают случаи массовых расстрелов заложников из лагерей в 1919 г. В частности, в материалах отмечен расстрел более 1 тыс. заложников в Харькове: «В концентрационном лагере на Чайковской улице вырыто тридцать три трупа расстрелянных большевиками заложников. Большевики не только расстреливали заложников, но и рубили их шашками у вырытых могил, закапывали живыми в могилы, бросали в канализационные колодцы. Подземные казематы заливались водой, в которой тонули заложники <...> Дом, в котором еще так недавно помещался концентрационный лагерь для буржуев и контрреволюционеров и где зверствовал садист Саенко, окружен рвом и колючей изгородью. Проникнуть в дом можно только через маленький мостик. Весь дом в настоящее время совершенно пуст». Данные факты расстрелов

²⁶³ Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг. Расследования Особой комиссии. Волгоград, 2022. С. 4–36.

²⁶⁴ Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 79. С. 65.

²⁶⁵ Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. М., 1994. С. 306.

подтверждаются отдельными исследованиями²⁶⁶, а также фотоматериалами 1919 г., хранящимися в фондах «Дома русского зарубежья»²⁶⁷.

Нередко священники, монахи, а также активные миряне оказывались в лагерях в качестве заложников, либо фигурантами судебных процессов. 11 января 1920 г. в Москве в Октябрьском зале бывшего Дворянского собрания (в будущем — Колонный зал Дома Союзов) начался открытый процесс по делу «Совета объединенных приходов города Москвы».

Советы объединенных приходов являлись общественными организациями в различных губерниях. Их целью была защита прав верующих, которая включала в себя защиту церковного имущества. 30 января 1918 г. на выборной основе был образован Совет объединенных приходов Москвы, председателем которого стал Александр Дмитриевич Самарин — бывший обер-прокурор Святейшего Синода и кандидат на патриаршество на Всероссийском Поместном соборе 1917 г. Совет стремился объединить мирян и духовенство в единую организацию по защите прав церкви в Москве.

Естественным образом советская власть видела в подобных организациях антибольшевистский уклон, что по своей сути было именно так. Руководители Совета, начиная с момента его образования, неоднократно подвергались арестам. Сам Самарин под угрозой заключения был вынужден покинуть Москву летом 1918 г., но все же был арестован ЧК в Брянске, после чего был отправлен в Бутырскую тюрьму в Москву. Весной 1919 г. он был ненадолго отпущен и вновь арестован уже в связи с готовящимся процессом над всем Советом, как единой контрреволюционной организацией. Находясь в этот момент в Москве, Н.П. Окунев описал этот процесс в своем дневнике: «После пятидневного разбирательства в Московском Губернском трибунале дела бывшего обер-прокурора Синода А.Д. Самарина, бывшего профессора духовной академии Н.Д. Кузнецова и др. лиц, причастных к современному управлению Православной

²⁶⁶ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 96.

²⁶⁷ Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 1 Оп. 2. Ед. хр. 66 (Гешвенд Олег Александрович). Л. 493.

церкви и подозреваемых в контрреволюционной деятельности, первые двое после обвинительной речи неутомимого Крыленко — приговорены к расстрелу, но в силу ноябрьской амнистии этот приговор был заменен заключением их в концентрационный лагерь с принудительными работами «вплоть до окончания гражданской войны»²⁶⁸.

Лагеря рассматривались советской властью как превентивная мера по сдерживанию опасного элемента, и в случае обострения конфликта между противоборствующими сторонами большевики отвечали самыми жесткими мерами по отношению к лагерным заключенным. Например, 25 сентября 1919 г. в ходе атаки анархистов на съезд Московского комитета РКП(б) в Москве, в Леонтьевском переулке, было убито 12 человек. Помимо постановления МЧК о расстреле прямых участников данной террористической организации, был издан специальный приказ Дзержинского о расстреле по спискам «всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях»²⁶⁹. Точное количество расстрелянных по данному приказу в концентрационных лагерях до настоящего времени остается неизвестным. Лагерное заключение в годы Гражданской войны было не столь опасно, сколько возможность в любой момент оказаться частью реакционных стихийных расстрелов ВЧК. Превентивность мест заключения как революционную необходимость обосновывал В.И. Ленин на пленуме ВЦСПС в 1919 г.: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше»²⁷⁰. Стоит полагать, что данное высказывание относится также в полной мере и к лагерной системе.

²⁶⁸ Окунев Н.П. Дневник москвича ... Кн. 2. С. 6.

²⁶⁹ Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004, С. 121.

²⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 295.

Повсеместный информационный вакуум и лишь обрывочные свидетельские данные и слухи создавали в обществе обстановку общего страха, который распространялся по обе стороны лагерных ворот и тюремных камер. Заключение, находясь внутри системы лагерей, не знали своей дальнейшей участи точно так же, как и их родственники на свободе. Родственники заключенных зачастую оказывались в положении полного неведения. Ни ВЧК, ни губернские ревтрибуналы не сообщали им ни причину ареста, ни приговор, а зачастую даже место заключения. Ближним оставалось лишь писать запросы в различные инстанции и ходить на приемы к начальству, добиваться которых также могли месяцами. В ГУПР сыпались письма с просьбой установить местонахождение своих родственников и причину их заключения: «Муж мой, Иосиф Зонн, был арестован 27-го июня 1919 г. в Павловске во время обхода и препровожден в штаб, откуда его направили в Петроград. Продержав его при Штабе Обороны пять дней без допроса, направили в Чрезвычайную Комиссию, опять без допроса, перевели на Шпалерную и, наконец, отослали в Москву, где он и находится с 5-го июля. Был заключен в концентрационный лагерь (Ново-Песковский пер. 5). В данный момент переведен в Покровский лагерь. <...> Я хочу знать, в чем заключается его преступность? В данное время, Иосиф Зонн, как и всегда, обыкновенный, маленький человек, спекуляцией и контрреволюцией не занимался. Я слишком верю в правый революционный суд и не могу допустить, чтобы без вины мог бы человек сидеть в заключении. Я, Юлия Зонн, ручаюсь за Иосифа Зонн и его лояльность к советской власти вплоть до расстрела»²⁷¹.

Между карательным аппаратом и рядовыми гражданами существовала огромная дистанция. Размытые формулировки правительственных постановлений и приказов различных ведомств фактически развязывали руки ревтрибуналам и ЧК по проведению политики террора. К осени 1920 г. московские лагеря оказались сильно перегружены военнопленными Гражданской войны²⁷², в связи с

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 8. Л. 39-40об.

²⁷² В частности, военнопленные латыши и литовцы, плененные в ходе советско-литовской войны 1918-1919 гг. Согласно статье 15 мирного договора 1920 г. все пленные прибалтийцы

чем НКВД РСФСР принял решение об отправке части заключенных в другие лагеря. Так, 19 октября 1920 г. около 1 434 заключенных московских лагерей были вывезены в Екатеринбургский лагерь, который был специально организован для разгрузки. Некоторые родственники, желая быть рядом со своими близкими, отправлялись вслед за эшелонами на Урал. Жена одного из осужденных, Елена Дмитриевна Томилина, прибыв в конце октября в Екатеринбург, описывала в своем письме в ГУПР условия содержания заключенных, помещенных в бывший епархиальный дом без отопления, воды и горячей пищи. Добиваясь возможности встретиться с мужем, она получила лишь 10 минут свидания²⁷³.

Добиваясь справедливости, родственники этапированных писали письма в МЧК, ГУПР и председателю Моссовета Льву Каменеву: «Больше ста человек находятся в одной камере. Только счастливы спят на полу, остальные стоят. Приехавшим из Москвы не дают свидания, или если дают, то только на 10 минут в присутствии нескольких конвойных»²⁷⁴. Как выяснилось позже, по приезде этапов в Екатеринбург, никакого лагеря для заключенных предварительно организовано не было, а размещение людей в епархиальном доме было импровизацией местного подотдела принудительных работ. Впоследствии заключенные были распределены по другим лагерям Нижнего Тагила, Верхотурья и Екатеринбурга.

Из-за массивных бюрократических барьеров, выстроенных между лагерем и свободой, родственникам порой не к кому было обратиться по поводу судьбы своих близких, кроме общественных организаций. В 1918 г. в Москве общественными деятелями Н.К. Муравьевым и Е.П. Пешковой²⁷⁵ была создана организация «Московский комитет Политического Красного Креста» (ПКК), целью которой было оказание помощи политическим заключенным. С 15 июля 1918 г. Муравьев получил для ПКК право беспрепятственного посещения всех

должны были быть отпущены. Данный процесс был сильно затянут советской стороной до подписания Рижского мирного договора 1921 г.

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 89. Л. 50–50об.

²⁷⁴ Там же. Л. 62.

²⁷⁵ Жена писателя Максима Горького.

московских мест заключения. Пешкова отвечала за посещение тюрем, а Л. Елипер — за посещение концентрационных лагерей²⁷⁶. В адрес Красного Креста, в частности лично на имя Екатерины Павловны Пешковой, поступали письма, жалобы и просьбы от заключенных со всей России, в том числе из Москвы. Таким образом, можно сказать, что на момент начала 1920-х годов у заключенных московских лагерей был официальный правозащитный орган, представлявший их интересы.

Обращения заключенных в Красный Крест были в основном связаны с ужасными бытовыми условиями, которые испытывали на себе заключенные лагерей. Большинство писем в организацию описывали тяжелое положение заключенных, связанное с нехваткой одежды и питания, острым дефицитом медикаментов. Довольно частым ходатайством в письмах были просьбы о переводе больных и пожилых заключенных, а также заключенных с детьми. Отдельно стоит отметить письма, в которых содержатся жалобы на режим содержания, постоянные обыски и досмотры, грубое обращение. Общение представителей «Красного креста» происходило через лагерных старост, которых выбирали сами заключенные. Известны фамилии кураторов из ПКК некоторых московских лагерей: Фролова и Хорошко курировали Андроньевский лагерь, Элингер — Ивановский, Козлова — Кожуховский²⁷⁷. Кураторы предоставляли отчеты о положении дел в лагерях, на основании которых составлялись послания в Моссовет, ВЦИК и в ВЧК.

Обследование лагерей также проводилось и в Московской губернии, в частности, в Крюковском лагере, где на тот момент содержалось 149 заключенных. Московские губернские лагеря отличались более мягким режимом содержания: были разрешены неограниченные свидания с родственниками, передачи, посещение церковных служб и др.²⁷⁸ В «Красном кресте» работала своя медицинская комиссия, которая помогала лагерным санитарам в диагностике,

²⁷⁶ Леонтьев Я.В. Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа // Археографический ежегодник. 1997. Т. 1. № 1. С. 161.

²⁷⁷ Мухутдинов А.А. Политический Красный крест. М., 2015. С. 50.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 86. Л. 3об.

лечении заключенных, а также доставке возможных медикаментов и перевязочных материалов. Например, в июле 1921 г. по инициативе Наркомздрава Политический Красный Крест был уполномочен организовать мероприятия по прививке для заключенных Москвы: «Принимая во внимание, что Кресту нельзя делать в этом вопросе разницы между политическими и неполитическими заключенными, а с другой стороны, что не все заключенные согласятся сделать прививку <...> нужно считать, что количество лиц, которым Крест может сделать прививку выразится приблизительно цифрой 6 000, из расчета, что всех заключенных в Москве 12 000»²⁷⁹.

По статистике, Красный Крест в основном помогал представителям интеллигенции, бывшим офицерам и членам других партий, за что не раз подвергался критике как организация, не сочувствующая пролетариату. Например, среди 1 000 заключенных Покровского лагеря на момент его открытия в 1921 г. подопечными ПКК были только 70 политических заключенных²⁸⁰. Тем не менее, члены ПКК старались направлять свои доклады и прошения всегда в отношении коллектива заключенных, а не отдельных представителей.

Сотрудники организации навещали заключенных, проводили беседы. Е.П. Пешкова лично разбирала письма, приходившие в организацию, и ходатайствовала за заключенных перед ВЧК. Юристы организации зачастую добивались смягчения приговора или полного освобождения. В 1920 г. ПКК организовал перепись всех заключенных московских тюрем и лагерей. В 1921 г. юридическая комиссия ПКК обработала часть всех опросных листов заключенных, на основе которых в ВЧК было направлено 1 667 ходатайств²⁸¹. После подавления Тамбовского восстания весной 1921 г. ПКК активно помогал заложникам, больным тифом, которые находились в Семеновском и Кожуховском лагерях.

²⁷⁹ Там же. Д. 24. Л. 3.

²⁸⁰ Мухутдинов А.А. Политический Красный крест. М., 2015. С. 54.

²⁸¹ Там же. С. 76.

Составленные ПКК опросные листы заключенных московских мест заключения дают важную информацию по социальному составу московских лагерей. К 1921 г. только 24% заключенных лагерей были жителями Москвы и Московской губернии, а 60% были этапированы из других губерний. В сравнении с московскими тюрьмами, в лагерях практически не содержались политические заключенные, только 4% против 13% в тюрьмах. Этим объясняется также соотношение сохранившихся воспоминаний о тюрьмах и лагерях этого периода. Описаний тюремного быта по воспоминаниям узников до нас дошло несравнимо больше. Об условиях содержания в московских лагерях говорит уровень заболеваемости заключенных, который к 1921 г. составлял 64% всего контингента. В то же время в тюрьмах заболевшие составляли всего 41–48%²⁸².

Тем не менее, в годы становления советской власти никто не запрещал простым заключенным писать жалобы в более высокие инстанции, чем ПКК. Заключенные лагерей могли писать обращения в ГУПР, ВЧК, НКВД и даже в Совнарком. Удивительно, но некоторые из таких обращений действительно рассматривались на собраниях высшего руководства страны. Например, 2 августа 1920 г. на собрании малого Совнакрома с присутствием В.И. Ленина и наркома юстиции Д.И. Курского рассматривалось дело простого уголовника: «И.И. Матвеев, вор-рецидивист, по кличке “Ванька-печник”, был арестован в подпольном притоне — меблированных комнатах “Чернолипец” по Уланскому переулку в Москве <...> Постановлением Президиума ВЧК от 28 апреля 1920 г. приговорен к 3 годам заключения в лагерь принудительных работ. После вынесения приговора Матвеев обращался во ВЦИК и Наркомюст с просьбой о пересмотре дела. 26 июля 1920 г. Президиум ВЧК рассмотрел жалобу Матвеева и оставил постановление от 28 апреля 1920 г. в силе, о чем было сообщено во ВЦИК»²⁸³.

Московский Политический Красный Крест распался в 1922 г., когда его члены подверглись давлению и репрессиям в виде принудительных высылки из

²⁸² Там же. С. 105-115.

²⁸³ В.И. Ленин и ВЧК ... Ч. 2. С. 111.

страны. С 1922 г. организация функционировала под новым названием «Помощь политическим заключенным» и просуществовала до 1938 г.

За заключенных лагерей, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, заступались не только члены ПКК, но и другие организации, никак не связанные с политической, либо правозащитной деятельностью. За своих сотрудников, отправленных в заключение в лагерь, хлопотали учреждения культуры, науки и искусства. Особенным образом здесь можно выделить Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения²⁸⁴, сотрудники которой были в основном выходцами из старой интеллигенции и подозревались в нелояльности новым порядкам. В архиве Государственного исторического музея сохранились обращения в ГУПР за 1919–1921 гг. с просьбами освободить сотрудников Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, обвиненных в контрреволюционной деятельности, в частности, библиотекаря Академии истории материальной культуры (РАИМК) А.С. Раевского²⁸⁵, делопроизводителя Государственного музейного фонда Е.И. Лебедеву и др.²⁸⁶. Руководство Отдела ходатайствовало перед ГУПР об освобождении своих сотрудников, либо, если это представлялось невозможным, направить их на принудительные работы по специальности — в музеи или другие учреждения культуры. Наиболее трагическая ситуация развернулась вокруг одного из главных организаторов музейного дела в Советской России и ученого секретаря Румянцевского музея — Викентия Викентиевича Пашуканиса. Викентий Викентиевич в 1919 г. был обвинен в присвоении денег и музейных ценностей, которые он лично спасал от разграбления, а также в содействии контрреволюционным монархическим организациям. По постановлению ВЧК В.В. Пашуканис был расстрелян 13 января 1920 г.

²⁸⁴ С 15 ноября 1918 г. Коллегия была переименована в Отдел по делам музеев и охране памятников.

²⁸⁵ Несмотря на многочисленные ходатайства об освобождении со стороны РАИМК, Александр Сергеевич Раевский, вероятнее всего, скончался в декабре 1920 г. в Андрониковском лагере в Москве. Подробнее см.: Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку. СПб., 2022. С. 647-658.

²⁸⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 165. Л. 174, 206.

В 1920 г. в Москве прокатилась волна арестов музейных сотрудников. Среди арестованных были П.Н. Миллер — хранитель музея Старой Москвы²⁸⁷ (содержался в Ново-Песковском лагере), И.Н. Томашевский — научный сотрудник Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения, А.А. Карзинеин — научный сотрудник Исторического музея Москвы (содержался в Бутырской тюрьме) и др. Музейные сотрудники, многие из которых не были профессиональными музейщиками, а представляли различные области гуманитарного знания, проходили как члены различных антибольшевистских монархических или социалистических партий, объединенных под общим названием «Тактический центр», который возник в Москве в 1919 г.

В этот же центр входил и С.П. Мельгунов, автор работ о красном терроре; князь С.Е. Трубецкой, философ и общественный деятель; О.П. Герасимов, историк, филолог, который скончался во время следствия в 1920 г. и многие другие. Встречи Тактического центра проходили в Москве на конспиративных квартирах, в том числе на квартире дочери писателя Льва Николаевича Толстого — Александры Львовны Толстой. Московская интеллигенция сохранилась к началу 1920-х годов узким кругом, где многие держались друг друга и сохраняли доверительные отношения. Например, О.П. Герасимов, разрабатывавший для Тактического центра планы демократических преобразований России, был домашним воспитателем детей Л.Н. Толстого, в том числе Александры Львовны.

Летом 1920 г. начались следственные мероприятия по делу Тактического центра, которые закончились крупным показательным судебным процессом в августе 1920 г. Процесс проводил Верховный революционный трибунал под председательством заместителя председателя ВЧК И.К. Ксенофонтова в здании Политехнического музея. Процесс Тактического центра проходил в Москве с 16 по 20 августа 1920 г. и широко освещался в советской печати. По результатам вынесенного приговора из 28 обвиняемых на суде, 19 человек получили

²⁸⁷ Музей с 1921 г. располагался в здании бывшего Английского клуба на Тверской улице. С 1924 г. здесь был открыт Государственный музей революции СССР.

расстрельный приговор. Вот как описывает эти события в своем дневнике Н.П. Окунев: «Верховный революционный трибунал разобрал дело так называемого “Тактического центра”, объединявшего “контрреволюционные” организации (“Совет общественных деятелей”, “Национальный центр”, “Союз возрождения”, “Торгово-промышленный комитет”, “Кусковский клуб”, “Союз русской молодежи” и “ЦК кадетской партии”). Ничего такого “Тактический центр” не сделал, что бы могло свергнуть советскую власть, но деятелей его Д.М. Щепкина, С.Е. Трубецкого, С.П. Мельгунова, В.Н. Муравьева, Г.Ф. Филатьева, Н.М. Кишкина, Д.Д. Протопопова, В.И. Стемповского, С.А. Котляревского и еще некоторых — постановлено расстрелять и только в силу первомайской амнистии — заменить расстрелы тюремным заключением на разные сроки. Кроме них обвинялись и еще “бывшие” известные лица: С.А. Морозов, А.Л. Толстая, Н.С. Пучков, проф. Н.К. Кольцов, С.Д. Урусов, и др. — тех в концентрационный лагерь. Обвинял, конечно, Крыленко, и некоторым, по его требованию, быть бы как бычкам “на веревочке”, да неожиданно выступил на суде Троцкий и высказался за смягчение участи подсудимым, так как некоторые из них (например, В.Н. Муравьев), состоят уже на службе у советской власти и, безусловно, ей преданы»²⁸⁸.

Описанная выше группа заключенных (деятели науки, культуры и искусства) составляла небольшую часть населения лагерей к началу 1920-х годов — около 0,6%. К таким же малочисленным группам относились инженеры и техники (0,8%), работники медицины (1%), бухгалтера и счетоводы (2,6%) работники связи (0,7%)²⁸⁹ и др. Наиболее существенную группу заключенных лагерей из категории работников умственного труда представляли советские служащие, которые на 1921 г. составляли 12,5%²⁹⁰ от общего числа лагерного населения. Советские служащие попадали в лагеря как за контрреволюционные

²⁸⁸ Окунев Н.П. Дневник москвича ... Кн. 2. С. 66.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 19об.

²⁹⁰ Там же.

преступления, так и за вполне уголовные: кража, спекуляция, должностные преступления и др.

В лагерь могли попасть и сотрудники самих лагерей за различные провинности, что в послереволюционные годы было не редкостью. Как и в случае с другими советскими учреждениями, НКВД и ВЧК испытывали острую нехватку кадров. Поэтому нередко на административные позиции или на охрану лагерей (до весны 1921 г.) назначались заключенные. Прибывшая 7 августа 1919 г. в Андрониковский лагерь княгиня Т.Г. Куракина так описывала администрацию лагеря: «Комендант и его помощник были коммунисты — из-под сохи, нахватавшиеся Маркса тупорылые хамы, глупые донельзя, но воображающие, что они постигли самую мудрость. Конвой в Андроньевском лагере состоял из пленных от армии Колчака и относился к арестованным очень хорошо. Я часто вела с ними беседы, интересуясь тем, каковы их политические убеждения, их отношение к советской власти, к белым, к Колчаку и пр. Увы, после каждого разговора выносила самое неутешительное впечатление. Большевиков они не любили и не сочувствовали им, коммунизм ругали, зверства советской власти возмущали их — но и к белым они относились совершенно равнодушно и вообще никаких политических убеждений не имели. Обещали им помещичью землю — за это они и держались зубами, а на остальное им было наплевать. Что касается военных операций, то один из конвоиров, в общем, не глупый, развитой парень, мне сказал: “Да по правде сказать — нам-то какое дело, за кого воевать, за красных или за белых? Когда Колчаку везет и когда у него в армии служить выгоднее, то мы на его стороне. Когда Колчака бьют и у красных лучше, мы к красным переходим. Вот я, например, 7 раз перебежал, то к красным, то к белым. А товарищ у меня есть — так тот 9 раз перебежал”»²⁹¹.

В 1918–1921 гг. крупные города России, и Москва в частности, жили в состоянии перманентного террора со стороны советской власти. Газеты публиковали стенограммы процессов, резолюции и списки приговоренных к

²⁹¹ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 178.

расстрелу лидеров антибольшевистских сил. «23 сентября 1919 года на улицах Москвы, перед расклеенными по стенам домов газетами толпилось много народу. Список шестидесяти семи расстрелянных с Н.Н. Щепкиным во главе был опубликован в этот день»²⁹², — писала в своих дневниковых записях П.Е. Мельгунова-Степанова о расстреле членов монархической организации «Всероссийский национальный центр». Если в официальных сводках бюро печати НКВД за июнь 1918 г. по г. Москве был расстрелян 21 человек, а за июль — 9, то с началом красного террора эта цифра резко возрастает: сентябрь 1918 г. — 168 расстрелов (из них 140 — политических, большая часть за подготовку восстания)²⁹³.

В годы Гражданской войны общество ощущало острую нехватку информации, в связи с чем, значительно повышалась роль слухов. Послереволюционная Россия жила слухами в ожидании официальных новостей. Ключевыми словами в дневниковых записях этого периода становятся «говорят», «ходят слухи», «пришли известия» и др. Военное положение, информационный голод и официоз газетных статей способствовали конструированию обществом собственной реальности: «ходят слухи, что взят уже и Минск, и даже Петроград, а на престол возведен Павел Александрович», — писала в 1918 г. в своем дневнике учащаяся Нижегородского Мариинского Института благородных девиц Анна Александровна Аллендорф²⁹⁴. Отсутствие достоверной информации и источников способствовали распространению слухов о политических репрессиях и пенитенциарной системе Советской России среди русской эмиграции.

Историк Сергей Мельгунов, эмигрировав из России в 1922 г., написал ряд работ о красном терроре на основании как официальных изданий ВЧК, так и личного тюремного опыта и разнообразных частных сведений: «В бытность

²⁹² Мельгунова-Степанова П.Е. Где не слышно смеха // Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 66.

²⁹³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 55. Л. 1-4.

²⁹⁴ Цит. по: Кондакова Е.В. Образы Гражданской войны в личных дневниках // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. Ижевск, 2018. С. 69.

комендантом Бачулиса²⁹⁵, человека крайне жестокого, немало людей было расстреляно за ничтожнейшие провинности. Про него рассказывают жуткие вещи. Говорят, будто он разделял заключенных на десятки и за провинность одного наказывал весь десяток. Рассказывают, будто как-то один из заключенных бежал, его не могли поймать, и девять остальных были расстреляны <...> Этот случай был рассказан одним из надзирателей»²⁹⁶. Данные материалы о концентрационных лагерях РСФСР Мельгунов брал из сборника воспоминаний о красном терроре Центрального бюро партии эсеров, вышедшем в Берлине в 1922 г., «ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий». Многие из авторов в целях своей безопасности предпочли публиковаться под псевдонимами.

С особой силой слухи в Москве распространялись по другую сторону лагерных ворот. Заключенные месяцами пребывали в состоянии полной неопределённости по поводу своей участи. Слухи о внесудебных расстрелах ЧК и о далеких северных лагерях, куда также отвозят на расстрел, парализовали сознание многих арестантов. Ситуацию омрачало состояние неопределённости у многих заключенных, помещенных в лагеря в административном порядке или без объявления приговора. Заключенные прекрасно понимали, что они в любой момент могут оказаться в другом статусе, быть переведены в другой лагерь, разлучены с близкими или расстреляны. В особенности этот страх затрагивал заключенных женщин, которые нередко отправлялись в лагеря со своими детьми и боялись разлучения с ними.

Женщины составляли относительно небольшую долю населения советских лагерей, порядка 5–10%. В отдельных лагерях их доля могла увеличиваться до 20–30%. Например, в сентябре 1921 г. из 568 заключенных Кожуховского лагеря в Москве количество заключенных женщин составляло 135 человек²⁹⁷. Основная масса заключенных-женщин являлась заложниками, т.е. родственниками участников Белого движения, либо представителей оппозиционных большевикам

²⁹⁵ Иосиф Бачулис являлся комендантом Холмогорского лагеря Архангельской губернии.

²⁹⁶ Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979. С. 135.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 98. Д. 203. Л. 65.

политических партий. Другая существенная часть заключенных-женщин приходилась на лиц, ведущих асоциальный образ жизни: проституция, наркомания, мелкие кражи и др. Бывали случаи, когда в заложники брали женщин, которые являлись женами или родственницами красноармейцев, которые дезертировали. Например, Политический Красный Крест в 1919 г. подал ходатайство об амнистии на заключенную-заложницу Т.Г. Курдалимову, раскрыв состав ее «преступления»: «Арестована 29-го августа в деревне Мальна Витебской губернии вместе с матерью и отцом мужа, который освобожден в Великих Луках. Поводом к аресту послужило исчезновение мужа красноармейца с фронта. Взята как заложница за мужа. Зная убеждения мужа, категорически отрицает возможность перехода его к белым. Вообще факт перехода не установлен и возможно, что муж погиб в бою. Таким образом, содержится в качестве заложницы за мужа, вина которого не установлена и не обоснована».²⁹⁸

Из-за большого потока заключенных, направляемых в Москву, в 1920 г. ГУИР предпринял структуризацию всей московской лагерной системы. С этого момента в столице начинает работать Новопесковский лагерь-распределитель (сам лагерь существовал с 1919 г.), через который проходят все вновь поступившие заключенные. Из распределителя заключенные группами направлялись в профилированные лагеря, которые в свою очередь имели две формы подчинения:

1. Лагеря, подведомственные Главному Управлению принудработ:

- Ивановский лагерь для осужденных до конца войны и долгосрочные;
- Андрониковский лагерь для осужденных до конца войны и долгосрочные;
- Кожуховский лагерь для военнопленных;

2. Лагеря, подведомственные Московскому управлению принудработ:

- Покровский лагерь для долгосрочных;
- Новоспасский лагерь для женщин разных сроков;
- Владыкинский лагерь для осужденных на различные сроки;
- Ордынский лагерь для осужденных на разные сроки;

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 88. Л. 5об.

- Рождественский лагерь для осужденных поляков;
- Звенигородский лагерь для осужденных поляков²⁹⁹.

Из приведенного списка видно, что НКВД не ставил перед собой цель сортировать заключенных по характеру преступлений, ограничиваясь делением всего контингента на три группы: военнопленные, женщины и все остальные. До 1920 г. в Москве не было отдельного лагеря для женщин, зачастую женщинам-заключенным приходилось делить одни бараки с мужчинами. Подобное общежитие описывала в своих воспоминаниях княгиня Куракина: «Такое сожительство было весьма оригинально. Невольно вырабатывались замечательно примитивные нравы»³⁰⁰. Сожительство мужчин и женщин в одном лагере сказывалось на моральном состоянии последних не лучшим образом. Женщины подвергались в лагере и на работах различного рода унижениям и излишнему нежелательному вниманию со стороны как заключенных мужчин, так и лагерного персонала. Как отмечал в своем отчете инспектор подотдела принудительных работ по Лианозовскому лагерю в октябре 1921 г., «население в лагере среди мужского населения бодрое и здоровое, среди женщин — подавленное, унылое и тяжелое»³⁰¹.

С 1920 г. в Москве был выделен отдельный лагерь — Новоспасский для «заключенных женщин, проституток»³⁰². Также женщины иностранного подданства (заложницы по 9-й категории от иностранной буржуазии) содержались вместе с мужчинами в Ивановском лагере. Несмотря на то, что в Москве для женщин пытались сформировать целые отдельные лагеря, все же небольшие группы женщин продолжали содержать практически во всех лагерях.

Отношение к женщинам в советских лагерях было довольно лояльным. Женщинам разрешалось самоуправление внутри бараков. За поддержание порядка отвечали выбранные старосты. В свободное от работ время женщинам разрешалось пение и танцы. 8 марта 1921 г. был учрежден Международный день

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 6. Л. 2.

³⁰⁰ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. ... С. 176.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 223. Л. 79об.

³⁰² ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 878. Л. 9.

работниц, который впоследствии станет Международным женским днем. Данное решение было принято на II Международной конференции коммунисток, которая состоялась в 1921 году в Москве во время III конгресса Коминтерна. Праздник был учрежден в память о забастовке женщин 23 февраля 1917 г. (по Юлианскому календарю), работавших на ткацких фабриках Выборгской стороны в Петрограде. Как большевики, так и их оппоненты отдельно отмечали заслуги женских забастовок в Петрограде и Москве в организации революционного движения в 1917 г. Известный российский и американский социолог П.А. Сорокин, находясь во время Февральской революции в Петрограде, писал в своем дневнике: «Если будущие историки захотят узнать, кто начал русскую революцию, то им не следует создавать запутанной теории. Революцию начали голодные женщины и дети, требовавшие хлеба. Они начали с крушения трамвайных вагонов и погрома мелких магазинчиков. И только позже, вместе с рабочими и политиками, они стали стремиться к тому, чтобы разрушить мощное здание русского самодержавия»³⁰³. С момента учреждения праздника в 1921 г. во всех местах заключения в Советской России ежегодно 8 марта проводилась частичная амнистия среди женщин-заключенных. Также, согласно совместному постановлению НКЮ и НКВД от 20 декабря 1921 г. из лагерей освобождались все женщины, имевшие с собой детей, не достигшие 14-летия, все подростки младше 16 лет и женщины старше 50 лет³⁰⁴.

Одной из самых известных женщин-заключенных была Александра Львовна Толстая, арестованная весной 1920 г. На момент ареста А.Л. Толстая являлась комиссар-хранителем усадьбы Ясной поляны. Вместе с ней была арестована София Александровна Стахович – сотрудник по разработке архива в Ясной поляне, друг семьи Л.Н. Толстого и в прошлом фрейлина императрицы Александры Фёдоровны. А.Л. Толстая была арестована по делу Тактического центра, члены которого собирались на квартире Александры Львовны. В своих

³⁰³ Цит. по: *Стайтс Р.* Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. // Гендерная реконструкция политических систем. СПб., 2004. С. 300.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 1. Л. 4.

воспоминаниях Толстая писала, что никогда не интересовалась политикой и в целом не знала, для кого именно она предоставляет свою квартиру: «Больше года тому назад друзья просили меня предоставить им квартиру Толстовского Товарищества для совещаний, что я охотно сделала. Я знала, что совещания эти были политического характера, но не знала, что у меня на квартире собиралась головка Тактического Центра»³⁰⁵.

Александра Львовна была приговорена к трем годам заключения и была направлена в Новоспасский лагерь, который располагался в Новоспасском монастыре в Москве. В первые годы советской власти осужденные зачастую отбывали наказание в тех городах и регионах, в которых проходило судебное заседание. Как правило, для этапирования осужденных НКВД не предоставляло транспортных средств, и заключенные направлялись из следственных тюрем к местам отбывания пешими этапами с конвоем.

Новоспасский лагерь был образован в Москве одним из первых в августе 1918 г. и был рассчитан на 250 человек. В лагере была развитая система управления, помимо коменданта, его заместителей и внутренней охраны, в лагере находился делопроизводственный отдел, фельдшерский пункт, каптенармус (хозяйственный отдел) и канцелярия, состоящая из заключенных. Заключенные были распределены по камерам согласно категориям их преступлений. С 1920 г. Новоспасский лагерь был полностью предназначен для размещения женщин. В лагере женщины работали в устроенных мастерских, а также в городе, главным образом на очистке улиц, откуда зачастую совершали побег. Так, в рапорте старшего конвоира Новоспасского лагеря красноармейца И.Ф. Руденко был описан побег трех женщин 3 января 1920 г.: «Утром сего числа привел партию женщин в 25 человек и привел их к месту назначения. Там их заставили чистить снег на улице. Когда закончили работу, то собрали всех в помещение и рассчитали их — все были на лицо. Тут стали выдавать деньги, и в это время стала входить и выходить вольная публика, служащие, рабочие и др. В помещении набралась масса публики и в общей толкотне и суматохе три

³⁰⁵ Толстая А.Л. Проблески во тьме. М., 1991. С. 19.

женщины очевидно и бежали. Тут было очень трудно уследить <...> так как трудно отличить вольную публику от заключенных»³⁰⁶.

Александра Львовна Толстая попала в Новоспасский лагерь осенью 1920 г. Староста лагеря распределила Толстую в камеру для женщин-заключенных по политическим мотивам, которая располагалась в бывшем келейном корпусе: «Я толкнула дверь и очутилась в низкой, светлой квартирке. И опять пахло спокойствием монастыря от этих чистых, крошечных комнат, печей из старинного с синими ободками кафеля, белых стен, некрашенных, как у нас в деревне, полов»³⁰⁷.

Вместе с Толстой в одном келейном корпусе находились в заключении баронесса Елизавета Владимировна Корф и дочь прославленного русского генерала Александра Васильевича Каульбарса — Тамара Александровна. Помимо заключенных, выходцев из аристократических кругов, в лагере содержались уголовницы, которых было большинство. Столкновение нравов этих двух групп было неизбежным и закономерным явлением, что приводило первых к поиску различных практик и стратегий выживания в лагере. Одним из первых и повсеместных явлений, с которым сталкивалась люди из бывшей аристократии и интеллигенции, были кражи со стороны уголовного элемента.

Кражи в лагере проходили с попустения администрации, носили тотальный характер и распространялись не только на личные вещи других заключенных, но и на имущество лагеря, а также на церковные предметы тех монастырей, где находился лагерь. Разграблению подвергались церкви, ризницы, хранилища и даже кладбища. Подобную картину разграбления бывших монастырей описывает в своих воспоминаниях Александра Львовна: «Девчонки тут, все больше из проституток, могилы разрывают, ищут драгоценности. Надзиратели обязаны гонять, днем неудобно, ну, так они по ночам. Должно быть, надзиратели тоже какой-нибудь интерес имеют, вот и смотрят на это сквозь пальцы. Я вышла во двор. Почти все свободное от построек место занимало кладбище. Должно быть,

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 3. Л. 64.

³⁰⁷ Толстая А.Л. Проблески во тьме. М., 1991. С. 53.

прежде оно действительно было очень богатое, теперь оно представляло из себя страшный вид разрушения и грязи. Недалеко от входа в монастырь, слева, могила княжны Таракановой, дальше простой, каменный склеп первых Романовых. На мраморной черной плите, разложив деньги, две женщины играли в карты, тут же рядом развороченная могила — куски дерева, человеческие кости, перемешанные со свежей землей и камнями»³⁰⁸.

Из-за большого количества заключенных, «морально разлагающих население» (проституток), главным образом конвоиров и надзирателей в Новоспасском лагере, коменданту тов. Левину весной 1920 г. ГУПР предписал предпринять экстраординарные меры «в области борьбы со злом». А именно заменить всех конвоиров мужского пола на женщин-красноармейцев «из числа морально безупречных»³⁰⁹. Данный эпизод очень ярко описан в воспоминаниях Александры Львовны, когда для конвоирования ее и еще нескольких заключенных-женщин из Новоспасского лагеря в Ивановский к врачу-стоматологу была выделена молодая девушка-красноармеец по имени Кузя: «Нас собралось человека четыре с больными зубами. Надо было идти довольно далеко — в Ивановский монастырь, также превращенный в лагерь, где имелся зубной врач для заключенных. Ждали охрану. — Ну идемте, что ли! — крикнула нам, выходя из конторы, красноармейка. Я оглянулась на Кузю. Какое это было несчастное создание! Маленькое худенькое личико утопало в громадной фуражке, хлястик шинели, тащившейся по земле, спускался вершка на два ниже, сапоги были настолько велики, что Кузя волоком тащила их за собой, тяжелая винтовка давила худенькие плечи, громадный наган, висевший у пояса, завершал обмундирование этой девочки, которой на вид было не больше 16 лет»³¹⁰.

Важной проблемой соседства с заключенными-уголовниками были регулярные кражи передач для заключенных, которые поступали от родственников и друзей, а также от Красного креста для политических

³⁰⁸ Там же. С. 56.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 99. Л. 59.

³¹⁰ Толстая А.Л. Проблески во тьме. М., 1991. С. 59–60.

заклученных. Украденное менялось на две главные лагерные ценности: еду и папиросы. В воровстве продовольствия участвовали не только заключенные, но и лагерный аппарат. Впервые общие нормы пищевого довольствия были приняты 1 января 1920 г., когда их установил приказ Центропланбежа³¹¹.

Данный приказ вводил единые нормы довольствия для военнопленных, пленных, беженцев и заключенных лагерей. Нормы включали в себя до 400 граммов хлеба и 130 граммов мяса в день и др. Для сравнения приведем цитату из В.Т. Шаламова, который описывал Вишерский лагерь в 1929 г.: «Кормили тогда по-особому... каждый получал один и тот же казенный паек, арестантскую пайку. Каждый имел право на восемьсот граммов хлеба, на приварок – каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой, а то и без мяса и без рыбы – по известным раскладкам на манер тюремных»³¹². Установленные нормы питания в лагерях в 1920–1922 гг. на бумаге выглядели вполне приемлемо, но в действительности еда при поступлении фактически распределялась между лагерной администрацией и охраной. Заключенным отводилась лишь малая часть провизии, способная поддерживать их существование. Княгиня Т.Г. Куракина описывала питание в Андрониковском лагере следующим образом: «Кормили нас отвратительно — простыми словами, голодом морили. В день выдавали по 3/4 фунта скверного черного хлеба, 3 золотника сахара, обед в 12 часов состоял из бурды с замерзшим картофелем, или с гнилой капустой, или с пшеницей, как лакомство — иногда с чечевицей. Вечером на ужин то же самое. Жиров никаких — о мясе и думать нечего было. В нашей камере не было печки, так что совсем не топили — и это при двадцатиградусном морозе. Ночью температура в нашей камере спускалась ниже нуля. Вдобавок холод этот был сырой; подушка моя всегда была холодная и влажная. Днем мы сидели, накрывшись всем, что имели; ждали супа-бурды, как голодные собаки...»³¹³.

³¹¹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 129. Л. 18.

³¹² Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. Пермь, 2021. С. 47.

³¹³ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. ... С. 179.

Время от времени самые крупные дела, связанные с кражами продовольствия и вещей доходили до руководства ГУПР и ВЧК, которые устраивали проверки в лагерях. Результатом таких проверок являлось заключение виновных в административном порядке в лагерь. Например, в Ивановском лагере в Москве в феврале 1920 г. в результате проверки МЧК было выявлено крупное хищение продуктов и мыла каптенармусом лагеря (заведующий хозяйством) тов. Кононовым. Учитывая пролетарское происхождение, Кононов был отправлен в лагерь на полгода³¹⁴.

Кражи в лагере носили форму определённой дани или доли, которую было необходимо отдавать администрации. А.Л. Толстая описывает один из подобных случаев «откупа», свидетелем которого она стала в декабре 1920 г., находясь на дежурстве в столовой. «Дядя Миша — единственный монах, каким-то чудом удержавшийся в Новоспасском, — гремя ключами, пошел выдавать продукты. На кухне одна из кухарок стала делить на две половины масло, сахар и мясо. — Что это вы делаете? Куда это? — Коменданту и служащим <... > Я как цербер следила за продуктами, поступавшими в кухню, и настояла на своем. В первый день Рождества заключенные получили хороший обед»³¹⁵.

Уже с первых дней пребывания в лагере начались ходатайства за освобождение Александры Львовны Толстой. В ноябре 1920 г. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения написал ходатайства в Верховный Революционный трибунал о применении амнистии к сотрудникам музея Ясной поляны: Толстой и Стахович³¹⁶. На тот момент А.Л. Толстая была прикомандирована на принудительные работы в Управление автотранспортом Наркомпрода в качестве машинистки. Отдел по делам музеев просил амнистировать сотрудников Ясной поляны в честь 10-летия со дня смерти Л.Н. Толстого. Но амнистировали Толстую только через полгода — летом 1921 г. После выхода из лагеря Александра

³¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 93. Л. 1.

³¹⁵ Толстая А.Л. Проблески во тьме. М., 1991. С. 63.

³¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 165. Л. 181, 182.

Львовна работала хранителем музея Ясной поляны, а в 1929 г., во время командировки в Японию, эмигрировала и осталась жить за границей.

Зачастую в советские лагеря вместе с женщинами-заложницами направлялись и их дети различных возрастов. Заложницам, направляемым в лагеря в административном порядке, не предъявляли никаких конкретных обвинений. Причиной изоляции в лагерь, как правило, служило социальное положение или неподходящее родство. Княгиня Т.Г. Куракина в своих воспоминаниях описывает свой диалог с женщиной-следователем из Всеукраинской ЧК Егоровой в 1919 г., которая в причине ареста указала следующее: «Вы ни в чем не обвиняетесь, но Вы арестованы за то, что Вы — единственная княгиня, оставшаяся в Киеве»³¹⁷.

Княгиня Куракина была этапирована в лагерь в Москву вместе с шестнадцатилетним сыном. Сначала они были помещены в Кожуховский, а затем в Андрониковский лагерь: «Нас, дам, поместили в особое здание — бывший архиерейский дом. Электрического освещения не было; ламп также не было, свечей тоже. И вот нас впахнули в совершенно темный дом, объяснив, что там 3 комнаты, в которых мы можем расположиться по собственному усмотрению <...> Было очень холодно, и каменный, давно не обитаемый дом был до того сырой, что когда я забралась на нары, я почувствовала, что доски не то что влажные, а совершенно мокрые. Одежд нам в этот вечер не успели выдать; у меня было только свое, легкое, так что постелить нечего было. Я так устала и так скверно себя чувствовала, что, не раздеваясь и завернувшись в мое одеяло, легла, так сказать, в болото. Проснувшись, почувствовала, что вся промокла, озябла страшно»³¹⁸.

Главным страхом для женщин-заключенных была разлука со своими детьми, которые содержались с ними в лагерях. На этом страхе зачастую держалась дисциплина в лагере, включая принудительные работы. Через кураторов Политического Красного Креста заключенные-женщины передавали

³¹⁷ Куракина Т.Г. Воспоминания 1918–1921 гг. ... С. 175.

³¹⁸ Там же. С. 177–178.

прошения об освобождении их детей. Женщины из числа социалистических партий направляли на имя Дзержинского открытые письма, обвиняя ВЧК в превышении полномочий и издевательском отношении к заключенным.

Особенно известно стало открытое письмо Евгении Ратнер, члена партии эсеров, которая вместе с сыном содержалась в 1921 г. в Бутырской тюрьме: «Назначая Вас председателем всех учреждений по охране детей в России, Советское правительство так усердно рекламировало в своей прессе Ваше “золотое сердце”, что даже в душах людей, наиболее критически относящихся к этому роду литературы, могла явиться тень сомнения. Правда, Вам 3-х летний педагогический стаж в качестве председателя ВЧК, казалось бы, достаточно предопределял пути и методы воздействия на подрастающее поколение, но предполагать, что все они будут целиком применяться и к гражданам самого младшего возраста, решился бы далеко не всякий. Вот почему я считаю своим долгом привести несколько фактов из жизни одного ребенка, уже много месяцев имеющего счастье находиться на Вашем попечении. Это мой 3-х летний сын Шура, содержащийся со мной в Бутырской тюрьме <...> Других детей в его положении Вы силой отымаете у арестованных матерей»³¹⁹.

Разлученные с матерями дети помещались, как правило, в специальные детские воспитательные и трудовые учреждения для беспризорников, которые стали открываться в Советской России с 1918 г. Проблема беспризорности в годы Гражданской войны обернулась для страны настоящей социальной катастрофой. К 1922 г. по разным оценкам разных историков насчитывалось от 4 до 7 миллионов беспризорных детей³²⁰. Нарушение традиционного уклада жизни, массовый распад семей, не прекращающийся с 1914 г. ряд военных и гражданских конфликтов и уничтожение государственных институтов призрения спровоцировали небывалый рост беспризорности. Не находя возможности прокормиться в одиночку в сельских местностях, дети уходили в крупные города,

³¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

³²⁰ *Смирнова Т.М.* Дети в условиях Гражданской войны // История России: в 20 т. М., 2024. Т. 12. Кн. 2. С. 621.

где занимали низовую нишу мелких услуг, розничной торговли, а зачастую попрошайничества и бытового криминала. Начало решения вопроса детской беспризорности было положено в 1918 г. декретом «О комиссиях для несовершеннолетних», который запрещал тюремное заключение для детей и подростков³²¹, а также вводил специальные комиссии при Наркомате общественного призрения, которые занимались делами, связанными с детской преступностью.

С этого момента проблемами детской «моральной дефективности», под которой подразумевали любое антиобщественное поведение, стало заниматься профессиональное врачебное сообщество. Летом 1920 г. в Москве был проведен Первый Всероссийский съезд по социально-правовой охране несовершеннолетних во главе с В.М. Бехтеревым, В.П. Кащенко и Г.И. Россолимо. Для решения проблем воспитания трудных подростков психиатры предложили создать в стране сеть специальных медицинских учреждений, санаториев и колоний закрытого типа. Кроме того, врачи высказались за полный отказ от задержания детей и содержания их под арестом вместе со взрослыми, что уже на тот момент являлось нарушением законодательства. Результатом этого съезда стало создание детских социальных инспекций. В этот период были приняты несколько правовых решений, постановлений ВЦИК, образован ряд комиссий (в том числе Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК, созданная 1921 г. по инициативе Ф.Э. Держинского, которую в обиходе называли Детской ЧК). Но реальные шаги по ликвидации беспризорности были предприняты только во второй половине — конце 1920-х годов силами ОГПУ и милиции, которые восприняли ту самую ликвидацию беспризорности буквально, поголовно начав кампанию изъятия детей с улиц в детдома в 1927 г.

Термин «морально-дефективные дети» прочно вошел в обиход послереволюционной России. В 1918 г. в Петрограде открылся Государственный

³²¹ *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб. 2015. С. 53.

институт дефективного ребенка. В дальнейшем подобные учреждения были открыты в других крупных городах. На 1 января 1921 г. в России насчитывалось более 5 тысяч детских домов, в которых содержалось около 540 000 беспризорников³²². С декабря 1918 г. в Москве начал действовать первый реформаторий для детей, целью которого было: «изъять из тюрьмы молодых людей в возрасте от 17 до 21 года и переместить последних в учебно-воспитательное заведение в целях обучения, воспитания и подготовки их к трудовой жизни, путем преподавания практических знаний и путем расширения общего интеллектуального развития»³²³.

В июне 1919 г. в подмосковном Звенигороде был организован экспериментальный лагерь для «морально-дефективных» детей от 10 до 17 лет. Лагерь разместился на территории Саввино-Сторожевского монастыря с целью максимальной изоляции детей от внешнего мира. Лагерь для детей в Звенигороде выбивался из ряда других учреждений по сдерживанию бесконтрольно растущей беспризорности и детской преступности, так как относился к системе ГУПР НКВД, а значит, принудительный труд в нем рассматривался как обязательная мера давления и перевоспитания. Помещения лагеря были рассчитаны на 700 человек, но в действительности в лагере содержалось не более 40 детей. На территории монастыря с детьми работали педагоги и воспитатели из МОНО (Московский отдел народного образования). Кроме того, в лагере также содержались заключенные-взрослые, переведенные из Покровского лагеря в Москве, которые работали в мастерских «в зачаточном состоянии»³²⁴ по обслуживанию лагеря.

Дети в лагере официально не назывались заключенными, а именовались воспитанниками, а принудительный труд — трудовым воспитанием (согласно

³²² Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М., 2005. С. 88–89.

³²³ Цит. по: Кара И.С. История создания специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в России советского и постсоветского периода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. Т. 29. № 16 (187). С. 133.

³²⁴ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 90. Л. 2.

графику работ с 14:00 до 17:00 в мастерских). Сам же лагерь иногда в документах назывался «Лагерь-городок». Из-за особенного статуса лагеря на территории Саввино-Сторожевского монастыря не было надзирателей, вместо них за детьми следили воспитатели, которые проводили с ними учебные занятия, психологические беседы и обязательно ночевали с детьми в одних помещениях. Помимо воспитателей в лагере находился фельдшер при больничном пункте, правда с «полным отсутствием медикаментов»³²⁵, поэтому всех больных отвозили в звенигородскую больницу, где «принимают после продолжительных просьб и обещаний больше не присылать»³²⁶.

Точное количество воспитанников, направленных в лагерь, установить сложно. Как отмечали сами сотрудники, из лагеря регулярно совершались массовые побеги, которые объяснялись недостатком персонала и «моральной дефективностью» самих детей. К этому же недугу оперировал комендант звенигородского лагеря в своем отчете по поводу намеренной порчи воспитанниками инвентаря в качестве протеста против работ, а также ссор, драк, азартных игр и пр. Анализируя работу лагеря, комендант сделал неутешительный вывод: «Нет воспитателей, способных неуклонно проводить в жизнь методы перевоспитания несовершеннолетних воспитанников Сухаревского и Смоленского рынков»³²⁷.

В действительности эксперимент по устройству лагеря-городка полностью провалился. Лагерь показал, насколько велико расстояние между врачебными заключениями, правовыми актами и реальной действительностью. Дети не испытывали желания ни трудиться, ни перевоспитываться. На территории монастыря процветала мелкая преступность в виде спекуляции едой и одеждой, «ненакормленность» воспитанников негативно сказывалась на их поведении, учебные занятия носили фрагментарный характер. В результате, в 1920 г. детей распределили по московским детдомам, а звенигородский лагерь

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же. Л. 5об.

³²⁷ Там же. Л. 6.

переформировали под взрослый уголовный элемент. Следующим, более удачным опытом по трудовому исправлению малолетних преступников в московском регионе станут колонии и коммуны, самая известная из которых — Болшевская трудовая коммуна — будет основана ОГПУ в 1924 г.

Попытки создать детские учреждения лагерного типа предпринимались ГУПР и ВЧК и в дальнейшем, в 1920–1922 гг. Весной 1918 г. у уже распущенной советской властью организации Союз городов возникло предложение направить голодающих детей Петрограда в хлебные регионы на летний период. Одним из регионов, который был согласован с властями, стал Южный Урал, город Миасс Челябинской губернии. Так была сформирована Петроградская детская питательная колония из около 1 тыс. детей. В августе 1918 г. колония детей в Миассе оказалась в регионе, захваченном белыми войсками и полностью отрезанном от снабжения. Колонисты были вынуждены совершить кругосветное путешествие при помощи Международного Красного Креста через Владивосток, Японию и США, чтобы вернуться домой в Петроград в декабре 1920 г.

Тем не менее, несмотря на все эти злоключения детской питательной колонии, Миассу и близлежащим поселкам было суждено стать центром концентрации беспризорников в 1920-е годы. В 1920 г. рядом с Миассом, в поселке Тургояк была открыта известная сельскохозяйственная колония для беспризорных. Знаменитой она стала, благодаря хрестоматийной повести уральской писательницы Лидии Николаевны Сейфуллиной «Правонарушители»³²⁸. Лидия Николаевна работала секретарем уполномоченного ВЦИК «по улучшению жизни детей в Челябинской области», в отделе по борьбе с беспризорничеством, и поэтому подробным образом смогла передать атмосферу колонии.

В том же 1920 г. в 12 км к югу от колонии в Тургояке был открыт лагерь ГУПР НКВД «Детский городок», который расположился на территории бывшей женской гимназии. В лагере в среднем содержалось около 200 детей, половина из которых являлись девочками. Как указывалось в докладе Челябинского

³²⁸ Сейфуллина Л.Н. Правонарушители: повесть // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 74–106.

губернского подотдела принудработ за март 1922 г., детский лагерь под Челябинском долгое время вырабатывал программу исправительно-трудовой жизни подростков, попавших в заключение. В лагере содержались дети в возрасте от 7 до 12 лет (отдельные дети находились в возрасте 4–5 лет). При традиционной для лагерей того периода деятельности — работе в мастерских, в лагере дети работали также на огородах и в парниках. Непосредственно в лагере был организован изолятор для больных. В отличие от Звенигородского лагеря, в Миассе была учреждена школа с педагогами, где дети получали начальное образование.

Своей главной задачей «детский городок» ставил выпуск подростков с готовой профессией: «ремесленниками с одной стороны и подготовленными для поступления в высшие учебные заведения с другой <...> если же это девочка, то великолепной хозяйской или матерью»³²⁹. Распорядок дня детей включал в себя, помимо питания и работы в мастерских, ежедневные уроки гимнастики, уроки сельского хозяйства, школьные занятия, экскурсии, пение, чтение и беседы с воспитателями. В выходные и праздничные дни дети совершали походы в театр и цирк. Штат лагеря составлял 30 человек, включая двух воспитательниц, пять преподавателей ремесел, одного преподавателя сельскохозяйственных занятий, врача и сестры милосердия. 30 апреля 1920 г. «детскому городку» было вручено Красное знамя с девизом лагеря «Девиз наш правда, честный труд, знание, свет и сила». Как отмечал заведующий отделом принудительных работ по Челябинской губернии в 1922 г., «Детский городок действительно является особым маленьким миром со своей внутренней, совершенно обособленной жизнью, школой, мастерскими, больницей и т.п., где действительно во всей строгости проводится трудовой принцип и протекает жизнь будущего здорового, добросовестного юного населения»³³⁰. «Детский городок» на Южном Урале просуществовал два года, до ликвидации лагерной системы ГУПР в 1922 г., после чего в Миассе

³²⁹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 312. Л. 4.

³³⁰ Там же. Д. 228. Л. 11.

продолжала существовать сеть детских домов, куда свозили беспризорников из Москвы и Петрограда.

Несмотря на то, что единовременная численность заключённых в лагерях не превышала 60–65 тыс. человек, система лагерей отличалась высокой степенью проходимости, через которую были пропущены значительные категории лиц. Половина всех заключённых направлялась в лагеря без приговора суда в административном порядке. Политические заключённые и контрреволюционеры составляли около четверти всего лагерного населения. Лагерная система имела тенденцию к самоорганизации. Руководство ГУПР стремилось придать лагерям определённую специализацию: для военнопленных, заложников, женщин, детей. В Москве находились два лагеря особого назначения (Андрониковский и Ивановский), куда помещались политические заключённые. Пленные офицеры Белой армии, как правило, направлялись в лагеря ВЧК Архангельской губернии. Пополнение лагерей проходило волнообразно, и было связано с военными событиями Гражданской войны, а также с политическими кампаниями большевиков против своих противников. В результате такой внутренней политики население лагерей отличалось разнообразием как по национальному и половозрастному составу, так и по характеру правонарушений.

2.3. Основные категории заключенных: крестьяне и военнопленные

Несмотря на весьма разнообразный социальный состав лагерей, основную часть заключенных в 1918–1922 гг. составляли **крестьяне**, в том числе иностранного происхождения. Например, в 1921 г. (в этот год число заключенных варьировалось от 40 до 60 тыс. человек) крестьяне составляли 65,8 %, следующая группа относилась к мещанскому сословию — 21,1%, наконец, дворян было лишь 5,5%³³¹. Необходимо заметить, что доля крестьян среди лагерного контингента была не просто существенной, но и постоянно росла. Этот процесс был напрямую связан с рядом крестьянских восстаний и выступлений этого периода, которые прокатились по всей стране.

³³¹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 19об.

Крестьянские бунты и восстания в годы Военного коммунизма были разные по масштабу, имели разные причины и вели к разным последствиям. Согласно концепции, выдвинутой российскими историками В.П. Даниловым и Т. Шаниным, крестьянские волнения времен Гражданской войны являлись продолжением «крестьянской революции», которая началась в начале XX в. и стали одним из этапов модернизации российского общества³³².

Можно выделить общие явления, которые сопровождали повстанческое крестьянское движение в 1918–1922 гг. Своими выступлениями крестьяне пытались защитить свое право на свободное хозяйство на своей земле, т.е. отстаивали те революционные завоевания, которые были дарованы им в 1917 г. Крестьяне не вели контрреволюционную борьбу, направленную на восстановление старого режима, а бастовали против проводимой большевиками политики «военного коммунизма» и в целом защищали аграрное законодательство большевиков 1917 г.

По выражению историка В.В. Кондрашина, крестьянские восстания носили не антиреволюционный, а антигосударственный характер, и были направлены как против политики большевиков, так и против антибольшевистских сил, в частности, против различных правительств Белого движения³³³. Восстания не носили ни контрреволюционный, ни кулацкий характер, а приобретали всеобщую тенденцию среди крестьян всех слоев. Различного рода политические спекуляции антибольшевистских сил вокруг крестьянского вопроса не отменяли того факта, что в основной своей массе крестьяне Украины, Дона, Поволжья, Черноземья, Северного Кавказа и Западной Сибири были возмущены проводимой большевиками антикрестьянской политикой, как то запрет мелкой торговли, продраздверстка, тотальное изъятие продукции из села и, как следствие, массовый голод 1921–1922 гг. Разрушение большевиками крестьянских хозяйств

³³² Данилов В., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (Вместо предисловия) // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («антоновщина»): документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 5.

³³³ Кондрашин В.В. Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 29.

способствовало формированию недовольства среди крестьянского населения, за которыми следовали антибольшевистские силы, придавая крестьянскому движению политический окрас.

Несмотря на такое многообразие данного явления, советская власть относилась к крестьянским волнениям всегда однозначно, согласно заявлению В.И. Ленина на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г.: «Что касается крестьянских восстаний, то здесь вопрос на эту тему был задан. Конечно, мы переживали ряд кулацких восстаний и переживаем. В прошлом году летом прошла целая полоса кулацких восстаний. Кулак непримиримый наш враг. И тут не на что надеяться, кроме как на подавление его <...> Чтобы в России были крестьянские восстания, которые охватывали бы значительное число крестьян, а не кулаков, это неверно. К кулакам присоединяется отдельное село, волость, но крестьянских восстаний, которые охватывали бы всех крестьян в России, при Советской власти не было. Были кулацкие восстания и они будут при таком правительстве, которое настаивает, что всякий излишек хлеба должен быть передан по твердой цене голодным. Такие восстания неизбежны <...> Мы поэтому не закрываем глаза на то, что восстания кулаков против Советской власти неизбежны»³³⁴. Ленин придал крестьянским восстаниям политический окрас и называл все крестьянские выступления против политики военного коммунизма контрреволюционными, кулацкими, антисоветскими, подготовленными врагами советской власти — агентами белых, меньшевиками и эсерами. В действительности крестьянские выступления не носили антисоветской направленности, а были проявлением недовольства по отношению к политике военного коммунизма, разорявшей крестьянские хозяйства. Антикрестьянский характер проводимой большевиками политики военного коммунизма делал протест крестьян неизбежным явлением³³⁵.

³³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1969. С. 9.

³³⁵ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 128.

Информационные извещения Отдела управления Наркомата внутренних дел сообщали о поддержке деревней политики большевиков до лета 1918 г. Ситуация в деревне стала значительно ухудшаться с осени 1918 г., в связи с начавшейся в сельской местности мобилизацией в Красную армию, а также политикой принудительного изъятия зерна и скота³³⁶. Аналогичные события происходили на территориях, подконтрольных антибольшевистскими силами. С августа 1918 г. появляются первые информационные сводки ВЧК о состоянии дел в деревне, которые информируют центр через «Бюллетени ЧК», публикуемые в «Известиях ВЦИК». В них же ВЧК впервые применит термин «кулак» по отношению к антибольшевистским выступлениям крестьян. В одной из первых «Бюллетени ВЧК» от 6 августа 1918 г. было описано крестьянское выступление в Пермской губернии: «Кулацкое население окрестных деревень распространяло погромную агитацию, особенно против красноармейцев. Поводом для выступления послужила опись хлебных запасов. Банда из кулацких элементов дер. Б. Кокуя, Сибиряковки, Шабуровки, Глотовой и Баталовой обходила соседние деревни, била в набат и подстрекала против красноармейцев и Советов. Собралась толпа человек в 700 и убила 8 красноармейцев и советских работников»³³⁷.

На подобные выступления крестьян советская власть реагировала быстро и жестко: зачинщиков беспорядков беспощадно расстреливали карательные отряды из частей РККА, а также брались заложники из соседних селений, которые направлялись в лагеря. По мере ликвидации очагов восстания, многим зачинщикам беспорядков удавалось скрыться, и ответственность за совершенные выступления ложилась на сторонних участников, либо наблюдателей, которых органы власти брали в заложники.

Мобилизация в селе и городе в 1918 г. шла крайне тяжело, многие горожане, в надежде избежать службы в армии пытались скрыться в деревне, где их как дезертиров ловили губернские ЧК и Комиссии по борьбе с дезертирством:

³³⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 1: 1918–1922 гг. М., 1998. С. 23.

³³⁷ Там же. С. 80.

«В связи с объявленной мобилизацией уезд наводняется сынками мелкой московской буржуазии, пытающимися избежать военной службы»³³⁸. Все дезертиры, приговоренные судебными или административными инстанциями, передавались с 1919 г. в Главное управление принудительных работ. Отбывая срок в лагере, дезертир мог через прошение в Политическую комиссию ГУПР мобилизоваться в Красную армию. С 1921 г. все дела о дезертирах должны были проходить в обязательном судебном порядке³³⁹.

Осенью 1918 г. крестьянское движение охватило ряд центральных губерний: Ярославскую, Московскую, Тульскую, Рязанскую и Владимирскую. Основным ядром движения в этот период были мобилизованные крестьяне, отказывавшиеся вступать в ряды армии. С 1 июля 1919 г. губернские ЧК перешли на систему еженедельных отчетов о состоянии дел в деревнях, которые направлялись в Москву в ВЧК. Если в 1918 г. бюллетени ЧК являлись публичным источником информации в СМИ, то с середины 1919 г. сведения, направляемые в Москву, стали секретными. ВЧК начала работать по точечному выявлению антисоветского элемента в деревне.

По данным отчетам ГубЧК видно катастрофическое положение русской деревни, постоянным спутником которой становится голод, дефицит предметов первой необходимости и антибольшевистские настроения. Недовольство деревни не заставило себя долго ждать — весной 1919 г. началось крупнейшее крестьянское восстание в Поволжье на территории Симбирской и Самарской губернии, вошедшее в историю как «Чапанная война». Одновременно с этим, в марте 1919 г. началось Вешенское восстание донских казаков, названное по станице на среднем Дону (родина Михаила Шолохова) и ставшее катализатором Гражданской войны на Юге России в 1919–1920 гг. С осени 1919 г. на юге Украины значительно активизировалось анархо-крестьянское движение под руководством Н.И. Махно, который к этому времени сформировал из отдельных повстанческих отрядов Революционную повстанческую армию Украины (РПАУ).

³³⁸ Известия ВЦИК. 1918. 13 августа. № 172.

³³⁹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 7. Л. 33.

13 марта 1919 г. Сызранский ревком вынес постановление о пленных повстанцах в Поволжье: «Лиц, применивших активное участие в восстании, как-то: заставленных с оружием в руках <...> в плен не брать, а расстреливать на месте. Поручить особому отделу произвести строгое расследование над пленными и в связи со степенью виновности делить их на 3 категории:

1. Лиц, принимавших активное участие в восстании и подлежащих расстрелу;

2. Лиц, способствующих восстанию другим путем и подлежащих к отправлению на общественные работы;

3. Лиц невиновных, подлежащих освобождению»³⁴⁰.

20 марта 1919 г. карательными отрядами ВЧК и Красной армии в Сенгилеевском уезде Симбирской губернии начал работу революционный трибунал при особой комиссии ВЦИК, который рассматривал дела не только на активистов крестьянского движения, но и на сотрудников уездного ЧК. В частности, 6 апреля к десяти годам лагерного заключения был приговорен председатель Сенгилеевской ЧК А.К. Саблин.

После подавления крестьянских восстаний в Поволжье в апреле 1919 г. лагеря начинают использоваться как превентивная мера по изъятию из деревень людей, способных начать какое-либо волнение. В основном это касалось крестьян, не выполнивших задание по продразверстке. Самые громкие и резонансные случаи из судебных материалов Ревтрибуналов печатали местные газеты. Так 9 октября в пензенской газете «Красное знамя» вышла статья с постановлением выездной сессии Ревтрибунала, в которой говорилось: «за отказ от выполнения разверстки и сокрытие значительного количества хлеба, найденного на месте, крестьянина села Черкасское Керенского уезда Петра Рогожкина приговорили к 5 годам принудительных работ в концентрационном лагере»³⁴¹.

³⁴⁰ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М., 2002. С. 127.

³⁴¹ Красное знамя. 1920. 26 октября.

Чапанная война показала, что крестьянские восстания необходимо подавлять в зародыше, нанося по потенциальному противнику первый удар, предупреждая массовые волнения. Лагеря начали устраиваться по всей территории среднего и нижнего Поволжья: от Казани до Астрахани. Специально для содержания «сапожковских повстанцев», был устроен концентрационный лагерь в Самаре в помещениях бывшего городского ломбарда. Восстание под руководством комдива А.В. Сапожкова началось 13 июля 1920 г. К моменту подавления мятежа в сентябре 1920 г. в Самарском лагере находилось более 900 повстанцев. В помощь местным властям в организации лагеря в Самаре был направлен инструктор Главного управления принудительных работ, который в своем докладе в Москву описал полный беспорядок управленческого аппарата: «Комендант лагеря терроризирован, он не знает кому подчиняться, им предписывает ГубЧК, Особый отдел, Карательный отдел, Губкотруд, Ревтрибунал и еще масса других учреждений, и в результате нельзя понять, что делается. Лагерь ли это или пересыльная тюрьма. Канцелярия не успевает регистрировать, ибо сегодня они прибыли, а завтра их забирают и больше не возвращают в лагерь»³⁴². Самарский лагерь играл роль распределителя, откуда заключенные перенаправлялись в более обустроенные для проживания лагеря. Всего за год существования с июля 1920 по август 1921 гг. через Самарский лагерь прошло 6 009 человек³⁴³.

В годы Гражданской войны на прифронтовых территориях, а также по мере продвижения частей РККА на южном направлении советская власть в лице ГУПР организовывала на вновь освобожденных территориях концентрационные лагеря, куда направлялись военнопленные, в основном выходцы из крестьян. Захваченные в плен офицеры направлялись, как правило, либо в тюрьмы, либо в северные лагеря. Заместитель заведующего Главным управлением общественных работ и повинностей при НКВД УССР А.Н. Стеклов в октябре 1921 г. рапортовал в Москву о создании на Украине с августа 1920 г. сети из 15 лагерей

³⁴² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 119. Л. 9.

³⁴³ Там же. Л. 129об.

принудительных работ, которые насчитывали около 12 тысяч заключенных. Всего же проходимость этих лагерей составляла «с момента последнего перехода власти на территории Украины Советам около 50 000 заключённых»³⁴⁴. На территории Украины в массовом порядке как заключение в лагерь, так и амнистирование заключенных производили «тройки» ВЧК.

По мере развития Гражданской войны советская власть шла по пути упрощения судопроизводства, одновременно ужесточая меры наказания³⁴⁵. Первые тройки, в состав которой входили представители других социалистических партий, например заместитель Ф.Э. Дзержинского – левый эсер В.А. Александрович, существовали еще с первой половины 1918 г. Возможно, данная практика была введена уже осенью 1918 г., когда было издано Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г., где НКЮ и НКВД РСФСР делегировали своих представителей в ВЧК. ВЧК всегда пыталась выйти из-под влияния судебной системы революционных трибуналов и сохранением за собой особых карательных полномочий. 28 декабря 1918 г. с этой целью был утвержден первый состав судебной «тройки» ВЧК, в которую вошли Ф.Э. Дзержинский, М.Я. Лацис, М.С. Кедров и И.К. Ксенофонов³⁴⁶.

Полномочия ВЧК постоянно менялись и окончательно закрепились в марте 1919 г. Тогда ВЧК закрепило за собой право внесудебных расстрелов и заключению в лагеря до 2 лет. В начале 1920 г. ВЧК создала первую внесудебную тройку, имевшую право на карательные меры вплоть до расстрела. В первую тройку ВЧК входил Ф.Э. Дзержинский, член коллегии ВЧК В.А. Аванесов и 1-й Заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс. На своем первом заседании 13 января 1920 г. тройка вынесла приговоры в отношении 77 человек, 56 из которых приговорены к расстрелу, 13 — отправлены в концентрационный лагерь³⁴⁷. Также

³⁴⁴ Там же. Д. 203. Л. 156об.

³⁴⁵ Павлов Д.Б. Советская судебная система 1917–1922 гг. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 92.

³⁴⁶ Мозохин О.Б. ВЧК. // История России: в 20 т. Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 85.

³⁴⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 155–157.

тройка могла выносить расстрельные приговоры как по отношению к арестованным и следственным, так и к заложникам в лагерях и тюрьмах.

Идея такой системы представлялась председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому оптимальным решением в условиях отсутствия выработанной четкой правовой и нормативной базы. Тройки ВЧК просуществовали до 1922 г. и были окончательно ликвидированы 6 февраля 1922 г. в связи с реорганизацией ВЧК, но уже в 1923 г. они были воссозданы уже в составе ГПУ.

К началу 1920 г. ГубЧК и власть на местах уже выработали карательные механизмы на случай возникновения беспорядков и волнений в регионах. Суть этой системы была проста: те крестьяне, которые не могли выполнить плана по продразверстке, отправлялись в лагерь на принудительные работы, либо в иные места заключения. Заключение в лагерь также подлежало руководству регионов: председатели волревкомов и волисполкомов. Поэтому когда на территории Сибири, в Томской губернии, освобожденной от власти А.В. Колчака, начали вспыхивать одни за другими крестьянские бунты, начиная с весны 1920 г. Ново-Николаевский исполком совместно с уездной ЧК издали циркуляр, который подробно раскрывал понятия «кулак» и «контрреволюционный элемент»: «изъять из всего уезда кулацкий и контрреволюционный элемент в концентрационный лагерь на 6 месяцев, если только против них нет конкретных обвинений <...> Под определением “кулак” считать всех бывших торговцев, хлебных скупщиков спекулянтов; крестьян, нанимавших ранее и нанимающих теперь работников для извлечения из них прибыли; не работающих самих, занимающихся в деревне ростовщицеством, сдачей под работу хлеба, скота и др. продуктов; крестьян, имеющих не менее 10 рабочих лошадей и обрабатывающих более 20 десятин земли. Контрреволюционными элементами считать всех беженцев гражданской войны, если за время проживания в данном селе не зарекомендовали себя как преданные советской власти граждане; всех, живущих без определенных занятий или работающих не по своим специальностям; враждебно настроенных, не принимающих охотно участие в советском строительстве; интеллигенцию, середняков, настроенных враждебно к советской власти, если эта враждебность в

чем-либо проявилась... Срок на полное проведение в жизнь постановления — 15 августа 1920 года»³⁴⁸.

Под подобные определения попадала большая часть населения Ново-Николаевского уезда, поэтому Сибревком санкционировал отмену данного циркуляра.

Тем не менее, в 1920 г., все арестованные ГубЧК крестьяне были помещены в Томский и Ново-Николаевские лагеря, численность которых составляла свыше 1 000 человек, 75% из которых являлись «работниками земли»³⁴⁹. Аналогичные события произошли в Томской губернии через полгода, осенью 1920 г. На этот раз бунтовали крестьяне Мариинского уезда под руководством одного из видных партизан периода оккупации региона белыми войсками П.К. Лубкова, которого советская власть обвиняла в нелояльности.

20 сентября Лубков поднял крестьянское восстание в уезде, для подавления которого были направлены регулярные части РККА. В результате жесткого подавления мятежа были убиты около 500 человек повстанцев, а для оставшихся в живых была устроена выездная сессия реввоен трибунала внутренней службы Восточной Сибири, которая осудила 60 человек к длительным лагерным срокам и принудительным работам на Судженских коях³⁵⁰. Интересен тот факт, что лагерные сроки и принудительные работы зачастую являлись одним из видов амнистии для приговоренных к расстрелу. Как было объявлено в газетной информации о происходящем суде, «подсудимые Кафтунов Василий, принимавший участие в мобилизации крестьян, Кафтунов Ермолай, занимавший должность командира роты в отряде и принимавший участие в боях против советских отрядов <...> приговорены тоже к высшей мере наказания, но в силу октябрьской амнистии наказание это заменено двадцатью годами общественных работ»³⁵¹.

³⁴⁸ Цит. по: *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянская война за Советы против коммунистов (1918–1922 гг.): статьи. М., 2016. С. 68.

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 234. Л. 1об.

³⁵⁰ *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А.* Крестьянская война за Советы ... С. 70.

³⁵¹ Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 439.

Амнистии в лагерях случались ежегодно и применялись к различным социальным группам населения лагерей. Ежегодная амнистия заключенных приурочивалась к празднованию Октябрьской революции 7 ноября. Декрет об амнистии ежегодно публиковал ВЦИК, после чего в лагерях формировались списки заключенных, подлежащих освобождению. Амнистия носила довольно массовый характер и распространялась как на уголовных, так и на политических заключенных, в зависимости от их возраста, состояния здоровья и степени вины. Так, например, из московских лагерей в честь празднования годовщины Октября 7 ноября 1920 г. было амнистировано 2 492 заключенных³⁵². Часто по поводу амнистии политических заключенных перед органами НКЮ и ВЧК ходатайствовал Политический Красный Крест, который подавал списки заключённых по конкретному лагерю: «Степанов Василий Васильевич. Арестован в Петрограде в начале сентября 1918 г. Привезен в Москву в конце сентября 1918 г. Бывший чиновник, особых поручений при Московском губернаторе. Числится за ВЧК. В деле есть поручительство, свидетельствующее об его лояльности к Советской власти. Там же имеется медицинское свидетельство, подтверждающее болезненное его состояние: туберкулез легкий и грыжа. Содержится в заключении 15 месяцев»³⁵³.

Лагерная форма заключения максимально использовалась в период подавления Тамбовского крестьянского восстания в 1920–1921 гг. Как и в большинстве других сельскохозяйственных регионов, эти волнения были связаны с принудительной мобилизацией в Красную армию. Конфликт тамбовских крестьян с большевистской властью начал разрастаться не только из-за непосильной для крестьян продразверстки и изъятия хлеба, но и из-за крестьянского представления о власти и политике на селе, а именно коллективного самоуправления. Под таким самоуправлением крестьяне понимали Советы, которые должны были освободить крестьянский труд. Главным лозунгом

³⁵² ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 103. Л. 653.

³⁵³ ГА РФ. Ф. Р–8419. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

восставших крестьян от Украины до Восточной Сибири был «За Советы без коммунистов!»).

К середине 1920 г. советская власть уже имела большой опыт подавления крестьянских волнений, к участникам которых применялись самые жесткие меры: конфискация имущества, заложничество, тюрьма, лагерь, расстрел. В отчете Тамбовского Губпродкома за 1920 г. говорится об усилении давления со стороны продотрядов на крестьян: «В прошлом году отряд, придя в волость или село и получая отказ в сдаче излишков, приступал к подворной реквизиции и найденные излишки реквизировал. Это давало возможность крестьянам перевозить хлеб из деревни в деревню при приближении отряда, прятать его и т.д. Теперь к данному селу предъявляется требование — сдать причитающуюся по разверстке сумму излишков и неисполнение разверстки рассматривается как преступление, и с данного села забирается весь хлеб, весь скот и производятся аресты»³⁵⁴.

Восстание вспыхнуло в середине августа 1920 г. в селах Хитрово и Каменка, когда крестьяне оказали массовое неповиновение в сдаче хлеба. Восстание с каждым днем набирало обороты и уже в сентябре 1920 г. крестьяне окружили Тамбов. В каждом населенном пункте, захваченном восставшими, ликвидировались советские органы власти, а ее представители физически уничтожались. Повстанцы заняли территории пяти уездов Тамбовской губернии, а также некоторые уезды соседних Воронежской и Саратовской губерний. К февралю 1921 г. общее количество вооруженных повстанцев достигло 40 тыс. человек.

Реакция властей на массовое вооруженное выступление не заставила себя ждать. В своих заметках от 31 декабря 1920 г. Ф.Э. Дзержинский, перечисляя методы борьбы с восставшими тамбовцами, сухо записал: «расстреливать, кто виноват, террор³⁵⁵» [последнее слово подчеркнуто — *И.У.*]. 6 февраля 1921 г. была создана Полномочная комиссия ВЦИК под руководством В.А. Антонова-

³⁵⁴ Цит. по: *Алешкин П.Ф.* Крестьянское протестное движение в условиях политики военного коммунизма и его последствий (1918–1922 г.): дис. д-ра. ист. наук. М., 2012. С. 374.

³⁵⁵ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ ... С. 233.

Овсеенко. На комиссию было возложено руководство по подавлению восстания. В апреле того же года командующим войсками Тамбовской губернии был назначен М.Н. Тухачевский. Также в Тамбовскую губернию направили представителей от карающих органов: Г.Г. Ягоду и В.В. Ульриха. Количество советских войск на Тамбовщине постоянно росло и к лету 1921 г. стало превышать 100 тыс. красноармейцев. Основные положения стратегии Тухачевского были изложены в приказе № 130 от 12 мая 1921 г.: «Рабоче-крестьянское правительство решило в кратчайший срок искоренить бандитизм в Тамбовской губернии, проведя в жизнь самые решительные меры. Во исполнение сего и по постановлению Полномочной комиссии ВЦИК приказываю:

1. Войскам Тамбовской губернии с полученными ими подкреплениями решительными и быстрыми действиями уничтожить бандитские шайки.

2. Всем крестьянам, вступившим в банды, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей для предания их суду военно-революционного трибунала. Добровольно сдавшимся бандитам смертная казнь не угрожает.

3. Семьи не явившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковать и распределить между верными Советской власти крестьянами согласно особым инструкциям Полномочной комиссии ВЦИК, высылаемых дополнительно.

4. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут пересылаться в отдаленные края РСФСР.

<...>

8. Настоящий приказ является последним предупреждением перед решительными и суровыми действиями и будет проводиться в жизнь строго и неуклонно»³⁵⁶.

Последовавший за этим документом приказ № 171 от 11 июня 1921 г. Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против

³⁵⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: док., материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 361–362.

отдельных повстанцев и укрывающих их семей регламентировал расстрелы и взятие в заложники тех жителей, кто отказывался сдавать оружие, а также тех, кто укрывал повстанцев. В заложники забирали целые семьи и применяли к ним самые жесткие меры, включая расстрел. В ответ повстанцы брали в заложники семьи красноармейцев и советских служащих. По отношению к восставшим советская власть использовала исключительно уголовную терминологию, называя участников бандитами, а само крестьянское движение — бандитизмом.

Лагеря, как места заключения, на территории Тамбовской губернии начали появляться еще до широкомасштабного крестьянского восстания. Из докладов Тамбовского губернского исполкома видно, что заключение в лагерь в 1919–1920 гг. носило превентивный характер, и репрессиям подвергались наиболее «злостные кулаки, спекулянты и сельская буржуазия»³⁵⁷. Эти меры осуществлялись в рамках налаживания советской работы в губернии с целью обезопасить себя от потенциальной угрозы со стороны крестьянства. Так, 8 апреля 1920 г. по решению Тамбовской ГубЧК в один из лагерей сроком «до окончания Гражданской войны» была заключена сестра руководителя Тамбовского восстания А.С. Антонова — Валентина Степановна Иванченко с формулировкой: «она вполне изобличается в том, что давала медикаменты для банды, а также имела возможность задержать брата бандита, о розыске которого ей было известно»³⁵⁸.

К концу 1920 г. губернским властям стало очевидно, что созданные в течение 1919–1920 гг. лагеря в Тамбовской губернии не справляются с огромным количеством заключенных и заложников. Председатель тамбовской ЧК Шаров в декабре 1920 г. в своем обращении в ВЧК в Москве просил перебросить часть заключенных в количестве 3 000 человек в другие регионы³⁵⁹. С января 1921 г. тамбовская ГубЧК начинает массово вывозить заключенных в другие регионы. По решению Президиума ВЧК, в начале 1921 г. 2 000 тамбовских заключенных

³⁵⁷ Там же. С. 99.

³⁵⁸ Там же. С. 124.

³⁵⁹ Безай О.В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 19.

были отправлены в глухую тайгу на золотые прииски Бодайбо в Иркутской губернии³⁶⁰. Тогда же было выработано основное положение о заключении участников восстания, которое было зафиксировано в циркулярном письме члена коллегии Революционного военного трибунала Республики В.В. Ульрихом: «применять заключение в лагерь принудительных работ на сроки от 6 месяцев до 6 лет»³⁶¹. Превентивные меры, связанные с массовыми арестами участников восстаний, а также заложников, ужесточались с каждым днем. 21 марта 1921 г. вышел Приказ губисполкома Лаврова и командующего войсками в Тамбовской губернии Павлова, которые обязывали местные власти «в случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря»³⁶².

К концу 1921 г. в Тамбовской губернии насчитывалось десять лагерей. Из общего ряда типовых лагерей, которые, как правило, располагались в уже существующих зданиях и строениях, особенно выбивались тамбовские полевые концентрационные лагеря. В их число входили: Тамбовский лагерь № 2, Борисоглебский № 4, Моршанский № 6, Козловский № 7, Кирсановский № 8, Инжавинский № 9 и Сампурский № 10. Соответствующий приказ о создании полевых лагерей был издан губернским военным комиссариатом 12 мая 1921 г. Всего новые лагеря должны были включать до 16 тыс. заключенных. О создании нового типа лагерей отчитывался заведующий губернским управлением принудительных работ В.Г. Белугин в губисполком, отмечая, что, согласно постановлению Полномочной комиссии ВЦИК от 1 июня 1921 г., губернское управление принудительных работ было милитаризовано и подчинено особому отделу при РВС (Революционном военном совете) войск, действующих в Тамбовской губернии³⁶³. Полевые лагеря предназначались для содержания как осужденных за бандитизм, так и заложников, количество которых в лагерях было

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 287. Л. 347.

³⁶¹ Цит. по: *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания ... С. 19.

³⁶² «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области ... С. 332.

³⁶³ Там же. С. 420.

преобладающим. Полевые лагеря Тамбовской губернии были организованы по военному типу и располагались в непосредственной близости к очагам восстаний. Начальник подотдела принудительных работ Белугин отмечал: «Общий тип лагерей — солдатские палатки, обнесенные вокруг проволочными заграждениями»³⁶⁴.

Полевые лагеря являлись транзитными местами сосредоточения и имели высокую ротацию заключенных. Даже при учете содержащихся заключенных учетной частью подотдела принудительных работ в статистических документах можно найти следующую запись: «Сведения [о количестве заключенных — И.У.] не абсолютно точные, так как представляются с большим опозданием, тогда как в лагерях происходит постоянные перегруппировки, особенно заложников»³⁶⁵. Все заключенные и заложники пребывали в подобных лагерях в течение непродолжительного времени, после чего они перенаправлялись эшелонами в лагеря постоянного размещения. Заключенные полевых лагерей, получившие реальный приговор, осуждались «политтройками» в составе частей РККА.

Система политтроек активно применялась в качестве временного внесудебного органа при подавлении крестьянских восстаний на Дону, Кубани, Украине и Поволжье. В большей мере эта внесудебная практика раскрылась в конце 1920 – начале 1921 гг. при подавлении Тамбовского крестьянского восстания, когда у правоохранительных органов появилась потребность в ускоренном судопроизводстве. Политтройки с членами ГубЧК при полках и дивизиях РККА начали создаваться как временный, координирующий и внесудебный орган власти в августе-сентябре 1920 г. в связи с обострившейся обстановкой в отдельных волостях. Каждая такая политтройка формировалась под конкретный район действий, который включал, как правило, несколько волостных деревень.

Согласно приказу Тухачевского войскам Тамбовской губернии от 15 мая 1921 г., все восставшие подразделялись на группы, к которым рекомендовалось

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

применять разный тип репрессий: члены комитета Союза Трудового Крестьянства (СТК), организаторы банд, шпионы, взявшие в руки оружие и политработники — к расстрелу; рядовые члены СТК, «рядовые бандиты», косвенно принадлежащие к бандам — «подлежат высылке в глубь России для заключения в концентрационные лагеря сроком от года до пяти лет»³⁶⁶. Также репрессиям подлежали семьи активных участников восстаний, которых отправляли вглубь страны на принудительные работы в лагеря. В местные лагеря Тамбовской губернии подлежали заключению те восставшие, которые добровольно сдались властям.

Командующий вооруженными силами, сконцентрированными на Тамбовщине, М.Н. Тухачевский отводил лагерям существенную роль в борьбе с восставшим крестьянством. Для него лагеря представляли собой механизм фильтрации и устрашения населения. С конца весны 1921 г. тамбовские лагеря были переполнены заключенными. Некоторые из лагерей насчитывали до 3 тыс. заключенных и заложников, а общее количество населения лагерей в губернии доходило до 15 тыс., что составляло около 23% от всех лагерных заключенных в стране. Среди заложников значительную часть составляли дети, которых на 1 августа в лагерях насчитывалось 1355, 397 из которых были еще грудными³⁶⁷.

27 июня 1921 г. была создана губернская комиссия по делам о содержании заложников с малолетними детьми, которая из-за рисков развития эпидемиологической обстановки среди детей-заложников вынесла постановление о том, что «детей заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых, отнюдь не в палатках, а в особых помещениях жилых домов или бараках. В крайних случаях дети могут содержаться в прилегающих к лагерю строениях, обязательно охраняемых стражей <...> При детях-заложниках до 3-летнего возраста имеют право находиться их матери-заложницы»³⁶⁸.

С весны-лета 1921 г. началась активная кампания по вооруженному подавлению восстания, главной задачей которой было скорейшее уничтожение

³⁶⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области ... С. 368.

³⁶⁷ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 315. Л. 256.

³⁶⁸ Цит. по: *Безай О.В.* Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания ... С. 21.

повстанческих отрядов. Приказ № 171 от 11 июня 1921 г. Полномочной комиссии ВЦИК предусматривал применение расстрела не только к восставшим крестьянам, но и к их семьям, взятых в заложники. Докладные записки председателей боевых участков раскрывают масштаб проводимых репрессий по отношению к заложникам. Так, военком 4-го боевого участка в своем докладе о результатах оккупации населенных пунктов Тамбовского уезда в июне 1921 г. сообщал следующее: «... мною был применен следующий метод: если население отказывалось выдавать бандитов и оружие (и оно отказывалось), то брались заложники из сотен, давалось на размышление 30 минут, и если не выдавали, заложники расстреливались, и это продолжалось до тех пор, пока население не заговорит. Наряду с заложниками-мужчинами брались и женщины, которые также расстреливались. Этот метод дал благоприятные результаты <...> 5 дней операции в 4 селах, а именно: Беломестная Криуша, Козьмодемьяновская Криуша, Незнановская Двойня и Беломестная Двойня — дали следующие результаты: расстреляно бандитов и заложников — 154 человека, изъято семей бандитов — 227, в количестве около 1000 человек, сожжено 17 домов, растащено 24 дома и передано бедным со всем имуществом по постановлению ревкомов — 22 дома»³⁶⁹.

Многие заложники расстреливались непосредственно на месте, зачастую публично перед крестьянскими сходами и собраниями. Из-за отсутствия достоверной информации многие крестьяне не верили, что к ним могут применяться такие суровые меры. Поэтому публичные расстрелы становились инструментом властей к побуждению крестьян к содействию в поимке восставших. После подобных публичных казней, для дальнейшего устрашения населения, в заложники бралась другая группа крестьян с указанием срока для выдачи бандитов и последующим расстрелом для уже новой партии заложников в случае невыполнения. Такие меры приносили, судя по докладам представителей карающих органов, положительные результаты. По выражению председателя полномочной «пятерки» на заседании Кирсановской участковой политкомиссии,

³⁶⁹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области ... С. 423.

«в целях оздоровления селения, семьи расстрелянных заложников, а также укрывающихся бандитов, были изъяты и высланы в концлагеря»³⁷⁰.

Помимо Тамбовской губернии, подавляющее число заложников отправлялись в другие губернии, где они содержались с другими заключенными на общих основаниях. Многие из них не понимали своей вины перед государством и писали коллективные обращения в различные государственные учреждения. Так, в своем обращении в Наркомат юстиции в сентябре 1921 г. тамбовские заложники обрисовали свое ужасающее положение: «Мы, крестьяне Тамбовского, Кирсановского и Козловского уездов Тамбовской губ., арестованы в июне с.г. Вот уже четвертый месяц, как мы, старики, беременные женщины и малые дети, находимся в непривычно тяжелых для нас условиях: голодаем, боеем, и среди детей были уже смертные случаи. За что мы арестованы, мы совершенно, как темные люди, не можем понять, так же непонятно для нас и то, что более здоровые члены наших и других семей находятся на свободе, а мы, больные старики, дети и их матери, находимся в лагерях. Теперь наступают холода, а у нас нет ни одежды, ни обуви, так как при аресте нам не дали возможности взять с собой что-либо, да мы, откровенно сознаемся как невинные, думали, что наш арест будет очень непродолжителен, но оказалось наоборот, и причины такового нам до сих пор не выясняют: в чем есть наша вина, за что мы взяты, в качестве ли заложников в связи с нашествием антоновских банд или же за других, в чем-то виновных, вообще все это мы понять не можем»³⁷¹.

Заложники и осужденные заключенные из Тамбовской губернии пересылались в основном в Центральную Россию, Поволжье и на Урал. Согласно приказу Полномочной комиссии ВЦИК от 12 мая 1921 г., высылке в другие регионы подверглись в основном те семьи, чей родственник, взявший оружие в руки, не сдался властям в течение двух недель³⁷². Механизм репрессий набирал

³⁷⁰ Там же. С. 474.

³⁷¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 383. Л. 655.

³⁷² «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области ... С. 362.

обороты, и к лету 1921 г. сотни семей, численностью порядка 3 тыс. человек³⁷³ были вывезены в другие губернии на принудительные работы в лагеря. Механизм этапирования заключенных в другие регионы был налажен очень плохо, не хватало поездов и вагонов, а также наблюдались перебои со снабжением. Из-за задержки поездов заложники были вынуждены долгое время содержаться прямо на станциях, иногда попросту в чистом поле. О такой ситуации 21 октября 1921 г. докладывал начальник Борисоглебского лагеря (Тамбовская губ.), заключенные которого были подготовлены к этапу: «В Борисоглебском концентрационном лагере состоит отправке около полторы тысячи человек. Несмотря на целый ряд забросов, наряды на вагоны не даются, и высылка задерживается. Ввиду холодного времени, отсутствия отопления, продовольствия, люди умирают десятками. Положение кошмарное, безысходное»³⁷⁴. Положение осложнялось тем, что многие лагеря отказывались принимать больных заключенных, опасаясь вспышек эпидемий.

На осень 1921 г. пришелся пик этапирования тамбовских заключенных. Большинство губернских отделов принудительных работ вступило в конфликт с ГУИР, т.к. не хотели принимать новых заключенных из-за своего финансового положения. Например, заведующий новгородским отделом принудработ 30 сентября 1921 г. писал в Москву в Главное управление: «В Новгородский лагерь прибыло из Моршанского лагеря 246 и из Минского — 84 человека заключенных. Все босые, голые. Просим приостановить дальнейшую присылку»³⁷⁵. Аналогичные телеграммы с требованием отменить пересылку заключенных в губернии были направлены в Москву из Петрограда, Иваново-Вознесенска, Вологды, Екатеринбурга и др. В свою очередь, тамбовский отдел принудительных работ, в лице заведующего Белугина, требовал вывоза заключенных из губернии в виду переполненности полевых лагерей: «Жилые помещения переполнены, заключенные размещены на чердаках сараях, коридорах и мастерских.

³⁷³ Безай О.В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания ... С. 20.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 182. Л. 57.

³⁷⁵ Там же. Л. 62.

Количество заболеваний достигает 30% <...> Смертность колеблется ежедневно от 9 до 15 человек. Из общего количества 5 909 подлежат высылке 85%. Командование тамбовской армии считает первоочередной задачей переброску войск, вследствие чего свободных вагонов нет»³⁷⁶.

Тамбовские крестьяне, попавшие в качестве заложников или заключенных в советские лагеря, содержались в них вплоть до ликвидации лагерной системы осенью 1922 г. Тем не менее, в РСФСР, а также на территориях других советских республик проходила ежегодная амнистия, приуроченная к годовщине Октябрьской революции. Согласно постановлениям ВЦИК, ВЧК должна была ежегодно пересматривать списки заложников и военнопленных Гражданской войны «и освободить всех тех из них, содержание коих под стражей не вызывается крайней необходимостью»³⁷⁷. Кроме того, амнистия 1922 г. подразумевала, что лица, которые были осуждены упраздненной ВЧК будут пересмотрены особыми губернскими комиссиями (т.н. разгрузочные комиссии) с участием прокурора. Так, например 26 апреля 1921 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) приняло решение об амнистии по отношению к рядовым участникам Западносибирского восстания, весной 1922 г. прошла амнистия для «сережцев», участников восстания в Ачинском уезде Енисейской губернии в 1920 г. За 1922 г. советским правительством были амнистированы сотни тамбовцев, которые содержались в лагерях Сибири на принудительных работах на приисках «Лензолото», на строительстве Кольчугинской железной дороги Кузнецк-Тельбес и др.

Амнистии категорически не подлежали те люди, которые получали судебный приговор по статьям 57-67 УК РСФСР от 1922 г. — контрреволюционные преступления, включая вооруженные восстания и бандитизм. Поэтому незначительная часть тамбовских крестьян, которые были осуждены ревтрибуналами и другими судебными инстанциями после ликвидации

³⁷⁶ Там же. Л. 73–76.

³⁷⁷ Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: (Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья), с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий. М., 1922. С. 31.

лагерной системы продолжали отбывать наказания в различных учреждениях ГУМЗ (Главное управление мест заключения НКЮ), а затем, с 1923 г., и в Соловецком лагере особого назначения и политизоляторах ОГПУ.

Как уже отмечалось, значительное количество заключенных лагерей (до 50%) в 1919–1921 гг. составляли **иностранные военнопленные**. Лагеря периода Гражданской войны носили пограничный характер между лагерями принудительных работ для классовых врагов и концентрационными лагерями для военнопленных. В 1918–1920-х годов иностранцы массово попадали в советские лагеря в качестве заложников. Например, в Андрониковском лагере в 1920 г. содержалось 29 французских заложников, которые были взяты в качестве реакции большевиков на время французской интервенции в Одессе в 1918–1919 гг.³⁷⁸

Иностранные военнопленные стали массово попадать в лагеря ВЧК и НКВД РСФСР с конца 1918 г. Советско-литовская (1918–1919 гг.) и последующая за ней советско-польская (1919–1921 гг.) войны до сих пор имеют разные подходы в изучении историками разных стран. Все 2000-е годы велась активная работа как российских, так и зарубежных историков по изучению советско-польских отношений. Значительным достижением в данном направлении стала совместная фундаментальная работа «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях», в которой подробно представлены как предыстория и ход самого конфликта 1919–1921 гг., так и судьба польских и советских военнопленных по разные стороны фронта³⁷⁹.

Если со стороны польского правительства данные вооруженные конфликты рассматривались как война двух самостоятельных держав, то в РСФСР, а затем и в современной российской традиции их принято рассматривать как часть Гражданской войны (в советской историографии — «третий поход Антанты»). Исходя из этих взглядов, военнопленные красноармейцы в Польше были подведомственны военному министерству Польши, а в Советской России польскими военнопленными занимался НКВД. Здесь надо сказать, что ни РСФСР,

³⁷⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 876. Л. 5.

³⁷⁹ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

ни Польша, как вновь образованные государства, не принимали конвенцию 1907 г. о военнопленных, поэтому пленные обеих сторон не находились в международном правовом поле. Более того, к красноармейцам в польских лагерях относились несравнимо хуже, чем к полякам в советских лагерях. Российский историк Г.Ф. Матвеев, детально исследовавший цифры военнопленных, пишет о 157 тыс. пленных красноармейцев на территории Польши к концу войны, из которых около 28 тыс. погибло в плену и 75 699 человек вернулись на родину³⁸⁰.

Согласно современным исследованиям, через советский плен за 1919–1921 гг. прошло около 38–40 тыс. польских военнопленных³⁸¹. В ряды польских пленных нередко попадали белогвардейцы, сражавшиеся на стороне Польши против большевизма. Пленные и перебежчики доставлялись в штабы дивизий, где проходили регистрацию и допросы, откуда направлялись в штаб армии или фронта для последующего распределения в лагерь. Данные процедуры осуществлялись комиссией при Революционном военном совете армии (РВС), в которую входили уполномоченные ГУПР и Центропленбежа НКВД. В связи с наступлением Красной армии и неудачной попыткой советизации Польши при ЦК РКП(б) 19 июля 1920 г. было образовано Польское бюро под руководством Ф.Э. Дзержинского. Политическая работа по военнопленным была поручена Польской секции Политического управления Революционного Военного Совета Республики (РВСР ПУР), которая была создана 15 августа 1920 г.³⁸²

В сентябре 1920 г. СТО (Совет труда и обороны) издал постановление, согласно которому пленные поляки переходили в ведение Главного управления

³⁸⁰ См.: Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9; Корнилова О.В. Красноармейцы в польском плену (1919–1922): основные направления современной российской и польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 355.

³⁸¹ Отчеты Польшбюро давали цифры до 50 тыс. военнопленных на территории советских республик. Исследователь проблемы польских военнопленных И.И. Костюшко настаивает на 30 тыс. Но если учесть, тот факт, что около 35 тыс. пленных было репатриировано на родину в 1921 г., а также количество умерших в плену и оставшихся жить в СССР, то следует говорить о 38–40 тыс. пленных побывавших в советском плену за 1919–1921 гг. Также Г.Ф. Матвеев в совместном русско-польском труде «Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» (М., 2010) называет цифру в 34–42 тыс. польских пленных.

³⁸² С сентября 1920 г. секция стала называться Польским отделом ПУР. 1 февраля 1921 г. Польский отдел ПУР из РВСР был передан в НКВД РСФСР.

общественных работ и повинностей³⁸³. С этого времени военнопленных поляков начинают размещать в лагерях НКВД РСФСР. В отчете Главного управления общественных работ и повинностей от 1 ноября 1920 г. лагеря для военнопленных выделяются в отдельную категорию.

В действительности СТО лишь узаконил уже существующую практику направления военнопленных в лагеря ВЧК и НКВД, которая проводилась с 1918 г. Но если с зимы 1918 г. по осень 1920 г. военнопленные содержались вместе с заключенными на равных правах, как преступный элемент, то с конца 1920 г. внутри НКВД РСФСР появляются отдельные лагеря для военнопленных. Пленные Советско-литовской войны 1918–1919 гг. в глазах советской власти не считались военнопленными, а приравнивались к солдатам и офицерам Белой армии и содержались в лагерях на основании постановления Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 19 июля 1919 г.: «Всех, проживающих на территории РСФСР иностранных подданных из рядов буржуазии тех государств, которые ведут против нас враждебные и военные действия в возрасте от 17 до 55 лет заключить в концлагерь <...> Все заключенные в концентрационных лагерях содержатся на общих основаниях»³⁸⁴.

Здесь необходимо заметить, что, согласно статье 15 Московского мирного договора, который был подписан спустя год после окончания боевых действий в 1920 г., все пленные прибалтийцы должны были быть отпущены. Данный процесс был сильно затянут советской стороной до подписания Рижского мирного договора 1921 г. В начале сентября 1920 г. все пленные «уроженцы белогвардейской Литвы» были вывезены из лагерей Центральной России, где содержались в 1918–1919 гг., в лагеря Урала³⁸⁵. Советская власть в нарушение мирного договора решила оставить пленных прибалтийцев в качестве заложников: «Почти весь этот преступный элемент может быть использован в данный момент в числе заложников для обмена с Литовским правительством на

³⁸³ С сентября 1920 г. до лета 1921 г. ГУПР на время был переименован в Главное управление общественных работ и повинностей.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 8. Л. 1.

³⁸⁵ Там же. Д. 153. Л. 17.

наших партийных товарищей, помещающихся в белогвардейских тюрьмах»³⁸⁶. В качестве протеста, пленные прибалтийцы устраивали в лагерях массовые голодовки³⁸⁷.

Заложники из пленных поляков и прибалтийцев являлись инструментом международного давления Советской Россией на западные государства. В.И. Ленин неоднократно отмечал важность политического аспекта в содержании иностранных заложников в лагерях. В частности, в телеграмме 3 июня 1919 г. Наркомму по делам национальностей И.В. Сталину он писал: «Насчет иностранцев советую не спешить высылкой. Не лучше ли в концлагерь, чтобы потом обменять»³⁸⁸. Политический торг и обмен заложниками был постоянным предметом международных отношений на период боевых действий в 1919–1921 гг.

Народный Комиссар по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин неоднократно направлял официальные ноты протеста западным странам, в которых описывал причины проводимой большевиками политики заложничества, что хорошо видно на примере ноты правительству Польши от 3 июня 1919 г.: «Социалистические Правительства России и союзных с нею Республик увидели себя принужденными прибегнуть к захвату заложников только под давлением необходимости, в которую поставил их беспримерный образ действия польских властей, в особенности же те неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые обагрили кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сел <...> Арестованные заложники не составляют и десятой, а вероятней всего и сотой доли арестованных польскими властями в гор. Вильно и окрестностях <...> Оба Советских Правительства согласны на выдачу задержанных в качестве заложников лиц в обмен на арестованных в пределах

³⁸⁶ Там же. Д. 153. Л. 6.

³⁸⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 876. Л. 9.

³⁸⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 335.

действия польских властей советских деятелей и коммунистов»³⁸⁹. Аналогичные ноты Чичерин высылал Финляндии, Венгрии, Франции, Великобритании и др.

Помимо войны в западных районах в советский плен попали поляки из 5-й дивизии польских стрелков, сформированной в мае 1919 г. в составе армии А.В. Колчака. Дивизия была сформирована из пленных поляков Первой мировой войны, которые воевали на стороне Германии и Австро-Венгрии. Большая часть дивизии сдалась в плен Красной армии 10 января 1920 г. на станции Клюквенная (совр. Уяр) в 100 км от Красноярска. Именно поэтому крупнейший лагерь для военнопленных поляков располагался в Красноярске и вмещал в себя на 15 октября 1920 г. 8 тыс. пленных³⁹⁰.

Красноярский концентрационный лагерь № 1 располагался в 5 км от Красноярска и открылся 25 мая 1920 г. Лагерь получил название «Военный городок» и по количеству единовременного пребывания в нем людей являлся самым крупным лагерем времен Гражданской войны. С начала 1921 г. пленных поляков стали распределять по другим лагерям Енисейской губернии в Ачинске, Канске и др., а также часть заключенных была отправлена в Европейскую часть России. Всего к лету 1921 г. в Енисейской губернии оставался 5 621 пленный поляк³⁹¹. Стоит заметить, что в эти же лагеря предполагалось направить солдат и офицеров Чехословацкого корпуса, который после поднятого мятежа весной 1918 г. выдвинулся на восток для дальнейшей эвакуации. И.о. начальника штаба второй Чешско-Словацкой дивизии подполковник Б.Ф. Ушаков вспоминал: «Все эти нарушения договоров заставили чехословаков обезвредить здешнюю советскую власть и обеспечить себе беспрепятственное движение на Владивосток... В дальнейшем, захватив уже власть в свои руки, мы неожиданно для себя нашли документальные данные о том, что заместитель председателя Канского объединенного Совета Андреев задержал наш эшелон для того, чтобы

³⁸⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М., 1958. С. 181–184.

³⁹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 12. Л. 15.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 81. Л. 9об.

дать возможность прийти из Красноярска советскому эшелону, который должен был нас обезоружить и засадить в лагерь военнопленных»³⁹².

И все же большая часть польского контингента размещалась в Центральной России и на Украине. Самыми крупными центрами сосредоточения польских военнопленных на 15 октября 1920 г. стали Ярославль — 3 355 человек, лагерь в Рязанской губернии на Побединских каменно-угольных коях — 1 701, столица УССР Харьков и соседний Чугуев — 6 800³⁹³. В отчете Польского отдела ПУРа от 15 октября 1920 г. всего было учтено 29 362 военнопленных поляка в 40 лагерях³⁹⁴. В то же время, согласно отчетам Польбюро агитации и пропаганды, в 37 лагерях РСФСР к началу 1921 г. содержалось 32 000 польских военнопленных³⁹⁵. Лагеря для военнопленных устраивались не только в Центральной России, Карелии, на Урале и в Сибири, но также на только что занятых Красной армией территориях. Так, после наступательной операции Красной армии весной–летом 1920 г., в ходе которой были заняты территории Западной Украины, были образованы два лагеря для содержания военнопленных в городах Ровно и Владимире-Волынском. Также для содержания поляков был открыт ряд лагерей на территории УССР.

Советская пропаганда в отношении военнопленных пыталась максимально укрепить в сознании поляков, что война ведется не против польского народа, а против польской шляхты во главе с Юзефом Пилсудским. В связи с этим 10 мая 1920 г. Л. Троцким был издан приказ по войскам Западного и Юго-Западного фронтов «о великодушном отношении к пленным», где прямо указывалось на необходимость проведения политической агитации среди военнопленных: «...мы разъясним преступность его господствующих классов, мы просветим его сознание и сделаем нашим лучшим другом и единомышленником...»³⁹⁶.

³⁹² Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М., 2018. С. 154.

³⁹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 12. Д. 12. Л. 15–15об.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.

³⁹⁶ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы. М., 2004. С. 20.

Поскольку война рассматривалась советским руководством как часть классовой борьбы, в лагерях происходило разделение солдат и офицеров. Последние считались контрреволюционным элементом. Кроме того, поляков старались по возможности не смешивать с другими категориями, в связи с чем многие лагеря принудительных работ освобождались и переформировывались специально для принятия военнопленных. За исключением уже упомянутых лагерей, военнопленные комплектовались по 200–300 человек на один лагерь для более эффективной системы учета и организации как быта, так и труда.

Особый отдел ВЧК и НКВД признавали, что из-за нескоординированных действий на местах не обладают возможностью учесть всех военнопленных. Например, как отмечал начальник ГУПР НКВД З.Г. Зангвиль, из всех пленных поляков к 23 июля 1920 г. в Главном управлении принудительных работ было учтено только 5 000 военнопленных³⁹⁷. За поляками устанавливался особый надзор, полагались более комфортные условия проживания, усиленное питание, наравне с тыловым питанием бойцов Красной армии. Несмотря на это, питание поляков было весьма скудным, продукты были очень низкого качества, но, по свидетельству самих пленных, «положение в лагерях пленных в отношении питания было очень плохим, однако проистекало это не из какой-то враждебной тенденции, а из общего скверного экономического состояния Советской России»³⁹⁸.

Тем не менее, относительно других лагерей НКВД смертность среди польских военнопленных была ниже остального контингента заключенных, порядка 6% (около 2 тыс. человек)³⁹⁹. С 24 сентября 1920 г. попечительство над пленными поляками при содействии Наркомата по иностранным делам поручалось лично Е.П. Пешковой — одной из руководительниц Политического Красного Креста.

³⁹⁷ Там же. С. 36.

³⁹⁸ Там же. С. 9.

³⁹⁹ Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 43.

Социальный состав военнопленных определялся Польбюро как «крестьяне, среди которых весьма значительный процент полубатраков, а затем батраки и рабочие»⁴⁰⁰. За каждым лагерем закреплялись политинструктора Польского отдела ПУРа из коммунистов поляков. Инструктора создавали в лагерях коммунистические ячейки, школы, клубы, организовывали митинги и др. Внедрение земляков-коммунистов в среду военнопленных рассматривалось Польбюро как продолжение политики Коминтерна по распространению революционного интернационального социализма. На территории подконтрольной большевикам Польши из активных членов Польбюро 30 июля 1920 г. был образован Временный революционный комитет Польши (Польревком) под председательством Ю. Мархлевского, целью которого было создание базы для будущей Польской советской республики.

Польревком просуществовал менее месяца и был упразднен в связи с отступлением Красной армии из Польши. Тем не менее, Польревком за свою недолгую деятельность успел провести масштабную репрессивную политику на территории Польши, которая была абсолютно идентична политике красного террора в России. 4 августа 1920 г. Польревком постановил «всех опасных для социалистической революции в Польше, всех представителей польской крупной буржуазии и помещиков, всех известных своим сочувствием белополякам арестовать и направить в концентрационные лагеря»⁴⁰¹. В советском руководстве существовало две точки зрения на развитие отношений с Польшей: провести восточную границу государства по линии Керзона, установленной Антантой 8 декабря 1919 г. или продолжить военные действия до полной советизации Польши⁴⁰². Именно при выборе второго варианта при правильно поставленной политической работе в лагерях польские военнопленные «сыграют роль большевистской бациллы»⁴⁰³ у себя на родине.

⁴⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 197. Л. 2.

⁴⁰¹ РГАСПИ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

⁴⁰² *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б) 1920–1921 гг. М., 2005. С. 4.

⁴⁰³ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.

11 октября 1920 г. Польшбюро приняло решение об освобождении части плененных поляков, которые принадлежали к партии БУНД и членов еврейской социалистической рабочей партии (ОЕСРП). К февралю 1921 г. на территории РСФСР в лагерях НКВД для военноплененных поляков было открыто 29 школ для неграмотных, 9 клубов, 37 библиотек, 15 клубов-читален, 12 театров, создано 42 партийных кружка и 9 партийных школ⁴⁰⁴. В особенности культурно-просветительская и агитационная деятельность Польшбюро активизировалась накануне подписания мирного соглашения и грядущего процесса обмена пленными. Как отмечалось в докладах Польшбюро весной 1921 г., «задачей коммунистической работы среди плененных является не создание любой ценой из плененных партийных коммунистов, а приготовление их умов к революционной оценке отношений»⁴⁰⁵.

Как и в случае с обычными заключенными, военноплененные иностранцы, как правило, проходили через московские лагеря, которые являлись своеобразным транзитным пунктом перед отправкой эшелонов в регионы. Первые литовские и польские плененные в Москве начали появляться еще в 1919 г., но массовый завоз военноплененных в столицу относится к весне–лету 1920 г., что было связано с наступательными операциями Западного фронта Красной армии. После перехода всех военноплененных в подчинение ГУПР НКВД 15 сентября 1920 г. два московских лагеря, Владыкинский и Рождественский, были освобождены от всех заключенных и перешли под размещение плененных поляков. Кроме того, для поляков были сформированы новые лагеря на ближайших подмосковных железнодорожных станциях Перерва, Томилино, Фаустово и Крюково. На станции Крюково военноплененные были размещены по близлежащим деревням.

Все остальные плененные размещались в московских лагерях вместе с другими категориями заключенных. Так же как и остальные заключенные, военноплененные поляки по прибытии в Москву проходили двухнедельный

⁴⁰⁴ Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений ... С. 57.

⁴⁰⁵ Цит. по: Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений ... С. 57.

карантин в Ново-Песковском лагере, после чего их распределяли по лагерям постоянного пребывания. Из-за транзитного характера Ново-Песковского лагеря условия проживания в нем были наиболее скверными по отношению к другим лагерям. В лагере-распределителе регулярно не хватало ни белья, ни мест на нарах, военнопленным приходилось спать вповалку на полу. Кроме того, здесь поляки находились в едином пространстве с ворами, рецидивистами и прочим уголовным элементом, которые попросту отбирали у поляков провизию и личные вещи. Из-за отсутствия постоянного конвоя, который должен был сопровождать группы военнопленных в другие лагеря, некоторые поляки проводили в Ново-Песковском лагере по несколько месяцев. Для увеличения площадей часть поляков из Ново-Песковского лагеря отправляли на гауптвахту Московского Управления принудительных работ (Воронцовская ул., д. 13), где условия содержания были еще хуже, чем в пересыльном лагере.

К зиме 1921 г. в московских лагерях содержалось 2 403 военнопленных поляка⁴⁰⁶. В отличие от заключенных, всему польскому контингенту было решено придать строгую организацию по подобию воинской части, поделив их на трудовые дружины. Всего было образовано 4 трудовые дружины: 1-я дружина в 418 человек располагалась на территории Рождественского монастыря, 2-я и 3-я дружина численностью 1 569 человек находилась во Владыкинском лагере, 4-я численностью 416 человек в лагере на станции Перерва⁴⁰⁷. Данная форма организации, наподобие воинской части, была специально введена для более оптимального использования труда военнопленных. Советская власть стремилась уравнивать военнопленных с трудармейцами РККА в плане условий и оплаты труда. Как бывшие военные, поляки легко адаптировались к данной системе. Кроме того, младший офицерский состав из тех поляков, которые были признаны политически не опасными, возглавляли отделения и роты, что положительно сказывалось на дисциплине, по отношению к другим лагерям РСФСР. Но, несмотря на все попытки советизации командного состава дружин, в своем

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 156. Л. 38.

⁴⁰⁷ Там же.

большинстве поляки не занимались политической агитацией среди своих земляков, что отражалось в отчетах Польотдела: «Совершенно непонятным является назначение “командного состава”, который в своем преобладающем большинстве стоит значительно ниже, как равно в отношении политической сознательности, так и моральном развитии. В сильной степени выявляются у них националистические чувства, а также совершенное отсутствие политической сознательности. Своим поведением ничуть не являются примером, которому следовало бы подражать»⁴⁰⁸.

Военнопленные на территории Московской губернии получали несравнимо лучшее продовольствие и материальное обеспечение по сравнению со своими земляками в губернских лагерях, хотя и столичные условия были весьма скудны и недостаточны. 26 июля 1920 г. Ф.Э. Дзержинский давал следующие указания Особому отделу ВЧК: «Обратите внимание на содержание пленных поляков. Примите меры к недопущению незаконных действий, озлобляющих их, не допустите отбирания мелких вещей и т.п.»⁴⁰⁹. В связи с этим обращением инспекции Польшбюро неоднократно выезжали в московские лагеря с проверками и значительное время уделяли урегулированию мелких конфликтов между администрацией лагеря и военнопленными, включая драки, избиения, кражи и др.

Несмотря на прямые указания Ф.Э. Дзержинского о довольствии польских дружин наравне с красноармейцами, включая медицинское обслуживание, питание и др., в условиях военного коммунизма эти инструкции были мало выполнимы. Контраст в условиях содержания был ярко выражен уже на уровне Москвы и Московской губернии. В подмосковной Коломне лагерь для военнопленных был организован прямо на территории Коломенского машиностроительного завода. Из 182 пленных, завезенных 25 сентября 1920 г., 168 человек болели брюшным тифом, 20 человек скончались⁴¹⁰. В Крюковском лагере на ст. Подсолнечная при плановом обследовании оказалось, что 90%

⁴⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 204. Л. 12.

⁴⁰⁹ Цит. по: *Костюшко И.И.* Из истории советско-польских отношений ... С. 52.

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 151. Л. 90.

пленных полностью разуты и раздеты, отсутствует медицинская помощь, больные и здоровые находятся в одном помещении⁴¹¹. В Звенигородском лагере отрядами военнопленных руководили уголовники, которые избивали и обкрадывали поляков вплоть до того, что большинство пленнх вынуждены ходить босиком. Из-за постоянного конфликта администрации лагеря с военнопленными Звенигородский лагерь среди всех московских лагерей стал рекордсменом по побегам. К лету 1920 г. из лагеря сбежало 109 поляков, в результате чего в декабре этого же года оставшихся пленнх расформировали по другим лагерям. Самое тяжелое положение сложилось у военнопленных в УССР в лагерях г. Чугуева под Харьковом: «С 1 сентября 1920 г. по 25 марта 1921 г. умерло в Чугуевском военном госпитале 307 человек. Тяжелые до невыносимости условия существования во 2-м Рабполку привели к дезертирству. В 3 и 4 роте с 1 января по 15 марта дезертировали 54 человек»⁴¹².

Тем не менее, советская власть старалась максимально положительно зарекомендовать себя в глазах военнопленных. В инструкциях для губпарткомов 1921 г. содержались рекомендации по улучшению быта поляков и содействия им в их просьбах и пожеланиях. Инспекции лагерей неоднократно отмечали, что производительность труда военнопленных, сформированных в дружины, намного выше, чем у других категорий заключенных. Военнопленные получали польские газеты, участвовали в самодеятельности в драматических кружках. Летом 1920 г. Польбюро предложило выпускать для московских военнопленных централизованную газету о жизни поляков в советских лагерях. Газета должна была сравнивать жизнь в Советской России и Польше, заинтересовав крестьянскую часть пленнх. Польбюро отмечало, что в условиях полной разрухи и голода, устная агитация плохо влияет на поляков, которые неосознанно и бессмысленно соглашаются с агитаторами, но в действительности сохраняют полное равнодушие к советской власти. На смену лекциям и митингам должно было прийти печатное слово, которое не только распространяло бы сухую

⁴¹¹ Там же. Д. 68. Л. 17.

⁴¹² РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 267. Л. 27.

пропаганду, но и давало бы возможность самим пленным высказываться в газете о недостатках лагерного режима. За отсутствием денежных средств на самостоятельное издание предоставить слово заключенным Польшбюро решило через польскую газету «Млот», которая регулярно поступала в московские лагеря.

Поляки, являвшиеся членами Польской Социалистической партии и сочувствовавшие советской власти, принимали активное участие в политработе лагерей. Военнопленные, отличавшиеся более строгой дисциплиной, пользовались доверием у лагерного начальства. В свободное от работы время полякам разрешалось покидать лагерную территорию для прогулок по городу за продуктами в магазины и на «вечеринки в деревню»⁴¹³.

В середине XIX в. в Москве, в Милютинском переулке, был построен крупный римско-католический храм Апостолов Петра и Павла, являвшийся старейшим московским католическим приходом в основном для польского населения первопрестольной. После революции польские коммунисты организовали в соборе Польский рабочий клуб с театром и библиотекой. В 1920–1921 гг. работы по строительству и организации клуба проводились силами московских польских трудовых дружин. В рабочем клубе для военнопленных также неоднократно устраивали спектакли и митинги. Митинги для поляков являлись особыми мероприятиями, на которых советская власть старалась максимально смягчить режим и показать свою полную расположенность и сочувствие к пленным. В дни митингов военнопленные выходили из лагеря без сопровождения конвоиров и шли стройными рядами под красными знаменами, распевая революционные песни⁴¹⁴. Как правило, на подобные мероприятия отправлялись пленные Рождественского лагеря, который располагался в трех кварталах от рабочего клуба.

Ввиду значительного наплыва военнопленных поляков в московские лагеря в 1920 г., во избежание смешивания разных групп заключенных, было принято решение о выведении всего контрреволюционного элемента в губернию. Для

⁴¹³ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 151. Л. 90.

⁴¹⁴ РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 406. Л. 61.

этого предполагалось открыть сразу несколько лагерей: в Казанском монастыре в селе Головино (в настоящее время территория Москвы, Головинский район), Зосимовском монастыре Верейского уезда, Хотьковском монастыре Сергиевского уезда и Влахерновском монастыре Дмитровского уезда. В результате многочисленных обследований данных мест ни один из монастырей не подходил для размещения в них лагерей. Единственное место, где представилась возможность разместить заключенных, оказался Черниговский Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры в Сергиевом Посаде. В декабре 1920 г. сюда завезли 146 осужденных за контрреволюционные преступления, остальных контрреволюционеров вывезли в северные лагеря Архангельской губернии. Таким образом, польские военнопленные напрямую влияли на комплектование всех остальных лагерей ГУПР.

После подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., устанавливающего территориальные границы, начался активный процесс репатриации военнопленных поляков из советских лагерей на родину. К лету 1921 г. были репатрированы практически все военнопленные — 34 839 человек⁴¹⁵. Часть поляков, около 3 тыс. человек, сочувствующих большевизму, пожелала вступить в ряды Красной армии или просто остаться жить в Советской России под подданством Польши: «30 марта отправили всех пленных, кроме 23 товарищей-коммунистов, которые остались в Брянске, не желая возвращаться в белую Польшу, а также 10 больных, остающихся до сих пор в больнице. Среди них ведем в дальнейшем течение разъяснительную работу»⁴¹⁶. Надо сказать, что большинство из тех поляков, которые остались жить в РСФСР, не были убежденными коммунистами, а оставались исключительно по личным причинам, чаще всего из-за имеющих в России родственников. Например, один из заключенных Сормовского лагеря⁴¹⁷ в письме к коменданту так описывал свое положение: «Прошу Вашего ходатайства об исключении меня из списка

⁴¹⁵ Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР ... С. 12.

⁴¹⁶ Там же. С. 309.

⁴¹⁷ Сормово ныне входит в состав территории г. Нижний Новгород.

военнопленных, подлежащих отправке в Польшу, так как ехать мне туда я не нахожу нужным. Ввиду того, что родных у меня вообще нет (умерли), а родственники почти все живут в пределах Советской России»⁴¹⁸.

Пленные, получившие разрешение остаться в Советской России, при освобождении из лагерей получали в Отделе Труда трудовые книжки и имели все права наравне с гражданами РСФСР. Но все же подавляющая часть поляков ждала скорейшей отправки их на родину, и летом 1921 г. в лагерях даже были случаи групповых голодовок в связи с задержкой отправки военнопленных в Польшу. Многие из коллективных заявлений, требований и писем польских военнопленных с просьбой о скорейшей отправки их на родину дают более широкое представление о проходимости лагерей ГУПР. Например, пленные Андрониковского лагеря в Москве писали: «Мы <...> в качестве гражданских пленных увезены в Смоленский лагерь, оттуда в Екатеринбург, Н. Тагил и наконец, обратно в Москву. <...> Просим отправить нас в Польшу первым предстоящим к отправке эшеленом»⁴¹⁹.

Подобные задержки с отправлением польских пленных были связаны с постоянными торгами между Россией и Польшей о количестве репатриантов, а также невыполнением обеими сторонами ряда договоренностей. В частности, Польша отказывалась высылать из страны белогвардейцев. В результате продолжительных переговоров с польской стороной руководством РСФСР было принято решение об обмене военнопленных по схеме «всех на всех»⁴²⁰. В качестве нормативной базы для регулирования процесса репатриации 26 февраля 1921 г. Реввоенсовет Республики издал приказ, который содержал в себе «Правила о порядке обслуживания при обмене пленными и беженцами с Польшей»⁴²¹. Правила предписывали ГУПР сопровождать эшелоны пленных до обменных пунктов. Согласно этим распоряжениям, 3 марта 1921 г. ГУПР издал

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 215. Л. 54.

⁴¹⁹ Там же. Д. 206. Л. 24–24об.

⁴²⁰ *Кодин Е.В., Родионов И.И.* Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. Т.11. № 1. С. 76.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 12. Л. 77об–80.

приказ начальникам лагерей о начале формирования групп пленных в губернских центрах для отправки. В первую очередь отправке подлежали больные и инвалиды.

Одновременно с репатриацией военнопленных с весны 1921 г. начинается процесс закрытия и расформирования ряда лагерей, которые содержали исключительно польский и литовский контингент. Так, за первое полугодие 1921 г. были закрыты лагеря в Орле, Рославле, Харькове, Чугуеве, Мурманске, Западной Украине и Карелии. Всего за 1921 г. было закрыто 39 лагерей. В большинстве регионов России репатриация военнопленных закончилась к осени 1921 г. В дальнейшем репатриация проходила уже в точечном режиме и касалась отдельных лиц. Окончательно процесс возвращения польских и литовских военнопленных был завершён через год, осенью 1922 г.

Выводы

Анализ социального и половозрастного состава заключённых, содержащихся в лагерях в первые годы советской власти, позволяет сделать вывод о том, что через систему лагерей прошли представители всех слоёв российского общества. Среди заключённых были как высокопоставленные чиновники бывшей царской России, так и мелкие уголовники и асоциальные элементы. Лагерное население включало мужчин, женщин и детей различных возрастов. Основными категориями заключённых были крестьяне и иностранные военнопленные советско-польской войны.

Крестьяне, в том числе иностранного происхождения, составляли значительную часть населения лагерей, достигая в некоторых случаях 65 % от общего числа. В период с 1918 по 1922 г. доля крестьян в лагерях постоянно увеличивалась, что в дальнейшем определило трудовой потенциал лагерной системы и перспективы её развития. Помимо военнопленных крестьян, участвовавших в Гражданской войне и других военных конфликтах, в лагеря массово попадали участники крестьянских волнений и восстаний. Одним из методов подавления восстаний стала система заложничества. Особенно широко

эта система применялась в период подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг., когда для восставших крестьян и их семей, включая женщин и детей, были созданы полевые лагеря на территории Тамбовской губернии.

Значительное количество заключённых в лагерях, достигавшее 50%, составляли иностранные военнопленные, преимущественно участники советско-литовской войны (1918–1919 гг.) и советско-польской войны (1919–1921 гг.). В глазах большевистского руководства все эти военные действия имели ярко выраженный классовый характер, что позволило приравнять военнопленных этих конфликтов к пленным Гражданской войны. Именно поэтому военнопленные из Прибалтики и Польши попадали в лагеря системы ГУИР, а не в лагеря Центропленбежа-Центроэвака, где содержались пленные и беженцы Первой мировой войны.

Всего через лагеря ГУИР прошло порядка 38–40 тыс. иностранных военнопленных. Советско-польская война дала мощный толчок к развитию лагерной системы в Советской России, Белоруссии и Украине. Осознавая нежелательность пребывания военнопленных в одном пространстве с уголовниками и контрреволюционерами, НКВД стремился организовать для иностранного контингента отдельные лагеря или, по крайней мере, лагерные отделения, что было полностью реализовано в Москве. Иностранные заложники и пленные были политическим инструментом давления на западные государства. После подписания Рижского мирного договора в 1921 г. начался массовый процесс репатриации иностранных военнопленных на родину, который был окончательно завершён в конце 1922 г.

Лагеря выполняли свою основную функцию — они служили местом изоляции и содержания противников советской власти, заложников, уголовников, а также военнопленных. В результате лагерная система стала эффективным инструментом социальной политики, направленным на унификацию общества. С её помощью из социума устранялись отдельные элементы, представлявшие опасность с точки зрения советской власти.

Глава 3. Опыт организации принудительного труда и ликвидация лагерной системы в условиях нэпа

3.1. Принудительный труд как социальный эксперимент

С весны 1919 г. лагерная система в Советской России начинает перестраиваться под массовое использование людского трудового ресурса. Принудительный труд с этого времени становится основной социальной практикой лагерного пространства. Декрет ВЦИК от 17 мая 1919 г. подтвердил предыдущие постановления о принципе использования принудительного труда: «Расходы по содержанию лагеря распределяются между заключенными с таким расчетом, чтобы содержание лагеря окупалось трудом заключенных при полном количестве последних»⁴²².

Лагеря встроились в военно-мобилизационную концепцию трудовой повинности, которая преобладала в раннем советском обществе в различных формах. Неизбежно отказ в той или иной степени от данного социального соглашения стимулировал развитие репрессивного аппарата в стране и рост мест заключения. На V Всероссийской конференции профсоюзов в ноябре 1920 г. председатель ЦК Союза металлистов А.З. Гольцман заявил: «Другой способ (воздействия на рабочих) — это способ принуждения, способ реальной политики, которая не останавливается ни перед какими методами, как методами поощрения рабочих, так и методами принуждения, беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад. Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применить тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые не способны понять наши тенденции»⁴²³.

В эту же тенденцию с середины 1920 г. начинает встраиваться система лагерей принудительных работ. С этого момента труд в лагерях становится частью единого механизма принуждения к труду советского человека. Начальник

⁴²² Постановление ВЦИК О лагерях принудительных работ // Известия ВЦИК. 1919. 17 мая. № 105.

⁴²³ Цит. по: *Медушевский А.Н.* Демократические и олигархические тенденции в большевистской революции: генезис советской рабочей бюрократии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 113.

Главного управления общественных работ и повинностей УССР в своем отчете о деятельности своего ведомства за 1920 г. рассматривал лагерный труд с таких позиций: «Было бы нелепо отрицательно говорить о принудительном труде <...> или мы строим общество и должны эксплуатировать буржуазию, должны подавлять ее, или мы должны отказаться от всего нашего строительства»⁴²⁴.

В середине 1920 г. система лагерей начинает приобретать явные черты трудовых учреждений. Этому способствовала антитюремная риторика, продвигаемая органами Наркомата юстиции в первые годы советской власти. Создание лагерей на фоне царской тюремной системы выглядело прогрессивным преобразованием всей пенитенциарной системы. В 1920 г. появились первые отчеты начальников региональных управлений принудительных работ, которые противопоставляли бессмысленное, с их точки зрения, тюремное заключение общественно полезному пребыванию заключенных в лагерях. В условиях бесконтрольно растущей преступности в послереволюционные годы, а также появления совершенно новых категорий правонарушений в Советской России, главной задачей лагерной системы было изолирование нарушителей, не заражая их преступной тюремной атмосферой.

Начальник Главного управления принудительных работ З.Г. Зангвиль в своем годовом отчете за 1920 г. отмечал существенное развитие лагерной системы за два года существования: «В Трудовой Рабоче-Крестьянской Республике не должно было быть места не трудовым элементам, а тем более органы власти не могли и не должны были создавать целый кадр здоровых трудоспособных элементов. Отсюда логический вывод — преобразование концентрационных лагерей в лагеря принудработ»⁴²⁵. Зиновий Григорьевич Зангвиль (Шмерлинг)⁴²⁶ (1895–1981) пребывал на посту руководителя ГУПР НКВД дольше других своих предшественников, в течение двух лет с 1919 по 1921

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 203. Л. 157об.

⁴²⁵ Там же. Д. 201. Л. 35.

⁴²⁶ Как и в случае с судьбой двух своих предшественников (М.С. Кедрова и Ф.Д. Медведя), репрессии в годы Большого террора коснулись и З.Г. Зангвиля. В 1938 г. он был осужден на 20 лет лагерей и отбывал наказание в Красноярском крае.

гг. Именно Зангвиль сумел создать в разрозненной системе концентрационных лагерей полноценный механизм по использованию принудительного труда заключенных.

Зангвиль первым попытался перенести труд заключенных в государственную экономику. Он активно сотрудничал с Наркомтрудом и направлял лагерный труд по планам и заданиям наркомата⁴²⁷. Зангвиль был первым, кто ввел масштабную практику по трудовому воспитанию заключенных в лагерях, учет специальностей заключенных для их трудового использования, а также ходатайствовал о передаче ряда фабрик и предприятий страны в распоряжение ГУПР. Наряду с подобными прогрессивными идеями, Зангвиль предлагал введение штрафных лагерей для тех заключенных, которые отказывались от работ, а также для нарушителей режима. Но данные штрафные меры так и не были введены ввиду их затратности.

Именно З.Г. Зангвиль вместе с В.А. Антоновым-Овсеенко 18 декабря 1920 г. на межведомственном заседании ГУПР, Наркомтруда, ВСНХ и НКЮ предложили организацию производственных районов и предприятий для заключенных с включением их в хозяйственный план Губсовнархоза⁴²⁸. Таким образом, это было первое предложение на государственном уровне о включении труда заключенных в экономику страны. С этого момента ГУПР начинает распределять заключенных лагерей по заданиям Наркомтруда⁴²⁹. Окончательное закрепление производственной деятельности в лагерях за Наркомтрудом произошло в 1921 г. 24 марта 1921 г. был издан Декрет ВЦИК о реорганизации Наркомтруда, где НКВД и Наркомтруду поручалось установить плотное взаимодействие в деле распределения труда заключенных в лагерях в рамках проведения политики массовых трудмобилизаций и трудповинностей в общегосударственном масштабе⁴³⁰.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 169. Л. 48–48об.

⁴²⁸ Там же. Д. 7. Л. 24.

⁴²⁹ Там же. 169. Л. 48–48об.

⁴³⁰ Декрет ВЦИК и СНК о ликвидации главного комитета по всеобщей трудовой повинности и местных комитетов по всеобщей трудовой повинности и о реорганизации Народного

Начиная с 1920 г. все работы внутри лагеря получают деление на две категории:

- бесплатные, в которые входят подсобные работы по хозяйственной части лагеря;

- оплачиваемые — работы на производстве, в лагерных мастерских, а также труд конторщиков по специальности.

Четкой структуризации подверглась организация лагерей: должность начальника лагеря и подотдела принудительных работ в августе 1920 г. заменилась на две должности: комендант лагеря и заведующий региональным подотделом принудительных работ, которому подчинялась рабочая сила (заключенные). На коменданта, в свою очередь, ложились административные функции и управление канцелярией, бухгалтерией и хозяйственным отделом лагеря. Внутри хозяйственного аппарата была проведена существенная реорганизация по упразднению ряда бюрократических отделов. Как отмечал начальник Петроградского отдела принудительных работ в своем отчете о деятельности Подотдела за 1920 г., «считаясь с тем, что инструкторские части в лагерях занимались одним лишь учетом работ заключенных и в этих своих занятиях увлеклись совсем ненужным бумаго и книговедением — эти части были совершенно ликвидированы <...> лишними оказались также и специальные при лагерях технические части»⁴³¹.

В это же время в некоторых лагерях были введены определенного рода стимулирование труда заключенных. Главным образом — это выходные дни, когда заключенных за добросовестный труд могли отправить на сутки в город к родственникам, увеличенный пищевой паек, дополнительные выплаты за перепроизводство, а также досрочное освобождение. Подобные меры носили бессистемный характер и, в основном, не влияли на производительность труда.

Комиссариата Труда. 24 марта 1921 г. // Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): сборник документов. Ч. 1. М., 1929. С. 52-53.

⁴³¹ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 223. Л. 17об.

С лета 1920 г. ГУПР стало заведовать всеми категориями людей, осужденных к принудительному труду. 8 июня 1920 г. Коллегия НКВД для более рационального использования трудового ресурса постановила передать всех заключенных арестных домов в Главное управление принудительных работ наравне с заключенными лагерей⁴³². В это же время в ГУПР были переданы все граждане осужденные к принудительным работам без лишения свободы. Как правило, это были люди, осужденные за трудовое дезертирство. Идея обязательного труда для всех граждан Советской России обретала форму закона, нарушение которого строго каралось привлечением к труду.

С начала 1920 г. перед различными советскими учреждениями, в том числе и перед ГУПР, встала задача оптимизации кадрового состава и подразделений, учета финансов и борьба с коррупцией. В феврале 1920 г. внутри СНК был создан Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), на который было возложена задача контроля и учета финансовых поступлений, которые получали различные ведомства. Первым руководителем Рабкрин был И.В. Сталин. Под контроль Рабкрин в 1920 г. помимо крупных хозяйственных учреждений, попали все московские места заключения, как ГУПР, так и НКЮ. По результатам проведенной инспекции, 17 марта 1920 г. Сталину был направлен доклад, главной целью которого было «выяснение возможности освобождения некоторых категорий заключенных, по своему специальному положению, не могущих быть в настоящее время вредными РСФСР, труд которых с большей пользой может быть применен в различных хозяйственных и административных аппаратах Советской Республики»⁴³³. Подобные освобождения специалистов из лагерей проводились повсеместно на основании постановления Наркомюста начала 1920 г., согласно которому «лица, приговорённые к принудительным работам, кроме тягчайших, подлежат мобилизации, как в армию, так равно в качестве специалистов, например, железнодорожники, водники и прочие»⁴³⁴. На

⁴³² Там же. Д. 60. Л. 28.

⁴³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 2об.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 7. Л. 8.

основании опросных листов и анкет заключенных, из 7 312 заключенных города Москвы, члены Ревизионных Комиссий Рабкрина рекомендовали освободить из мест заключения 3 074 человека. Для освобождения такого большого числа людей Рабкрин предложил создать судебные и следственные комиссии при ВЧК, Кассационном Трибунале ВЦИК и других органах власти города Москвы.

Помимо исследования личных дел заключенных Рабкрин провел осмотр всех мест заключения Москвы на предмет жизни и быта заключенных. В настоящее время данный отчет является исключительным и непредвзятым источником по истории лагерной повседневности начала 1920-х годов. Обследованию подверглись 7 лагерей принудительных работ, 5 тюрем, одна колония и тюремная больница (Яузская тюремная больница), 8 арестных домов и 16 воспитательных детских домов и колоний. В Ревизионную Комиссию Рабкрина, помимо наркомовских сотрудников, входили представители Союза Молодежи, ВЧК и МЧК, районных рабочих инспекций, всего — 293 человека. Доклад изобилует примерами множественных нарушений условий содержания заключенных, халатности со стороны руководства, превышения должностных полномочий и др.:

«Владыкинский лагерь принудительных работ.

<...> Санитарные условия лагеря чрезвычайно неудовлетворительны. Отхожие места очень загрязнены. Нет ни водопровода, ни канализации <...> С января месяца были 2 вспышки сыпного тифа. За три месяца умерло 79 человек.

<...> Охрана ведется неудовлетворительно <...> был обнаружен спящий часовой, у которого была взята винтовка <...> Вследствие безобразной охраны в течении 5 мес. Было 132 побега из лагеря <...>

Ивановский особого назначения лагерь.

<...> Некоторые заключенные с разрешения Отдела Принудработ отпускаются на праздники и на весь день и ночь домой <...>

<...> Питание весьма недостаточно; выдача ниже голодной нормы.

<...> Работами занято 1/3 заключенных; остальные живут праздно»⁴³⁵.

Помимо контингента московских лагерей, который попал под ревизию, Рабкрин исследовал производственную деятельность каждого лагеря. Комиссией было отмечено, что в большинстве случаев около половины всех заключенных содержатся в лагере без привлечения к труду, «бездельничают, лежат на нарах», что и стало поводом к освобождению части заключенных. С одной стороны, освобождение заключенных означало экономию средств, выделяемых на их содержание, с другой, освобождались те заключенные, которые могли бы принести пользу в различных советских учреждениях.

Основным видом принудительных работ для заключенных лагерей в 1920–1921 гг. были выездные работы. Под данной деятельностью, в первую очередь, имелись в виду работы в советских, общественных и кооперативных учреждениях, которые массово отправляли запросы в ГУПР с просьбой откомандировать для их нужд определенное количество заключенных. Направление заключенных в советские учреждения осуществлялось администрацией лагерей на основании Декрета СНК от 17 декабря 1919 г.⁴³⁶ Для подобных работ руководство советского учреждения должно было подать заявку на отпуск заключенных в местный подотдел принудительных работ. Помимо описания количества заключенных и технического задания, учреждение должно было указать со своей стороны сотрудника, ответственного в случае побега заключенных, т.к. согласно Декрету, заключенные отпускались на работы без конвоя⁴³⁷, что стало в дальнейшем большой проблемой. Помимо чернорабочих, которые требовались, как правило, для ремонтов зданий, помещений и уборки улиц, учреждения запрашивали большое количество заключенных-специалистов, а именно конторщиков.

Выездные работы создавали для комендатуры лагерей массу проблем, главным образом, связанных с побегами заключенных. Конвоирование

⁴³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5687. Л. 3-5

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 7. Л. 5.

⁴³⁷ Там же.

заклученных в этот период, несмотря на вышеуказанное положение Декрета, все же осуществлялось, но носило фрагментарный характер. У конвоя зачастую не было оружия и было очень низкое жалование, по словам начальника подотдела принудительных работ Петрограда, «при обеспечении, не дающем возможности существовать»⁴³⁸. Зачастую, в конвой и надзирательскую команду шел набор из числа заключенных. Все эти факторы крайне негативно сказывались как на общей дисциплине лагерного контингента, так и на эффективности работы конвоиров. Поэтому внешние работы для заключенных были самым легким способом совершить побег.

Важно отметить, что эти побегии не носили криминального характера, связанного с насилием, а это была возможность для заключенных какое-то время побыть на свободе. В приказе № 102 Петроградского подотдела принудительных работ от 31 июля 1921 г. описывался следующий случай: «16-го сего июля был пропущен через контрольный пост младшим надзирателем Страчиловым заключенный Жаров Герасим, после чего последний скрылся, возвратившись добровольно в лагерь спустя 5 дней»⁴³⁹. В подобных ситуациях на заключенного налагалось дисциплинарное взыскание, если комендант удостоверился, что побег не представлял особого значения, не имел под собой сокрытия от наказания и имел характер отлучки. Многие заключенные лагерей были уроженцами тех городов, где располагался лагерь, поэтому для беглецов такая отлучка давала возможность повидаться с близкими и побыть дома. Если же побег квалифицировался как попытка избежать лагерного заключения, беглеца отправляли в учреждение, осудившее бежавшего, для привлечения его к уголовной ответственности.

Побегии заключенных в лагерях в 1919–1921 гг. принимали стихийный характер. Слабая охрана лагерей, а также низкая мотивация самих охранников и конвоиров создавали иллюзию безнаказанности подобных правонарушений. Массовые побегии из лагеря совершались при полном попустительстве, а зачастую

⁴³⁸ Там же. Д. 223. Л. 68об.

⁴³⁹ Там же. Л. 51.

и содействии начальников лагерей, которые за взятку выдавали заключенным пропуска с лагерной территории в город. С попустительства тех же надзирателей во многих лагерях процветала наркомания и проституция⁴⁴⁰. За отсутствием жесткой системы подчинения, когда начальник лагеря одновременно являлся заведующим региональным отделом принудительных работ, подобные случаи часто сходили администрации с рук. Наибольшее количество побегов или отлучек приходилось на заключенных, которые имели неопределенный статус, помещенных в лагеря в административном порядке. Так, из Владыкинского лагеря в Москве за первое полугодие 1920 г. было совершено 472 побега при полном наполнении лагеря в 1100 человек.

Как уже отмечалась во второй главе, в период 1918–1919 гг. вооруженная охрана лагерей носила бессистемный и фрагментарный характер, что сказывалось на общем уровне дисциплины и порядке в лагерях. Частично охрана лагерей ложилась на конвойную стражу, которая сохранилась в местах лишения свободы РСФСР еще с царских времен и в 1918 г. вошла в состав Центрального карательного отдела НКЮ. До начала 1920 г. в распоряжении ГУПР не было собственных охранных команд, каждый лагерь формировал их из наемных людей, военнопленных и перебежчиков, либо из выделенных специально для этого красноармейцев войск ВЧК, что было редкостью. Отсутствие охранных команд иногда служило поводом к закрытию целых лагерей и переводу заключенных в другие места заключения. В Москву в ГУПР регулярно сыпались телеграммы с обращениями и просьбами создать подобные охранные команды внутри самого Управления, что в дальнейшем поспособствовало бы более централизованному и рациональному функционированию всей лагерной системы.

По делам военнопленных и перебежчиков формировались политические комиссии при ГубЧК, которые решали их судьбу и распределяли по лагерям. Практически из каждой партии новых перебежчиков формировались отряды охраны лагерей. Так, в протоколе политической комиссии по Ярославской губернии от 26 августа 1920 г. говорится следующее: «Всем перебежчикам дать

⁴⁴⁰ Там же. Д. 99. Л. 59.

полные права гражданина РСФСР и из них 200 человек отправить в распоряжение производителя работ, 180 человек оставить в концлагерях и использовать их как караульную команду, с остальными <...> передать Губвоенкомату»⁴⁴¹. Подобная ситуация дефицита охраны лагерей продлилась до ликвидации лагерной системы в 1922 г. Тем не менее, попытки создать специализированную лагерную охрану предпринимались различными государственными органами.

К 1920 г. руководству ГУПР стало очевидно, что организация принудительного труда в лагерях невозможна без хорошо поставленной охраны. Первый шаг по созданию централизованной системы вооруженной охраны для лагерей и других мест заключения был предпринят в начале 1920 г. 31 января 1920 г. вышел приказ № 80 за подписью Наркома внутренних дел Ф.Э. Держинского и начальника Войск внутренней охраны НКВД (ВОХР⁴⁴²) К.М. Волобуева. Согласно этому приказу, именно внутренние войска ВЧК должны были взять на себя все мероприятия по охране лагерей принудительных работ. Войска Внутренней Охраны РСФСР на базе войск ВЧК были образованы Постановлением Совета Рабочей и Крестьянской Обороны РСФСР от 28 мая 1919 года. Их предполагалось использовать для охраны важных государственных ведомственных объектов, в основном на транспорте и объектах народного хозяйства, а также для сопровождения грузов. Через месяц, 1 июля, ВОХР перешла в ведение НКВД РСФСР. Создателем внутренних войск ВОХР стал командир войсковых формирований ВЧК, а также член коллегии ВЧК, Константин Михайлович Волобуев. С образованием ВОХР штаб войск ВЧК был преобразован в штаб войск внутренней охраны Республики. Новое формирование включило в себя, помимо войск ВЧК, ряд военизированных охран различных

⁴⁴¹ Там же. Д. 143. Л. 25.

⁴⁴² Дословная расшифровка аббревиатуры «ВОХР» - Войска внутренней охраны Республики. ВОХР НКВД РСФСР не стоит путать с Военизированной охраной (также сокращенно Вохр) в составе различных гражданских и военных ведомств, таких как НКПС, ВСНХ, Наркомата по военным делам и др. Эти части также занимались охраной объектов государственного значения. К концу 1920-х годов, большая часть из этих образований вошла либо в ВОХР ОГПУ, либо в состав Рабоче-крестьянской милиции. Военизированная охрана в отдельных ведомствах, например на транспорте, существовала до 1991 г. В настоящее время в Российской Федерации части военизированной охраны преобразованы в ведомственную охрану.

ведомств, государственных трестов и управлений, таких как Главнефть, Главсахар, Центртекстиль и др. Также в новый состав ВОХР вошла конвойная стража Центрального карательного отдела НКЮ, которая до этого момента занималась охраной лагерей. При этом ВОХР оставалась действующим резервом РККА и участвовала вместе с армией в боевых операциях Гражданской войны и других конфликтах.

К моменту выхода приказа НКВД № 80 об охране лагерей в ВОХР состояли более 200 тыс. красноармейцев. Такое огромное количество бойцов объясняется тем, что в конце 1919 г. в ВОХР полностью вошла Продармия (Продовольственно-реквизиционная армия), осуществлявшая политику продразверстки. Приказ Дзержинского от 31 января 1920 г. предполагал устройства при всех лагерях рот особого назначения из числа ВОХР (конвойных команд) для ведения внутренней и наружной охраны лагерей, а также для конвоирования и надзора за заключенными. В Москве такая команда насчитывала 450 красноармейцев на 9 лагерей. Несмотря на это, конвоя даже в Москве не хватало для надзора за заключенными во время их работ на выезде. По словам коменданта Ивановского лагеря, в Москве к маю 1920 г. побегии приняли «почти эпидемический характер»⁴⁴³.

В губерниях дела обстояли еще хуже, чем в Москве. Если даже ведомство К.М. Волобуева и выделяло конвойные команды для нужд лагерей, то зачастую красноармейцы воспринимали данную работу несерьезно, а иногда с долей уничтожения. Кроме того, на данную работу отправляли далеко не самых ответственных и порядочных бойцов ВОХР. Из регионов в ГУИР направлялись телеграммы комендантов лагерей с жалобами на бойцов ВОХР, их презрительное отношение к работе, которое местами граничило с откровенным вредительством. Например, комендант Калужского лагеря в июле 1920 г. писал в ГУИР: «Каравулы от 200-го Полка далеко не исполняли своих обязанностей так, как следовало. Вместо охраны лагеря часовые занимались другими посторонними делами и

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 110. Л. 1.

постоянно замечались в неисполнении своих служебных обязанностей и в оставлении поста»⁴⁴⁴.

6 августа 1920 г. ответственный инструктор Главного управления общественных работ и повинностей составил доклад в НКВД, где подробно описал состояние охраны в лагерях: «Внешний караул лагерей, как в Москве, так и в провинции находится в ведении начальников гарнизона по местам. В настоящее время приказ [Приказ НКВД РСФСР № 80 Об охране лагерей — И.У.] в провинции совершенно игнорируется, постепенно от комендантов лагерей поступают жалобы на отказ в конвое и охране. Подобное явление влечет за собою большие отрицательные последствия, мешает производству внешних работ часто государственного значения, часто военного характера <...> Между тем в последнее время, ссылаясь что ВОХР учреждение чисто военного характера, этот вопрос тормозит»⁴⁴⁵. Подобные доклады о неудовлетворительной работе ВОХР и, как следствие, массовых побегах из лагерей в течение всего 1920 г. присылались в НКВД из большинства существующих на тот момент лагерей. Иногда формулировки комендантов лагерей граничили с полным отчаянием. Например, по выражению ответственного инструктора Петроградского подотдела принудработ в отношении Петроградского лагеря № 1 на Чесменке не без доли юмора писал, что «лагерь охраняется волею судеб»⁴⁴⁶. В результате коменданту данного лагеря пришлось набрать отряд из 60 китайцев и женщин-красноармеек для охраны. Причина отсутствия нормальной охраны заключалась в том, что у ВОХР не было отдельных подразделений для подобной работы. Несмотря на прямые указания сверху, исходящие от Дзержинского, ВОХР не смогла в этот период сформировать отдельные батальоны по запросу от каждого лагеря.

1 сентября 1920 г. ВОХР была расформирована и на ее базе были образованы Войска внутренней службы Республики (ВНУС), которые просуществовали до начала 1921 г., после чего они были переданы в Наркомат по

⁴⁴⁴ Там же. Д. 181. Л. 10.

⁴⁴⁵ Там же. Д. 110. Л. 188.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 198.

военным делам и частично в ВЧК, а позднее ГПУ-ОГПУ. Именно из этих частей в дальнейшем были сформированы батальоны ВОХР ОГПУ-НКВД, основной задачей которых стала охрана лагерей ГУЛАГа.

Период существования ВНУС не дал положительных сдвигов в охране лагерей, что по большей части было обусловлено межведомственным беспорядком. ВНУС рассматривал охрану лагерей по остаточному принципу и крайне редко укомплектовывал конвойные команды по количественному требованию ГУПР. Например, Уральский подотдел принудительных работ писал в Главное Управление 24 января 1921 г.: «Штат охраны лагеря является далеко незаполненным <...> дело охраны лагеря состоит далеко не в удовлетворительном виде. Одной из главных причин неудовлетворительного состояния охраны является полнейшее отсутствие лиц не только опытных сознательных, могущих занять должность надзирателей, но и вообще каких бы то ни было людей, желающих поступить на упомянутые места. Другой главной причиной служит несоответствие своему назначению караула внутренней охраны, состоящего иногда из лиц далеко не сознательных и даже просто несовершеннолетних, не могущих ясно представить себе значение возложенных на них задач <...> Неоднократно обращался я к бригаде ВНУС с просьбами об усилении караула по замене более надежными людьми, но так же никакого ответа не получил»⁴⁴⁷.

К январю 1921 г. в охране лагерей сложилась критическая ситуация. ВНУС категорически отказывались передавать своих бойцов на охрану лагерей ввиду начала процесса расформирования войск внутренней службы. Коменданты лагерей говорили о полной дестабилизации ситуации в охране, что резко повышало процент побегов из лагерей. Комендант Орловского лагеря 21 января 1921 г. писал: «До последнего времени охрану лагеря нес отряд местного гарнизона, но <...> начальник гарнизона караул снял и лагерь временно охраняется милицией, которая также караул снимает. Причина этого тяжелого положения заключается в том, что до сих пор окончательно не решен вопрос, кто

⁴⁴⁷ Там же. Д. 181. Л. 19.

должен нести охрану лагерей. Войска ВНУС дают, и то только после громадной переписки, совершенно незначительное количество людей, в настоящее же время, согласно приказа по округу № 1439, войска ВНУС окончательно снимают с себя охрану лагерей и передают ее в милицию»⁴⁴⁸.

На рубеже 1920–1921 гг. в республике началась волна закрытия и реформирования лагерей из-за невозможности содержания заключенных без охраны. В декабре 1920 г. в ГУПР пришла телеграмма из Челябинского подотдела принудительных работ следующего содержания: «С первого дня функционирования Подотдела принудительных работ было усмотрено, что большинство заключенных лагерей не могут быть интенсивно использованы на работы, благодаря недостаточности конвоя. Для устранения такого тормоза Подотдел неоднократно обращался по этому поводу в Вохра и в соответствующие Учреждения и только после продолжительного времени и усиленных хлопот удалось составить две небольшие конвойных команды численностью обе 31 человек для Челябинского центрального лагеря, вопрос же для уездных лагерей остался до сих пор открытым»⁴⁴⁹. Ввиду того, что вопрос охраны для уездных лагерей в Челябинской области так и не был решен, часть из них закрылась, а заключенных перевели в центральный лагерь в Челябинске.

С января по май 1921 г. лагерная система в РСФСР фактически существовала без организованной государственной охраны. 23 марта 1921 г. после подписания Рижского мирного договора с Польшей, постановлением СТО вся конвойная служба из числа красноармейцев в целях сокращения числа армии и уменьшения государственных расходов была снята с охраны лагерей и ряда других объектов⁴⁵⁰. Каждый лагерь справлялся с такими реалиями как мог. В первую очередь за эту работу брались сами заключенные, из числа военнопленных Гражданской войны. Коменданты лагерей брали людей в наем из числа горожан, а также заключали договоры с ведомствами, имевшими в

⁴⁴⁸ Там же. Л. 17об-18.

⁴⁴⁹ Там же. Д. 143. Л. 109.

⁴⁵⁰ Там же. Д. 181. Л. 51.

распоряжении военизированную охрану. Частично ситуацию брали под контроль отряды Рабоче-крестьянской милиции.

Ослабление и попустительство охраны стимулировали массовые побегии среди заключенных лагерей, в особенности среди белого офицерства, которым грозили лагеря Русского Севера, слухи о которых проникали через других заключенных. Летом–осенью 1920 г. из Ярославского лагеря бежало 70 военнопленных, в том числе 5 бывших белых офицеров Колчаковской армии. Заключенные были направлены лагерем на заготовку дров в лес на территории волости, откуда они совершали групповые побегии. Как следует из актов Чрезвычайкома, который провел проверку лагеря, из 10 конвоиров, которые должны были сопровождать и охранять заключенных, в действительности этим занимался лишь один конвоир⁴⁵¹. В общей сложности к ноябрю 1920 г. из лагеря совершили побег 253 человека⁴⁵². По данному факту ГубЧК направила под арест часть административного аппарата лагеря, но, не усмотрев злого умысла в их действиях и квалифицировав все произошедшее как халатность, отпустила их для дальнейшей работы.

Данный факт является во многом показательным для периода становления советской власти. В условиях полнейшего развала хозяйственных ведомств ЧК в целом мало интересовали сами факты побегов, а, исходя из материалов проверок, начальник Чрезвычайкома больше заботился о срыве процесса заготовки дров военнопленными, которые обеспечивали топливом г. Ярославль. Уже в самом начале 1920-х годов заключенный, как и рабочий, рассматривался государственными ведомствами как средство производства, будь то физический или умственный труд. В дальнейшем эта идея будет эволюционировать по мере развития лагерной системы в СССР.

Вышеупомянутый случай является примером коллективного побега, совершенного бывшими военными, солдатами из числа пленных поляков, а также заключенных из числа бывших белых офицеров. Действительно, люди, которые

⁴⁵¹ Там же. Д. 141. Л. 118.

⁴⁵² Там же. Л. 124.

прошли боевые действия, имея военную подготовку, видя слабые стороны в охране лагеря и, в частности, конвоирования на выездных работах, решались на подобные отчаянные поступки. В подавляющем числе случаев побеги совершали именно люди из числа военнопленных как Гражданской войны, так и других вооруженных конфликтов. Регулярно в число бежавших входили и заключенные из числа уголовников, а также заключенные-крестьяне, попавшие в лагеря в результате крестьянских волнений. Политические заключенные, а также контрреволюционеры, не выходцы из военных кругов, практически не совершали подобных действий. Но были и исключения. Например, 3 апреля 1921 г. из Новопесковского лагеря в Москве сбежала Анастасия Федоровна Богуславская — сестра милосердия, переведенная в Москву из Петрограда. Богуславская сбежала по дороге к зубному врачу, куда ее конвоировали из лагеря, «воспользовавшись тем, что на улице много народу»⁴⁵³.

Административная система первых советских лагерей была полностью разлажена. Лагерная администрация и охрана относились к разным ведомствам, что являлось камнем преткновения в нормальном функционировании каждого конкретного лагеря. Наиболее емко эту проблему озвучил ответственный инструктор Петроградского подотдела принудительных работ летом 1920 г.: «Главная причина этому [беспорядку — И.У.] неправильное понимание сего вопроса Управлением отдела, взявшегося за это дело с узкой субъективной точки зрения, смешав административные функции чисто милицейской организацией с организацией лагерей, здесь же примешался ЧК и Особый отдел и все это перепуталось при полном отсутствии руководящего органа в лице подотдела принудработ»⁴⁵⁴.

Весной 1921 г. внутри лагерной системы началось глобальное перестроение административных функций с передачей местных отделам принудительных работ всей полноты власти. 8 мая 1921 г. вышел приказ начальника милиции РСФСР В.С. Корнева, который до этого возглавлял ВНУС, о создании военизированных

⁴⁵³ Там же. Д. 205. Л. 91.

⁴⁵⁴ Там же. Д. 110. Л. 198об.

команд для охраны лагерей из состава стрелковых подразделений Главмилиции⁴⁵⁵. В свою очередь набор в эти части милиции велся из распоряжения фронтов и округов РККА. Начальником всей новой лагерной охраны республики был назначен И.Т. Рожков. Принципиальное отличие вновь созданных охранных частей заключалось в том, что они отныне передавались в распоряжение подотделов принудительных работ в каждый регион, под их непосредственное подчинение. Всего выделялось 12 500 профессиональных стрелков по губерниям на 131 лагерь. Кроме того, к открытию в 1921 г. предполагалось еще 23 лагеря⁴⁵⁶. Привлечение профессиональных стрелков должно было положить конец массовым побегам из лагерей. Согласно новым распоряжениям, на каждый лагерь выделялось дифференцированное количество стрелков от 30 до 400 человек. Возрастной порог красноармейцев определялся в 25–26 лет. В силу своего особого столичного статуса и большого количества лагерей (14 шт.) Москва и Московская губерния получили стрелков ВОХР годом раньше всех остальных губерний.

Новая система охраны лагерей была призвана искоренить массовые побег и способствовать выполнению трудовых повинностей заключенных. Тем не менее, старые проблемы так быстро не решались. При общем повышении численности конвоиров и охранников в лагерях, их качество оставалось по-прежнему крайне низким. Никуда не делись и главные причины частых побегов: халатность и коррупция. Уже вскоре после произведенных преобразований, 20 июля 1921 г. комендант одного из московских лагерей констатировал следующее: «Люди конвойной команды при вверенном мне лагере относятся к своим обязанностям чрезвычайно халатно: как то спят на постах, беспрепятственно пропускают в проходы посторонних и даже заключенных, что известно Начальнику охраны лагерей Республики, который поверяя посты нашел на постах спящих милиционеров».⁴⁵⁷

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 1а. Д. 24. Л. 63.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 64.

⁴⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 205. Л. 107.

Потребность в хорошо отлаженной системе охраны была обусловлена резким ростом числа лагерей в 1921 г. советско-польская война 1919–1921 гг. дала значительный толчок к образованию лагерей в Московском регионе. Губернские лагеря принудительных работ отличались от столичных более мягким режимом содержания ввиду нехватки кадров в администрации и конвойной службе. С другой стороны, лагеря Московской губернии, в отличие от Москвы, имели ярко выраженную трудовую направленность, которая заключалась не только в организации подсобных хозяйств, но и в организации настоящих производств. Московская губерния стала первым регионом, где подсобные лагерные хозяйства переросли в настоящие промышленные центры.

В разгар Гражданской войны, зимой 1919 г., в Москве остро встала проблема отопления и нехватки дров. Очевидцы событий — студенты бывшего университета им. А.Л. Шанявского, ставшего частью МГУ в августе 1919 г., так описывали сложившуюся в столице гуманитарную катастрофу в ноябре того же года: «Холодный ветер пронизывает большие неотапленные квартиры. В побитые стекла окон, террас пробирается ранний снег. Столетние парки гибнут под звуки топора. Сады, обнесенные резной оградой, мостики, перекинутые через каналы, разбираются идущими прохожими. Мысль о вкусной пище, о том благе, что необходимо человеку, несбыточна <...> Поисчезли все заборы, все телеграфные столбы. Ими поддерживают московские жители мало-мальски выносливую температуру в своих заледенелых квартирах. Когда идешь вечером по улице, со всех сторон раздается треск: это москвичи собирают себе топливо»⁴⁵⁸.

В связи со сложившимися обстоятельствами зимой 1919 г. на подмосковную станцию Крюково были командированы первые 49 заключенных для заготовки дров и торфа для Москвы. Вновь образованный лагерь расположился на территории бывшего кирпичного завода купца Ивана Карповича Рахманова. 11 декабря комендант лагеря в докладе НКВД отчитался о первой

⁴⁵⁸ Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М., 1992. С. 363–364.

партии заготовки 108 кубических сажень дров. Это дата стала точкой отсчета существования в Крюково исправительного учреждения, которое является старейшей исправительной колонией в Подмоскowie по настоящее время.

В 1921 г., с присоединением к лагерю заводов и других производств, образовался Крюковский трудовой район. С этого момента основной производственной деятельностью лагеря стало производство кирпича. Контингент лагеря состоял из краткосрочных заключенных, военнопленных и в небольшом количестве трудармейцев. К весне 1922 г. население лагеря приблизилось к 600 заключенным⁴⁵⁹.

В конце 1922 г. лагерь был преобразован в сельскохозяйственную колонию. Крюковский лагерь стал первым производственным лагерем в губернии, сформированный из нескольких предприятий, с конкретно поставленным планом работ. Комендант лагеря Василий Котлов одновременно являлся начальником Крюковского трудового района. Крюковский трудовой район стал первой лагерной производственной территорией. С этого времени началось формирование самостоятельного лагерного пространства, особого вида пространства неволи и принуждения.

По отчету Бюро принудительного труда (Принкуст) ГУПР НКВД, к ноябрю 1922 г. Крюковский лагерь относился к числу мест заключения с самым крупным производством в Московской губернии. К этому моменту на уровень самоокупаемости вышли только 2 подмосковных лагеря (Крюковский и Лианозовский), заключенные которых работали на кирпичном производстве. Денег от продажи крюковского кирпича хватало на заработную плату заключенным, вольнонаемным и лицам, осужденным к принудительным работам без лишения свободы, а также на ремонт и поддержание самих заводов⁴⁶⁰.

В качестве поощрений за добросовестный труд и переработки администрация Крюково разрешала заключенным отгулы в город или домой, свободный выход с территории лагеря, предоставляла право жить на частной

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 11. Л. 151.

⁴⁶⁰ Там же. Оп. 9. Д. 1. Л. 1об.

квартире. В связи с успехами отдельных лагерей по переходу на самокупаемость и налаживанию эффективного производства, ГУПР в 1922 г. всерьез обсуждал возможность организации по подобию Крюковского лагеря отдельных производственных районов. В их основе должны были быть лагеря принудительных работ, заключенные которых могли обеспечивать как себя, так и целые территории. Начальник подотдела принудительных работ Архангельской губернии в описании деятельности лагерей своего региона в 1920 г. предлагал организовать лагеря в Мурманске и на Печоре, т.к. это «единственный способ снабдить эти два уезда столь нужной для них рабочей силой». Тем самым, начальник подотдела невольно подводил к идее колонизации северных земель лагерным способом.

Ликвидация лагерной системы в ноябре-декабре 1922 г. помешала этим планам. Тем не менее, именно производственные лагеря по-настоящему не были ликвидированы в 1922 г. — они продолжили свою работу под другими названиями: сельскохозяйственные колонии, производственные колонии и др.

Проблема, связанная с крупным лагерным производством, заключалась в неопределённости подчинения этих предприятий. Несмотря на неоднократные ходатайства начальника ГУПР З.Г. Зангвиля о передаче в его ведомство фабрик и заводов, где работали заключенные, вопрос о статусе многих подобных предприятий оставался открытым. Например, в 1920 г. в Архангельске заключенными был реконструирован мотовагонный завод. Предприятие не могло выдавать заработную плату заключенным, т.к. не принадлежало ни одному из наркоматов, а соответственно не имело финансирования. Единственным способом выплачивать долги была реализация продукции данного завода. В своем письме в ГУПР начальник Подотдела принудработ по Архангельской губернии писал 2 октября 1920 г.: «Завод не оплачивает совершенно этого труда, так что к настоящему времени долг завода лагерю выражается в сумме до 700 000 рублей.

В виду сего прошу Вас дать мне указание, в чьем ведении находится указанный завод и кем он будет финансироваться»⁴⁶¹.

Настоящий расцвет использования труда лагерных заключенных пришелся на начальный период нэпа. К этому моменту в стране уже действовала весьма развитая сеть лагерей от Волыни до Якутска. После решений X съезда РКП(б) и установления новых экономических принципов в стране, мелкие промышленные предприятия получили значительные свободы. Именно в качестве подобных мелких предприятий виделся руководителям ГУПР каждый лагерь, которые сумели наладить к этому моменту различные производства.

3 февраля 1921 г. с целью учета и наблюдения за производственной деятельностью лагерей внутри ГУПР был создан Производственно-технический отдел. С этого момента производственный труд стал приоритетным направлением в деятельности лагерей. Заведующий Главным управлением принудительных работ В. Ушацкий в телеграмме от 24 марта 1921 г. всем подотделам указывал: «Нужно признать, что те формы использования труда заключенных, какие до сих пор практиковались, как-то: работа в мастерских по 5 или 10 человек, откомандирование спецов в учреждения и случайные черные работы, не есть наиболее продуктивные, ни наиболее подходящие для лагерей. Прежде всего откомандирование отдельных заключенных на работу в учреждениях по специальности сводит на нет всякое наказание»⁴⁶².

Весной 1921 г. в пенитенциарном деле в Советской России произошел значительный поворот. В лагерях начали массово отказываться от внешних работ в целях избегания соприкосновения лагерников с окружающей средой, а также любой возможности осуществить побег. Между пространством несвободы и волей провели строгую черту. Начала формироваться структура замкнутого лагерного мира. Особое внимание к побегам с марта 1921 г. также было связано с тем, что лагерный заключенный теперь рассматривался в большей степени как часть фабрично-производственной артели, как рабочая единица коллектива.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 74. Л. 113.

⁴⁶² Там же. Д. 169. Л. 36об.-37.

Главное управление общественных работ и повинностей в начале февраля 1921 г. вновь переименовалось в Главное управление принудительных работ, что говорило о векторе развития данного ведомства. Новый начальник ГУПР В. Ушацкий⁴⁶³ в выше упомянутой телеграмме отмечал: «Каждый лагерь должен быть организован так, чтобы в целом представлять хозяйственный организм, в котором каждый заключенный имеет свое место. Каждый лагерь должен стать фабрикой, заводом, мастерской, а не казармой, из которой черпают рабочую силу на очистку снега и прочее»⁴⁶⁴. Этот период можно охарактеризовать трансформацией «лагерей-общежитий», где заключенные только ночевали, в «лагеря-фабрики».

С началом нэпа лагеря получили возможность брать под свое производство готовые фабрики и заводы, в первую очередь кирпичные, лесопильные и гончарные. Кроме того, заключенные лагерей начали активно вовлекаться в производство торфа, известки, минеральных удобрений, сельское хозяйство и др. Каждое новое производство, будь то завод или лесной участок (имение), утверждалось в Производственно-техническом отделе ГУПР. В это же время введен один из главных видов стимулирования лагерного труда заключенных — досрочное освобождение за добросовестный труд, которое раньше использовалось лишь в исключительных случаях, а также отпуска заключенных домой до 14 суток в год⁴⁶⁵. Главным образом досрочное освобождение применялось к лицам, помещенным в лагерь в административном порядке, в частности, по решению Комиссии по борьбе с трудовым дезертирством. Решением ЦКО от 11 августа 1921 г. окончательно запрещался перевод заключенных, осужденных к тюремному заключению в лагерь, и наоборот, перевод заключенного из лагеря в тюрьму. Карательная политика с этого времени

⁴⁶³ Витольд Францевич Ушацкий (1883–1950) – в 1919 г. назначен заведующим Отделом пособий и пенсий Наркомтруда РСФСР, затем работал в системе Революционных комитетов Республики. С 10 февраля 1921 г. по январь 1922 г. – руководитель ГУПР НКВД РСФСР. После образования СССР и до своей смерти работал в бухгалтерском деле в различных советских ведомствах.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 169. Л. 37.

⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 2. Д. 36. Л. 21.

приобрела четкую структуру мест лишения свободы, а также вводился более строгий учет заключенных.

С 1920 г. лагерные подразделения формировались в бывших крупных промышленных регионах Российской империи. Лагеря начали активно использоваться в качестве инструмента для поддержания и восстановления промышленности государственного значения. 1920 г. был отмечен значительным ростом лагерей на территории Украинской ССР (всего 15 лагерей с населением 12 тыс. человек) и, в частности, на территории Донбасса, как главного промышленного центра. 18 октября 1921 г. заместитель заведующего Главного управления общественных работ и повинностей при НКВД УССР А.Н. Стеклов в своем докладе в центр, в Москву, отмечал следующее: «Для более скорой и правильной постановки дела в таком государственно-важном регионе, как Донбасс, мне пришлось лично выезжать туда и направлять работу, в результате чего в Донбассе был открыт целый ряд лагерей, организованы трудовые дружины и начата мобилизация буржуазии»⁴⁶⁶. Через лагеря Украины, исходя из доклада Стеклова, «с момента последнего перехода власти к Советам», т.е. с лета 1920 г., прошло около 50 тыс. заключенных.

Главным лагерем Донбасса был Юзовский лагерь, располагавшийся в городе Юзовка (в наст. вр. г. Донецк). Одновременно с заключенными на угольных шахтах работали мобилизованные Донецкой трудовой армии, образованной 3 декабря 1920 г. Принудительный труд в лагерях Украины был организован непосредственно заключенными, которые занимали руководящие посты в администрации. Начальник Отдела принудработ в своем докладе за 1920 г. отмечал: «Единственным свободным человеком был Заведующий Отделом, всех же остальных работников пришлось взять из лагеря <...> нами были посланы в Москву агенты, которым удалось привести немного обмундирования для заключенных и несколько канцелярских книг, бланков, форм и тому подобное»⁴⁶⁷.

⁴⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 203. Л. 156.

⁴⁶⁷ Там же. Л. 157об. –159.

В 1920 г. заключенные лагерей были привлечены к стройке республиканского значения — Каширской ГРЭС, сооружение которой проводилось в рамках проекта ГОЭРЛО. Из откомандированных заключенных Покровского и Кожуховского лагеря в Москве в 1921 г. был сформирован Каширский лагерь принудительных работ.

Строительство Каширской ГРЭС стало первым опытом привлечения заключенных к возведению объектов республиканского характера. Каширская ГРЭС встала в один ряд по своей значимости с Днепрогэсом, ознаменовав новую эпоху энергетических гигантов и став символом новой экономической политики и всей страны. Сами заключенные Каширского лагеря с воодушевлением высказывались о своей работе, а сам начальник Каширстроя — главный инженер Г.Д. Цюрупа — хлопотал об их устройстве, предлагая заключенным перебраться из бараков в отдельные вагончики с койками вместо нар⁴⁶⁸. Партии заключенных направлялись на строительство ГРЭС для конкретных работ, после чего доставлялись обратно в лагерь. Таким образом, у Каширского лагеря не было постоянного населения.

К 1922 г. ГУПР НКВД (как и его преемник ГУЛАГ) стало полностью хозяйственным ведомством, которое обладало как людскими ресурсами в виде заключенных, так и собственным обширным имуществом, сдаваемым в аренду. Так, в феврале 1922 г. между гражданским трестом Каширстрой и ГУПР был составлен договор об аренде всех помещений Кожуховского лагеря ввиду начала строительства Кожуховской принимающей подстанции ГРЭС⁴⁶⁹. Принкуст и ГУПР в многочисленных обращениях настаивали, чтобы все расходы по содержанию заключенных, занятых на строительстве ГРЭС, обеспечивал Каширстрой. В подобные издержки входили как обеспечение заключенных

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 8. Л. 32.

⁴⁶⁹ Каширская ГРЭС строилась для электрификации Москвы. Для обеспечения выдачи мощности с ГРЭС в подмосковной деревне Кожухово, где располагался концентрационный лагерь, была построена подстанция. Строительство подстанции велось силами вольнонаемных рабочих и заключенных, которые проживали совместно в бараках Кожуховского лагеря в непосредственной близости к строительству. Строительство подстанции было завершено 30 апреля 1922 г.

жильем, в том числе квартирами, провизией, инструментом, так и их проезд от Покровского и Кожуховского лагерей до мест работы и обратно, сопровождение во время перемещения, выдача заработной платы (25% от обычной ставки вольнонаемного рабочего) и т.д. При таких условиях Каширстрою становилось совершенно невыгодным использование на строительстве заключенных, и в 1922 г. организация, в силу убыточности заключенного договора, отказалась от сотрудничества с ГУПР.

Каширская ГРЭС стала последним крупным строительством, где массово использовались выездные работы заключенных. С середины 1921 г. ГУПР полностью отказалось от подобных внешних работ в пользу производственных лагерей.

ГУПР придерживалось таких жестких условий для своих подрядчиков с единственной целью — вывести лагеря на уровень самоокупаемости. Как отмечалось в циркулярном письме НКВД осенью 1921 г., «политика снабжения лагерей должна иметь тенденцию к тому, чтобы освободить государственные органы от обязанности снабжать лагеря всеми видами довольствия и вступить на путь самоснабжения»⁴⁷⁰. Формы получения прибыли от работ заключенных были совершенно разные: от заработной платы, часть которой удерживалась в пользу лагеря, до выдачи заключенным натурального продукта от производства для последующей реализации, как в случае с кирпичными заводами Екатеринбурга. Всего на 1 июля 1921 г. за ГУПР числилось 7 кирпичных заводов. Некоторые крупные лагеря, как, например, Минский лагерь, располагавшийся за чертой города, в имении Малая Слепянка, имели собственные сельскохозяйственные угодья. Урожай с них также шел на довольствие всех заключенных Минского подотдела принудительных работ.

Обмен продукции, производимой заключенными, на продовольствие стал особенно актуальным во время голода 1921–1922 гг., охватившего 35 губерний, Казахстан и Украину. 21 августа 1921 г. Наркомат юстиции выпустил циркуляр с призывом увеличить производительность труда заключенных во всех местах

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 169. Л. 77об.

заклучения, в особенности в губерниях, не охваченных голодом: «Помощь голодающим может принять различные формы, в пределах допускаемых законом, и чем больше их будет, тем больше заключенных примет участие в работах»⁴⁷¹. В циркуляре подчеркивалось, что помощь заключенных голодающим — дело исключительно добровольное и носит сверхурочный характер. Наряду с физическими формами внеурочного труда, за которую заключенные получали деньги или продовольствие, отправляемое в Центральную Комиссию помощи голодающим, существовали альтернативные способы заработка денег.

Одной из таких форм стали платные театральные постановки лагерных трупп, состоящих из заключенных⁴⁷². Важную роль в стимулировании подобного рода внеурочных работ сыграло введение системы зачетов рабочих дней для заключенных (каждые 8 часов такой работы засчитывались за сутки отбывания срока в лагере), введение продолжительных — до двух недель — отпусков, а также досрочные освобождения из лагеря. Привлечение заключенных к таким социальным проектам, как помощь голодающим, было одним из способов привести в лагерь моральную и воспитательную составляющие и исключить в заключенных «черты известного безразличия». Большевистское руководство неоднократно настаивало на том, что обязательный труд не должен стать одной из форм угнетения и эксплуататорства, как в царское время, а должен приобретать черты добровольных и осознанных начал.

Подобные акценты на морально-воспитательной составляющей политической работы в лагерях значительно актуализировались в 1921–1922 гг. и были напрямую связаны с эволюцией лагерного контингента. Лучше всего эти изменения можно наблюдать на примере двух московских лагерей: Ивановского и Андрониковского. В начале 1921 г. в лагерях Центральной России начался процесс формирования трудового контингента лагерей. Большинство заключенных, осужденных за контрреволюционную деятельность, — выходцы из буржуазии, белого офицерства, духовенства, представители оппозиционных

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 36. Л. 54.

⁴⁷² Там же. Д. 2. Л. 264.

партий и др. — были распределены по лагерям и тюрьмам северных губерний, Поволжья и Урала. Именно в этих регионах в 1923 г. появились первые политизоляторы для содержания политических заключенных: в Казани, Ярославле, Челябинске и Верхнеуральске. На севере, в Архангельской губернии, в 1923 г. был открыт Соловецкий лагерь особого назначения.

На всей остальной части РСФСР было решено оставить лагеря, способные перейти на полное самообеспечение, для которого было необходимо преобладание рабоче-крестьянского контингента. Такое замещение одного контингента другим подробно описано в докладе коменданта Ивановского лагеря Квятковского в середине 1921 г.: «Вместо тунеядческих, инвалидных и вообще нетрудовых элементов, с одной стороны, вместо ярко выраженных противников Советской власти в виде всякого рода контрреволюционеров, бывших сановников, заговорщиков и т.п. с другой, подавляющая масса лагерного населения сейчас — представители рабочих кругов, крестьянства, фабрично-заводских рабочих, и те примирившиеся буржуа средних классов, которые могут быть отнесены к так называемой трудовой интеллигенции»⁴⁷³.

Руководство московских лагерей настаивало, что к этому моменту наступила новая формация, и те преступления, которые были присущи ранее привилегированным слоям (контрреволюция и крупная спекуляция), остались в прошлом. Гражданская война подошла к концу, большевики смогли отстоять завоевания революции, и лагеря, которые раньше концентрировали в себе разнородную массу заключенных, теперь имели определенное трудовое лицо.

Лагеря становились не просто альтернативным способом организации производства, а примером социальной инженерии, находились в авангарде строительства будущего общества. Лагерь стал передовым способом организации социума, или, как выразился комендант Ивановского лагеря Квятковский, «новый состав лагеря является прямым отражением жизни вне лагерных стен»⁴⁷⁴. С этого момента лагеря уже не были заняты кустарной работой, обслуживанием

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 287. Л. 350.

⁴⁷⁴ Там же.

городского хозяйства и «ковыряньем над пустыками», а являлись частью производственного организма крупных городов и целых регионов.

Новое трудовое лицо лагерей имело обратную сторону медали. На административные позиции в лагерях, в частности, на должности старост, стали попадать действительно люди из трудового сословия, но зачастую с выраженным криминальным прошлым, что сказывалось на общем социальном климате внутри лагеря. В Политический Красный крест с середины 1921 г. массово стали поступать письма о регулярном насилии в лагерях. Например, заключенные Покровского лагеря в Москве 1 февраля 1922 г. написали коллективное обращение (40 подписей) в ППК, где жаловались на подобные случаи: «Назначенный новый староста лагеря производит систематические избиения заключенных, принимающих порою форму истязаний, что в течение последней недели им было избито 7 человек <...> Почему в Покровском лагере староста оказался назначенным, а не выбранным, на что заключенные имеют право»⁴⁷⁵. Практика назначения уголовного элемента на административные должности крайне негативно сказывалась на лагерном социуме.

Коменданты московских лагерей в 1921 г. выделяли главный фактор лагерного производства — его мобильность. Тот же Квятковский говорил: «Обыкновенно не принято сравнивать лагерные фабрики с фабриками свободных рабочих. И это потому, что производительность заключенного, принудительная производительность, считается всегда ниже, иногда и значительно ниже производительности свободного рабочего. Возможно, что такое общее правило и существует <...> Пониженный уровень работы заключенных объясняли пониженной психикой заключенных, подневольностью, принудительностью. Можно с цифрами в руке доказать, что их [заключенных — И.У.] производительность является выше производительности одинаково оборудованных мастерских вне лагеря. Так, Наркомвнудел дважды переносил печатание своих еженедельных циркуляров из большой, хорошо обставленной типографии в лагерную типографию из-за пунктуальности и срочности

⁴⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 11. Л. 14-14об.

выполнения заказа именно лагерем. Москполиграфический отдел неоднократно передавал лагерю те заказы, от срочного и точного выполнения которых отказывались мастерские на свободе. Таких примеров много»⁴⁷⁶. Главную заслугу лагерей за три года существования полноценной системы руководство ГУПР видело в превращении заключенного из «тюремного паразита» в сознательно трудящегося человека. Труд в лагерях постепенно становился нормальным укладом жизни, прибежищем от праздных дней и однообразия лагерных стен.

Мобильность лагерного труда на долгие десятилетия стала основным фактором и движущей силой в разрастании и укрупнении лагерной системы в СССР. Исходя из этого принципа, именно лагерям передавались самые крупные и трудоемкие стройки союзного значения. Но такая мобильность и высокая производительность могли существовать лишь при качественном стимулировании труда заключенного, о котором было упомянуто выше. Как отмечалось в отчетных документах, сознательный заключенный-рабочий, в отличие от заключенного-буржуа и других паразитических элементов, глубоко осознают позорность принудительных работ, поэтому главным стимулом их работы является свобода, о которой писал комендант Ивановского лагеря в 1921 г.: «Моя личная практика в нескольких лагерях показала, что никакие льготы, начиная от повышенного пайка и кончая мелочами бытового свойства, не повышали настолько производительности, как уже только самый слух о возможности, после выполненной работы, выйти на несколько часов за ворота лагеря — кому проведать родных, кому пойти по личным делам, кому просто побродить по городу, подышать свободным воздухом»⁴⁷⁷.

При таких значительных трансформациях не только в социальном составе лагерей, но и в психике рядового заключенного, для которого труд являлся условием существования и освобождения, начальник Ивановского лагеря Квятковский предлагал в 1921 г. именовать лагеря «домами труда», с дальнейшим развитием системы стимулирования труда, которая способствовала бы развитию

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 287. Л. 350об.

⁴⁷⁷ Там же.

лагерных производств. Надо отметить, что в дальнейшем лагерная система пошла по этому пути, развивая более крупные и сложные производства.

Одновременно с развитием крупных производств в лагерях активизировалась вторая функция пенитенциарного учреждения – перевоспитания и политического просвещения заключенных. Политической работой среди заключенных администрация лагерей начала заниматься с момента образования ГУПР. Пропаганда затрагивала все социальные сферы советского общества, и лагеря не были исключением. Выше речь уже шла о подобной работе среди польских военнопленных, а также пленных Гражданской войны.

Более системная просветительская деятельность в лагерях началась с выходом циркуляра НКЮ от 30 июля 1920 г. «Об организации Учебно-воспитательного отдела»⁴⁷⁸. Согласно этому документу, при лагерях устраивались школьные занятия, образовывалась коллегия преподавателей и воспитателей, создавались библиотеки и читальни. Как и следовало ожидать, наиболее полноценно данная система была внедрена в московских лагерях, где при каждом лагере были открыты Культурно-просветительские кружки «для поднятия общего культурного и образовательного уровня <...> а также для предоставления заключенным разумных и полезных развлечений»⁴⁷⁹. Помимо традиционных форм обучения и культурного время препровождения, в лагерях были распространены спектакли, концерты, музыкальные вечера, хоры, оркестры и кинематографические сеансы. Кружки и секции существовали на деньги заключенных, которые тем самым получали в них членство. В свою очередь, кружки отчасти формировали внутреннюю социальную иерархию населения лагеря. Члены кружков стояли на более привилегированной ступени в лагере, эти заключенные пользовались большей лояльностью со стороны лагерной администрации и получали существенные льготы: отпуск, передвижение без конвоя, освобождение от работ и др.

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 5. Д. 2. Л. 122.

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 92. Л. 16.

Для театральных лагерных трупп устраивались гастроли по другим местам заключения. Самым известным лагерным театром Москвы стал театр Ивановского лагеря особого назначения, образованный летом 1920 г. Первым спектаклем, поставленным лагерной труппой Ивановского лагеря в Москве, стала пьеса Александра Дюма «Кин, или Гений и беспутство». В руководстве театрального кружка и постановках Ивановского лагеря помимо профессиональных актеров-заключенных принимали также участие такие заключенные, как меньшевики Владимир Николаевич Розанов, племянник известного русского философа, и Владимир Осипович Цедербаум-Левицкий, младший брат Ю.О. Мартова, а также князь Сергей Дмитриевич Горчаков. Такая откровенная буржуазная публика в руководстве театром не могла не смущать администрацию лагеря, и вскоре она была заменена на выходцев из более подходящих классов.

Бывший вятский и калужский губернатор из рода Горчаковых, Сергей Дмитриевич, был арестован на квартире своего полного тески графа Сергея Дмитриевича Шереметева в «Наугольном доме» на Воздвиженке (совр. ул. Воздвиженка дом 8/1, строение 1). Историк и коллекционер С.Д. Шереметев занимал видное место в культурной жизни дореволюционной Москвы, являясь руководителем Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения и др. Также Сергей Дмитриевич являлся крупнейшим собственником в Российской империи. Ему принадлежали Фонтанный дом в Петербурге, подмосковные усадьбы Остафьево, Кусково и Михайловское.

После революции 1917 г. С.Д. Шереметев отказался покинуть Россию, оставшись жить на Воздвиженке в Москве, где продолжил свою коллекционную деятельность по собиранию предметов и памятников старины. Осенью 1918 г. в его дом на Воздвиженке нагрянула ЧК с обыском. В своих воспоминаниях жена Б.Б. Шереметева⁴⁸⁰ Ольга Геннадиевна Шереметева писала: «10 ноября вечером,

⁴⁸⁰ Борис Борисович Шереметев – двоюродный брат Сергея Дмитриевича Шереметева. Также не покинул Россию после революции. Скончался в 1919 г. в Москве.

около 10 часов ночи, в большой дом приехало несколько автомобилей с чекистами. Петерс во главе. Ворота заперли и произвели обыск. Увезли всю переписку Сергея, все золотые вещи, дневники, в общем, на 10 000 000 рублей золотом. Приехали, видимо, с целью арестовать Сергея, но он так плох, что уже несколько недель лежит в постели (у него гангрена на ногах). К нему ворвались тогда, когда ему делали перевязки. “Вы видите, что тут умирающий”, — сказала Петерсу О.Н. Зайцева. Тот остановился и присутствовал при операции. Положение Сергея настолько серьезно, что его не арестовали, зато увезли Павла, Бориса, Гудовича, Сабурова и Б. Сабурова»⁴⁸¹.

Тогда же на квартире находился и князь Сергей Дмитриевич Горчаков, который также был арестован. Сам Горчаков в опросном листе ВЧК по поводу своего ареста писал: «Попал в засаду во время обыска у Шереметева С.Д. Вместе с членами семьи арестован, приведен в ВЧК, а оттуда переведен в Бутырскую тюрьму, где сидел до июня месяца [1919 г. — И.У.], затем переведен в Андроньевский лагерь, а 3 июля в Ивановский лагерь. Никакого обвинения мне не предъявлено, единственная, предполагаю, причина, что у меня княжеская фамилия, и что я раньше служил Губернатором в Вятке и Калуге»⁴⁸². Также в 1918 г. была арестована и помещена в Тарусский арестный дом жена С.Д. Горчакова — Анна Евграфовна, которая была убита часовым при попытке к бегству.

Лагерный театр в Ивановском монастыре стал настолько знаменит, что о нем даже писали советские газеты. Корреспондент газеты «Вестник театра» с восторгом описывал происходившее на подмостках лагерной сцены: «Узнав случайно, что на праздниках в Ивановском концентрационном лагере устраиваются заключенными спектакли, я отправился туда. <...> После внимательного опроса меня впустили. В длинной узкой комнате, бывшей трапезной монастыря, помещается театр <...> Мне понравился репертуар кружка на 6-7 месяцев, это оказалось солидным списком более 20 пьес <...> Раз поставили даже “Камеристку”, прелестную остроумную миниатюру Бориса

⁴⁸¹ Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания. М., 2005. С. 78.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 187. С. 62.

Садовского, которую одна из участниц кружка играла на воле и по памяти переписала целиком для постановки в лагере <...> какое огромное значение может иметь великая сила театра здесь, особенно здесь»⁴⁸³.

При театре в Ивановском лагере был образован оркестр и хор, также состоящий из заключенных. Организация музыкальных ансамблей являлась традиционным культурным оформлением любого крупного советского пенитенциарного учреждения. Например, в 1919 г. в Таганской тюрьме в Москве был образован Великорусский оркестр из заключенных. Великорусские оркестры стали образовываться во второй половине XIX в. в Российской империи, когда на большие академические сцены дирижёры стали вводить инструменты низовой крестьянской культуры: балалайки, гусли и т.д. Подобные оркестры взяли на вооружение большевики, организуя митинги-концерты и показывая единение рядового гражданина и власти через народную культуру. Организаторами и вдохновителями Великорусского оркестра в Таганской тюрьме были заключенные князь Александр Сергеевич Чагадаев, ставший впоследствии известным руководителем множества народных оркестров, и поручик Сергей Михайлович Сухотин, участник убийства Григория Распутина.

В связи с бурным развитием культурной жизни в лагерях ЦКО 10 июня 1920 г. выпустил специальное постановление, где указывалось, что «при каждой тюрьме и концентрационном лагере необходимо отвести помещение под клуб-театр. Помещение клуб-театра должно быть вполне оборудовано: малой сценой для устройства спектаклей, концертов и лекций, а также рамой с белым полотном для наглядно-показательного кинематографа»⁴⁸⁴. Спектакли в лагерях с этого времени стали полностью открытыми для публики, а выручка с постановок уходила, как правило, на помощь Красной армии. В это же время, с лета 1920 г., вся культурно-просветительская деятельность в местах заключения подчинялась

⁴⁸³ Театр Ивановского лагеря // Вестник театра. 1920. № 63.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 92. Л. 35.

Народному комиссариату просвещения, который заведовал всеми кружками, отбирал преподавателей, утверждал бюджет на школы и библиотеки⁴⁸⁵ и др.

Отдельным видом культурно-просветительской деятельности в лагерях была ликвидация неграмотности. В зависимости от контингента лагерей уровень грамотности был разный, но везде довольно низкий. Даже в Москве, где среди населения лагерей были выходцы из бывшей аристократии и офицерства, уровень грамотности составлял не более 10–12%⁴⁸⁶. При лагерях организовывались курсы грамотности, куда приглашались преподаватели и лекторы из Отделов народного образования Наркомпроса, но также не воспрещалось проводить занятия преподавателям-заключенным. Например, в Ново-Песковском лагере-распределителе такие занятия проводила А.Л. Толстая⁴⁸⁷. Заключенные в школах делились на три группы: безграмотных, полуграмотных и группы для умеющих читать и писать. Помимо традиционных занятий по русскому языку, арифметике, истории и географии, заключенным читались лекции по марксизму, истории большевистской партии, о борьбе пролетариата в России и т.д. В лагерях крупных городов, которые могли это себе позволить, на лекциях демонстрировались «туманные картинки через волшебный фонарь» — проекционный аппарат, через который просвечивалась стеклянная пластина с проявленными фотографиями, предшественник слайд-проектора (диапроектора).

Руководство лагерей прилагало огромные усилия по вовлечению заключенных в образовательный, лекционный и культурный процесс, участвуя тем самым в общегосударственной политике по ликвидации безграмотности (Ликбез), объявленной правительством 26 декабря 1919 г. Особенным образом выделялись лагерь Архангельской губернии, где подавляющее количество заключенных, по выражению начальника подотдела, «в большинстве состоит из бывших белогвардейских офицеров, оторванных от жизни». Далее он так же неутешительно отзывался о крестьянском населении лагеря: «Сейчас они —

⁴⁸⁵ Книжки в лагерные библиотеки передавали самые разные государственные и общественные организации, включая Политический Красный Крест.

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 201. Л. 34.

⁴⁸⁷ Там же. Д. 92. Л. 43.

круглые невежды в двух направлениях: в политическом, ибо они не имеют ясного, точного, вполне определенного представления о существовании той власти, которая сейчас, преодолевая невероятные препятствия, строит в ускоренном темпе новое государство. Того умственного багажа, с которым они оперировали в жизни до сих пор, никуда не годится. Он должен быть заменен новым»⁴⁸⁸. Несмотря на все усилия, статистика посещений лекций не могла радовать руководителей культпросвета. Крестьяне поголовно ходили на лекции только по сельскому хозяйству и естественным наукам, а лекции политического просвещения, как правило, не собирали полных залов.

Как и на другие административные позиции, на руководящие должности культпросвета в лагерях часто назначались сами заключенные (даже из категорий офицеров Белой армии). Иногда, добившись соответствующего положения у лагерного начальства, такие заключенные могли переводиться в другие лагеря для создания там просветительских кружков, секций, библиотек и т.д.⁴⁸⁹.

В связи с началом реорганизации лагерной системы и попытками централизовать управление всеми местами заключения, согласно Декрету СНК от 3 апреля 1922 г., вся культурно-просветительская работа в лагерях была изъята из Наркомпроса и передана в Центральный Исправительно-трудовой отдел (ЦИТО, бывш. ЦКО) Наркомата юстиции, «сообщая им [заключенным — И.У.] необходимые для борьбы за существование профессионально-технические знания»⁴⁹⁰. Новообразованное ведомство ставило своей основной целью ликбез заключенных. Согласно новому Уголовному Кодексу РСФСР, минимальный срок лишения свободы составлял 6 лет, что, по мнению ЦИТО, «вполне достаточно для ликвидации безграмотности и обучения чтению, письму и счету <...> чтобы заключенный не выходил на свободу неграмотным и без знания какого-либо несложного ремесла»⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ Там же. Д. 185. Л. 17об–18.

⁴⁸⁹ Там же. Д. 208. Л. 338.

⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 5. Д. 2. Л. 315.

⁴⁹¹ Там же. Л. 315об.

Лагерный труд являлся частью военно-мобилизационной концепции трудовой повинности, которая доминировала в раннем советском обществе. К середине 1920 г. система лагерей приобрела выраженные черты трудовых учреждений, чему способствовала антитюремная риторика, продвигаемая различными государственными ведомствами. Общественно полезный труд заключённых противопоставлялся бессмысленному пребыванию в тюрьмах. В начале 1921 г. была предпринята первая попытка встраивания труда заключённых в государственную экономику. С этого времени лагеря ГУПР начинают формировать производственные задания по заказам Наркомата труда РСФСР, труд в лагерях приобретает более системный характер. Среди основных работ, к которым привлекались заключённые, можно выделить следующие: подсобные хозяйственные работы внутри лагеря, работа в лагерных мастерских, внешние физические работы в советских учреждениях по запросам, сельскохозяйственные работы, работы на внешних производствах (фабрики и заводы), добыча полезных ископаемых (уголь, золото), капитальное строительство и лесозаготовки, работа по специальности в советских учреждениях (конторские служащие).

Для того чтобы обеспечить более организованный труд, руководству лагерей требовалось применить более системный подход к управлению. Однако на протяжении всего периода существования лагерей эта сфера оставалась слабым звеном. Система охраны лагерей неоднократно подвергалась реформированию, и только весной 1921 г. она была окончательно сформирована. Однако низкий уровень управленческого аппарата и охраны лагерей приводил к регулярным побегам заключённых. Это стало причиной того, что руководство ГУПР отказалось от выездных работ в середине 1921 года.

С переходом к нэпу начался период активного развития лагерного производства. Лагеря получили возможность привлекать крупные предприятия для организации производства. С этого времени можно говорить о самостоятельной хозяйственной деятельности ГУПР, которая интегрировалась в экономику отдельных регионов. В этот же период по отношению к заключённым начали применять определённые меры стимулирования труда, такие как

улучшенное питание, предоставление выходных дней, сокращение срока наказания и досрочное освобождение. В лагерях активно формировались культурно-воспитательные отделы, которые занимались политической и воспитательной работой с заключёнными. В лагерях появились клубы, библиотеки, театры и другие учреждения культуры.

3.2. Межведомственные разногласия и ликвидация лагерной системы

После окончательного закрепления всей производственной деятельности лагерей за Наркомтрудом в марте 1921 г. НКВД РСФСР в ноябре того же года издал инструкцию по использованию рабочей силы заключенных в местах заключения республики. Согласно этой инструкции, любое пенитенциарное заведение в стране должно было сообщать о движении заключенных внутри своего ведомства в местные Отделы труда, где велся учет работающих и неработающих заключенных, а также учет профессий, специальностей и т.д. Собранные сведения сначала поднимались вверх в Наркомтруд и исправительно-трудовой отдел Наркомата юстиции, после чего спускались в ГУПР. С этого момента уже целых три ведомства (Наркомтруд, ГУПР НКВД и НКЮ) принимали решения о распределении заключенных на различные стройки и предприятия, отдавая предпочтение предприятиям государственного значения. Также в инструкции содержались рекомендации по использованию заключенных согласно их профессиональным навыкам.

Подобные инструкции выпускались НКВД для более системного и целесообразного использования рабочей силы в лагерях и других местах заключения. С началом нэпа вся эта бюрократическая работа была проделана с одной целью — снять лагеря с государственного снабжения, что и было сделано в конце декабря 1921 г. Активным противником таких решений являлся начальник ГУПР В.Ф. Ушацкий, который в конце 1921 г. обратился в НКВД с докладом, где указывал, что лагерная система не в состоянии прокормить себя без государственных вложений: «В государственный бюджет должны быть внесены все статьи расходов на содержание лагерей <...> Немыслимо предположить,

будто можно не кормить арестованных или снять дорогостоящую охрану и даже закрыть лагерь на том основании, что заключенные не окупают себя, не приносят доход»⁴⁹². Ушацкий открыто заявлял, что без государственных вложений лагерная система обречена на полное упразднение. В действительности Ушацкий опасался раскрытия коррупционных схем, которые он создал за время пребывания на посту начальника ГУПР. Данные схемы распространялись на все лагеря республики и заключались в полном обворовывании руководством ГУПР губернских лагерей.

В начале 1922 г. НКВД провел проверку всех лагерей республики. По результатам данной проверки 30 января 1922 г. НКВД составил доклад, в котором сделал вывод о том, что почти все региональные подотделы принудработ работали на Москву: «Почти все внимание обращено исключительно на удовлетворение нужд лагерей, расположенных в Москве, приписанных Главному управлению и Московскому отделу. Московские лагеря — это все <...> К чему же свелась забота подотдела в деле снабжения остальных лагерей республики в 1921 г.? Ни к чему, если не считать получение для всех лагерей Республики 300 000 аршин ткани, наряда на 3 314 пудов мыла <...> Все это передано исключительно Московским лагерям». После данной ревизии Ушацкий в январе 1922 г. был снят с должности руководителя ГУПР, а на его место поставлен С.О. Роднянский⁴⁹³.

Обновленное руководство ГУПР пыталось систематизировать производственную деятельность лагерей, классифицировав в отчете в НКВД в январе 1922 г. ее следующим образом:

- отживающие внешние работы;
- мастерские внутри лагерей;
- арендованные фабрики, заводы и другие предприятия вне лагеря;
- отведенные лагерям огороды и совхозы;

⁴⁹² ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 9.

⁴⁹³Соломон Осипович Роднянский (1883–1944) – с января по март 1918 г. – председатель Екатеринославского губернского совета по делам пленных и беженцев. С января по ноябрь 1922 г. заведующий Главным управлением принудительных работ НКВД РСФСР, последний руководитель данного ведомства.

– артели из заключенных, исполняющие работы по подрядам⁴⁹⁴.

Среди наиболее перспективных лагерных производств новый начальник ГУПР выделял:

1. Кирпичный завод, бывший Рахмановский, на станции Крюково (Николаевской ж.д.) с лесопильней и мельницей;
2. Кирпичный завод, бывший Гаша, на станции Лианозово (Савеловской ж.д.);
3. Екатеринбургский кирпичный завод (г. Екатеринбург);
4. Керамиковый завод (г. Красноярск);
5. Типография при Ивановском лагере (г. Москва);
6. Две ватных фабрики в г. Туле;
7. Кирпичный завод Нижне-Юдинский на станции Бескудниково (Савеловской ж.д.);
8. Брянский кирпичный завод;
9. Вологодский кирпичный завод;
10. Владимирский кирпичный завод⁴⁹⁵.

Успехи отдельных лагерей на производстве и в сельском хозяйстве дали новому руководству ГУПР основание полагать, что лагерная система выдержит без государственных дотаций. Сразу после своего назначения на новую должность, С.О. Роднянский заверил в этом НКВД: «Принятое в конце отчетного периода решение высшей власти совершенно снять лагерь с финансового снабжения и в сильнейшей степени сократить продовольственное снабжение не отразилось катастрофическим образом только благодаря тому, что Главное управление успело за этот период подготовить почву для развития производства в лагерях и начать последовательное проведение его в жизнь. Существующее сейчас положение еще шатко, и неокрепшему организму очень трудно преодолеть

⁴⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 21об.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 21об.-22.

встречающиеся затруднения, но, если обстоятельства сложатся благоприятно, сделанный почин принесет здоровый плод»⁴⁹⁶.

На самоуверенные заявления Роднянского, что лагеря справятся без государственных вложений, незамедлительно ответили коменданты лагерей, а также заведующий материальным отделом ГУИР. В докладной записке он заметил, что в лагерях содержатся не только заключенные, но и «заложники, до 10%: поляки, венгерцы, эстонцы, латвийцы и прочие, подлежащие обмену, представляющие из себя скорее контингент Центрэвака, нежели питомцев ГУИРа»⁴⁹⁷. Исходя из этих соображений, начальник материального отдела требовал отдельного бюджета для заложников, который надо запросить у Центрэвака. Аналогичные требования приходили из губернских лагерей, коменданты которых не понимали, за счет чего содержать охрану и лагерный аппарат.

Ситуация со снятием лагерей с государственного снабжения осложнялась из-за вспыхнувшей в 1921 г. эпидемии, сопровождавшейся массовым голодом в местах заключения. В этой связи трудоспособность населения лагерей резко начала падать. Из-за жутких антисанитарных условий быта заключенных лагеря становились скоплением болезней и заразы. Самым страшным и массовым явлением в лагерях того периода был сыпной и брюшной тиф, который распространялся с невероятной скоростью.

Эпидемии сопровождались высокой смертностью заключенных. Например, во время эпидемии тифа в 1920 г. в Нижегородском лагере из 328 человек, заболевших тифом, умерли 122⁴⁹⁸. Аналогичная ситуация сложилась в Екатеринбургском лагере № 1. Санитарный врач Губздравотдела Упоров и заведующий Губвоенсанотделом Фрид в акте обследования лагеря от 4 ноября 1920 г. отмечали: «В камерах от присутствия массы народа немного теплее, но теплота является результатом дыхания, и воздух в них удушливый, избыточный

⁴⁹⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 40.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 111. Л. 218.

парами, так как палаты совершенно не вентилируются. Пол всюду влажный, местами покрыт липкой грязью; в некоторых палатах и во всех коридорах нагребены кучами сор и различные отбросы; над этими кучами заключенные в некоторых местах умываются, а иногда и мочатся, так как уборные в зданиях заколочены <...> Лагерь в современном состоянии является верным очагом заразы сыпного и возвратного тифов, а потому меры предосторожности должны быть приняты чрезвычайные, пожарные»⁴⁹⁹. Главные меры, которые предлагали врачи — это максимально возможное разряжение и расселение населения лагеря.

Более системный подход к ликвидации эпидемий был сформирован в 1921 г. 28 января 1921 г. внутри Народного комиссариата здравоохранения был образован Медико-санитарный отдел мест лишения свободы. Для лечения заключенных начали выделяться больницы, санатории, околотки и амбулатории. До этого момента заключенные проходили лечение непосредственно в лагерях в отдельных карантинных бараках или корпусах. Крупнейшей больницей в Москве для лечения заключенных стала Яузская больница, расположенная на Яузской улице (в настоящее время здание не сохранилось). По неподтвержденным данным, здесь же, на территории Яузской больницы, располагалось одно из мест захоронений заключенных, которые умирали в местах заключения, а также здесь хоронили тела расстрелянных органами ЧК.

Тем не менее, больниц на всех заключенных не хватало, а эпидемии в губерниях, к которым с лета 1921 г. добавилась и холера, приобретали настолько массовый характер, что Наркомат юстиции 27 июля 1921 г. издал циркуляр о разгрузке мест заключения, который включал следующие положения:

1. По отношению к следственным органам — не выносить по возможности в качестве меры пресечения в виде лишения свободы, а также пересмотр дел подследственных, уже находящихся в заключении, по возможности в пользу поручительства и залога;

⁴⁹⁹ Там же. Д. 82. Л. 14-15.

2. По отношению к распределительным комиссиям⁵⁰⁰ — максимально ускорить планирующиеся досрочные освобождения заключенных с переводом их на принудительные работы без содержания под стражей.

3. По отношению к губернским продовольственным комитетам — снабжение мест заключения питанием, водой и мылом⁵⁰¹.

В конце лета 1921 г. Наркомздрав поручил руководству Политического Красного Креста провести вакцинацию заключенных в московских местах заключения под руководством известного российского врача-гигиениста, профессора Вячеслава Александровича Левицкого⁵⁰². В дополнение к этому, места заключения переводились на карантинный режим. В начале 1922 г. НКЮ издал циркуляр⁵⁰³ о запрещении выезда заключенных за пределы лагеря на следственные и судебные мероприятия (допросы, вручение обвинительного заключения и т.д.). С этого времени сами сотрудники юстиции приезжали в места заключения для проведения необходимых мероприятий. Из-за карантинных соображений также в некоторых лагерях запрещались передачи для заключенных. Эпидемии в 1922 г. в местах заключения приводили к закрытию ряда лагерей, в том числе по этой причине был закрыт один из самых крупных и первых лагерей в Москве — Андрониковский.

В конце 1921 г. начался процесс жесткой оптимизации лагерной системы: лагеря, не приносявшие прибыль, подлежали закрытию. Одновременно с этим начался процесс освобождения заключенных ввиду амнистий, которые проходили в два этапа: зимой 1921 г. и осенью 1922 г. Массовая разгрузка лагерей началась после выхода Постановления ВЦИК от 12 декабря 1921 г., согласно которому из лагерей освобождались все подростки до 16 лет, женщины, имеющие при себе малолетних детей до 14 лет, мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а

⁵⁰⁰ Распределительные комиссии при НКЮ были созданы 16 ноября 1918 г. согласно Положению Центрального карательного отдела НКЮ РСФСР. Они имели право ходатайствовать перед судом о досрочном или условно-досрочном освобождении заключенных. Подавать ходатайство о досрочном освобождении Комиссия могла только по истечении 2/3 срока заключения.

⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 5. Д. 2. Л. 214.

⁵⁰² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 36. Л. 103.

также все, кто не мог трудиться в связи с нахлынувшими в лагерях эпидемиями. Освобождение осуществлялось «особо создаваемыми по месту нахождения лагерей тройками из представителей ГубЧК, подотдела принудительных работ и Исправительно-трудового отдела»⁵⁰⁴.

В октябре 1921 г. внутри НКЮ вместо Центрального карательного отдела был образован Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО), главой которого с 22 июня 1922 г. стал видный ученый-криминолог и правовед Евсей Густавович Ширвиндт. С лета 1922 г. в состав ЦИТО вошло большинство мест заключения, среди которых можно выделить дома заключения (домзаки) для следственных, исправительные дома (исправдома) для содержания срочных заключенных, трудовые дома для несовершеннолетних от 14 до 16 лет, сельскохозяйственные и ремесленные колонии, куда направлялись заключенные из исправдомов по решению распределительных комиссий и тюрьмы.

18 января 1922 г. при губернских исправительно-трудовых отделах (подразделения ЦИТО) и уездных бюро юстиции были созданы комитеты для моральной и материальной помощи освобожденным из мест заключения⁵⁰⁵. Комитеты помогали заключенным в поисках работы, в переезде к местам постоянного проживания⁵⁰⁶, либо поиску общежитий, приобретении вещей первой необходимости и т.д. Представители комитетов получали право прохода в места заключения для бесед с готовящимися к освобождению (за две недели до окончания срока) заключенными.

Несмотря на огромный комплекс проблем лагерной системы, задуманная внутри ГУПР реформа полного снятия лагерей с государственного снабжения была принята в январе 1922 г. Главное управление принудительных работ совместно с коллегией НКВД приступило к созданию государственного треста, который объединял бы все лагерные предприятия под единым началом. С проведенной реформой началось глобальное перестроение лагерной системы.

⁵⁰⁴ Там же. Д. 1. Л. 4.

⁵⁰⁵ До этого момента данная функция лежала на членах Политического Красного Креста.

⁵⁰⁶ Данный пункт был особенно актуален для крестьян-заложников, которые абсолютно не имели никаких средств, в частности для тамбовских крестьян.

Многие лагеря, не отвечающие санитарным требованиям и которые невозможно было использовать в производственном отношении, закрывались. Другие лагеря, ввиду проведения ряда амнистий, сдваивались⁵⁰⁷. К 1 июля 1922 г. на государственном снабжении остались лишь 15 мест заключения⁵⁰⁸. Число лагерей к середине 1922 г. снизилось с 122 до ~ 80⁵⁰⁹, а общее количество заключенных в них упало с 60 тыс. человек в 1921 г. до 40 тыс.

С переходом на самоснабжение ГУПР разработал следующую бухгалтерию, которой необходимо было придерживаться:

- Питание заключенных – 14 611 000 руб. в месяц;
- Содержание штатов в канцелярии лагеря – 3 486 764 руб. в месяц;
- Прочие накладные расходы – 11 874 186 руб. месяц.

Общий расход по содержанию одного лагеря в месяц выражался суммой 59 370 950 руб.⁵¹⁰. Средняя заработная плата заключенного в день оценивалась ГУПРом в 20–60 тыс. рублей в зависимости от квалификации⁵¹¹. При этом на личный счет заключенного, как и раньше, поступало лишь 25% от этой суммы, остальные деньги шли на обеспечение лагеря.

На питание заключенного в день отводилось 3 113 р. при средней рыночной цене за фунт мяса (~400 гр.) в 6 500 р. Таким образом, даже исходя из самых благоприятных условий и обстоятельств, рацион питания заключенных по-прежнему оставался приближенным к вегетарианскому. Из материалов обследования ПКК Андрониковского лагеря весной 1921 г. следует: «Заключенные жалуются на плохое питание. Получают ½ хлеба утром, ½ золотника кофе [1 золотник ~ 4 грамма], 3 золотника сахару или меда, обед состоит из одного блюда; суп из ячневой или пшённой крупы, иногда из голья [шкура животного — И.У.] или воблы, крупы 24 золотника [~ 100 граммов — И.У.] на человека, мяса столько же. Когда нет мяса, кладут сухие яблоки. На ужин

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р–8419. Оп. 1. Д. 24. Л. 41.

⁵⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 3. Д. 4. Л. 80.

⁵⁰⁹ Это число регулярно сокращалось от месяца к месяцу.

⁵¹⁰ ГА РФ. Ф. Р–393. Оп. 89. Д. 240. Л. 49.

⁵¹¹ Данные суммы приведены до осуществления денежной деноминации Г.Я. Сокольникова.

кашица тоже по 12 золотников на человека из овсяной и пшеничной крупы с шелухой и всяким сором»⁵¹².

Реформа по преобразованию лагерной системы ГУПР завершилась весной 1922 г., когда 4 марта 1922 г. внутри ГУПР был образован Объединенный куст предприятий принудительных работ (Принкуст)⁵¹³. Задачей Принкуста была организация и курирование всех производственных работ, которые вели лагеря, а также ведение общей лагерной бухгалтерии. Вместо региональных органов власти теперь все снабжение лагерей осуществлялось через Принкуст.

В действительности Принкуст курировал только крупные лагерные производства в Москве. Вся полученная прибыль распределялась по другим лагерям, которые на добровольных началах вступили в Объединенный куст (к октябрю 1922 г. только Брянский и Тверской подотдел). В остальных губерниях также действовали гражданские ведомства, которые объединяли лагерные производства в регионах.

Осенью 1922 г. НКВД подвел итог деятельности всех подобных организаций, поделив все лагеря на 4 группы⁵¹⁴:

1. Лагеря, которые самоокупаются с избытком: Брянск, Тверь, Белорусская республика, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Енисейская губерния, Кострома, Н. Новгород, Олонецкая губерния, Саратов, Тула, Челябинск и Ярославль;

2. Лагеря, которые самоокупаются без дефицита: Владимир, Витебск, Горская республика, Дагестанская республика, Калуга, Курск, Ново-Николаевск, Орел, Рязань, Тюмень и Уфа;

3. Лагеря, которые не самоокупаются: Алтайская губерния, Ростов-на-Дону, Иркутск, Кубано-Черноморская область, Новгород, Пермь, Симбирск, Смоленск, Тамбов, Татарская республика и Якутск;

4. Из Омска и Томска сведений нет⁵¹⁵.

⁵¹² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.

⁵¹³ ГА РФ. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

⁵¹⁴ В данный список не попали лагеря Москвы и Петрограда, которые нельзя было отнести однозначно к одной из групп, ввиду высокой плотности лагерей в этих городах.

⁵¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 73. Д. 2-2об.

В 1922 г. за лагерями было закреплено 10 крупных предприятий, приносящих прибыль Главному управлению, а также предполагалось взять в аренду еще 10 заводов. Деятельность ГУПР за 1922 г. показала, что использование труда заключенных на взятых в свою эксплуатацию заводах, фабриках и совхозах дает наиболее продуктивные результаты, относительно всех остальных форм принудительного труда.

Отдельно, помимо фабрик и заводов, здесь стоит выделить труд заключенных на Ленских золотых приисках в Бодайбо Иркутской губернии, где золото добывалось с середины XIX в. На работах по добыче золота были заняты заключенные двух лагерей: Ленского и Бодайбинского, в большинстве — тамбовские крестьяне. Все снабжение лагерей, включая питание, одежду и оборудование, доставлялось на прииски оленьими упряжками из Иркутска. При приисках в 1921 г. было образовано Государственное золотопромышленное объединение «Лензолото». Оно объединило все участки, где велась добыча ископаемых.

Из-за удаленности лагерей от губернских городов и невозможности организовать отдельные этапы, для провинившихся заключенных на приисках было устроено штрафное отделение. Ленский и Бодайбинский лагеря из всех лагерей ГУПР более всего походили на будущие исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа, занимаясь непосредственно добычей ископаемых в крайне отдаленных местностях. На приисках действовала система дифференцированного питания, в зависимости от работы и провинностей заключенных, что в какой-то мере можно назвать стимулированием труда. В месяц заключенные Ленского лагеря добывали до 7,3 пуда (~ 120 кг) золота⁵¹⁶. Из существующих на данный момент документов не ясно, какого именно рода золото добывалось на самом деле: химически чистое или в руде. Вероятнее — второй вариант.

В первой половине 1922 г. началась трансформация всей пенитенциарной политики в стране. Централизация руководства страны, которая была завершена образованием СССР 30 декабря 1922 г., требовала от всех органов

⁵¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 200. Л. 7.

исполнительной власти унификации в управлении своими ведомствами. Не остались в стороне и места заключения, по отношению к которым велась политика сосредоточения всех в одном ведомстве.

6 февраля 1922 г. была упразднена ВЧК при СНК РСФСР. Ее полномочия перешли к Государственному политическому управлению, созданному в тот же день, с подчинением в НКВД РСФСР. ГПУ настаивало на сохранении за собой части мест заключения, а именно лагерей в Архангельской губернии, для злостного уголовного элемента, рецидивистов и политических заключенных: в Холмогорах, Пертоминске и на Соловецком острове, а также некоторые тюрьмы, включая Бутырскую тюрьму и внутреннюю тюрьму на Лубянке в Москве. Уполномоченный по делам ВЧК в Архангельской губернии Баритонов в январе 1921 г. заверял Дзержинского, что, в отличие от тюрем, лагеря на севере способны полностью изолировать опасный элемент от соприкосновения с внешним миром: «У нас и вообще крупных городах Республики, наиболее злостный контингент населения тюрем представляет собою разного рода бандиты, грабители, воры, рецидивисты, именуемые на тюремном жаргоне “тюремной шпаной”, а попросту хронические уголовные преступники, беспросветные аборигены тюрем, для которых тюрьма — что дом родной, живут своим мирком. И каждый из них попавший за тюремную решетку, встречается в тюрьме как просто переселившийся с другой квартиры»⁵¹⁷.

Существование сразу трех систем мест заключения в НКЮ, ГПУ и ГУПР НКВД создавало огромные сложности в ведении учета заключенных, определении их правового статуса, а также проблемы в снабжении мест заключения. Выбор одного из наркоматов, куда были бы переведены все заключенные, означал выбор вектора развития пенитенциарного института в стране. Наркомат юстиции делал акцент на исправительной политике по отношению к заключенным, в то время как НКВД делал акцент на трудовом использовании рабочей силы. Места заключения ГПУ предполагали

⁵¹⁷ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 28. Л. 4.

изолированность заключенных от внешней среды и полное отчуждение преступной среды от свободного общества.

Межведомственная борьба заметно усиливалась в первой половине 1922 г. Заведующий ГУПР НКВД С.О. Роднянский в феврале 1922 г. обратился с тезисами развития мест заключения в ЦК, где указывал на уязвимость существующей системы: «Существующее сейчас положение, в силу которого лагеря принудительных работ <...> находятся в ведении НКВД, и тюрьмы и другие места лишения свободы в НКЮ, должно быть признано безусловно ненормальным и нежелательным <...> В этом отношении НКЮ не удовлетворяет требуемым условиям. Будучи административным учреждением, призванным обслуживать сферу судебно-правовых отношений <...> Совершенно иною представляется область, отведенная НКВД. В его задачи входят все меры, направленные к обеспечению внутреннего порядка в стране <...> Пенитенциарные учреждения как раз являются одним из тех аппаратов, при помощи которых достигаются цели, поставленные перед НКВД»⁵¹⁸. Данные тезисы нашли полную поддержку Дзержинского. Роднянский считал ЦИТО НКЮ бессмысленным переводом государственных средств, в то время как будущее лагерей с использованием труда заключенных ему виделось наиболее перспективным вектором развития пенитенциарной политики: «... это даст возможность поставить карательную политику на должную высоту и облегчить государству тяготу расходов на содержание заключенных»⁵¹⁹.

Соперничество между двумя ведомствами необходимо было уладить до принятия первого советского уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР), который готовили Наркомат юстиции и Институт советского права. Помимо формирования общего для РСФСР уголовного и судебного права, кодекс должен был сформировать представление о пенитенциарном институте страны. На данном этапе советское руководство склонилось к системе мест заключения Наркомюста. 9 февраля 1922 г. ВЦИК постановил передать все места заключения,

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 300. Л. 19–20.

⁵¹⁹ Там же. Л. 24.

находившиеся в распоряжении НКВД, в НКЮ к 1 июля 1922 г.⁵²⁰ (арестные дома оставались в ведении Главного управления милиции).

Считая систему лагерей не вполне легитимной, Наркомат юстиции еще весной 1922 г. подготовил проект по развитию мест заключения, который исключал лагеря из пенитенциарной системы страны⁵²¹ и трансформировал их в различного рода колонии. НКЮ считал, что использование труда заключенных в лагерях было вынужденной мерой в период кадрового дефицита и в условиях Гражданской войны, о чем сообщал ЦИТО в губернские подразделения 3 мая 1922 г.: «Ощущавшаяся в условиях переходного времени острая нужда Советских учреждений и предприятий в высоко-специализированных специалистах вызвала необходимость издания, как временной меры, правил 5 августа 1920 г. “Об отпуске на работу в Советские учреждения и предприятия заключенных специалистов”. Ныне с окончательной победой Советской власти и переходом к мирному строительству на началах новой экономической политики <...> потребность Советских учреждений и предприятий в квалификационном труде может быть вполне удовлетворена в нормальном порядке <...> на будущее время таких откомандирований не производить»⁵²².

1 июня 1922 г. вступил в силу первый уголовный кодекс РСФСР, в ст. 34 которого были перечислены все имевшиеся на данный момент в республике места заключения. Лагерей в этом списке не оказалось. Основой карательной политики, согласно принятому УК, было перевоспитание заключенных, а не использование их труда. Принудительный труд рассматривался УК РСФСР только как самостоятельная мера, без лишения человека свободы (ст. 35. УК РСФСР 1922 г.: принудительные работы без содержания под стражей назначаются на срок от семи дней до одного года). Также УК избегал понятия «тюрьма» — теперь это

⁵²⁰ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 331. Л.76.

⁵²¹ *Тарасов О.А.* Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в Советской России в начале 1920-х годов // *Человек: преступление и наказание.* 2014. № 4 (87). С. 60.

⁵²² ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 5. Д. 2. Л. 298.

были «исправительно-трудовые дома». С этого момента начался демонтаж лагерной системы ГУПР НКВД, который закончился к концу 1922 г.

С данной политикой категорически не был согласен Ф.Э. Держинский, который настаивал на сохранении части мест заключения за НКВД. С этим предложением он неоднократно в течение лета-осени 1922 г. обращался в ЦК РКП(б)⁵²³. С подробной критикой системы мест заключения НКЮ выступали представители НКВД на V Всероссийском съезде заведующих отделами губернских управлений летом 1922 г.: «НКЮ за четыре года не сумел не только усовершенствовать полученный им в довольно приличном состоянии тюремный аппарат, но во многом допустил его разрушение и, в частности, почти совсем растерял уездные тюрьмы»⁵²⁴.

Межведомственная борьба двух наркоматов была закончена 25 июля 1922 г., когда СНК выпустил постановление о передаче всех мест заключения из НКЮ в НКВД⁵²⁵. Окончательно новая пенитенциарная система оформилась 12 октября 1922 г., когда на базе ЦИТО НКЮ было сформировано Главное управление мест заключения (ГУМЗ) НКВД. В него вошли все существующие на тот момент места заключения, включая лагеря, но исключая систему мест заключения ГПУ (северные лагеря, ряд тюрем и политизоляторов). Новое ведомство возглавил бывший руководитель ЦИТО Е.Г. Ширвиндт⁵²⁶.

Приказ НКВД о создании ГУМЗ одновременно ликвидировал Главное управление принудительных работ⁵²⁷. С этого времени лагеря перешли в

⁵²³ Тараканов Ю.В. К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918–1922 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. №1. С. 103.

⁵²⁴ Цит. по: Реент Ю.А., Юнусов А.А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №4 (44). С. 37.

⁵²⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 14.

⁵²⁶ Евсей Густавович Ширвиндт (1891–1958) – член партии левых эсеров, с декабря 1917 г. – секретарь Коллегии НКЮ РСФСР, в 1919 г. вступил в РКП(б), с сентября 1919 г. – и.о. наркома юстиции УССР, с 13 июня 1922 г. – заведующий ЦИТО НКЮ РСФСР, с 12 октября 1922 г. – заведующий ГУМЗ НКВД РСФСР, с 1924 г. – начальник конвойной стражи РСФСР, а затем СССР. С 1938 г. подвергался репрессиям. Был осужден и отправлен в исправительно-трудовой лагерь (Краслаг НКВД), затем находился в ссылке, повторно арестован в 1949 г. и направлен в ссылку в Красноярский край. Реабилитирован в 1955 г.

⁵²⁷ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

подчинение ГУМЗ. За НКЮ оставался прокурорский надзор за местами заключения⁵²⁸. Данную трансформацию нельзя назвать в полной мере победой НКВД, т.к. НКЮ сумел пролоббировать полную ликвидацию Главного управления принудительных работ. Принцип принудительного труда — основная составляющая лагерей — был заменен нарративами Наркомата юстиции по повсеместному внедрению политики перевоспитания заключенных. Весь административный аппарат нового ведомства ГУМЗ был назначен из руководителей ЦИТО НКЮ, а не ГУПР НКВД. Лагерная система, лишившись своего главного компонента — принудительного труда, с этого момента потеряла смысл в дальнейшем существовании. Все документы, выпущенные ГУПР в период 1919–1922 гг., на основании которых существовала лагерная система, циркулярными письмами начальника ГУМЗ октября-ноября 1922 г. были признаны утратившими силу⁵²⁹.

Одновременно с процессом ликвидации лагерей начался второй этап массового освобождения заключенных, который был связан со всеобщей амнистией к 5-й годовщине Октябрьской революции осенью 1922 г. В это же время завершался процесс репатриации иностранных военнопленных советско-польской войны. 4 ноября 1922 г. Центроэвак был также передан в ведение ГУМЗ НКВД⁵³⁰.

Заключенные стали массово покидать места заключения Советской России. Амнистии подлежали люди, осужденные как системой советских судов, так и органами уже упраздненной ВЧК, а также все заключенные, находившиеся в местах лишения свободы в административном порядке⁵³¹. Эти категории составляли более половины всего населения лагерей, около 25–30 тыс. заключенных. Амнистия не распространялась на заключенных, осужденных

⁵²⁸ Прокуратура РСФСР была образована декретом ВЦИК 28 мая 1922 г. Входила в состав НКЮ.

⁵²⁹ *Тарасов О.А.* Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы ... С. 61.

⁵³⁰ ГА РФ. Ф. Р–4042. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

⁵³¹ РСФСР. Законы и постановления. Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: (Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья), с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий. М., 1922. С. 5.

особой (административной) комиссией при НКВД РСФСР, созданной 10 августа 1922 г., т.е. на политических заключенных, к которым относились представители оппозиционных партий: меньшевики, анархисты и эсеры. К этой категории не относились монархисты, которые рассматривались органами власти как проявление контрреволюционной деятельности, направленной на прямое свержение советского строя (ст. 57 УК РСФСР 1922 г.).

Именно по решению административной комиссии НКВД уже после ликвидации системы ГУПР заключенных продолжали отсылать в лагеря Севера. Об этом в Политический Красный Крест в январе 1923 г. сообщали сами заключенные: «Постановлением Особой Комиссии по административным высылкам при НКВД мы были приговорены к заключению в Архангельский концлагерь на сроки 2 и 3 года <...> По прибытии в Архангельск мы ночью пешим порядком были отправлены якобы в лагерь, находившийся в 2-х верстах от города; в действительности же оказалось, что мы направлялись в Пертоминский лагерь, что удалось выяснить лишь на другой день, когда мы были уже в 12-ти верстах от Архангельска <...> Условия нашего заключения в концлагере не только лишают нас самых элементарных основ человеческого существования, но и прямо обрекают нас на медленное физическое уничтожение»⁵³².

После принятия УК РСФСР вокруг понятия «политический заключенный» в НКЮ и НКВД была поднята дискуссия. Новое законодательство республики не подразумевало такой категории заключенных. Из мест заключения регулярно поступали вопросы о том, как следует содержать данную группу осужденных, какие права и льготы им полагаются. НКВД на подобные запросы всегда отвечал однозначно. Например, на запрос по поводу «политических» от начальника Гомельского губернского управления местами заключения 2 марта 1923 г. было дано следующее разъяснение: «Главное управление местами заключения Республики сообщает, что современное законодательство не различает собой категории политических заключенных — все отбывающие наказание лишением свободы приговорены к этому наказанию на основании Уголовного Кодекса, где

⁵³² ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

термина “политический” не существует. Что же касается известных льгот, которые фактически предоставляются некоторым группам лишенных свободы, то они могут распространяться, согласно установленного порядка, только на членов социалистических партий и анархистов»⁵³³.

Определенные льготы и права сохранялись за заключенными членами социалистических партий и анархистами до 1925 г., после чего политические категории заключенных в СССР были полностью ликвидированы. Например, в отчете от 1 февраля 1923 г. начальника Управления северных лагерей Студилова в ГПУ по отношению к политзаключенным указывалось следующее: «Для политзаключенных в данное время выделен отдельный корпус, общей вместительностью до 200 чел. Им отведено для 50 чел. вполне достаточное количество камер. В каждой есть ламповый свет, устроены топчаны, всегда нормальная температура воздуха, устроена отдельная кухня, имеется библиотека, ничего от них не отобрано, предоставляются прогулки во дворе, обнесенном забором, по 5–7 час. в сутки, продовольствие выдается по выработанной норме Центра, разрешается через коменданта приобретать за наличный расчет продукты в городе. Еще не было случая отказа их родственникам в свидании, медицинская помощь есть, камеры не запираются, так что имеется полное общение между всеми политзаключенными. Корреспонденция (письма), как входящая, так и исходящая, после предварительного просмотра губотделом ГПУ, передается. Считаю недочетом, что не выписываются газеты»⁵³⁴.

К декабрю 1922 г. в ГУМЗ НКВД насчитывалось всего 330 мест лишения свободы, где содержались 80 559 человек⁵³⁵. Из них лишь 10 тыс. заключенных приходилось на лагеря, число которых сократилось до 56, и которые являлись самыми разреженными местами заключения по плотности населения, т.е. практически пустовали.

⁵³³ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 38. Л. 7.

⁵³⁴ Кубасов А.Л. Из истории тюрем и лагерей ГПУ (1922–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 17. С. 128–129.

⁵³⁵ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 4. Л. 98.

Реорганизация лагерной системы ГУПР была связана не только с амбициями НКЮ, который хотел перехватить инициативу по содержанию мест заключения, но и со злоупотреблениями лагерной администрации ГУПР, о чем свидетельствовали проведенные проверки. Осенью 1922 г. Наркомюст организовал для этого специальную комиссию по рассмотрению нарушений законности в московских лагерях. Эта комиссия вскрыла следующие факты: «Поздняков, бывший комендант Новоспасского лагеря допустил полное разложение в лагере, обусловленное тем, что завел близкие отношения с некоторыми заключенными, которых принимал и угощал у себя на квартире, брал от них подарки разными припасами <...> ездил с ними по городу, заезжая в рестораны; Никитин, бывший старший надзиратель Новоспасского лагеря употреблял кокаин и в опьяненном состоянии злоупотреблял своим служебным положением, имел половые сношения с заключенными женщинами, которые подали на него жалобу за изнасилование; Стриковский, младший надзиратель Новопесковского лагеря принимал участие в зверском избиении заключенных, ломая им руки и выбивая зубы; Кирсанов, надзиратель Новопесковского лагеря брал с заключенных и их родных взятки за выпуск их из лагеря, зверски избивал заключенных, имел половые сношения с заключенными женщинами»⁵³⁶ и т.д. Подобные факты также являлись серьезным поводом к реформированию всей лагерной системы.

Несмотря на победу в межведомственной борьбе, НКВД не смог сохранить развитую лагерную систему, которую более не было смысла содержать ввиду убыточности и полного разложения лагерного аппарата. Подавляющее число лагерей, закрытых в 1922 г., больше не использовались ввиду отсутствия какой-либо производственной деятельности, а также неразвитой инфраструктуры. Лагеря, которые имели доход и могли самостоятельно выйти на уровень самоокупаемости, преобразовывались, согласно новому УК, в смежные пенитенциарные учреждения. 30 ноября 1922 г. вышел приказ ГУМЗ, где в отношении московских лагерей говорилось следующее: «Основываясь на ст. 34

⁵³⁶ Там же. Оп. 16. Д. 3. Л. 39-40.

УК, коей не предусмотрены лагеря, как места заключения, ныне существующие лагеря настоящим реорганизовуются, а именно Ивановский и Ордынский лагеря переименовываются в переходные исправительные дома; Ново-Спасский лагерь переименовывается в Пункт для заключенных иностранцев; Крюковский и Лианозовский лагеря преобразовываются в с.-х. колонию для лишенных свободы; Покровский, Ново-Песковский и Владыкинский лагеря закрываются»⁵³⁷.

Оставшаяся небольшая часть лагерей бывшего ГУИР была ликвидирована к концу 1922 г. В настоящее время в исторической литературе есть сведения, что отдельные лагеря еще существовали в начале 1923 г. Например, авторы монографии по истории Рязанского концентрационного лагеря утверждают, что Рязанский лагерь был расформирован только 20 февраля 1923 г.⁵³⁸

Одновременно со свертыванием лагерной системы бывшего ГУИР НКВД РСФСР, с февраля 1922 г. начала зарождаться новая система мест заключения ГПУ, которая включала в себя лагеря и политизоляторы. ГПУ смогло сохранить за собой как минимум три лагеря в Архангельской губернии: Архангельский пересыльный лагерь (бывш. № 4), Пертоминский и Холмогорский⁵³⁹. С образованием ГПУ в феврале 1922 г. эти лагеря получили новый статус — Северные лагеря с собственным объединенным Управлением. К апрелю 1922 г. всего в Северных лагерях числились 1 088 заключенных⁵⁴⁰.

ГПУ постоянно расширяло свое влияние и свои полномочия в системе НКВД. 25 апреля 1922 г. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) ГПУ получило чрезвычайные полномочия по внесудебному расстрелу в отношении бандитских

⁵³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

⁵³⁸ Григоров А.А., Григоров А.И. Заключенные Рязанского губернского концлагеря (губернского лагеря принудительных работ) 1919-1923 гг.: списки, личные дела, регистрационные карточки, анкеты, различные ведомости и протоколы; документы на освобождение из концлагеря. М., 2013. С. 5.

⁵³⁹ Возможно, к этой же группе относился бывший Архангельский концентрационный лагерь № 1, располагавшийся в бывших Мичиганских бараках (совр. ул. Суворова д. 17.), заключенные которого работали в Архангельском порту. Неизвестно являлся ли он в этот период самостоятельным лагерем, либо отделением одного из вышеупомянутых.

⁵⁴⁰ Цит. по: Кубасов А.Л. Из истории тюрем и лагерей ГПУ ... С. 128.

элементов⁵⁴¹. В мае того же года вышло дополнение к Положению о Госполитуправлении, где ГПУ предоставлялось право административной ссылки и высылки «наглых и вредных элементов»⁵⁴². Необходимо отметить, что ст. 49 УК РСФСР 1922 г. ввела в юридическую норму советского права понятие «социально опасный», которое в межведомственной переписке дополнялось словом «элемент» (СОЭ). Уголовный кодекс предполагал для СОЭ ссылку до трех лет в отдаленные местности.

10 июля 1923 г. вышло Постановление II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР». Социально-опасный элемент теперь мог не только направляться в ссылку и высылку, но и отбывать наказание в местах лишения свободы⁵⁴³. Кроме того, изменения коснулись ст. 57 «О контрреволюционных преступлениях», где к основному определению «действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти» теперь следовало дополнение: «Контр-революционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего деяние, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции»⁵⁴⁴.

Данные ужесточения уголовного законодательства мотивировали ГПУ к сохранению и расширению собственных мест заключения. С конца 1922 г. в информационных сводках фиксировался многократный рост преступности на транспорте и в советских учреждениях, а также активизация деятельности

⁵⁴¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 27.

⁵⁴² Там же. С. 28.

⁵⁴³ Вершиной кампании по высылке социально-опасного, антисоветского и вредного элемента из СССР стала высылка в сентябре-ноябре 1922 г. видных представителей интеллигенции, получившая в публицистике общее название «Философский пароход» – пяти рейсов пассажирских судов из Петрограда в Штеттин (Германия). Сам Ф. Дзержинский неоднократно высказывался категорически против подобных практик массовых высылки.

⁵⁴⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. № 41-60. Отдел первый. М., Б. г. С. 875–877.

антибольшевистских политических сил, в том числе за границей. Все эти сообщения поступали непосредственно Наркому внутренних дел и председателю ГПУ Ф. Дзержинскому, которому постановлениями советского партийного руководства поручалось силами ГПУ бороться с этими проявлениями.

Ввиду предоставления широчайших полномочий ГПУ по борьбе с бандитизмом и политическими противниками, места заключения ГПУ, в первую очередь тюрьмы, оказались к январю 1923 г. переполнены арестованными людьми. Если в 1922 г. между НКЮ и НКВД велась борьба за ведомственную принадлежность мест заключения, то с 1923 г. эта борьба обострилась уже внутри одного ведомства — НКВД, между ГПУ и ГУМЗ. ГУМЗ неоднократно настаивал на передаче тюрем ГПУ в свое подчинение, в частности, ГУМЗ претендовал на Бутырскую тюрьму для арестованных в Москве.

Несмотря на то, что данный спор вокруг московских мест заключения так и не удалось уладить, в июне 1923 г. ВЦИК направил в ГПУ проект постановления о создании специальных мест заключения, в первую очередь для разгрузки крупных городов от большого количества СОЭ (социально опасных элементов): «В целях осуществления необходимой изоляции наиболее опасных в социальном отношении элементов — организовать Северные Лагеря принудительных работ Особого Назначения в составе: Соловецкого, Пертоминского и двух пересыльно-распределительных пунктов — в Архангельске и Кеми. Организацию и управление названными лагерями с придаваемыми к ним пересыльно-распределительными пунктами возложить на ГПУ»⁵⁴⁵. Также ГПУ предлагалось незамедлительно приступить к организации сельскохозяйственных, рыбных, лесных и других промыслов в Северных лагерях с целью полной изоляции заключенных от внешнего мира и самоокупаемости лагерей.

Данную идею горячо поддержал Ф. Дзержинский в письме к своему заместителю И.С. Уншлихту 8 августа 1923 г., подтверждая решение ВЦИК: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ), лагеря с колонизацией незаселенных мест и с железной

⁵⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 16. Д. 4. Л. 3.

дисциплиной. Мест и пространств у нас достаточно»⁵⁴⁶. Так, в середине 1923 г. еще недавно отвергнутая идея использования принудительного труда обрела новую форму, объединившись с идеей колонизации безлюдных и перспективных, с точки зрения устройства промыслов, регионов. Северные лагеря особого назначения ГПУ решали сразу две проблемы: полная изоляция социально-опасного элемента от соприкосновений его с внешним миром и отсутствие государственных затрат на содержание данных мест заключения. Идея, которая зарождалась в первых советских лагерях в 1918–1919 гг., начала обретать осязаемую форму.

В дополнение к проекту ВЦИК заместитель председателя ГПУ Уншлихт дал свои разъяснения о назначении вновь создаваемой лагерной структуры: «Лагеря эти имеют специальное назначение — содержание под стражей политических и уголовных преступников, отбывающих наказание по внесудебным приговорам ГПУ»⁵⁴⁷. С необходимостью создания отдельной системы мест заключения ГПУ был согласен руководитель ГУМЗа Е. Ширвиндт, который понимал, что перевод большей части СОЭ в отдаленные регионы значительно разгрузит места заключения в крупных городах под нужды его ведомства. Подобное решение удовлетворяло обе противоборствующие стороны. Кроме того, создание Северных лагерей, сразу разграничивало две системы исполнения наказаний: судебную — ГУМЗ, и внесудебную — ГПУ. Для осуществления поставленных задач по обеспечению безопасности союзных республик посредством борьбы с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, ГПУ было необходимо выйти из-под зависимости НКВД в самостоятельное ведомство, тем самым расширив свои полномочия, в том числе по созданию собственного пенитенциарного аппарата. Процесс выхода ГПУ из состава НКВД начался 6 июля 1923 г., когда Президиуму ЦИКа СССР было поручено выработать положение об Объединенном государственном политическом управлении (ОГПУ).

⁵⁴⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 491.

⁵⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 16. Д. 4. Л. 4.

После подготовительных мероприятий ГПУ решило отказаться от идеи распределения Северных лагерей на большом расстоянии друг от друга и на первоначальном этапе сосредоточить всех заключенных в одном месте — на Соловецком архипелаге (как наиболее изолированной, имеющей водную преграду территории), устроив пересыльный пункт в Кеми. 4 сентября началась пересылка всех заключенных из Пертоминска, Холмогор и Архангельска на Соловки, всего около 3 тыс. заключенных, из которых политических числилось 250, заключенных-бывших сотрудников ВЧК-ГПУ — 200⁵⁴⁸. Как писал в своих воспоминаниях заключенный Соловецкого лагеря Созерко Мальсагов: «До 1922 года Холмогоры и Пертоминск выполняли функцию, которая сейчас возложена на Соловки. Когда я попал на Соловки в начале 1924 года, я встретил несколько человек, осужденных по статье «контрреволюция» и оставшихся в живых. Они находились в заключении в этих местах. На Соловки их переместили в 1922 году»⁵⁴⁹.

В условиях полной разрухи заключенные начали готовить лагерь к зиме 1923–1924 гг. Годы Гражданской войны и военного коммунизма привели некогда развитую инфраструктуру Соловков в упадок, на ее восстановление у заключенных ушло 10 лет работы. В августе 1923 г., предвкушая скорое открытие Соловецкого лагеря особого назначения на базе лагерей Архангельской губернии, Дзержинский писал своему заместителю по ГПУ Уншлихту: «Я уверен, что будь Владимир Ильич у руля, он был бы за это предложение [колонизацию незаселенных мест лагерями — *И.У.*], а может быть, пошел бы еще дальше. Пришло время, когда мы можем вести борьбу и без высшей меры. Это было бы большим оружием в руках коммунистов за границей для привлечения интеллигентских и мелкобуржуазных масс»⁵⁵⁰.

13 октября 1923 г. СНК утвердил Постановление об организации Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения. 2 ноября того же

⁵⁴⁸ Кубасов А.Л. Из истории тюрем и лагерей ГПУ ... С. 130.

⁵⁴⁹ Мальсагов С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Нальчик, 1996. С. 31.

⁵⁵⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ ... С. 491.

года ГПУ вышло из подчинения НКВД, получив статус Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР. С этого времени лагерная система и использование принудительного труда получили новое рождение в совершенно ином качестве.

Выводы

Труд в лагерях являлся основной социальной практикой и имел высокую степень дифференциации. С окончанием активной фазы Гражданской войны в стране остро ощущалась нехватка как рабочей силы в целом, так и квалифицированных специалистов. Заключение лагерей активно использовались не только на физических работах, но и на работах в советских учреждениях. Отдельная группа заключенных работала на производственных объектах: лесозаготовках, кирпичных заводах, фабриках, сельхозпредприятиях, угольных шахтах, торфяных разработках и даже на золотодобыче.

В период нэпа был выявлен главный фактор лагерного производства – его мобильность. Лагеря стали занимать ту производственную нишу в городах и на предприятиях, которую не могли заполнить гражданские ведомства. Тем не менее, большинство лагерей в стране оставались экономически невыгодными и не выходили на уровень самоокупаемости. Несмотря на успехи в экономической деятельности отдельных лагерей, содержание обширной и разрозненной лагерной системы с относительно небольшим числом заключённых было невыгодно государству. Экономическая неэффективность лагерей усугублялась плохими условиями содержания заключённых, что приводило к возникновению эпидемий, самой серьёзной из которых стала эпидемия тифа, случившаяся в лагерях в 1921 г.

В конце 1921 г. начался процесс оптимизации лагерной системы. Лагеря, которые не приносили прибыли, подлежали закрытию. В январе 1922 г. перед ГУПР была поставлена задача полностью отказаться от государственных дотаций и перейти на самообеспечение. Начался необратимый процесс реорганизации всей лагерной системы, который завершился её полной ликвидацией в конце 1922 – начале 1923 гг.

В процессе ликвидации лагерной системы определённую роль сыграла межведомственная борьба между НКЮ и НКВД. Каждый из этих наркоматов стремился установить контроль над всей пенитенциарной системой. Наркомат юстиции, считая лагерную систему не вполне легитимной, настаивал на её скорейшей ликвидации. После выхода 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР, который не предусматривал наличие лагерей как мест заключения, оставшиеся в стране лагеря подлежали полной ликвидации. Ф.Э. Дзержинский, желавший сохранить часть лагерей за ГПУ, был категорически не согласен с этой политикой. В результате межведомственной борьбы 22 июля 1922 г. все места заключения были переданы в НКВД РСФСР. С осени 1922 года все места заключения, включая оставшиеся лагеря, были объединены в новом ведомстве – Главном управлении мест заключения (ГУМЗ).

Основной принцип лагерной системы, заключающийся в использовании труда заключённых, был заменён новыми принципами, предложенными НКЮ, а именно политикой перевоспитания. Осенью 1922 г. в стране прошла масштабная амнистия, в результате которой многие места заключения опустели. Однако ГПУ сохранило свою систему мест лишения свободы, включая лагеря в Архангельской губернии и политизоляторы. Именно из этих лагерей ГПУ в 1923 г. сформировались Соловецкие лагеря особого назначения, которые стали новым этапом развития лагерной системы в СССР.

Заключение

В первые годы после революции советская пенитенциарная система развивалась в двух направлениях. Первое направление было традиционным и опиралось на опыт Главного тюремного управления Российской империи. Это была система мест заключения Центрального карательного отдела Наркомата юстиции, которая включала тюрьмы, арестные дома и исправительно-трудовые колонии. Данная ветвь пенитенциарной политики следовала общеевропейским тенденциям и считалась весьма прогрессивной по сравнению с пенитенциарной политикой царской России.

Вторым направлением развития мест заключения было создание лагерей. Становление советской лагерной системы протекало в условиях Гражданской войны. Как показала практика Первой мировой войны, лагеря были эффективным способом изолировать большое количество потенциально опасных лиц. К лету 1918 г. в Советской России уже существовала сеть лагерей для военнопленных, управляемая Центральной коллегией по делам пленных и беженцев при Наркомате по военным делам. ВЧК, опираясь на опыт Центропленбежа и частично используя пространства лагерей для военнопленных, приступила к созданию собственных лагерей.

В первый период своего существования – с лета 1918-го до весны 1919 г. – лагеря ВЧК были местом содержания военнопленных Гражданской войны, а также заложников, которые направлялись в лагеря в административном порядке. В число заложников могли попадать самые разные лица. Среди них были представители оппозиционных партий, таких как эсеры, меньшевики и анархисты. Заложниками становились также члены семей тех, кто не проявлял лояльности к советской власти, – выходцы из высших сословий и аристократии Российской империи. Особой категорией заложников были родственники военных специалистов, служивших в Красной армии, созданной в 1918 г. Именно Л.Д. Троцкий как организатор РККА и В.И. Ленин как председатель СНК РСФСР стали главными идеологами создания лагерной системы. Ленин рассматривал

заключение в лагеря как превентивную меру устрашения, направленную на сдерживание саботажа и волнений.

Такая форма заключения оказалась весьма удобной для советской власти и соответствовала чрезвычайным мерам революционного времени. Лагеря представляли собой альтернативу традиционным местам лишения свободы и находились в «серой зоне» правовой системы, отвечая потребностям и указаниям, исходившим непосредственно от руководства страны. В то время как система мест заключения НКЮ опиралась на общепринятые юридические нормы, лагерная система действовала исходя из принципов революционной законности и целесообразности.

В конце 1918 года в Советской России была введена всеобщая трудовая повинность, которая обязывала всех трудоспособных граждан работать. Именно в этот период у карательных органов РСФСР возникла идея создать централизованное хозяйственное управление для организации принудительного труда заключённых. 3 апреля 1919 г. был создан такой главк при Наркомате внутренних дел РСФСР, получивший название Главное управление принудительных работ (ГУПР). В его ведение были переданы все лагеря, расположенные на территории страны, за исключением лагерей Архангельской губернии. С этого момента концентрационные лагеря стали называться лагерями принудительных работ, хотя в документах того периода продолжали использоваться оба названия.

За первые полтора года своего существования система лагерей претерпела значительные изменения, пройдя путь от концентрации и изоляции антисоветских элементов до трудового использования заключённых. Суть новой системы заключалась в том, чтобы посредством труда заключённых обеспечить полную самокупаемость лагерей, сделав их независимыми от государственных дотаций.

Система лагерей ГУПР представляла собой сложное сочетание пенитенциарного учреждения и места, где содержалось большое количество пленных и заложников. Основную массу заключённых в лагерях составляли крестьяне, в том числе иностранного происхождения. Они подразделялись на

несколько категорий: военнопленные Гражданской войны, военнопленные советско-польской войны, участники крестьянских восстаний и волнений, а также заложники с приграничных территорий.

Помимо крестьян, в лагеря попадали представители аристократии и интеллигенции, духовенства, члены социалистических партий, асоциальные элементы и уголовники. Существовали также отдельные лагеря для женщин и подростков. Процентное соотношение этих групп не было постоянным и видоизменялось в сторону увеличения числа крестьян. Этот процесс был напрямую связан с этапами Гражданской войны и других конфликтов, в результате которых появлялось значительное число военнопленных, тоже выходцев из крестьянской среды. К 1921 г. лагерная система обрела выраженное трудовое лицо, ввиду практически полного замещения части слоев лагерного населения крестьянами. Этот процесс напрямую влиял на внутрилагерную трудовую политику, в которой с 1921 г. все большую роль стали играть крупные производства.

Несмотря на разнообразный состав заключенных, общая численность населения лагерей в 1918-1923 гг. единовременно никогда не превышала 65 тыс. человек. Люди попадали в лагеря как в административном порядке (по решению органов ЧК), так и в судебном (по приговорам чрезвычайных судебных органов – ревтрибуналов и в редких случаях – по приговорам судов).

В годы военного коммунизма условия жизни в лагерях значительно различались в зависимости от региона, но в целом всегда оставались крайне тяжёлыми. Многое зависело от места расположения лагеря. В одних случаях это были территории бывших монастырей, где заключённые содержались в относительно приемлемых условиях, размещаясь в кельях. В других случаях это были здания бывших царских казарм, богаделен, гимназий и других общественных строений. Также это могли быть бывшие лагеря для военнопленных, где использовались традиционные деревянные бараки, или импровизированные палаточные лагеря, расположенные вблизи сёл и деревень.

Одним из самых слабых мест в системе лагерей ГУПР была нехватка сотрудников. Заключённых, особенно тех, кто имел опыт службы в армии, в том числе перебежчиков из Белой армии, часто привлекали к административной работе или для охраны лагерей. Из-за плохой охраны происходили массовые побеги из лагерей, которые к 1920 г. приобрели характер эпидемии. 31 января 1920 г. эта проблема была частично решена путём создания Войск внутренней охраны (ВОХР) в составе НКВД.

Содержание заключенных в лагерях было крайне неудовлетворительным, помимо плохого питания и тяжелых бытовых условий, ситуацию осложняли эпидемии, самой крупной из которых стала эпидемия тифа и холеры, вспыхнувшая в 1921 г. на фоне массового голода. В условиях антисанитарии лагерных помещений эпидемии уносили сотни жизней заключенных. В начале 1921 г. была предпринята попытка системного подхода к ликвидации эпидемий путем создания Медико-санитарного отдела мест лишения свободы в рамках Народного комиссариата здравоохранения.

С целью улучшения ситуации, в конце 1921 г. была проведена массовая амнистия заключенных, включая тяжелобольных. В результате проведенных амнистий и ротаций к концу 1921 г. контингент большинства лагерей приобрел выраженный рабочий профиль, поскольку подавляющее большинство заключенных составляли трудоспособные крестьяне. Кроме того, с конца 1921 г., уже в условиях новой экономической политики, была проведена жесткая оптимизация всей лагерной системы. Лагеря, которые не приносили прибыли, подлежали закрытию. Так, если в начале 1921 г. насчитывалось 122 лагеря, то к середине 1922 г. число лагерей сократилось до 80, а количество заключенных, соответственно, уменьшилось с 60 тыс. до 40 тыс. человек.

В первые годы советской власти принудительный труд в лагерях использовался в качестве социального эксперимента и носил характер классового возмездия. Однако с окончанием Гражданской войны и началом мирного строительства потребность в квалифицированных кадрах стала приоритетной, и заключённых начали направлять на работу в советские учреждения в

соответствии с их профессиональными навыками. Часть заключённых трудилась в лагерных мастерских или на выездных хозяйственных работах.

Большие группы заключённых были задействованы на производственных объектах, таких как лесозаготовки, кирпичные заводы, фабрики, сельскохозяйственные предприятия, угольные шахты, торфяные разработки и даже золотодобыча. С конца 1920 г. отдельные предприятия, заводы и фабрики начали передаваться в ведение ГУПР, что привело к формированию лагерных производственных районов. 18 декабря 1920 г. руководитель ГУПР З.Г. Зангвиль предложил Наркомату труда и Высшему совету народного хозяйства включить лагерные предприятия в систему Губсовнархоза. Это была первая попытка интегрировать труд заключённых в экономику страны. В 1921 г. лагерные производства были закреплены за Наркомтрудом.

С середины 1920-го года на лагерных производствах начали постепенно внедрять элементы стимулирования труда заключённых, главным образом досрочное освобождение и предоставление выходных дней, в которые заключённые могли покинуть лагерь и навестить своих родственников в городе.

Период нэпа характеризовался развитием лагерных производств. В отличие от подсобных работ, выполняемых внутри лагерей, труд заключённых на лагерных предприятиях оплачивался. Часть заработной платы удерживалась в пользу лагеря. Лагеря начали приобретать черты трудовых учреждений, которые отличались от традиционных мест заключения, таких как тюрьмы.

В то же время условия содержания в лагере были значительно легче по сравнению с тюремными. Лагерь ассоциировался у заключённых с надеждой на освобождение. Граница между заключением и свободой была в лагере гораздо менее ощутимой, чем в тюрьме. Иногда заключённые лагерей могли быть отпущены на один день или несколько часов в город, а также выполнять выездные работы вне лагерных стен. Кроме того, заключённые надеялись на пересмотр их личных дел распределительной комиссией НКЮ или на возможность попасть в списки ежегодных амнистий.

С весны 1921 г. в лагерях начали массово отказываться от внешних подрядных работ в пользу крупных производств. Если раньше лагерный мир активно взаимодействовал со свободным обществом, то теперь между лагерем и окружающей средой была установлена чёткая граница. Лагерное пространство постепенно начало замыкаться в себе. В период нэпа был выявлен ключевой фактор лагерного производства – его мобилизационный характер. Лагеря заняли ту производственную нишу в городах и на предприятиях, которую гражданские ведомства не могли заполнить в короткие сроки.

Тем не менее содержать относительно небольшое количество заключенных в крупных губернских городах было нецелесообразно из-за высоких расходов как на самих заключенных, так и на лагерный аппарат. Со второй половины 1922 г. начался процесс ликвидации лагерей. Свою роль в этом сыграла межведомственная борьба между Наркоматами юстиции и внутренних дел, каждый из которых стремился взять под свой контроль всю пенитенциарную систему. Летом 1922 г. все места заключения были переданы в НКВД, где был создан новый главк под старым названием – Главное управление местами заключения (ГУМЗ). Его руководство состояло исключительно из сотрудников НКЮ.

К моменту образования СССР пенитенциарная политика в стране стала более прогрессивной и делала акцент на передовых методах исправления, а не на трудовом использовании заключенных. С принятием 1 июня 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР, который не предполагал наличия лагерей в стране, лагерная система ГУПР подлежала полному демонтажу. Отказавшись от лагерной системы, НКВД РСФСР закрепил за собой все места заключения в стране, включая Северные лагеря Архангельской губернии, некоторые тюрьмы и политизоляторы, подведомственные ГПУ, также входившему в состав НКВД.

Лагерная система служила одним из инструментов советской власти, направленных на социальную унификацию населения и использование труда заключенных. Она также способствовала укреплению власти большевиков в период Гражданской войны. Последние лагеря принудительных работ на

территории РСФСР, за исключением лагерей ГПУ, закрылись в конце 1922 г. Некоторые из них были полностью расформированы, другие продолжили свою деятельность в виде сельскохозяйственных и трудовых колоний. Лагеря ГПУ существовали на территории Архангельской губернии до осени 1923 г.

Список сокращений

БУНД – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (сокр. на идиш).

ВОСБ – Всесоюзное общество старых большевиков.

ВОХР / ВНУС – Войска внутренней охраны Республики НКВД РСФСР / Войска внутренней службы Республики НКВД РСФСР.

Всеголавштаб – Всероссийский главный штаб Революционного военного совета Республики.

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства.

ВСЮР – Вооруженные силы Юга России.

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

ВЧК (ЧК); МЧК; ГубЧК (ГЧК) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР; Московская чрезвычайная комиссия; Губернская чрезвычайная комиссия

ГОЭРЛО – Государственная комиссия по электрификации России.

ГПУ, Госполитуправление – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР.

ГРЭС – Государственная районная электростанция.

ГТУ — Главное тюремное управление Министерства юстиции Российской империи.

Губвоенком – губернский военный комиссар.

Губисполком – Губернский исполнительный комитет.

Губкотруд – Губернский комитет труда.

Губсовдеп – Губернский совет депутатов.

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний.

ГУМ, Главмилиция – Главное управление милиции НКВД РСФСР.

ГУМЗ — Главное управление мест заключения НКВД РСФСР.

ГУПР / ОПР – Главное управление принудительных работ НКВД РСФСР / Отдел принудительных работ НКВД РСФСР.

Коминтерн – Коммунистический интернационал.

Моссовет – Московский городской совет.

МОНО – Московский отдел народного образования.

МОТ – Международная организация труда.

Наркомат – Народный комиссариат.

НКТруд, Наркомтруд РСФСР – Народный комиссариат труда РСФСР.

Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР.

НКВД РСФСР, Наркомвнудел – Народный комиссариат внутренних дел РСФСР.

НКП РСФСР, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР.

НКФ, Наркомфин РСФСР – Народный комиссариат финансов РСФСР.

НКЮ, Наркомюст РСФСР – Народный комиссариат юстиции РСФСР.

нэп – новая экономическая политика.

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР.

ОЕСРП – Объединённая еврейская социалистическая рабочая партия.

ПКК – Политический Красный Крест.

Политизолятор – политический изолятор.

Польбюро – Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б).

Польотдел – Польский отдел ПУРа РВСР.

Польревком – Временный революционный комитет Польши.

Принкуст – Объединенный кулст предприятий принудительных работ ГУПР НКВД РСФСР.

Принудработы – принудительные работы.

Продармия – Продовольственно-реквизиционная армия.

ПУР РВСР – Политическое управление Революционного Военного Совета Республики (Реввоенсовет).

Рабкрин – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР.

Ревтрибунал – Революционный трибунал.

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

РКП(б) / ВКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков) / Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

РПАУ – Революционная повстанческая армия Украины.

СНК / Совнарком – Совет народных комиссаров РСФСР

ССРБ / БССР – Социалистическая Советская Республика Белоруссия / Белорусская Советская Социалистическая Республика.

СТК – Союз Трудового Крестьянства.

СТО – Совет труда и обороны РСФСР.

Трудармия – Трудовая армия.

УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР.

ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний России.

Центропленбеж / Центроэвак – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев / Центральное управление по эвакуации населения.

ЦИК – Центральный исполнительный комитет СССР.

ЦК – Центральный комитет.

ЦКК — Центральная контрольная комиссия РКП(б).

ЦКО / ЦИТО — Центральный карательный отдел / Центральный исправительно-трудовой отдел НКЮ РСФСР.

Список источников и литературы

І. Источники

1.1. Материалы архивов

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва

Ф. А-353 (Министерство юстиции РСФСР)

Оп. 1. Д. 331.

Ф. Р-393 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР)

Оп. 1. Д. 19; Оп. 13. Д. 1v; Оп. 89. Д. 3, 6, 7, 8, 10а, 13, 15б, 38а, 38б, 59, 60, 68, 74, 81, 82, 87, 89, 90, 92, 93, 99, 103, 110, 111, 119, 129, 141, 143, 151, 153, 156, 169, 181, 182, 185, 200, 201, 203, 205, 206, 208, 215, 223, 228, 234, 240, 287, 300, 312.

Ф. Р-1726 (Комиссия Совета Труда и Оборона СССР по учету и реализации государственных фондов)

Оп. 1. Д. 73.

Ф. Р-3333 (Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак) Наркомата внутренних дел РСФСР)

Оп. 1. Д. 3; Оп. 2. Д. 11, 42; Оп. 23. Д. 1.

Ф. Р-4042 (Главное управление местами заключения Наркомата внутренних дел РСФСР)

Оп. 1. Д. 10; Оп. 1а. Д. 6, 8, 11, 12, 24; Оп. 2. Д. 1, 2, 3б, 11, 38; Оп. 3. Д. 4; Оп. 5. Д. 2; Оп. 8. Д. 1; Оп. 9. Д. 1, 4; Оп. 16. Д. 3, 4.

Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР)

Оп. 1. Д. 48.

Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР).

Оп. 89. Д. 4408

Ф. Р-8409 (Общество «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»).

Оп. 1. Д. 7, 10.

Ф. Р-8419 (Московский Политический Красный Крест)

Оп. 1. Д. 8, 11, 24, 86, 88, 95, 187.

Ф. Р-9488 (Лагеря военнопленных на территории Германии)

Оп. 1. Д. 47.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), г. Москва

Ф. 2. (Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924))

Оп. 1. Д. 9852.

Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991))

Оп. 2. Д. 16; Оп. 84. Д. 61.

Ф. 19 (Протоколы Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР, Комиссии при СНК РСФСР (Малого Совнаркома), Совета рабоче–крестьянской обороны (СТО) РСФСР (1917–1922))

Оп. 1. Д. 192.

Ф. 63. (Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК ВКП(б) (Польбюро) (1919–1931))

Оп. 1. Д. 25, 197, 204, 267, 406.

Ф. 68. (Временный революционный комитет Польши (Польревком) (1920))

Оп. 1. Д. 12.

Ф. 76 (Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926))

Оп. 3. Д. 70, 149.

Ф. 124 (Всесоюзное общество старых большевиков (ВОСБ) (1922–1935))

Оп. 1. Д. 852.

Ф. 558 (Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953))

Оп. 1. Д. 5687.

Российский государственный военный архив (РГВА), г. Москва

Ф. 9 (Политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии)

Оп. 12. Д. 12.

Ф. 33988 (Секретариат заместителя председателя РВСР)

Оп. 2. Д. 315, 383.

Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦАФСБ), г. Москва.

Ф. 1.

Оп. 4. Д. 22; Оп. 5. Д. 53, 493, 876, 878; Оп. 6. Д. 28.

Ф. 66.

Оп. 1. Д. 5.

Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), г. Москва.

Ф. 66 (Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Москва 1917–1936 гг.).

Оп. 3. Д. 960.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), г. Екатеринбург.

Ф. Р-1 (Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области).

Оп. 2. Д. 25782.

Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), г. Москва.

Ф. 54. (Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР).

Ед. хр. 165.

1.2. Опубликованные документы

Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. / сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. 1063 с.

Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: (Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья), с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий / авт. вступ. ст. С. Аскарханов. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1922. 38 с.

«Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / сост.: В.П. Данилов, Г.А. Абрамова, В.Л. Дьячков. Тамбов: Упр. культуры и арх. дела Тамб. обл., 2007. 772 с.

В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов. Часть II: 1920–1922 гг. / под ред. Л.М. Сурица. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 533 с.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.

Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957. 625 с.

Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Политиздат, 1959. 698 с.

Декреты Советской власти. Т. 4: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Ин-т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1968. 731 с.

Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М.: Политиздат, 1971. 720 с.

Дойков Ю. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы). Архангельск: Б. и., 2011. 212 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Госполитиздат, 1958. 807 с.

Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Упр. гос. архивами НКВД СССР; предисл. П. Софинов. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. 82 с.

Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М.: Юрид. отд. Глав. комит. Всерос. союза городов, 1916. 103 с.

Интервенция на Севере в документах / подготовил к печати И. Минц. М.: Партиздат, 1933. 94 с.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров, отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. 696 с.

Красная книга ВЧК: в 2х т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 541 с.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («антоновщина»): документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с. (Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы).

Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 912 с.

Международный комитет Красного Креста (МККК), Гагская конвенция (IV) о законах и обычаях сухопутной войны и Приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 [Электронный ресурс]. UNHCR «Агентство ООН по делам беженцев». Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/legal/intinstrument/icrc/1907/ru/31788> (дата обращения 15.08.2024).

Москва в ноябре 1919 года: Сочинения учащихся научно-популярного отделения Университета им. А.Л. Шанявского // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах / подгот.:

В.М. Аладьев, А.Н. Кузнецова, Т.Е. Павлова, Т.В. Померанская, В.А. Соломатин. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. С. 363–364.

Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы / Публ. подг. д.и.н. И.И. Костюшко. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. 404 с.

Постановление о прекращении уголовного дела № 18/123666-93 «О выяснении обстоятельств гибели членов Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов», пункты 5-6 [Электронный ресурс]. Московские ведомости. Режим доступа: <https://mosvedi.ru/news/russian-world/russia/24079.html> (дата обращения: 21.08.2024).

РСФСР. Законы и постановления. Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: (Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья), с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий / авт. вступ. ст. С. Аскарханов. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1922. 38 с.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова; сост. А.А. Герцензон. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.

Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.): История законодательства / сост. П.М. Лосев, Г.И. Рагулин. М.: Госюриздат, 1959. 360 с.

Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. Т. 1: 1919–1920. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. 664 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. № 41–60. Отдел первый. М.: Б.и., б.г. 334 с.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4-х т. Т. 1: 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

Советы в эпоху военного коммунизма (1918–1921): сборник документов / под ред. и с предисл. В.П. Антонова-Саратовского. М., 1929. Т. 1. 447 с.; Т. 2. 455 с.

Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция: на военной работе. Материалы и документы по истории Красной армии. Т.1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М.: Высший военный редакционный совет, 1923. 430 с.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2007. 872 с.

Церковь на Дону в годы Гражданской войны 1918–1919 гг.: Расследования Особой комиссии: Сб. документов / под ред. Ю.А. Бирюковой, свящ. Е.А. Агеева. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 392 с.

Человек и тюрьма. Сборник информационных материалов / Сост.: В.Ф. Абрамкин. 3-е изд., испр. и доп. М.: ОЦС, 1999. 60 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920: Документы и материалы: в 2 т. Т. 2: Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. / отв. сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

1.2. Периодическая печать

Архангельские Епархиальные Ведомости. 1919. 9 мая. № 9.

Вестник театра. 1920. № 63.

Воля России. Еженедельник. 1920. № 14.

Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контр-революцией и спекуляцией. 1918. № 1.

Известия ВЦИК. 1918. 13 августа. № 172; 1919. 17 мая. № 105.

Красное знамя. 1920. 26 октября.

Красный террор: еженедельник чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. Казань, 1918. № 1.

1.3. Произведения руководителей РКП(б) и советского государства

Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. 542 с.

Ленин В.И. Военная переписка (1917–1920). М., Воениздат, 1957. 276 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35: Октябрь 1917 – март 1918. М.: Политиздат, 1974. 600 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37: Июль 1918 – март 1919. М.: Политиздат, 1969. 748 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38: Март – июнь 1919. М.: Политиздат, 1969. 580 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 49: Письма август 1914 – октябрь 1917. М.: Политиздат, 1964. 708 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 50: Письма октябрь 1917 – июнь 1919. М.: Политиздат, 1970. 624 с.

Троцкий Л.Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль: науч.-публицист. чтения. 1991 / общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 212–244.

Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М.: Книга, 1990. Т. 1. 326 с.

1.4. Воспоминания, дневники, свидетельства современников

Безсонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris: Impr. de Navarre, 1928. 228 с.

Ершова А.А. В тюрьме в 1920 году: Воспоминания. М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2017. 136 с.

Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев / сост. С.В. Волков. М.: Айрис-пресс, 2010. 496 с.

Красный террор в Петрограде / сост. С.В. Волков. М.: Айрис-пресс, 2011. 512 с.

Красный террор глазами очевидцев / сост. С.В. Волков. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.

Красный террор на Юге России / предисл., коммент. С.В. Волкова. М.: Айрис-пресс, 2013. 544 с.

Критский М. Красная Армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-ым Корпусом Добровольческой Армии) // Архив русской революции. Т. 18. Берлин. 1926. С. 254–300.

Малиновский И.А. Дневник. Москва 1920–1921 г. Ивановский концентрационный лагерь [Электронный ресурс]. Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://corpus.prozhito.org/person/1960> (дата обращения 15.08.2024).

Мальсагов С.А. Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере / пер. с англ. Ш. Яндиева; предисл. В.Г. Танкиева; вступ. ст. М. Абсаметова. Нальчик: «Эль-фа», 1996. 127 с.

Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. Кн. 1, 2. М.: Воениздат, 1997.

Орешников А.В. Дневник. 1915–1933: в 2-х кн. / отв. ред. П.Г. Гайдуков; сост. П.Г. Гайдуков, Н.Л. Зубова, М.В. Катагощина, Н.Б. Стрижова, А.Г. Юшко; Кн. 1: 1915–1924. М.: Наука, 2010. 659 с.

Толстая А.Л. Проблески во тьме. М.: Патриот, 1991. 118 с.

ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин: Изд-во Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров, 1922. 256 с.

Шереметева О.Г. Дневник и воспоминания / вступ. ст. Г.И. Вздорнова. М.: Индрик, 2005. 206 с.

1.5. Синхронная литература

Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 163 с.

Лацис М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Гос. изд-во, 1921. 62 с.

Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918-1923. Берлин: Ватага, 1924. 208 с.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк: Brandy, 1979. 203 с.

От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. ст. / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Советское законодательство, 1934. 449 с.

Пенитенциарное дело в 1922 году. М.: Б.и., 1923. 47 с.

Тюремное дело в РСФСР в 1921 году: Отчет Народного Комиссариата Юстиции по Центральному Исправительно-Трудовому Отделу, IX-му Всероссийскому Съезду Советов Р., Кр., и К. Д. М., 1921. 32 с.

Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика: Учебник для правовых вузов и юридических курсов. М.: Советское законодательство, 1934. 253 с.

Чебышев Н. Опыт статистической обработки некоторых данных о содержащихся в концентрационных лагерях // Власть Советов: Орган Народного комиссариата внутренних дел. 1922. № 4–6. С. 49–53.

Ширвиндт Е.Г. Наше исправительно-трудовое законодательство. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1925. 125 с.

1.6. Художественная литература

Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М.: АСТ, 2007. 571 с.

Сейфуллина Л.Н. Правонарушители: повесть // *Сейфуллина Л.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 1: Повести и рассказы. С. 74–106.

Шаламов В.Т. Вишера: рассказы, очерки, стихи. Пермь: ИП С.А. Худяков, 2021. 304 с.

2. Литература

2.1. Монографии и статьи

Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев: МАУП, 2005. 480 с.

Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Крестьянская война за Советы против коммунистов (1918–1922 гг.): статьи. М.: Издательские решения, 2016. 296 с.

Безай О.В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // Манускрипт. 2018. № 8 (94). С. 18–22.

Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны в Советской России. 1918–1919 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 32–36.

Белова И.Б. Военнопленные советско-польской войны в лагерях принудительных работ в 1920–1921 гг.: По материалам центральных губерний Европейской России // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 76–81.

Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.

Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. 1. С. 32–37.

Белова И.Б. Политическое просвещение пленных и беженцев в Советской России в 1918–1919 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 14–20.

Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 79. С. 55–67.

Большакова О.В. Новая политическая история России: современная зарубежная историография: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2006. 98 с.

Бразевич С.С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2018. С. 728–737.

Бразевич С.С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 4. С. 108–134.

Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 375 с.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2014. 576 с.

Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие к спецкурсу. М.: Ред.-изд. центр МГОПУ, 1999. 133 с.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 512 с.

Ганин А.В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...» Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.

Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974. 352 с.

Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925). Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. 83 с.

Григоров А.А., Григоров А.И. Заключенные Рязанского губернского концлагеря (губернского лагеря принудительных работ) 1919–1923 гг.: списки, личные дела, регистрационные карточки, анкеты, различные ведомости и протоколы; документы на освобождение из концлагеря. М.: ООО «МИД», 2013. 483 с.

Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М.: РИПК работников МВД РФ, 1992. 192 с.

Жиromская В.Б. Проблема красного и белого террора 1917–1920 годов в отечественной историографии // Труды Института российской истории РАН. Вып. 4. М.: Наука, 2004. С. 240–265.

Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10–27; № 7. С. 3–16;

Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.

Знак Т.М. Любовь в концлагере № 1 города Екатеринбурга. Екатеринбург: Южно-Уральское книжное издательство, 2021. 113 с.

Иванова Г.М. Большевистские концентрационные лагеря и система заложничества в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.). М.: [ГЦМСИР], 2018. С. 121–126.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Ин-т рос. истории РАН. М: Наука, 2006. 438 с.

Иванова Г.М. Эволюция и слом российской пенитенциарной системы и создание первых лагерей советской власти. 1917–1922 гг. // Память о прошлом – 2017: Материалы и доклады VI историко-архивного форума, посвященного 100-

летию революции 1917 г. в России, Самара, 18–20 апреля 2017 года / Составители О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. Самара, 2017. С. 31–38.

Иванова Г.М., Удовенко И.В. ПротоГУЛАГ. Большевистские концентрационные лагеря в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2018. С. 151–183.

История России: в 20 т. Т. 12: Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. М.: Наука, 2024. 919 с.

Камардин И.Н. Лагеря принудительных работ в Поволжье в годы военного коммунизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). Ч. 1. С. 95–98.

Кара И.С. История создания специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в России советского и постсоветского периода // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. Т. 29. № 16 (187). С. 133–145.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 годы // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. №4. С. 21–34.

Кодин Е.В., Родионов И.И. Репатриация польских военнопленных из лагерей Центральной России (1921–1922) // Новейшая история России. 2021. Т.11. № 1. С.72 –88.

Кондакова Е.В. Образы Гражданской войны в личных дневниках // Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. ст. Ижевск: АлкиД, 2018. С. 66–73.

Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 575 с.

Кондрашин В.В. Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Крестьянский

фронт 1918 – 1922 гг. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 24–47.

Корнилова О.В. Красноармейцы в польском плену (1919–1922): основные направления современной российской и польской историографии // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 4 (48). С. 355–373.

Костюшко И.И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б) 1920–1921 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. 143 с.

Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний / пер. с фр. М.: Текст, 2003. 686 с.

Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2004. С. 7 – 17.

Кубасов А.Л. Из истории тюрем и лагерей ГПУ (1922–1923 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. №17. С. 126–136.

Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2009. № 2(20). С. 58–65.

Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. 216 с.

Лазаренко Е.И. Резэвакуация военнопленных русской армии Первой мировой войны из иностранных лагерей // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3(72). С. 184–195.

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 346 с.

Леонтьев Я.В. Политический Красный Крест в Москве: опыт источниковедческого анализа // Археографический ежегодник. 1997. Т. 1. № 1. С. 159–165.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 448 с.

Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона, под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.

Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919 гг.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1971. 271 с.

Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.

Медушевский А.Н. Демократические и олигархические тенденции в большевистской революции: генезис советской рабочей бюрократии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 102–125.

Мельник Т.Ф. О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 88–106.

Михутина И.В. Польско–советская война 1919–1920 гг. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. 322 с.

Мухутдинов А.А. Политический Красный Крест. М.: БОС, 2015. 127 с.

Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. 531 с.

Оплаканская Р.В. Положение польских военнопленных в Сибири в начале 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 116–119.

Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / гл. ред. А.Г. Горлов М.: Изд-во Объед. ред. МВД России, 1996. 464 с.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. унта Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

Островская И.В. «Оставить эти концентрационные лагеря для ... господ» // Военно-исторический журнал. 2011. № 8. С. 46–49.

Павлов Д.Б. Советская судебная система 1917–1922 гг. // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 89–150.

Павлов Д.Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 1–17.

Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. 236 с.

Пашков А.М. «...Одна только "популярность" врачей не может служить причиной ареста в заложники». «Красный террор» осени 1918 г. в документах Национального архива Республики Карелия // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 809–820.

Пашков А.М. Красный террор в Петрозаводске осенью 1918 года // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1(3). С. 63–89.

Петрозаводск: 300 лет истории. Документы и материалы: в 3 кн. Кн. 3: 1903–2003 / сост.: Д. З. Генделев и др., науч. ред.: Н. А. Кораблев и др. Петрозаводск: Карелия, 2003. 574 с.

Райский Н.С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М.: Институт российской истории РАН, 1999. 94 с.

Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа: Изд-во Акад. МВД РФ, Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1994. 465 с.

Ратьковский И. Белый террор. Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб.: Питер, 2021. 496 с.

Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 2006. 286 с.

Реент Ю.А., Юнусов А.А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №4 (44). С. 270–275.

Резмер В. Польские военнопленные в советском плену // Военнопленные 1920. Краков; Варшава: Instytut Pamięci Narodowej. 2020. С. 69–165.

Седов В.В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: Челябинского гос. ун-т, 2003. 177 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов, под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с.

Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 172 с.

Смирнов Н.Г. Высшие суды революции: Центральные революционные трибуналы. 1918–1922 гг. М.: Знание, 1990. 64 с.

Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.

Смыкалин А. Создание советской судебной системы // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 39–42.

Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 368 с.

Стайтс Р. Феминистское движение и большевики: Февральская и Октябрьская революции 1917 г. // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н.М. Степанова, Е.В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 300–318.

Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек: социально-

психологический аспект. Материалы конф., 28–30 нояб. 1994 г. / ред. П.В. Волобуев. М.: Наука, 1996. С. 201–222.

Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М.: Наука, 2002. С. 624–644.

Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 422 с.

Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81–83.

Тараканов Ю.В. К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918–1922 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. №1. С. 99–104.

Тарасов О.А. Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в Советской России в начале 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4(87). С. 59–64.

Тоскина Г.Н. Эволюция института смертной казни в РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) // Lex russica (Русский закон). 2016. № 12. С. 106–112.

Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 3–34.

Феномен ГУЛАГа: интерпретации, сравнения, исторический контекст / под ред. М. Дэвида-Фокса. СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. 632 с.

Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному: научное издание. М.: Наука, 1993. 272 с.

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б.М. Скуратова, под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.

Хаустов В.Н. Развитие советской спецслужбы (1917–1941) // Исторические чтения на Лубянке. М., 1997. С. 55–61.

Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР: 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84;

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 479 с.

Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Хроника, 1994. 255 с.

Щеров И.П. Центропланбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. 95 с.

Karpus Z., Alexandrowicz S. Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922): Dokumenty i materiały. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995. 288 s.

Kotkin St. 1991 and the Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // The Journal of Modern History. Chicago, 1998. Vol. 70, № 3. P. 384–425.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges / Hg. von J. Oltmer. Paderborn: Ferdinand Schoeningh, 2005. S. 239–266.

Solomon P.H. Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. Vol. 39. № 2. P. 195–217.

Steinmo S. Historical institutionalism // Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 118–138.

2.2. Диссертации и авторефераты

Алешкин П.Ф. Крестьянское протестное движение в условиях политики военного коммунизма и его последствий (1918–1922 г.): дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2012. 663 с.

Евсеев И.В. Формирование и развитие исправительно-трудовой системы СССР, 1918–1941 гг. (на примере Южно-Уральского региона): историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. Наук. Саратов, 2010. 212 с.

Погорелов М.А. Реформирование пенитенциарной системы в РСФСР в 1918–1930 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2022. 450 с.

Потапов М.Г. Книга в пенитенциарных учреждениях Сибири: 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. 206 с.

Рубинов М.В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы, 1918–1934 гг. (по материалам Урала): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 431 с.

Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. 235 с.

Сводная таблица лагерей первых лет советской власти (1918–1923 гг.)

Пояснение: таблица представляет собой базу данных лагерей первых лет советской власти на территории РСФСР, ССРБ и УССР в период 1918-1923 гг. Таблица включает 222 лагеря с указанием названия, местоположения, годов существования и численности заключенных, а также краткую историческую справку о каждом лагере. Вначале приведен список лагерей РСФСР, который начинается с Москвы, Московской губернии, Петрограда и Петроградской губернии. Далее следуют губернии и регионы РСФСР в алфавитном порядке. Отдельно после лагерей на территории РСФСР представлены лагеря на территории ССРБ и УССР. Местоположение лагерей указывается в соответствии с архивными документами, в скобках приводится современное название населенных пунктов, объектов и адрес.

<i>№</i>	<i>Название лагеря</i>	<i>Местоположение</i>	<i>Годы существования</i>	<i>Численность заключенных</i>	<i>Историческая справка</i>
<u>РСФСР</u>					
Москва					
1	Андрониковский (Андроньевский)	Андроньевская площадь, Андроньевский монастырь (Андроньевская пл. 10)	1918–1922	1918 – нет данных 1919 – 418 1920 – 330 1921 – 250 1922 – 300	Лагерь особого назначения открыт в Москве на территории бывшего Андрониковского мужского монастыря. Лагерь был образован одним из первых в РСФСР осенью 1918 г. Предназначался для содержания заложников и иностранцев. Наряду с Ивановским лагерем выполнял функцию «особого назначения» для содержания наиболее серьезных категорий заключенных. На июнь 1921 г. из 315 заключенных, только 61 были русскими, остальные числились иностранцами: поляки, чехословаки, хивинцы и др. В 1921 г. лагерь начал трансформироваться из места заключения в производственный цех. Политические заключенные были этапированы в северные лагеря и основным контингентом стали рабочие и крестьяне. Внутри лагеря находились плотницкая, столярная, кузнечная, сапожная, переплетная, швейная, автомобильно-слесарная, колодочная мастерские и прачечная.

2	Новоспасский	Спасская застава, Спасский монастырь (в наст. вр. Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь)	1918–1922	1918 – нет данных 1919 – 334 1920 – 432 1921 – 400 1922 – 419	Лагерь открыт в конце 1918 г. в Москве на территории бывшего Новоспасского монастыря на Крутицком холме. Первоначально, в лагере содержались женщины, которые в зависимости от преступлений и сроков наказаний использовались на внутренних работах. Со временем преобразован в закрытый лагерь для содержания заключенных, которых невозможно было отправить на внешние работы (политические, уголовные, заложники и пр.). В лагере имелись столярная, слесарная, сапожная, швейная и ремонтная мастерские, мастерская кустарных изделий, хлебопекарня. Заключенные работали также в саду и огороде, расположенных на территории лагеря. В конце 1922 г. переименован из лагеря в пункт для заключенных иностранцев.
3	Владыкинский	Станция «Владыкино» Московской окружной железной дороги, бывшая фабрика Моргунова на берегу р. Лихоборки	1919–1922	1919 – 191 1920 – 1282 1921 – 1142 1922 – 205	Лагерь открыт в 1919 г. на северной окраине Москвы недалеко от станции окружной железной дороги «Владыкино» на бывшей фабрике Моргунова на берегу реки Лихоборки. Лагерь начал свое существование с первой прибывшей партией заключенных из Покровского лагеря, среди которых находились обитатели Хитровского рынка и китайцы. С 1920 г. лагерь был реформатирован под содержание военнопленных поляков. В 1922 г. был предназначен для заключенных до 5-летнего срока. В конце 1922 г. лагерь был закрыт.
4	Ивановский	Ивановская улица, бывший Ивановский женский монастырь (в наст. вр. Иоанно-Предтеченский ставропигиальный женский монастырь)	1919–1922	1919 – 593 1920 – 472 1921 – 300 1922 – 345	Лагерь особого назначения был открыт не позднее 15 августа 1919 г. Некоторые документы свидетельствуют, что лагерь был открыт в конце 1918 г. Лагерь располагался на территории Иоанно-Предтеченского женского монастыря в Москве в Ивановских переулках. Ивановский лагерь предназначался для «заключения контрреволюционеров, заложников и вообще явных и скрытых противников Советской власти», приговоренных до окончания Гражданской войны, и срочных от 5 лет и выше. Лагерь был рассчитан на 500 человек и имел высокую проходимость. С 20 апреля 1920 г. по 1 октября 1921 г. через лагерь прошло 1855 заключенных. В 1921 г. теряет значение лагеря исключительно «особого назначения» и приобрел выраженные производственные функции. К этому моменты в лагере преимущественно содержатся рабочие и крестьяне. Лагерь насчитывал ряд подсобных мастерских, заключенные активно использовались на внешних работах в городе. В 1922 лагерь был упразднен и на его месте сформирован Ивановский исправдом. В 1924 г. учреждение именовалось Московская фабрично-трудова колония. С 1926 г. здесь располагалось Экспериментально-пенитенциарное отделение Государственного института по изучению преступника и преступности (ЭКСПОГИПП).
5	Кожуховский	Симоновская застава, деревня Кожухово, бараки	1919–1922	1919 – 905 1920 – 1327 1921 – 595	Лагерь, был открыт в 1919 г. рядом с Симоновым монастырем у деревни Кожухово. До 1919 г. также действовал как один из лагерей для военнопленных Первой мировой войны Расположившись при железнодорожной станции Московской окружной

		(в наст. вр. Даниловский район, Восточная улица)		1922 – 8	железной дороги, являлся крупнейшим транзитным и эвакуационным лагерем страны. Через Кожуховский лагерь с 1914 по 1919 гг. прошло 1,5 млн. военнопленных. В 1919 г. был преобразован в лагерь перебежчиков и военнопленных Гражданской войны и был принят в отдел принудительных работ НКВД РСФСР. Лагерь был рассчитан на 1200 человек, в летнее время могло размещаться до 2500 человек (дополнительное размещение в палатках). В 1921 г. контингент лагеря составляли политические, уголовные преступники, осужденные за проституцию, заложники Гражданской войны, подследственные ВЧК. В сентябре 1921 г. в лагере размещались дети и подростки до 16 лет: 65 мальчиков и 92 девочки. Лагерь отличался высокой проходимостью: с 10 февраля 1920 г. по 1 сентября 1921 г. через лагерь прошло 9119 заключенных, которые отправлялись на работы по требованиям различных городских учреждений (Окрвоенкома, Отдела трудовой помощи, Центропленбежа, заселочных пунктов, автомобильного завода АМС и др.). В 1921–1922 гг. заключенные участвовали в постройке Каширской ЭС. При лагере имелись сапожная, столярная, швейная и слесарно-кузнечная мастерские. Ликвидация Кожуховского лагеря состоялась 1 января 1922 г. (согласно некоторым документам — в феврале 1922 г.).
6	Новопесковский	Новопесковский проезд, 5 (в наст. вр. Смоленская набережная)	1919–1922	1919 – 323 1920 – 570 1921 – 1500 1922 – 1069	Лагерь был открыт и располагался на территории Смоленского рынка в Москве и был открыт 1 мая 1919 г. Из-за большого потока заключенных, направляемых в Москву, в 1919 г. Главное управление принудительных работ (ГУПР) предприняло модификацию всей московской лагерной системы. С этого момента в столице начинает работать Новопесковский лагерь-распределитель, через который проходили все вновь поступившие заключенные. Из распределителя заключенные перенаправлялись в профилированные лагеря. Лагерь имел очень высокую степень проходимости. Сам по себе он был рассчитан на 450 человек, но за один год деятельности через него могло проходить до 6 тысяч человек. По этой причине состав лагеря был крайне смешанным и включал в себя как уголовников и политических, так и попавших в административном порядке, а также иностранный контингент и военнопленных. Заключенные использовались преимущественно на внешних работах в советских учреждениях. Лагерь был закрыт в конце 1922 г.

7	Покровский	Большой Трехсвятительский переулок, 3, бывший особняк Морозовых	1919–1922	1919 – 1590 1920 – 1243 1921 – 948 1922 – 700	Лагерь был открыт весной 1919 г. в Москве на территории бывшего особняка Морозовых в Большом Трехсвятительском переулке. Лагерь общего назначения со смешанным составом заключенных был рассчитан на 700 человек. Как расположенный в центре Москвы, содержал в себе большой процент краткосрочных и наиболее надежный элемент. Покровский лагерь относился к производственным местам заключения, здесь располагалось большое число мастерских. Кроме того, на этой же территории находился Принкуст — бюро принудительного труда, основной задачей которого было распределение рабочей силы из числа заключенных московских лагерей. В конце 1922 г. лагерь был закрыт.
8	Рождественский	ул. Рождественка, бывший Рождественский монастырь (в наст. вр. Богородице-Рождественский женский монастырь)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 330 1921 – 561 1922 – 162	Лагерь был образован в 1919 г. в Москве на территории Богородице-Рождественского монастыря. В связи с советско-польской войной 15 сентября 1920 г. все военнопленные перешли в ведение ГУПР НКВД, по причине чего два московских лагеря, Владыкинский и Рождественский, были освобождены от других заключенных для предоставления помещений под содержание военнопленных. В 1921 г. из военнопленных Рождественского лагеря была сформирована 1-я польская трудовая дружина из 418 человек. Заключенные Рождественского лагеря использовались преимущественно на внешних работах.
9	Ордынский	ул. Большая Ордынка, 17	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – 534 1922 – 319	Лагерь был открыт в 1920 г. в Москве, на ул. Большая Ордынка, в доме № 17. С самого начала носил производственный характер, заключенные которого работали в пошивочных и трикотажных мастерских. Контингент лагеря характеризовался как «квалифицированные заключенные и ученики по признакам хозяйствующих там мастерских». В ноябре 1922 г. переименован из лагеря в переходный исправительный дом. В декабре 1922 г. переименован в ремесленно-трудоу колонию.
10	Знаменский	ул. Варварка, 8-10, Знаменский монастырь	1921	1921 – 273	Лагерь был открыт в 1921 г. в Москве на территории Знаменского монастыря на ул. Варварка. Лагерь был рассчитан на 300 человек и предназначался для труддезертиров и подследственных Трудкомдезертиркомиссией. Заключенные лагеря не имели собственного лагерного хозяйства и откомандировывались на внешние работы, прибыль от которых компенсировали лагерные затраты. С 11 августа 1921 г. лагерь был передан в распоряжение Управления милиции и был реорганизован.
11	Ростокинский	Рабочий поселок Бескудниково, бывш. территория Ростокинского кирпичного завода	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – нет данных	Ростокинский лагерь был образован в 1921 г. при производстве на Ростокинском кирпичном заводе. Относится к числу производственных московских лагерей наряду с Лианозовским и Гашезаводским. В настоящее время не установлена численность заключенных данного лагеря. Вероятно, лагерь был сформирован из откомандированных заключенных других московских лагерей.

12	Семеновский	ул. Семеновская, 56, Покровский монастырь (в наст. вр. ул. Таганская, 58, Покровский ставропигиальный женский монастырь)	1921–1922	1921 – 824 1922 – 567	Лагерь был открыт в мае 1921 г. на территории Покровского женского монастыря у Покровской заставы. Лагерь был рассчитан на 350 заключенных. Тем не менее, в нем содержалось в 2,5 раза больше человек. Основной контингент лагеря составляли уголовные преступники и участники Тамбовского восстания – антоновцы. В 1922 г. в лагере содержались лица, посылаемые на внешние работы, а также уголовный элемент, который не использовался ни в мастерских, ни на внешних работах. После закрытия лагеря в октябре 1922 г. все заключенные были переведены в Новоспасский лагерь.
Московская губерния					
13	Звенигородский лагерь («Детский городок»)	г. Звенигород, станция Галицино, Саввино-Сторожевский мужской монастырь	1919–1922	1919 – 31 1920 – 320 1921 – 119 1922 – нет данных	Лагерь открыт в июне 1919 г. в подмосковном Звенигороде как экспериментальный лагерь для «морально-дефективных» детей от 10 до 17 лет. Он разместился на территории Саввино-Сторожевского монастыря с целью максимальной изоляции детей и их сообщения с внешним миром. Лагерь для детей в Звенигороде выбивался из ряда других учреждений по сдерживанию бесконтрольно растущей беспризорности и детской преступности, так как относился к системе ГУПР НКВД. Помещения лагеря были рассчитаны на 700 человек, но в действительности в нем содержалось не более 40 детей. Точное количество воспитанников, направленных в лагерь, установить сложно, так как по отметкам самих сотрудников из учреждения регулярно совершались массовые побеги. В результате в 1920 г. детей распределили по московским детдомам, а Звенигородский лагерь был переформирован в лагерь для военнопленных. В 1921 г. сюда прибыл уголовный элемент из переформированных московских лагерей.
14	Крюковский	Станция «Крюково», кирпичный завод Рахманова (в наст. вр. ст. Крюково Зеленоградского АО, Москва)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – нет данных 1921 – 228 1922 – 157	Лагерь открыт в 1919 г. на станции Крюково в 40 верстах от Москвы по Николаевской железной дороге на территории бывшего кирпичного завода купца Ивана Карповича Рахманова. Контингент лагеря состоял из краткосрочных заключенных, военнопленных и в небольшом количестве трудармейцев. Работающие на лесозаготовках и погрузках на железной дороге размещались в ближайших к работам деревнях, в крестьянских избах. С присоединением к лагерю заводов и производств образовался Крюковский трудовой район. В конце 1922 г. лагерь был преобразован в сельскохозяйственную колонию. Труд заключенных использовался в основном на кирпичных заводах, на бывшем заводе Гаша, на лесных заготовках, на погрузочно-разгрузочных работах на ж/д станции. Кроме кирпичных заводов при лагере имелись лесопильный завод, мельница, огород и пекарня, а также портняжная, столярная и сапожная мастерские.

15	Орехово-Зуевский	г. Орехово-Зуево (1919-1920); г. Покров, Владимирская губерния, арестный дом (1921-1922)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – нет данных 1921 – 59 1922 – нет данных	Лагерь закрытого типа был открыт в 1919 г. в окрестностях города Орехово-Зуево на берегу реки Клязьмы. Он был рассчитан на 50 человек, рабочая сила которых использовалась в местных учреждениях. В 1921 г. лагерь был переведен в г. Покров, в помещения бывшего арестного дома (бывшая Покровская тюрьма). Основным контингентом лагеря являлся уголовный элемент.
16	Концентрационный лагерь для военнопленных на станции «Подсолнечная»	Станция «Подсолнечная» Николаевской железной дороги	1920–1921	1920 – 119 1921 – нет данных	Лагерь для польских военнопленных был открыт в 1920 г. на станции «Подсолнечная» Николаевской железной дороги в бывших дачных домах возле озера Сенез. На декабрь 1920 г. в лагере размещалось 119 человек. После репатриации польских военнопленных в 1921 г. лагерь был закрыт.
17	Концентрационный лагерь для военнопленных на станции «Томилино»	село Лыткарино, усадьба Петровское (в наст. вр. 6-й микрорайон г. Лыткарино)	1920–1921	1920 – 100 1921 – нет данных	Лагерь для польских военнопленных открыт в 1920 г. на станции Томилино Рязанского направления в бывшем имении Петровское. На декабрь 1920 г. в лагере размещалось 100 человек. После репатриации польских военнопленных в 1921 г. лагерь был закрыт.
18	Сергиевский	г. Сергиев Посад, ул. Гефсиманские пруды, 1, Гефсиманский Черниговский скит	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 149	Сергиевский лагерь был открыт 20 декабря 1920 г. и располагался в Гефсиманском Черниговском ските на ул. Гефсиманские пруды, д. 1 города Сергиев Посад Московской губернии. В лагере, рассчитанном на 250 человек, имелись сапожная и столярная производственные мастерские. Заключение отправлялись также на внешние работы в местные учреждения. Ликвидация Сергиевского лагеря состоялась не позднее второй половины 1921 г.
19	Гашезаводский	Станция «Хлебниково», кирпичный завод им. Гаша (в наст. вр. г. Долгопрудный, микрорайон Хлебниково, Цветочный проезд)	1921–1922	1921 – 92 1922 – нет данных	Лагерь был образован в 1921 г. на бывшем кирпичном заводе Альфреда Гаша, недалеко от железнодорожной станции Лианозово Савеловского направления. Лагерь был создан для организации восстановительных работ на кирпичном заводе и подготовке его к выпуску продукции. При заводе Гаша труд заключенных использовался еще с 1919 г. в виде различных командировок от различных московских лагерей, но в связи с увеличением объемов работ было принято решение о создании самостоятельного небольшого лагеря с численностью не более 100 человек, ликвидация которого произошла не позднее 1922 г.
20	Каширский	г. Кашира, Каширская ГРЭС	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – нет	Каширский лагерь был образован предположительно в 1921 г. специально для строительства Каширской ГРЭС. Каширская ГРЭС имени Г.М. Кржижановского на берегу р. Оки, близ города Кашира являлась частью плана ГОЭЛРО и строилась под

				данных	личным контролем В.И. Ленина. С 1921 г. сюда на Каширстрой начали откомандировываться заключенные Покровского и Кожуховского лагерей. Вероятно, из них и был сформирован временный лагерь непосредственно на строительстве.
21	Лианозовский	Станция «Лианозово» и «Бескудниково» (в наст. вр. Восточное Дегунино, Бескудниковский район, Москва)	1921–1922	1921 – 293 1922 – 133	Производственный лагерь был образован на территории кирпичных заводов братьев Юдиных под Москвой, недалеко от станции Бескудниково. Заключенные работали на кирпичном заводе, на оборудовании Бескудниковского завода, на разборке сараев Юдинского завода, вырубке дров на станциях Лианозово и Бескудниково. При лагере имелись сапожная, швейная, плотничная и кузнечная мастерские. Со дня открытия по 10 декабря 1921 г. через лагерь прошло 560 человек. Ликвидация лагеря состоялась в конце 1922 г.
Петроград					
22	Петроградский лагерь № 1 «Чесменка»	Московское шоссе, 74, Чесменская богадельня (в наст. вр. Санкт-Петербург, ул. Гастелло, 15 и ул. Ленсовета, 12)	1919–1922	1919 — нет данных 1920 — 605 1921 — 410 1922 — нет данных	Лагерь № 1 («Чесменка») был открыт 1 июня 1919 г. и располагался в Чесменской богадельне на Московское шоссе, д. 74 города Петроград (в наст. вр. Санкт-Петербург, ул. Гастелло, 15 и ул. Ленсовета, 12). Большая часть заключенных лагеря, рассчитанного на 1500 человек, принадлежала к интеллигенции. Среди них находились заложники-эстонцы, принимавшие участие в лево-эсэровском восстании, и лица, заключенные за антисоветскую пропаганду. В период с 5 июня по 15 ноября 1920 г. через лагерь прошло 3087 мужчин, 2400 женщин и 33 малолетних преступника. Заключенные были заняты оборудованием лагеря, работой на лагерьном огороде и заготовкой дров. Их труд использовался также в столярно-плотничной, портняжной, швейной, сапожной, слесарной, электромонтерной, автомобильной, водопроводно-канализационной, малярной, кровельной и шорной производственных мастерских. Заключенные отправлялись и на внешние работы в различные советские учреждения. Ликвидация Петроградского лагеря №1 состоялась не позднее 1922 г.
23	Петроградский лагерь № 2 «Кресты»	Арсенальная набережная 7, тюрьма «Кресты»	1920–1922	1920 – 1060 1921 – 401 1922 – нет данных	Лагерь № 2 («Кресты») был открыт 20 марта 1920 г. и располагался в тюрьме «Кресты» на Арсенальной набережной, д. 7 города Петроград. Лагерь, рассчитанный на 2000 человек, носил характер тюрьмы, в которой наравне с осужденными содержались подследственные, в нем отбывали наказание политические и уголовные преступники. Заключенные работали в производственных мастерских лагеря (сапожной, столярной, слесарной, переплетной, тувельной, портновской, наборной и типографии) и отправлялись на работы в различные городские учреждения. Ликвидация Петроградского лагеря №2 состоялась не позднее 1922 г.
24	Петроградский лагерь № 4	Сахарный завод Кёнига,	1920–1922	1920 – 1494 1921 – 85	Лагерь № 4 был открыт 9 июня 1920 г. и располагался на сахарном заводе Кёнига. В первое время после открытия лагерь именовался Центральным распределительным и

		располагавшийся в квартале между Сампсониевской набережной (в наст. вр. Пироговская наб.), Большим Сампсониевским проспектом, Гарднеровским переулком (в наст. вр. Евпаторский пер.) и Сахарным переулком.		1922 – нет данных	карантинным пунктом и занимался распределением лиц разных категорий повинностей (уличных торговцев, труддезертиров и т. д.). В дальнейшем он обладал смешанным составом заключенных, в нем содержались польские, эстонские, венгерские военнопленные и военнопленные Гражданской войны. Заключенные были заняты работами в производственных мастерских лагеря (столярной и слесарной) и внешними работами в городе (на выгрузке дров, чистке улиц и т. п.). Ликвидация Петроградского лагеря №4 состоялась не позднее 1922 г.
25	Петроградский лагерь для военнопленных	Казармы на Патронном заводе; Измайловские казармы на Измайловском проспекте д. 2; карантинный пункт на острове Голодай.	1920–1922	1920 – 1473 1921 – 1300 1922 – нет данных	Лагерь для военнопленных был открыт 6 декабря 1920 г. и располагался в казармах на Патронном заводе города Петроград. В дальнейшем был перемещен в Измайловские казармы на Измайловском проспекте д. 2, из них – в карантинный пункт на острове Голодай. Ликвидация Петроградского лагеря для военнопленных состоялась не позднее 1922 г.
26	Петроградский распределительный пункт	Гончарная улица, 6	1921–1922	1921 – 150 1922 – нет данных	Распределительный пункт, рассчитанный на 150 человек, был открыт не позднее 1921 г. после того, как Петроградский лагерь №4 был передан в ведение Особой комиссии по делам военнопленных. Он располагался на Гончарной улице, д. 6 города Петроград. Ликвидация распределительного пункта состоялась не позднее 1922 г.
Петроградская губерния					
27	Лагерь для военнопленных в Луге	г. Луга	1919–1921	нет данных	Лагерь для военнопленных в городе Луга Петроградской губернии (в наст. вр. – Ленинградская область) был открыт в 1919 г., его ликвидация состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
28	Петроградский лагерь № 3	г. Сестрорецк, станция «Разлив»	1920–1921	1920 – 150 1921 – 28	Лагерь № 3 для женщин был открыт 20 марта 1920 г. и располагался в здании училища на станции «Разлив» рядом с городом Сестрорецк Петроградской губернии. Лагерь,

					рассчитанный на 500 человек, был создан для содержания лиц, занимающихся проституцией, внутри него была оборудована швейная производственная мастерская. Ликвидация Петроградского лагеря № 3 состоялась в мае 1921 г.
Алтайская губерния					
29	Барнауловский	1920–1921 г. Барнаул, центр города 1921–1922 г. Барнаул, бараки военнопленных за городом	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – 591 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. в одном из зданий в центре города Барнаул Алтайской губернии. В нем были оборудованы сапожная, портновская, столярная, слесарная, жестяночная и бондарная производственные мастерские, кузница, конюшня и хлебопекарня. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные городские учреждения и предприятия. В июле 1921 г. лагерь переместился в бывшие бараки военнопленных за городом. С начала 1923 г. Барнауловский лагерь был реорганизован и получил статус дома заключения.
30	Бийский	г. Бийск, бараки военнопленных за городом	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – 1005 1922 – 268	Лагерь открыт не позднее 1920 г. и располагался в бывших бараках военнопленных за городом Бийск Алтайской губернии. Внутри лагеря имелись производственные мастерские: столярная, портновская, кузнечно-слесарная, сапожная, посадочная. Труд заключенных использовался также в различных городских учреждениях, на лесозаготовках и на сельскохозяйственных работах в селе Лацея. С начала 1923 г. Бийский лагерь был реорганизован и получил статус дома заключения.
Астраханская губерния					
31	Астраханский	г. Астрахань, дом Сергеева на улице Бурова, 4; здание бывшего Арестного дома	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 820 1921 – 1053 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 сентября 1919 г. и располагался в доме Сергеева на улице Бурова д. 4, а также в здании бывшего Арестного дома города Астрахань. Лагерь для военнопленных и гражданских лиц мог содержать 200 человек, однако фактическое количество заключенных зачастую превышало данный показатель. Большая часть заключенных являлась представителями крестьянства, среди приговоренных были красноармейцы, осужденные трибуналом, и военнопленные Гражданской войны (содержались отдельно как неблагонадежный элемент). Их труд использовался в починочных мастерских, а также на внешних работах в военно-морском порту и в советских учреждениях. При лагере имелся также огородный участок. Ликвидация Астраханского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
32	Лагерь для военнопленных в г. Астрахань	г. Астрахань. В сентябре 1920 г. был присоединен к Астраханскому лагерю	1920	1920 – 146	Лагерь для военнопленных Гражданской войны был открыт в июне 1920 г. в Астрахани. В июле 1920 г. в нем содержалось 146 человек. Заключенные отправлялись на работы в различные городские учреждения: Кредит союзов, Едино-Потребительское Общество и Область-Рыбы. В сентябре 1920 г. лагерь военнопленных был присоединен к Астраханскому лагерю.

33	Енотаевский	г. Енотаевск (в наст. вр. село Енотаевка), Арестный дом	1921	1921 – 8	Лагерь был открыт 1 сентября 1921 г. и располагался в Арестном доме города Енотаевск (в наст. вр. село Енотаевка) Астраханской губернии. Лагерь был рассчитан на 80 человек, в ноябре 1921 г. в нем содержалось 8 заключенных. В этом же месяце состоялась его ликвидация. После закрытия Енотаевского лагеря все заключенные были переведены в Астраханский лагерь.
34	Красно-Ярский	г. Красный Яр (в наст. вр. село Красный Яр), Арестный дом	1921	1921 – 24	Лагерь был открыт 1 сентября 1921 г. и располагался в Арестном доме города Красный Яр (в наст. вр. село Красный Яр) Астраханской губернии. За неимением обмундирования заключенные на работы не отправлялись. Красно-Ярский лагерь был рассчитан на 50 человек, в ноябре 1921 г. в нем содержалось 24 заключенных. В этом же месяце состоялась его ликвидация. После закрытия Красно-Ярского лагеря все заключенные были переведены в Астраханский лагерь.
Архангельская губерния					
35	Архангельский	г. Архангельск, Мичиганские бараки (находились в районе совр. стадиона «Труд» — просп. Ломоносова, 252)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 1185 1921 – 1396 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 6 декабря 1919 г. и располагался в Мичиганских бараках города Архангельск и в помещении одной из городских церквей. Лагерь мог содержать до 650 человек, в заключение направлялись лица, осужденные местными судебными учреждениями и присылаемые из центральных органов (Москва, Петроград). Основной состав лагеря был политическим и общеуголовным, в нем также содержались терские и донские казаки. В основном труд заключенных использовался на внешних погрузочных работах, работах по добыче каменного угля, на лесозаготовках и строительстве ж/д путей. При самом лагере были оборудованы швейная, сапожная и столярная производственные мастерские. Заключенные отправлялись также на завод мотодрезины, мукомольные мельницы, городской водопровод и в др. учреждения. Ликвидация Архангельского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
36	Архангельский пересыльный	г. Архангельск, бараки на Быку	1920-1923	1920 – 284 1921 – 716 1922 – нет данных	Пересыльный лагерь был открыт не позднее декабря 1920 г. и располагался в бараках на Быку города Архангельск. В декабре 1920 г. основным контингентом лагеря являлись деникинские офицеры, 5% из общего количества заключенных относились к чиновникам и другим элементам. В 1921 г. лагерный контингент сменился на контрреволюционеров, преимущественно солдат Белой армии — представителей высланных терцев. Заключенные выполняли внутренние и внешние работы (на городской водокачке, йодном заводе, биржевой ветке и в др. учреждениях). В самом лагере имелись производственные мастерские: сапожная, портняжная, столярная, кровельная, прачечная и парикмахерская. В апреле 1921 г. после перевода всех лагерей Архангельской губернии в Холмогоры Архангельский пересыльный лагерь остался функционировать как распределитель и был ликвидирован не позднее осени 1923 г.

37	Пертоминский	Архангельская губерния, поселок Пертоминск, Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь (ныне не действует)	1919–1923	нет данных	Лагерь предположительно был открыт в 1919 г. и располагался в Пертоминском Спасо-Преображенском монастыре (ныне не действует) в поселке Пертоминск Архангельской губернии. Из переписки Архангельской ГубЧК с ВЧК за 1920 г. можно предположить, что отдаленные лагеря в Холмогорах и Пертоминске были сформированы из-за перегрузки контингентом Архангельского лагеря № 1. Использовался органами ВЧК как место расстрелов. Пертоминский лагерь также выполнял функцию штрафного изолятора для всех лагерей Архангельской губернии. Ликвидация данного лагеря состоялась не позднее осени 1923 г.
38	Шенкурский	г. Шенкурск	1919–1920	нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1919 г. в городе Шенкурск Архангельской губернии. Его ликвидация состоялась 12 июня 1920 г., население лагеря после расформирования было направлено в Архангельский лагерь. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
39	Исакогорский	ж.д. станция «Исакогорка» на линии Вологда-Архангельск	1920–1921	1920 – 120 1921 – 277	Лагерь был открыт 26 мая 1920 г. и располагался на станции «Исакогорка» ж/д линии Вологда-Архангельск Архангельской губернии. Лагерь был сформирован из-за необходимости дать рабочие руки железной дороге, в связи с чем из Архангельского лагеря были выделены 120 заключенных, которые и составили первоначальный контингент Исакогорского лагеря. Труд заключенных использовался на работах по погрузке дров и других материалов, ремонту ж/д путей и подвижных составов. Ликвидация Исакогорского лагеря состоялась 12 апреля 1921 г., после его расформирования заключенные были направлены в пересыльно-распределительный пункт в Архангельске.
40	Соловецкий	Соловецкие острова, Соловецкий монастырь	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 239 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее мая 1920 г. и располагался в Соловецком монастыре на Соловецких островах Архангельской губернии. Лагерь для крупных спекулянтов, уголовных и требовавших особой изоляции заключенных мог содержать до 2000 человек. Труд заключенных использовался в основном на внутренних сельскохозяйственных работах, а также в различных производственных мастерских (гончарной, слесарной и др.). Ликвидация Соловецкого лагеря состоялась не позднее мая 1921 г.

41	Холмогорский	г. Холмогоры (в наст. вр. село Холмогоры), Холмогорский Успенский женский монастырь (не действует, сохранившиеся постройки находятся на Племзаводской ул.)	1921–1923	1921 – 3000 1922 – 1800	Лагерь принудительных работ (Архангельский губернский лагерь) был открыт в апреле 1921 г. и располагался в Холмогорском Успенском женском монастыре (в наст. вр. не действует, сохранившиеся постройки находятся на Племзаводской ул.) города Холмогоры (в наст. вр. село Холмогоры) Архангельской губернии. Лагерь, рассчитанный на 1000 человек, был сформирован в связи с постановлением Президиума Губисполкома о переводе всех лагерей Архангельской губернии в один Архгублагерь. По строгости и условиям содержания считался одним из самых тяжелых, отличался также высокой смертностью среди заключенных. Труд заключенных использовался в производственных мастерских – столярной, плотничьей, кровельной, жестяной, колесной и кузнице, а также на полевых работах. Использовался органами ВЧК как место расстрелов. Ликвидация Холмогорского концентрационного лагеря состоялась не позднее осени 1923 г.
Брянская губерния					
42	Брянский	г. Брянск, Арестный дом на улице Советской, 35 (в наст. вр. Советская ул., 2)	1920–1922	1920 – 550 1921 – 153 1922 – 253	Лагерь был открыт 23 апреля 1920 г. и являлся открытым лагерем со смешанным составом заключенных. Он располагался в помещении Арестного дома на улице Советской, 35 (в наст. вр. Советская ул., 2) города Брянск и мог содержать 200 заключенных. С января по август 1921 г. через Брянский лагерь прошло 1178 человек. Внутри лагеря были организованы различные мастерские. Заключенные были заняты в хлебопекарне, прачечной и других хозяйственных лагерных помещениях, а также высылались на внешние работы. 25 июня 1921 г. в ведение лагеря был передан Бежицкий кирпичный завод. Ликвидация Брянского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
43	Бежицкий	Брянская губерния, г. Бежица (в наст. вр. г. Брянск), Брянский завод. До 1921 г. функционировал как Отдел Брянского лагеря.	1920–1921	1920 – 250 1921 – 250	Лагерь был открыт осенью 1920 г. с целью снабжения Брянского завода рабочей силой и располагался в городе Бежица Брянской губернии (в наст. вр. г. Брянск, Бежицкий район). Заключенные поступали из Брянского лагеря (преимущественно военнопленные поляки), их труд использовался на Брянском заводе и в оборудованной сапожной мастерской. Рассчитанный на 350 человек Бежицкий лагерь до 1921 г. функционировал как отделение Брянского лагеря. С 1 января 1921 г. он приобрел статус самостоятельного лагеря принудительных работ. Ликвидация Бежицкого лагеря состоялась 28 марта 1921 г.
Витебская губерния					
44	Витебский	г. Витебск, Марковский мужской монастырь	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 626	Лагерь был открыт 10 сентября 1919 г. и располагался в Марковском мужском монастыре города Витебск (в наст. вр. Республика Беларусь, Свято-Троицкий Марковский мужской монастырь, ул. Максима Горького, 84А). В 1921 г. был

		В 1922 г. – Велижский спиртовой склад.		1921 – 656 1922 – 334	перемещен в летние бараки. Рассчитанный на 250 человек лагерь обладал разнородным составом заключенных, основным его контингентом являлись спекулянты и дезертиры. Труд заключенных использовался в производственных мастерских: столярной, швейной, оружейной, сапожной, слесарной, а также на внешних работах в госпиталях, на ж/д путях, в различных советских учреждениях. В декабре 1921 г. из-за отсутствия подходящего помещения для размещения лагеря заключенные были переданы в ведение Смоленского лагеря. Повторное открытие состоялось весной 1922 г. на Велижском спиртовом складе, в августе 1922 г. Витебский лагерь был ликвидирован окончательно.
45	Велижский	Витебская губерния (в наст. вр. Смоленская обл.), г. Велиж	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт не позднее октября 1920 г. в городе Велиж Витебской губернии (в наст. вр. Смоленская область) с поступлением заложников за бандитов. Заключенные высылались на работы по требованиям местных учреждений, производственных мастерских лагерь не имел. Ликвидация Велижского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Владимирская губерния					
46	Владимирский	г. Владимир, здание мастерских бывшего Исправительного Арестантского Отделения, Большая Нижегородская улица, 67.	1920–1922	1920 – 310 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в апреле 1920 г. и располагался в здании мастерских бывшего Исправительного Арестантского Отделения (Владимирский централ) на Большой Нижегородской улице, 67 города Владимира. Лагерь мог содержать до 250 человек, основным его контингентом являлись военнопленные поляки. Заключенные отправлялись на работы в различные советские учреждения, также в лагере имелась сапожная мастерская. Ликвидация Владимирского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Вологодская губерния					
47	Вологодский № 1	г. Вологда, здание 3-ей Вологодской губернской тюрьмы (ул. Трудовая, 2). Отделение на станции «Сухона» (Сухонская государственная бумажная фабрика).	1920–1923	1920 – 915 1921 – нет данных 1922 – 414 1923 – нет данных	Лагерь № 1 был открыт 1 января 1920 г. и располагался в здании 3-ей Вологодской губернской тюрьмы (ул. Трудовая, 2). Заключенные лагеря, рассчитанного на 500 человек, отправлялись на работы на целлюлозно-бумажные фабрики, кирпичный завод, железную дорогу и в различные советские учреждения. Лагерь имел отделение на станции «Сухона», где до 200 заключенных работали на Сухонской государственной бумажной фабрике. Труд заключенных использовался также и внутри лагеря: в канцелярии, производственных мастерских, хлебопекарне, околотке, на пилке дров и уборке помещений. Ликвидация Вологодского лагеря №1 состоялась не позднее первой половины 1923 г.

48	Вологодский № 2	г. Вологда	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – нет данных 1922 – 80	Лагерь № 2 был открыт не позднее 1920 г. в городе Вологда. В октябре 1922 г. в нем содержалось 80 заключенных. Ликвидация Вологодского лагеря № 2 состоялась не позднее конца 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
49	Вологодский № 3	г. Вологда	1920–1922	нет данных	Лагерь принудительных работ № 3 был открыт не позднее 1920 г. в городе Вологда. В марте 1921 г. во всех трех Вологодских лагерях содержалось 496 человек. Ликвидация Вологодского лагеря № 3 состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Воронежская губерния					
50	Митрофановский	г. Воронеж, Митрофановская площадь (в наст. вр. Университетская пл.), Митрофановский мужской монастырь	1919–1922	1919 – 171 1920 – 200 1921 – 871 1922 – 271	Лагерь был открыт в августе 1919 г. и располагался в Митрофановском мужском монастыре (в наст. вр. утрачен, на его месте был построен главный корпус ВГУ) на Митрофановской площади (в наст. вр. Университетская пл.) города Воронеж. Заключенные лагеря отправлялись на работы на железную дорогу, на полевые работы и в шахты. Их труд использовался также в сапожной, портняжной, заготовочно-закройной, кузнечной, столярной и шорной производственных мастерских. Ликвидация Митрофановского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
51	Онуфриевский	г. Воронеж, Онуфриевский переулоч (в наст. вр. Фабричный пер.)	1920–1922	1920 – 1242 1921 – нет данных 1922 – 101	Лагерь был открыт в 1920 г. и находился в здании Арестного отдела в Онуфриевском переулоч (в наст. вр. Фабричный пер.) города Воронеж. Заключенные лагеря работали в сапожной, портняжной и столярной производственных мастерских. Ликвидация Онуфриевского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
52	Бобровский	г. Бобров	1921–1922	1921 – 183 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 августа 1921 г. в городе Бобров Воронежской губернии. Заключенные лагеря, рассчитанного на 200 человек, были заняты сельскохозяйственными работами и работами в сапожной и кузнечной производственных мастерских. Ликвидация Бобровского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
53	Задонский Тихоновский	г. Задонск, Тихоновский мужской монастырь (в наст. вр. Липецкая обл., Задонский район,	1921–1922	1921 – 351 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 марта 1921 г. и располагался в Тихоновском мужском монастыре города Задонск Воронежской губернии (в наст. вр. Липецкая обл., Задонский район, Задонский Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь). Имел отделение в помещении Задонской уездной тюрьмы в г. Задонске. Изначально основной контингент лагеря, рассчитанного на 800 человек, составляли заключенные, переведенные из Митрофановского и Онуфриевского лагерей, из числа долгосрочных.

		Задонский Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь).			Труд заключенных использовался на внешних работах, хозяйственных работах внутри лагеря, а также в сапожной, портняжной и столярной производственных мастерских. Ликвидация Задонского Тихоновского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
54	Калачеевский	г. Калач	1921–1922	1921 – 26 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 августа 1921 г. и располагался в здании кинотеатра города Калач Воронежской губернии. В лагере, рассчитанном на 150 человек, имелась сапожная мастерская. Ликвидация Калачеевского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Вятская губерния					
55	Вятский	г. Вятка (в наст. вр. г. Киров), Губернская тюрьма на улице Троцкого (в наст. вр. — ул. Казанская), 20.	1919–1922	1919 – более 300 1920 – 1290 1921 – 600 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 28 апреля 1919 г. и располагался в помещении главного корпуса Губернской тюрьмы на улице Троцкого, 20 города Вятка (в наст. вр. г. Киров, ул. Казанская). Он был рассчитан на 500 человек, в начале работы основным его контингентом являлись общеуголовные заключенные, в дальнейшем содержались военнопленные поляки (514 человек на 1920 г.) и дезертиры. Большинство заключенных рассматривались как контрреволюционный элемент. В 1921 г. основным лагерным контингентом являлись политзаключенные и уголовные преступники. Труд заключенных использовался на внешних работах в советских учреждениях (транспортной, топливной и продовольственной сфер), в губернских лечебных заведениях, на лесозаготовках и хозяйственных работах внутри лагеря. Вятский лагерь располагал рядом производственных мастерских: сапожной, швальной, столярной, слесарной, кузнечной, переплетной, лапотно-щеточной, кровельной, шорной, колодной. Заключенные работали также на кирпично-гончарном заводе. Ликвидация Вятского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Гомельская губерния					
56	Гомельский	г. Гомель (в наст. вр. Республика Беларусь)	1921	1921 – 162	Лагерь был открыт 9 февраля 1921 г. и располагался в бараках города Гомель (в наст. вр. Республика Беларусь). В нем имелась лаптевая мастерская. Рабочая сила заключенных в силу разных причин практически не использовалась. В августе 1921 г. заключенные Гомельского лагеря были переведены на содержание в Тверской лагерь, часть из них была оставлена при Гомельском Исправдоме.

Дагестанская АССР					
57	Махачкалинский (Даглагерь)	г. Махачкала	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – 338	Лагерь был открыт предположительно в 1921 г. в городе Махачкала Дагестанской Республики (в наст. вр. Республика Дагестан). В 1922 г. он носил название Даглагерь, его ликвидация состоялась не позднее конца 1922 – начала 1923 гг. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
58	Буйнакский	г. Темир-Хан-Шура (в наст. вр. г. Буйнакск)	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт предположительно в 1921 г. в городе Темир-Хан-Шура Дагестанской Республики (в наст. вр. Республика Дагестан, г. Буйнакск), его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
59	Дербентский	г. Дербент	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт предположительно в 1921 г. в городе Дербент Дагестанской Республики (в наст. вр. Республика Дагестан), его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Донская область					
60	Ростовский	г. Ростов-на-Дону, помещение пересыльной тюрьмы (ул. Максима Горького, 219), соседние дома № 265 и № 267; здание бывшей гимназии	1920–1922	1920 – 428 1921 – 692 1922 – 362	Лагерь был открыт в августе 1920 г. и располагался в помещении пересыльной тюрьмы (ул. Максима Горького, 219), в соседних домах № 265 и № 267 и в здании бывшей гимназии города Ростов Донской области (в наст. вр. Ростовская область). Основной контингент лагеря, рассчитанного на 500 человек, составляли политические и общеуголовные преступники. Заключение отправлялись на внешние работы в различные городские учреждения, внутри лагеря имелись сапожная, слесарная и портняжная производственные мастерские. Ликвидация Ростовского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
61	Новочеркасский	г. Новочеркасск, здание бывшего ломбарда	1920–1922	1920 – 100 1921 – 206 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в августе 1920 г. и располагался в здании бывшего ломбарда города Новочеркасск Донской области (в наст. вр. Ростовская область). Заключение лагеря, рассчитанного на 200 человек, отправлялись на внешние работы в различные советские учреждения и полевые работы, а также работали в портняжной и сапожной производственных мастерских. Ликвидация Новочеркасского лагеря состоялась в июле 1922 г.

62	Константиновский (Донской)	I-й Донской округ, Юго-восточная сторона станицы «Константиновской» (в наст. вр. г. Константиновск) здание типографии	1921–1922	1921 – 191 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 февраля 1921 г. и располагался в здании типографии в юго-восточной стороне станицы «Константиновской» I-го Донского округа Донской области (в наст. вр. Ростовская обл., г. Константиновск). В лагере, рассчитанном на 300 человек, имелись сапожная, портняжная, кузнечно-слесарная, ложечная, вязально-прядельная, плетельная, жестяная и шорная производственные мастерские. Ликвидация Константиновского лагеря состоялась 23 июня 1922 г.
Екатеринбургская губерния					
63	Екатеринбургский	г. Екатеринбург, бывший Кирпичный завод Николаева вблизи станции «Екатеринбург» (в наст. вр. станция «Екатеринбург-Пассажирский»)	1920–1923	1920 – 1284 1921 – 928 1922 – нет данных 1923 – нет данных	Лагерь был открыт 22 июля 1920 г. и располагался в бараках на кирпичном заводе Николаева вблизи станции «Екатеринбург» (в наст. вр. станция «Екатеринбург-Пассажирский»). Основной контингент лагеря составляли военнопленные белогвардейцы, контрреволюционеры и дезертиры. Труд заключенных использовался в лагерных производственных мастерских, а также на хозяйственных и сельскохозяйственных работах в лагере, кирпичном заводе и других предприятиях города. Ликвидация Екатеринбургского лагеря состоялась не позднее первой половины 1923 г.
64	Отделение Екатеринбургского лагеря	г. Екатеринбург, здание бывшего Епархиального женского училища (ул. Декабристов, 83) и здание одной из церквей Ново-Тихвинского монастыря (в наст. вр. ул. Зеленая Роща)	1920–1922	1920 – 2684 1921 – 838 1922 – нет данных	Отделение Екатеринбургского лагеря было открыто в октябре 1920 г. и располагалось в здании бывшего Епархиального женского училища (ул. Декабристов, 83) и здании одной из церквей Ново-Тихвинского монастыря (ул. Зеленая Роща) города Екатеринбурга. В данном отделении размещались партии заключенных, поступавших из Москвы, Смоленска и других городов, его ликвидация состоялась не позднее 1922 г.
65	Верхотуринский	г. Верхотурье	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 393	Лагерь был открыт 9 декабря 1920 г. в городе Верхотурье Екатеринбургской губернии (в наст. вр. Свердловская область). Лагерь, в котором содержались военнопленные поляки, мог размещать до 600 человек. Заключенные отправлялись на работы в Нижне-Тагильский горнопромышленный район. Ликвидация Верхотуринского лагеря состоялась 15 июня 1921 г.

66	Нижнетагильский	г. Нижний Тагил, Скорбященский женский монастырь (в наст. вр. ул. Красногвардейская, 55Б)	1920–1922	1920 – 425 1921 – 208 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в декабре 1920 г. и располагался в Скорбященском женском монастыре (ул. Красногвардейская, 55Б) города Нижний Тагил Екатеринбургской губернии (в наст. вр. Свердловская область). Рассчитанный на 600 человек лагерь был создан в целях разгрузки отделения Екатеринбургского лагеря, основной его контингент составляли военнопленные иностранные граждане. Труд заключенных использовался на внутренних работах и на предприятиях Высокогорского военно-промышленного района. В лагере имелись хлебопекарня и производственные мастерские: кузница, столярная, слесарная, портновская, сапожная и переплетная. Ликвидация Нижнетагильского лагеря состоялась 25 июля 1922 г.
Енисейская губерния					
67	Красноярский № 1	г. Красноярск, Военный городок в 5 верстах от города (в наст. вр. ул. Малиновского); мастерские в бывшем музейном здании и здании бывшего кирпичного завода	1920–1922	1920 – от 1500 до 8000 1921 – 1091 1922 – нет данных	Лагерь № 1 был открыт 25 мая 1920 г. и находился в Военном городке в 5 верстах от города Красноярск Енисейской губернии (в наст. вр. г. Красноярск, ул. Малиновского), в мастерских в бывшем музейном здании и в здании кирпичного завода за городом. Рассчитанный на 1000 человек лагерь располагал смешанным составом заключенных с преобладанием военнопленных. Являлся самым крупным лагерем периода Гражданской войны. Труд заключенных использовался в сапожной, щеточной, гончарной, столярной, кузнечной и портновской мастерских и лагерном огороде. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные городские учреждения. Большая часть выполняемых лагерем работ носила характер тяжелого физического труда. Ликвидация Красноярского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
68	Красноярский № 2	г. Красноярск	1921–1922	1921 – 652 1922 – нет данных	Лагерь № 2 был открыт в августе 1921 г. в городе Красноярск Енисейской губернии (в наст. вр. Красноярский край). В лагере, рассчитанном на 1100 человек, содержались венгерские военнопленные офицеры. Труд заключенных использовался на временных работах по требованию различных советских учреждений и трудовых колоний Красноярского лагеря № 1. Ликвидация Красноярского лагеря № 2 состоялась не позднее 1922 г.
69	Красноярский № 3	г. Красноярск	1921–1922	нет данных	Лагерь № 3 был открыт в августе 1921 г. в городе Красноярск Енисейской губернии (в наст. вр. Красноярский край) на время переправки военнопленных поляков на родину. Заключенные лагеря, рассчитанного на 1100 человек, использовались на временных работах по требованию различных советских учреждений и трудовых колоний Красноярского лагеря № 1. Ликвидация Красноярского лагеря № 3 состоялась не позднее 1922 г.

70	Ачинский	г. Ачинск, Ачинский дом лишения свобод	1920–1921	1920 – 32 1921 – 48	Лагерь был открыт 28 августа 1920 г. и располагался в здании Ачинского дома лишения свобод города Ачинск Енисейской губернии (в наст. вр. Красноярский край). Он мог содержать 300 человек и располагал смешанным составом заключенных с преобладанием политических и военнопленных Гражданской войны. Труд заключенных использовался в сапожной, столярной и овчинной производственных мастерских, а также на внешних работах в различных городских учреждениях. Ликвидация Ачинского лагеря состоялась в июне 1921 г.
71	Минусинский	Минусинский уезд, завод "Абакан" (в наст. вр. Республика Хакасия, г. Абаза)	1920–1922	1920 – 94 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 24 августа 1920 г. и располагался на заводе "Абакан" Минусинского уезда Енисейской губернии (в наст. вр. Республика Хакасия, г. Абаза). Лагерь располагал смешанным составом заключенных с преобладанием политических преступников и военнопленных Гражданской войны. Труд заключенных использовался на Абаканском заводе. Ликвидация Минусинского лагеря принудительных работ состоялась в мае 1921 г., после его закрытия большая часть заключенных была отправлена в Красноярский лагерь №1, некоторые остались на работах при заводе.
Иваново-Вознесенская губерния					
72	Иваново-Вознесенский	г. Иваново-Вознесенск, усадьба бывшего фабриканта в Дмитровке (в наст. вр. Иваново, Рабочий поселок)	1919–1922	1919 – 111 1920 – 257 1921 – 356 1922 – 334	Лагерь был открыт 1 сентября 1919 г. и располагался в усадьбе бывшего фабриканта в Дмитровке (нынешнем районе Рабочий поселок города Иваново) на территории Ивановской губернии. Основным его контингентом являлись военнопленные Первой мировой и Гражданской войн. Лагерь был рассчитан на 250 человек. За период с 1 августа 1920 г. по 1 января 1921 г. через него прошел 1121 заключенный. Иваново-Вознесенский лагерь насчитывал ряд производственных мастерских, среди которых были швейная, столярная, слесарная, сапожная, кузнечная и кровельная мастерские, а также сотрудничал с местными советскими учреждениями по отправке заключенных на внешние работы. К последним относились заготовка и разгрузка дров, постройка железнодорожных путей. С 1920 г. Иваново-Вознесенский лагерь имел отделение на улице Михайловской (нынешней 9-ой Завокзальной улице), рассчитанное на 400 заключенных. В декабре 1920 г. в нем содержалось 406 человек, в том числе 374 польских военнопленных. Позднее отделение было переименовано в лагерь для военнопленных, а в 1921 г. в связи с отправкой заключенных на родину последний был реорганизован в Губернский распределитель. Иваново-Вознесенский лагерь принудительных работ в свою очередь был закрыт не позднее 1922 г.
73	Кинешемский	г. Кинешма, ткацкая фабрика Константинова (в наст. вр.	1920–1921	1920 – 279 1921 – 316	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. и мог содержать до 300 заключенных. За время своего существования несколько раз менял расположение: с момента открытия по ноябрь 1920 г. находился за городом на бывшей фабрике Константинова, с ноября 1920 г. по март 1921 г. – в самой Кинешме, с марта 1921 г. был переведен на бывшую

		Заволжский р-н, село Заречный, ул. Красноармейская 17) и отделение в г. Кинешме			Долматовскую фабрику. Основным контингентом являлись военнопленные Первой мировой и Гражданской войн, труд которых использовался на имевшихся внутри лагеря столярной, кузнечной, литейной, слесарной, ткацкой, механической, малярной мастерских и на кирпичном заводе. Заключенные привлекались также к сельскохозяйственным работам. Закрытие Кинешемского лагеря произошло не позднее 1921 г. в связи с отправкой военнопленных на родину.
74	Шуйский	г. Шуя	1920 - ?	1920 - 800	Лагерь для военнопленных поляков был открыт в г. Шуя Иваново-Вознесенской губернии в 1920 г. На 15 октября 1920 г. в лагере содержалось около 800 поляков. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены. Дата ликвидации лагеря неизвестна.
75	Юрьевецкий	г. Юрьевец	1920 - ?	1920 - 130	Лагерь для военнопленных поляков был открыт в г. Юрьевец Иваново-Вознесенской губернии в 1920 г. На 15 октября 1920 г. в лагере содержалось около 130 поляков. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены. Дата ликвидации лагеря неизвестна.
Иркутская губерния					
76	Иркутский	г. Иркутск: между станциями «Ленина» и «Батарейной»	1920–1922	нет данных	Лагерь для военнопленных был открыт предположительно в 1920 г. и располагался между станциями «Ленина» (в наст. вр. Иркутск-Сортировочная) и «Батарейной» города Иркутск. В 1921 г. в лагере были организованы портновская, сапожная и слесарная производственные мастерские. Ликвидация Иркутского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
77	Бодайбинский	г. Бодайбо	1921–1923	1921 – 2000 1922 – нет данных 1923 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1921 г. в городе Бодайбо Иркутской губернии. Труд заключенных использовался на золотых приисках. Ликвидация Бодайбинского лагеря состоялась не позднее первой половины 1923 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
78	Ленский	г. Бодайбо, Ленские золотые прииски, прииск Феодосиевский (в наст. вр. посёлок Артёмовский Бодайбинского района)	1921–1922	1921 – 501 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1921 г. на прииске Феодосиевский Ленских золотых приисков города Бодайбо (в наст. вр. посёлок Артёмовский Бодайбинского района) Иркутской губернии. Заключенные лагеря высылались на внешние работы по требованиям различных учреждений (основная работа – на золотых приисках). Ликвидация Ленского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.

79	Нижнеудинский	г. Нижнеудинск	1922	нет данных	Лагерь был открыт не позднее второй половины 1922 г. в городе Нижнеудинск Иркутской губернии. Ликвидация лагеря состоялась не позднее конца 1922 – начала 1923 гг. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Калужская губерния					
80	Калужский	г. Калуга, здание на проспекте Гоголя (в наст. вр. ул. Гоголя)	1919–1923	1919 – нет данных 1920 – 364 1921 – 151 1922 – 356 1923 – нет данных	Лагерь был открыт 24 июля 1919 г. и располагался в одном из зданий на проспекте Гоголя (в наст. вр. ул. Гоголя) города Калуги. Лагерь мог содержать 350 человек и обладал смешанным составом заключенных, чей труд использовался внутри лагеря в производственных мастерских (кузнечно-слесарной, сапожной, портновской и столярной) и на внешних работах в различных советских учреждениях. В лагере также велась сельскохозяйственная деятельность. Ликвидация Калужского лагеря состоялась не позднее осени 1923 г.
Костромская губерния					
81	Костромской	г. Кострома, Верхне-Набережная улица, 1 (в наст. вр. ул. 1 Мая).	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 1160 1921 – нет данных 1922 – 145	Лагерь был открыт 17 декабря 1919 г. и располагался в Костроме в помещении бывшего Исправительного Арестантского Отделения по адресу Верхне-Набережная улица, дом 1 (в наст. вр. ул. 1 Мая). Лагерь мог содержать до 870 человек и располагал смешанным составом заключенных с преобладанием общеуголовных преступников и дезертиров. Осенью 1920 г. из ликвидированного лагеря на станции «Нея» в Костромской лагерь были переведены польские военнопленные и направлены на содержание в хутор «Каравай». Внутри лагеря были организованы слесарно-механическо-водопроводная, столярно-плотничная, сапожно-починочная, переплетная, швейная, парикмахерская и лапотная мастерские. Заключенные отправлялись также на внешние работы: лесозаготовки, погрузка товаров на заводах. Закрытие Костромского лагеря состоялось не позднее 1922 г.
82	Нейский	Костромская губерния, станция «Нея» (в наст. вр. г. Нея)	1919–1920	нет данных	Лагерь военнопленных был открыт не позднее 1920 г. и располагался в бараках на станции «Нея» Костромской губернии. Основной контингент лагеря составляли военнопленные поляки, труд которых был использован на железнодорожных работах. В октябре 1920 г. заключенные были переведены в Костромской лагерь, в связи с чем лагерь на станции «Нея» был ликвидирован. Точное количество заключенных, содержащихся в лагере, неизвестно.

Кубано-Черноморская область					
83	Краснодарский	г. Краснодар	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – нет данных 1922 – 418	Лагерь был открыт в октябре 1920 г. в городе Краснодар Кубано-Черноморской области (в наст. вр. Краснодарский край). Лагерь общественных работ был учрежден путем реорганизации Концентрационного лагеря Особого Отдела IX Армии. В октябре 1922 г. в нем содержалось 418 заключенных. Ликвидация Краснодарского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
84	Армавирский	г. Армавир	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – 190	Лагерь предположительно был открыт в 1921 г. в городе Армавир Кубано-Черноморской области (в наст. вр. Краснодарский край). Основная часть заключенных лагеря отправлялась на внешние работы в различные городские учреждения, остальные работали внутри лагеря и занимались сельскохозяйственными работами. Ликвидация Армавирского лагеря принудительных работ состоялась не позднее конца 1922 г.
85	Туапсинский	г. Туапсе	1921–1922	нет данных	Лагерь предположительно был открыт в 1921 г. в городе Туапсе Кубано-Черноморской области (ныне – Краснодарский край). Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Курская губерния					
86	Курский	г. Курск, Свято-Троицкий девичий монастырь на 1-ой Сергиевской улице (в наст. вр. ул. М. Горького, 13)	1920–1922	1920 – 496 1921 – 462 1922 – 606	Лагерь был открыт в августе 1920 г. и располагался в Свято-Троицком девичьем монастыре на 1-ой Сергиевской улице (в наст. вр. ул. Максима Горького, 13) города Курск. Лагерь мог содержать 400 человек и обладал смешанным составом заключенных с преобладанием политических и общеуголовных. Внутри лагеря имелись сапожная, портняжная, белошвейная, столярно-плотническая, слесарно-жестяная, кузнечная, электротехническая, сметно-чертежная производственные мастерские и мастерская разноцеха. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные советские учреждения. С января 1923 г. Курский лагерь принял статус лагерного отделения Курского исправительно-трудового дома.
87	Льговский	г. Льгов	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 48	Лагерь был открыт не позднее декабря 1920 г. в городе Льгов Курской губернии. Рассчитанный на 200 человек лагерь обладал смешанным составом заключенных с преобладанием политических и общеуголовных. Труд заключенных использовался в производственных мастерских (корзиночной, сапожной, слесарной, плотницкой и жестяной), а также на внешних работах в различных городских учреждениях. Ликвидация Льговского лагеря состоялась в октябре 1921 г., после его закрытия все заключенные были переведены в Обоянский лагерь.

88	Обоянский	г. Обоянь, Богородицко-Знаменский мужской монастырь (утрачен, находился в районе совр. ул. Жукова)	1921–1922	1921 – 49 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее апреля 1921 г. и располагался в Богородицко-Знаменском мужском монастыре (в наст. вр. утрачен, находился в районе совр. ул. Жукова) города Обоянь Курской губернии. Рассчитанный на 150 человек лагерь обладал смешанным составом заключенных с преобладанием политических и общеуголовных. Труд заключенных использовался в производственных мастерских (портняжной и белошвейной), а также на внешних работах в различных городских учреждениях. Ликвидация Обоянского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Марийская автономная область					
89	Краснококшайский	г. Краснококшайск (в наст. вр. г. Йошкар-Ола), Арестный дом (в наст. вр. Национальный музей Республики Марий Эл, Советская ул., 153)	1921–1922	1921 – 121 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в июне 1921 г. и располагался в Арестном доме города Краснококшайск Марийской автономной области (в наст. вр. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, г. Йошкар-Ола, Советская ул., 153). Заключенные лагеря, рассчитанного на 250 человек, отправлялись в артели на работы по смолокурению, на сельскохозяйственные работы, лесозаготовки и в различные городские учреждения. При лагере имелись столярная и сапожная производственные мастерские, хлебопекарня. С момента открытия по 15 апреля 1922 г. через Краснококшайский лагерь прошел 231 заключенный. Ликвидация Краснококшайского лагеря принудительных работ состоялась не позднее второй половины 1922 г.
Мурманская губерния					
90	Мурманский	г. Мурманск. Имелось отделение на ж.д. станции «Имандра»	1920–1921	1920 – 2147 1921 – 187	Лагерь для военнопленных был открыт в 1920 г. и располагался в бараках города Мурманск и на станции «Имандра». В лагере размещалась 6-ая рота военнопленных поляков. Заключенные работали на заготовке дров. В декабре 1920 г. на всех участках мурманской ж/д находилось 2147 военнопленных, в том числе 1397 поляков. Ликвидация Мурманского лагеря состоялась предположительно в 1921 г.
91	Кандалакшинский	г. Кандалакша	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 55	Лагерь для военнопленных был открыт в 1920 г. в городе Кандалакша Мурманской губернии, в нем располагался штаб 3-ей роты военнопленных поляков. Заключенные работали на распилке дров и на заливе Белого моря. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
92	Лагерь для военнопленных на станциях «Пояконда»,	Станции «Пояконда», «Жемчужная», «Княжая» (в наст.	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 159	Лагерь для военнопленных на станциях на станциях «Пояконда», «Жемчужная», «Княжая» Мурманской губернии (в наст. вр. Республика Карелия) был открыт в 1920 г., в нем располагался штаб 5-ой роты военнопленных поляков. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более

	«Жемчужная», «Княжая»	вр. Республика Карелия)			подробного описания, в настоящий момент не найдены.
93	Лагерь для военнопленных на станциях «Сорока» и «Кереть»	Станции «Сорока» (в наст. вр. станция «Беломорск») и «Кереть» (в наст. вр. Республика Карелия)	1920–1921	нет данных	Лагерь для военнопленных на станциях «Сорока» (в наст. вр. станция «Беломорск») и «Кереть» Мурманской губернии (в наст. вр. Республика Карелия) был открыт в 1920 г., в нем располагался штаб 1-ой роты военнопленных поляков. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
94	Лагерь для военнопленных на станции «Хибино»	Станция «Хибино» (в наст. вр. ж.д. ст. Хибины)	1920–1921	нет данных	Лагерь для военнопленных на станции «Хибино» («Хибины») Мурманской губернии был открыт в 1920 г., в нем располагался штаб 6-ой роты военнопленных поляков. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Нижегородская губерния					
95	Нижегородский	г. Нижний Новгород, площадь Свободы 2. Отделение для военнопленных в Народном доме (в наст. вр. ул. Белинского, 59).	1919–1922	1919 – 700 1920 – 1318 1921 – 921 1922 – 586	Лагерь был открыт 23 сентября 1919 г. и располагался в помещении городской тюрьмы (в наст. вр. площадь Свободы, 2). Отделение лагеря для военнопленных находилось в здании Народного дома (в наст. вр. ул. Белинского, 59). Нижегородский лагерь принудительных работ был сформирован в основном из присланных заключенных московских лагерей (Покровского, Кожуховского, Новопесковского и других). В 1920 г. главный контингент заключенных составляли польские военнопленные. В 1921–1922 гг. – участники Тамбовского восстания («антоновцы») и военнопленные Гражданской войны. Лагерь был рассчитан на 350 человек и имел высокую проходимость — за 1920 г. прибыло 2273 заключенных. По факту Нижегородский лагерь принудительных работ отличался перенаселенностью, одновременно в нем могло содержаться более 800 человек. Внутри лагеря были организованы производственные мастерские – сапожная, швейная, столярная, кузнечная, портновская. Труд заключенных использовался также на работах в других городах губернии, в различных советских учреждениях Нижнего Новгорода. Закрытие лагеря состоялось во второй половине 1922 г.
96	Сормовский	Нижегородская губерния, село Сормово (в наст. вр. г. Нижний Новгород, Сормовский район),	1920–1922	1920 – 336 1921 – 372 1922 – 182	Лагерь был открыт 6 октября 1920 г. и располагался в селе Сормово Нижегородской губернии (в наст. вр. г. Нижний Новгород, Сормовский район) в здании на углу улиц Свободы и Баррикад. Основным контингентом лагеря являлись переведенные из Нижегородского лагеря польские военнопленные. В декабре 1920 г. в лагере находилось 328 военнопленных поляков. В 1922 г. большую часть заключенных составляли участники Тамбовского восстания. Сормовский лагерь был рассчитан на

		угол улиц Свободы и Баррикад			250 заключенных, но по факту отличался перенаселенностью, и нередко в нем одновременно содержались более 300 человек. Заключенные привлекались к работам, главным образом, на Сормовском заводе, а также в местных советских учреждениях. Их труд использовался и на хозяйственных работах при лагере. К 1921 г. в лагере были организованы пошивочно-портняжная и сапожная мастерские. Закрытие лагеря состоялось во второй половине 1922 г.
Новгородская губерния					
97	Новгородский	г. Великий Новгород, каменное здание на берегу р. Волхова	1920–1922	1920 – 247 1921 – 460 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в декабре 1920 г. и располагался в каменном здании на берегу реки Волхова в Новгороде. Основным лагерным контингентом являлись политические, уголовные заключенные и военнопленные. При лагере имелись сапожная, столярная, портняжная, колодочная, механическая и шваберная производственные мастерские. Заключенные посылались также на внешние работы (в совхозы, канцелярии и другие городские учреждения). В апреле 1921 г. к Новгородскому лагерю был присоединен лагерь из г. Боровичи. Ликвидация Новгородского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
98	Петроградский лагерь № 5	г. Боровичи	1920–1921	1920 – 290 1921 – 215	Лагерь № 5 (Петроградский лагерь особого назначения) был открыт 20 июля 1920 г. и располагался в бараках города Боровичи Новгородской губернии. Лагерь, рассчитанный на 2000 человек, был организован с целью размещения прибывающих военнопленных из Эстонии и северных губерний, содержались в нем в основном военнопленные поляки. Имел статус «особого назначения». В марте 1921 г. Петроградский лагерь № 5 был слит с Новгородским лагерем.
Олонецкая губерния					
99	Олонецкий (Петрозаводский)	г. Петрозаводск	1920–1923	1920 – 332 1921 – 400 1922 – 140 1923 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. и располагался на территории Картрудкоммуны в 2 верстах от ж/д станции города Петрозаводск Олонецкой губернии (в наст. вр. Республика Карелия). В июле 1921 г. в лагере, рассчитанном на 300 человек, главным образом были заключены крестьяне Тамбовской губернии и олончане, осужденные за бандитизм и службу в Белой армии. При лагере имелись портновская, столярная, сапожная, бондарная и лаптевая производственные мастерские. Заключенные были заняты также хозяйственными работами, рыбной ловлей и внешними работами в различных советских учреждениях. В мае 1921 г. в ведение Петрозаводского лагеря был передан лесопильный завод на реке Неглинке, в декабре 1921 г. – Полеостровский совхоз. Ликвидация Петрозаводского лагеря состоялась 12 февраля 1923 г., после его закрытия все заключенные были переведены в Петрозаводский исправдом.
100	Лагерь для военнопленных	Станция «Званка» (в наст. вр.	1920–1921	1920 – 253 1921 – нет	Лагерь для военнопленных в бараках на станции «Званка» Олонецкой губернии (в наст. вр. Ленинградская область, станция «Волховстрой-1») был открыт в 1920 г., в нем

	на станции «Званка»	Ленинградская обл., станция «Волховстрой-1»)»		данных	размещался штаб 2-ой роты военнопленных поляков, чей труд использовался на ближайших ж/д станциях и в мастерских. Ликвидация лагеря состоялась вероятно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
101	Лагерь для военнопленных на станции «Медвежья гора»	Станция «Медвежья гора» (в наст. вр. Республика Карелия)	1920–1921	нет данных	Лагерь для военнопленных на станции «Медвежья гора» Олонецкой губернии (в наст. вр. Республика Карелия) был открыт в 1920 г., в нем располагался штаб 2-ой роты 2-го батальона военнопленных поляков. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
102	Лагерь для военнопленных на станции «Паша»	Станция «Паша» (в наст. вр. Республика Карелия)	1920–1921	1920 – 197 1921 – нет данных	Лагерь для военнопленных на станции «Паша» Олонецкой губернии (в наст. вр. Ленинградская область) был открыт в 1920 г. и располагался в бараках, где содержались военнопленные поляки. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
103	Лагерь для военнопленных на станции «Энгозеро»	Станция «Энгозеро» (в наст. вр. Республика Карелия)	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 148	Лагерь для военнопленных на станции «Энгозеро» Олонецкой губернии (в наст. вр. Республика Карелия) был открыт в 1920 г., в нем располагался штаб 2-ой роты военнопленных поляков, которые содержались в вагонах. Ликвидация лагеря состоялась предположительно в 1921 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Омская губерния и Киргизская АССР					
104	Омский	г. Омск, дом №660 в районе военного городка (в наст. вр. 16-ый военный городок)	1920–1923	1920 – 1332 1921 – 545 1922 – 39 1923 – 80	Лагерь был открыт 1 января 1920 г. и располагался в доме № 660 в районе военного городка (в наст. вр. 16-ый военный городок) города Омск. Преобладающим элементом в лагере, рассчитанном на 600 человек, являлись крестьяне и чернорабочие. Труд заключенных использовался на лесозаготовках, погрузке дров, заготовке сена, на пашне и других внешних работах. В лагере заключенные были заняты работой в производственных мастерских (сапожной, портняжной, кузнечно-слесарной, столярно-щеточной), в канцелярии и хозяйственными работами. В конце 1922 г. Омский лагерь был слит с Омским домом лишения свободы, находившегося по адресу 3-я Северная улица, д. 40. Окончательная ликвидация состоялась не позднее первой половины 1923 г.
105	Акмолинский	Акмолинский уезд, г. Акмолинск (в наст. вр. Республика	1921–1922	нет данных	Лагерь, рассчитанный на 300 заключенных, был открыт не позднее апреля 1921 г. в городе Акмолинск (в наст. вр. Республика Казахстан, Акмолинская область, г. Астана) в целях борьбы с кулацким восстанием, массовым труддезертирством и кражей скота. Ликвидация данного лагеря состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для

		Казахстан, Акмолинская область, г. Астана)			более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
106	Петро- павловский	г. Петропавловск (в наст. вр. Северо- Казахстанская обл., Республика Казахстан)	1920–1922	1920 – 165 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Петропавловск (в наст. вр. Республика Казахстан, Северо-Казахстанская обл., г. Петропавловск). В декабре 1920 г. в нем содержалось 165 заключенных. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
107	Славгородский	г. Славгород (в наст. вр. Алтайский край), помещение бывшего Высшего Начального училища	1921–1923	1921 – 122 1922 – 425 1923 – 319	Лагерь был открыт в сентябре 1921 г. и располагался в помещении бывшего Высшего Начального училища города Славгород Омской губернии (в наст. вр. Алтайский край). В лагере, рассчитанном на 300 человек, была оборудована сапожная мастерская. Заключенные занимались также хозяйственными работами и отправлялись на внешние работы в различные городские учреждения. Основным контингентом заключенных в 1922 г. являлись крестьяне. Ликвидация Славгородского лагеря принудительных работ состоялась не позднее первой половины 1923 г.
Оренбургская губерния					
108	Илецкий	г. Илецкая Защита (в наст. вр. г. Соль-Илецк)	1919–1922	1919 – 50 1920 – 80 1921 – 205 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 13 октября 1919 г. и располагался в помещении бывшей каторжной тюрьмы в городе Илецкая Защита Оренбургской губернии (в наст. вр. г. Соль-Илецк). Лагерь мог содержать до 1500 человек. Труд лагерных заключенных был использован в соляном и нефтяном промысле, угольных шахтах, а также на различных хозяйственных и организационных работах внутри лагеря, где, кроме того, были организованы и производственные мастерские – сапожная, столярная, слесарная и кузнечная. Закрытие лагеря состоялось не позднее 1922 г.
Орловская губерния					
109	Орловский № 1	г. Орёл, Губернская каторжная тюрьма на Казарменной улице (в наст. вр. ул. Красноармейская, 10); усадьба Шеншиной в Урицкой волости, в 25 верстах от	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 884 1921 – 659 1922 – 60	Лагерь № 1 был открыт не позднее июня 1919 г. и располагался в Губернской каторжной тюрьме на Казарменной улице (в наст. вр. ул. Красноармейская, 10) города Орёл и в усадьбе Шеншиной в Урицкой волости, в 25 верстах от города. В рассчитанном на 450 человек лагере содержались гражданские лица, бывшие офицеры и военнопленные солдаты Гражданской войны. В 1921 г. состав заключенных стал смешанным. Заключенные состояли на службе и отправлялись в качестве чернорабочих в советские учреждения и на заводы, а также были заняты канцелярской и хозяйственной работой внутри лагеря. До августа 1921 г. в введении Орловского лагеря № 1 находилась бывшая усадьба Шеншиной, где были организованы сельскохозяйственные работы. В связи с этим в лагере появились мастерская по починке

		города.			сельско-хозяйственного инвентаря и общество пчеловодов. В дальнейшем начали функционировать сапожная, переплетная, портняжная, столярная и веревочная мастерские, кузница. Ликвидация Орловского лагеря № 1 состоялась не позднее 1922 г.
110	Орловский № 2	г. Орёл, здание дворянского пансиона, ул. Кромская 60 (находилось на углу улиц Панчука и Комсомольской); Свято-Успенский мужской монастырь (Монастырская площадь, 3)	1920–1921	1920 – 527 1921 – 563	Лагерь № 2 был открыт не позднее июня 1920 г. в связи с прибытием военнопленных поляков и необходимостью их изоляции от прочих заключенных, а также с целью разгрузки Орловского лагеря № 1. Рассчитанный на 300 человек Орловский лагерь № 2 располагался в здании дворянского пансиона на улице Кромской, 60 (в настоящий момент утрачено, находилось на углу улиц Панчука и Комсомольской) и в Свято-Успенском мужском монастыре (Монастырская площадь, 3) города Орёл. Военнопленные лагеря, в большинстве своем состоящие из крестьян и рабочих, посылались преимущественно на черные работы, а также на работы по специальности в мастерские и на заводы. Ликвидация Орловского лагеря № 2 состоялась в марте 1921 г. в связи с отправкой военнопленных на родину.
111	Елецкий	г. Елец (в наст. вр. Липецкая обл.), здание бывшего приюта Черенова на улице Коммунаров, 30	1920–1922	1920 – 219 1921 – 251 1922 – 85	Лагерь был открыт в июле 1920 г. и располагался в здании бывшего приюта Черенова на улице Коммунаров, 30 в городе Елец Орловской губернии (в наст. вр. Липецкая область). Лагерь был организован с целью разгрузки Орловского лагеря № 1 и мог разместить до 600 человек, в нем содержались прибывшие с «Врангелевского фронта» военнопленные солдаты. В 1921 г. преобладал смешанный состав заключенных. В Елецком лагере были организованы швейная и сапожная производственные мастерские. Заключенные отправлялись также на внешние работы в советские учреждения (на заготовку дров, выработку торфа, полевые работы). Ликвидация Елецкого лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
112	Мценский	г. Мценск	1920–1921	1920 – нет данных 1921 – 751	Лагерь был открыт не позднее ноября 1920 г. и располагался в летних бараках города Мценск Орловской губернии. Причиной его формирования послужила необходимость в размещении военнопленных солдат Врангелевской армии. В апреле 1921 г. в лагере содержался 751 заключенный. Ликвидация Мценского лагеря состоялась в мае 1921 г. в связи с освобождением военнопленных и отправкой их в Красную армию.
113	Ливенский	г. Ливны, здание казначейства	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – 83	Лагерь был открыт не позднее 1921 г. и располагался в здании казначейства города Ливны Орловской губернии. Рассчитанный на 400 человек лагерь был создан для обслуживания Ливенского уезда и частичной разгрузки Орловского лагеря № 1. Ликвидация Ливенского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.

Пензенская губерния					
114	Пензенский	г. Пенза	1920–1922	1920 – 164 1921 – 300 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее марта 1920 г. и располагался в бараках, построенных в 1915 г. для военнопленных, в городе Пенза. Лагерь был рассчитан на 300 заключенных, со дня основания по сентябрь 1920 г. через него прошло 583 человека. В 1921 г. основной контингент Пензенского лагеря составляли крестьяне, присланные из Тамбовской губернии – «антоновцы» (участники Тамбовского восстания). Заключенные отправлялись на работы по созданию узкоколейки и в различные советские учреждения по требованиям, а также были заняты сельскохозяйственными работами на прилагерном земельном участке. Внутри лагеря имелись производственные мастерские. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Пермская губерния					
115	Пермский	г. Пермь, Губернская тюрьма (угол Парковой улицы и улицы Клименко)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 329 1921 – 256 1922 – 112	Лагерь был открыт не позднее октября 1919 г. и располагался в здании Губернской тюрьмы. Лагерь был рассчитан на 400 человек, основным его контингентом являлись политические и общеуголовные преступники. Мастерских в Пермском лагере не имелось. Рабочая сила использовалась вне лагеря на лесозаготовках и в различных городских учреждениях. В 1921 г. были организованы столярная, сапожная, лапотная, пошивочно-портняжная мастерские. К 1922 г. – кузница, слесарно-кровельная мастерская. Закрытие лагеря состоялось 14 ноября 1922 г.
116	Оханский	г. Оханск, Арестный дом (ул. Советская и ул. Подвойского)	1921–1922	1921 – 106 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 15 февраля 1921 г. и располагался в здании Арестного дома в городе Оханск Пермской губернии. Заключенные лагеря отправлялись на внешние работы, а также были заняты работами внутри лагеря и в мастерских – сапожной, столярной и лапотной. Закрытие лагеря состоялось не позднее 1922 г.
Псковская губерния					
117	Псковский	г. Псков	1920–1922	1920 – 692 1921 – 315 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 26 июня 1920 г. и располагался в бараках города Псков. Рассчитанный на 300 человек Псковский лагерь был организован с целью содержания военнопленных. В 1921 г. после отправки военнопленных на родину состав заключенных по роду преступлений стал смешанным с преобладанием политических преступников. Внутри лагеря были организованы производственные мастерские: сапожная, кузнечно-слесарная, столярная, швейная, переплетная и кустарная. Вне лагеря заключенные отправлялись на черные работы и в различные советские учреждения по требованиям. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.

118	Невельский	г. Невель	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. и располагался в городе Невель Псковской губернии. Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения о данном лагере, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Рязанская губерния					
119	Рязанский	г. Рязань, Казанский женский монастырь на Затинной улице (в наст. вр. ул. Фурманова, 56). До 1921 г. лагерь имел отделение на станции «Александро-Невская» Рязанско-Уральской ж/д.	1919–1923	1919 – 1566 1920 – 1866 1921 – нет данных 1922 – 127	Лагерь был открыт 1 августа 1919 г. и располагался в Казанском женском монастыре на Затинной улице (в наст. вр. ул. Фурманова, 56) города Рязань. Основным контингентом лагеря, рассчитанного на 1000 заключенных, являлись уголовные преступники, спекулянты, военнопленные, контрреволюционеры. С 1 августа 1919 г. по 20 июля 1920 г. через Рязанский лагерь прошло 5656 человек. Большие группы военнопленных отправлялись на работы по ремонту ж/д путей, на деревообделочный завод и на Побединские рудники. Внутри самого лагеря имелись портновская, белошвейная, сапожная, картузно-шапочная, столярная, ткацкая, слесарная, лаптеплетельная мастерские. Заключенные отправлялись также на работы, имеющие важное государственное значение (в учреждения транспортной, топливной и продовольственной сфер). До 1921 г. лагерь имел отделение на станции «Александро-Невская» Рязанско-Уральской ж/д, который был упразднен в связи с переводом всех заключенных в Ряжский лагерь и Рязань. Ликвидация Рязанского лагеря в свою очередь состоялась не позднее осени 1923 г.
120	Брикетский	Ж.д. станция «Брикетная»	1920–1921	1920 – 1710 1921 – 848	Лагерь для военнопленных был открыт не позднее 1920 г. и располагался в бараках на станции «Брикетная» Рязанской губернии. Первая партия военнопленных поляков, прибывших в лагерь, составляла 1685 человек. Заключенные отправлялись на работы на Побединские рудники, где добывали уголь. В январе 1921 г. содержащиеся в Брикетском лагере военнопленные в количестве 848 человек были отправлены в Рязань, затем в Бологое.
121	Ряжский	г. Ряжск	1920–1922	нет данных	Ряжский лагерь предположительно был открыт в 1920 г. в городе Ряжск Рязанской губернии, его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения о данном лагере, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Самарская губерния					
122	Самарский	г. Самара, здание городского ломбарда на ул. Ильинской, 139	1920–1922	1920 – 1302 1921 – 1077 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 22 июля 1920 г. и располагался в здании городского ломбарда на ул. Ильинской, 139 (в наст. вр. ул. Арцыбушевская) города Самара и в бараках бывшего 133-го пехотного полка. Изначально основную часть заключенных лагеря, рассчитанного на 750 человек, составляли сапожковские повстанцы. К концу 1920 г.

		(в наст. вр. ул. Арцыбушевская); бараки бывшего 133-го пехотного полка			состав заключенных стал смешанным с преобладанием уголовных и политических преступников. С момента основания по май 1921 г. через Самарский лагерь прошло 5070 человек. Заключенные отправлялись на внешние работы по требованиям различных советских учреждений. Внутри лагеря были организованы сапожная и портняжная производственные мастерские и хлебопекарня. Ликвидация Самарского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
123	Тоцкий	Бузулукский уезд, с. Тоцкое (ныне – Оренбургская область, с. Тоцкое), бывшие беженские бараки Самарской губернии	1920–1922	нет данных	Лагерь для военнопленных был открыт не позднее второй половины 1920 г. и располагался в бараках села Тоцкое Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне – Оренбургская область, с. Тоцкое). Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Саратовская губерния					
124	Саратовский № 1	г. Саратов, губернская и каторжная тюрьмы	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 1228 1921 – 914 1922 – 753	Лагерь № 1 был открыт не позднее июня 1919 г. и располагался в помещениях губернской и каторжной тюрем города Саратов. Лагерь мог размещать до 1000 заключенных, со дня основания по август 1921 г. через него прошло 23364 человека. В нем преобладал смешанный состав заключенных, содержались и военнопленные поляки. Труд заключенных использовался на лесозаготовках и в мастерских лагеря: сапожной, портновской, столярной, часовой, слесарной, прачечной, водопроводно-канализационной, кузнице и др. (всего в лагере насчитывалось 11 мастерских), а также на внешних работах в различных учреждениях. Ликвидация лагеря состоялась не позднее конца 1922 – начала 1923 гг.
125	Саратовский № 2	г. Саратов, губернская и каторжная тюрьмы	1921–1922	1921 – 247 1922 – нет данных	Лагерь № 2 был открыт 13 июня 1921 г. и располагался в помещениях губернской и каторжной тюрем города Саратов. Лагерь мог размещать до 400 заключенных, со дня основания по август 1921 г. через лагерь прошло 578 человек. Основной лагерный контингент составляли заключенные с небольшими сроками, осужденные главным образом народными судами, труд которых использовался на внешних работах в различных советских учреждениях. Ликвидация Саратовского лагеря № 2 состоялась не позднее конца 1922 г.
126	Аткарский	г. Аткарск, здание Ремесленного училища	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт 1 января 1921 г. и располагался в здании Ремесленного училища (ул. Советская, 92) города Аткарск Саратовской губернии. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.

127	Балашевский	г. Балашов	1921–1922	1921 – 104 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее апреля 1921 г. и располагался в бараках города Балашов Саратовской губернии. Лагерь мог содержать до 350 заключенных, со дня основания по август 1921 г. через него прошло 1293 человека. Труд заключенных использовался по требованиям городских учреждений на различных внешних работах (садовых, огородных, уборке сенокоса и т. п.). Внутри самого лагеря имелись столярная и жестяная производственные мастерские. Ликвидация Балашевского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
128	Кузнецкий	г. Кузнецк (в наст. вр. Пензенская обл.)	1921–1922	1921 – 30 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. и располагался в бараках города Кузнецк Саратовской губернии (в наст. вр. Пензенская область). Лагерь мог содержать до 350 заключенных, со дня основания по август 1921 г. через него прошло 166 человек. За неимением собственных производственных мастерских заключенные отправлялись на внешние работы в различные советские учреждения. Ликвидация Кузнецкого лагеря состоялась не позднее 1922 г.
129	Новоузенский	г. Новоузенск	1921–1922	1921 – 29 1922 – нет данных	Лагерь, рассчитанный на 350 человек, был открыт в 1921 г. в городе Новоузенск Саратовской губернии. В ноябре 1921 г. в лагере содержалось 29 заключенных. Ликвидация Новоузенского лагеря состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
130	Сердобский	г. Сердобск (в наст. вр. Пензенская обл.)	1921–1922	1921 – 67 1922 – нет данных	Лагерь, рассчитанный на 350 заключенных, был открыт в мае 1921 г. в городе Сердобск Саратовской губернии (в наст. вр. Пензенская область). С 1 мая по 25 июля 1921 г. через лагерь прошло 428 человек. Труд заключенных использовался на лесозаготовках и полевых работах. Ликвидация Сердобского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
131	Хвалынский	г. Хвалынский, здание Арестного дома	1921–1922	1921 – 45 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее августа 1921 г. и располагался в здании Арестного дома города Хвалынский Саратовской губернии. Лагерь мог содержать до 350 заключенных, труд которых использовался в производственных мастерских и на внешних работах в различных учреждениях. Ликвидация Хвалынского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Северо-Двинская губерния					
132	Северо-Двинский	г. Великий Устюг, Михайло-Архангельский мужской монастырь (в наст. вр.	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 296 1921 – 593 1922 – нет	Лагерь был открыт 15 октября 1919 г. в городе Великий Устюг Северо-Двинской губернии (в наст. вр. Вологодской области) и располагался в Михайло-Архангельском мужском монастыре. Лагерь был рассчитан на 400 человек и располагал смешанным составом заключенных с преобладанием общеуголовных преступников. В 1921 г. основным лагерным контингентом являлись уголовные преступники и

		Вологодская обл.)		данных	контрреволюционеры. Труд заключенных использовался в портновской, сапожной, столярной, слесарно-кузнечной, ложечной, переплетной и портновской мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах. Закрытие Северо-Двинского лагеря принудительных работ состоялось 18 июля 1922 г. Со дня открытия по май 1921 г. через лагерь прошло 2913 человека.
Семипалатинская губерния и Киргизская АССР					
133	Семипалатинский	г. Семипалатинск (в наст. вр. г. Семей, Республика Казахстан), лагерь находился в 3 верстах от города на берегу Иртыша вблизи пристани и ж/д ветки	1920 - ?	нет данных	Лагерь был открыт не позднее первой половины 1920 г. и занимал семь зданий за городом Семипалатинск (в наст. вр. Республика Казахстан, г. Семей) на берегу Иртыша вблизи пристани и ж/д ветки. 4 ноября 1920 г. лагерь был временно закрыт в связи с занятием его помещения Губэваком. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Симбирская губерния					
134	Симбирский	г. Симбирск (в наст. вр. г. Ульяновск), улица Верхне-Чебоксарская (в наст. вр. ул. Бебеля), Спасский женский монастырь (ул. Дворцовая, 4)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 241 1921 – 230 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 9 августа 1919 г. и располагался в Спасском женском монастыре города Симбирска (в наст. вр. города Ульяновска). Лагерь был рассчитан на 350 человек, основным его контингентом являлись общеуголовные заключенные и осужденные за должностные преступления. В августе 1921 г. среди заключенных преобладали участники Тамбовского восстания – «антоновцы». Симбирский лагерь обладал рядом производственных мастерских: столярно-плотнической, сапожной, корзиночной и кузнечно-слесарной. Заключенные отправлялись также на различные работы в местные городские учреждения. Закрытие лагеря состоялось не позднее 1922 г.
135	Алатырский	г. Алатырь, Троицкая улица, Троицкий мужской монастырь (в наст. вр. Чувашская республика)	1920–1921	нет данных	Лагерь был открыт не позднее второй половины 1920 г. и располагался в Троицком мужском монастыре города Алатырь Симбирской губернии (в наст. вр. Чувашской республики). Лагерь, рассчитанный на 300 человек, производственных мастерских не имел, заключенные отправлялись на работы в местные советские учреждения. Закрытие лагеря состоялось не позднее августа 1921 г.

136	Сызранский	г. Сызрань, Вознесенский мужской монастырь (в наст. вр. Самарская обл.)	1920–1922	1920 – 240 1921 – 130 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 1 апреля 1920 г. и располагался в Вознесенском мужском монастыре города Сызрань. Изначально контингент лагеря составляли заключенные с должностными преступлениями. С конца 1920 г. основным лагерным населением становятся крестьяне, не выполнившие задание по продразверстке. Сызранский лагерь, рассчитанный на 300 человек, обладал собственным огородом и рядом производственных мастерских. Труд заключенных использовался также на внешних работах в различных городских учреждениях. 22 февраля 1922 г. лагерь был ликвидирован, оставшаяся часть заключенных была переведена в Симбирский лагерь.
137	Заволжский	Ж.д. станция «Часовня Верхняя» Волго- Бугульминской ж/д (в наст. вр. станция «Верхняя Терраса», Заволжский район, г. Ульяновск)	1921–1922	1921 – 25 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее второй половины 1921 г. и располагался на станции «Часовня Верхняя» Волго-Бугульминской железной дороги в Симбирской губернии. В сентябре 1921 г. в лагере содержалось 25 заключенных. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Смоленская губерния					
138	Смоленский	г. Смоленск, Авраамиевский мужской монастырь (в наст. вр. Спасо- Преображенский Авраамиев мужской монастырь, ул. Маршала Жукова, 24)	1919–1922	1919 – 237 1920 – 563 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь принудительных работ был открыт в августе 1919 г. и располагался в Авраамиевском мужском монастыре города Смоленск. При лагере, рассчитанном на 400 человек, имелись сад и производственные мастерские: сапожная, портновская, кузнечная и столярная. Заключенные отправлялись также на работы на железную дорогу Смоленского узла, в Угорпродком и Угорлеском. Закрытие лагеря состоялось не позднее 1922 г.
139	Рославский	г. Рославль, помещение бывшей гауптвахты	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт 3 октября 1920 г. в связи с эвакуацией Минского лагеря в город Рославль Смоленской губернии. Лагерь был размещен в помещении бывшей гауптвахты, основной его контингент составляли военнопленные. Труд заключенных использовался в сапожной мастерской. Ликвидация Рославского лагеря состоялась не позднее 1922 г.

Ставропольская губерния					
140	Ставропольский	г. Ставрополь	1921–1923	1921 – нет данных 1922 – 60 1923 – 30	Лагерь был открыт не позднее первой половины 1921 г. в городе Ставрополь. Заключенные лагеря, рассчитанного на 300 человек, отправлялись на работы в различные советские учреждения и были заняты сельскохозяйственными работами. Труд заключенных использовался также в слесарной, кузнечной, плотницкой, сапожной, жестяной и шорной производственных мастерских. С 1923 г. количество заключенных, которых мог содержать лагерь, сократилось до 60. Ликвидация Ставропольского лагеря принудительных работ состоялась в первой половине 1923 г.
141	Александровский	г. Александровск (в наст. вр. село Александровское Ставропольского края)	1921–1922	нет данных	Лагерь, рассчитанный на 100 человек, был открыт не позднее 1921 г. в городе Александровске Ставропольской губернии (в наст. вр. село Александровское, Ставропольский край). Заключенные лагеря отправлялись на черные работы в различные советские учреждения, а также были заняты сельскохозяйственными работами. Ликвидация Александровского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
142	Благодарненский	г. Благодарный	1921–1922	нет данных	Лагерь, рассчитанный на 100 человек, был открыт не позднее 1921 г. в городе Благодарный Ставропольской губернии. Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
143	Медвеженский	Село Медвежье (в наст. вр. село Красногвардейское, Старопольский край)	1921–1922	нет данных	Лагерь, рассчитанный на 100 человек, был открыт не позднее 1921 г. в селе Медвежье Ставропольской губернии. Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Таврическая губерния и Крымская АССР					
144	Симферопольский	г. Симферополь	1921–1922	1921 – 170 1922 – нет данных	Центральный лагерь принудительных работ, рассчитанный на 500 человек, был открыт в 1921 г. в городе Симферополь Крымской АССР (в наст. вр. Республика Крым). В лагере имелись столярная, слесарная и портняжная производственные мастерские, огород. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные советские учреждения. Ликвидация Симферопольского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
145	Севастопольский	г. Севастополь, Херсонесский	1921–1922	1921 – 295 1922 – нет	Лагерь предположительно был открыт 1 января 1921 г. в городе Севастополь Крымской АССР (в наст. вр. Республика Крым) на территории Херсонесского монастыря.

		монастырь		данных	Заклученные работали в малярной, кузнечной, столярной, портняжной и переплётной мастерских. Также заключенные направлялись на работы в советские учреждения. Контингент лагеря составляли трудовые дезертиры, спекулянты и выходцы из высших слоев царской России. Также в лагере содержались уголовники, осужденные за бандитизм и кражу, а также асоциальный элемент. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Тамбовская губерния					
146	Тамбовский № 1	г. Тамбов, общежитие Екатерининского Учительского Института на Московской улице, дом Юрцева (Коммунальная ул., 51), Гоголевское Училище, Приютская ул. д. 63 (в наст. вр. ул. Ф. Энгельса, 31), Казанский мужской монастырь (ул. М. Горького, 3)	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 513 1921 – 1011 1922 – нет данных	Лагерь № 1 был открыт 10 июля 1919 г. и располагался в нескольких зданиях города Тамбова: в общежитии Екатерининского учительского института на Московской улице, в помещении бывшей колонии малолетних преступников, в доме Юрцева (Коммунальная ул., 51), в Гоголевском училище на Приютской улице (ул. Фридриха Энгельса, 31) и в Казанском мужском монастыре (ул. Максима Горького, 3). В доме бывшей колонии малолетних преступников находились больные, нетрудоспособные и заключенные без обмундирования. Осужденные пожизненно и до конца Гражданской войны выполняли работы исключительно внутри лагеря в доме на Московской улице. Остальные заключенные отправлялись на работы на железную дорогу, в сельскохозяйственную коммуну «Дружба», Сухотинскую трудовую колонию, в местные советские учреждения, а также выполняли работы внутри лагеря, в котором имелись кровельная, столярная, слесарная и сапожная мастерские и земельный участок. Со дня открытия по май 1921 г. через Тамбовский лагерь № 1 прошло 2913 человека. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.
147	Тамбовский № 2	Окрестности г. Тамбова	1921	1921 – 881	Лагерь № 2 был открыт в июне 1921 г.. Полевой концентрационный лагерь для временного размещения заложников и содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях города Тамбова, где заключенные содержались в палатках. С июня по сентябрь 1921 г. через лагерь прошло 1710 человек. 10 сентября 1921 г. Тамбовский лагерь № 2 был ликвидирован.
148	Борисоглебский № 1	г. Борисоглебск (в наст. вр. Воронежская обл.), Александро-Невский Хренниковский мужской монастырь	1920–1921	1920 – 68 1921 – 321 1922 – 257	Лагерь № 1 был открыт 6 мая 1920 г. и располагался в полностью утраченном на настоящий момент Александро-Невском Хренниковском мужском монастыре города Борисоглебска Тамбовской губернии (в наст. вр. Воронежской области). Лагерь, рассчитанный на 250 человек, обслуживал четыре южных узла Тамбовской губернии. Большинство заключенных в нем имели срок, не превышающий 1,5 года. Со дня основания по март 1921 г. через Борисоглебский лагерь № 1 прошло 1089 человек. Некоторые заключенные отправлялись на работы в Сельскохозяйственный институт,

		(полностью утрачен)			большинство же работали на земельном участке внутри лагеря, который также имел и производственные мастерские: сапожную, плотницкую, столярную, швальную, кузнечно-слесарную и парикмахерскую. Ликвидация Борисоглебского лагеря № 1 состоялась не позднее конца 1922 г.
149	Борисоглебский № 2	Окрестности г. Борисоглебска Тамбовской губернии (в наст. вр. Воронежской обл.)	1921–1922	1921 – 3790 1922 – нет данных	Лагерь № 2 был открыт 4 июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для временного размещения заложников и содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях города Борисоглебск (в наст. вр. Воронежской области) возле реки Воронеж, где заключенные содержались в палатках. В конце 1921 г. лагерь был перемещен в бараки бывших пехотных казарм Борисоглебска. С июня по декабрь 1921 г. через лагерь прошло 8132 человека. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1922 г.
150	Моршанский № 1	г. Моршанск	1920–1922	1920 – 282 1921 – 539 1922 – 130	Лагерь № 1 был открыт 10 июля 1920 г. и располагался в центре города Моршанск Тамбовской губернии. В сентябре 1920 г. лагерь, рассчитанный на 250 человек, был заполнен лицами, осужденными и взятыми в заложники при ликвидации Тамбовского восстания. Для заключения туда были присланы также военнопленные поляки. С июля 1920 г. по май 1921 г. через Моршанский лагерь № 1 прошло 1283 человека. Труд заключенных использовался в столярно-плотнической мастерской и на внешних работах в различных советских учреждениях. Закрытие лагеря состоялось не позднее конца 1922 г.
151	Моршанский № 2	окрестности г. Моршанска	1921	1921 – 364	Лагерь № 2 был открыт не позднее июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для размещения заложников и временного содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях города Моршанск Тамбовской губернии, где заключенные содержались в палатках. С июня по август 1921 г. через лагерь прошло 1863 человека. Ликвидация Моршанского лагеря № 2 состоялась 24 августа 1921 г.
152	Инжавинский	окрестности села Инжавино (в наст. вр. пгт Инжавино)	1921	1921 – 271	Лагерь был открыт не позднее июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для размещения заложников и временного содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях села Инжавино (в наст. вр. пгт Инжавино) Тамбовской губернии, где заключенные содержались в палатках. С июня по сентябрь 1921 г. через лагерь прошло 968 человек. Ликвидация Инжавинского лагеря состоялась 11 сентября 1921 г.
153	Кирсановский	окрестности г. Кирсанова	1921	1921 – 1797	Лагерь был открыт не позднее июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для размещения заложников и временного содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях города Кирсанов Тамбовской губернии, где

					заключенные содержались в палатках. С июня по сентябрь 1921 г. через лагерь прошло 3698 человек. Ликвидация Кирсановского лагеря состоялась не позднее конца 1921 г.
154	Козловский	окрестности г. Козлова (в наст. вр. г. Мичуринск)	1921	1921 – 2072	Лагерь был открыт не позднее июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для размещения заложников и временного содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях города Козлов (в наст. вр. г. Мичуринск) Тамбовской губернии, где заключенные содержались в палатках. С июня по сентябрь 1921 г. через лагерь прошло 6294 человека. Ликвидация Козловского лагеря состоялась не позднее конца 1921 г.
155	Сампурский	окрестности села Сампур (в наст. вр. Тамбовской области)	1921	1921 – 2866	Лагерь был открыт не позднее июня 1921 г. Полевой концентрационный лагерь для размещения заложников и временного содержания лиц, осужденных за дезертирство и бандитизм, располагался в окрестностях села Сампур Тамбовской губернии, где заключенные содержались в палатках. С июня по сентябрь 1921 г. через лагерь прошло 5772 человека. Ликвидация Сампурского лагеря состоялась не позднее конца 1921 г.
156	Трегуляевский	Село Трегуляй (ныне – поселок Тригуляй Тамбовской области), Трегуляевский Иоанно-Предтеченский мужской монастырь	1921–1922	1921 – нет данных 1922 – 182	Лагерь был открыт в период с конца 1921 г. до середины 1922 г. и располагался в Трегуляевском Иоанно-Предтеченском мужском монастыре села Трегуляй (ныне – поселок Тригуляй) Тамбовской губернии. В лагере содержались участники Тамбовского восстания – «антоновцы». В октябре 1922 г. численность населения лагеря составляла 182 человека. Ликвидация Трегуляевского лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
Татарская республика					
157	Казанский	г. Казань	1920–1923	1920 – 587 1921 – 676 1922 – 48 1923 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Казань Татарской Республики (в наст. вр. Республика Татарстан). В лагере содержались белогвардейцы и осужденные контрреволюционеры, чей труд использовался на внешние работах в различных городских учреждениях (Совнархоз, Газовобензолный завод, Казантоп. и другие) и в производственных мастерских. В лагере также содержались военнопленные поляки. Ликвидация Казанского лагеря состоялась не позднее первой половины 1923 г.
158	Бугульминский	г. Бугульма	1921–1922	нет данных	Лагерь открывался дважды в городе Бугульма Татарской Республики (в наст. вр. Республика Татарстан). Первый этап его функционирования пришелся на первую половину 1921 г. 1 июля 1921 г. лагерь был открыт вновь, его окончательная ликвидация состоялась не позднее 1922 г.

159	Чистопольский	г. Чистополь	1921–1922	нет данных	Лагерь открывался дважды в городе Чистополь Татарской Республики (в наст. вр. Республика Татарстан). Первый этап его функционирования пришелся на первую половину 1921 г. 1 июля 1921 г. лагерь был открыт вновь, его окончательная ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Тверская губерния					
160	Тверской	г. Тверь, набережная Афанасия Никитина, Отроч Успенский монастырь. При лагере имелись отделы в г. Осташкове и на станции «Малышево» Тверской губернии.	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 455 1921 – 545 1922 – 282	Лагерь принудительных работ был образован в 1919 г. в Твери на территории Отроч Успенского монастыря (в наст. вр. сохранился только собор Успения Пресвятой Богородицы). Он был рассчитан на 300 человек, но в 1921 г. вмещал в себя более 500 человек. Лагерь отличался смешанным составом заключенных, большинство из которых являлись военнопленными поляками. С 1 января 1922 г. являлся лагерем-распределителем, откуда из расформированных лагерей Центральной России заключенных этапировали на Русский север. Труд заключенных использовался на внешних работах: на ж/д станциях «Тверь», «Малышево», «Крючково», на Рябеевском кирпичном заводе и хозяйственных работах внутри лагеря. Кроме того, в самом лагере имела сапожная и портновская мастерские. При Тверском лагере имелись отделения в г. Осташкове (с 1921 г.) и на станции «Малышево» (с 1920 г.) Тверской губернии, где труд заключенных использовался на лесозаготовках, погрузке дров и работах на приусадебных участках земли. В усадьбах на станции «Малышево» (усадьба им. Ленина и усадьба им. Луначарского) имелись кузнечно-слесарная, столярная и валяльная мастерские. Ликвидация Тверского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Терская область (Горская АССР, Терская губерния)					
161	Терский (Владикавказский)	г. Владикавказ, здание бывшего психиатрического отделения Военного госпиталя на окраине города, в поле, ул. Северо-Степная (в наст. вр. ул. Заурбека Калоева)	1920–1922	1920 – 403 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 8 июня 1920 г. и располагался в здании бывшего психиатрического отделения Военного госпиталя на окраине города Владикавказ, в поле, ул. Северо-Степная (в наст. вр. ул. Заурбека Калоева). В лагере, рассчитанном на 300 человек, имела сапожная, портняжная, шапочная, столярная, слесарная и кузнечная производственные мастерские. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные советские учреждения (заводы, Муниципальный отдел, Военный комиссариат, ж/д и др.). Со дня основания по 1 апреля 1921 г. через лагерь прошло 1475 мужчин и 53 женщины. Ликвидация Терского лагеря состоялась не позднее 1922 г.

162	Георгиевский	г. Георгиевск	1921–1922	1921 – 160 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее лета 1921 г. в городе Георгиевск Горской АССР (в наст. вр. Ставропольский край). В августе 1921 г. в нем содержалось 160 заключенных. Ликвидация Георгиевского лагеря состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
163	Пятигорский	г. Пятигорск	1919–1923	1919-1920 – нет данных 1921 – 60 1922 – нет данных 1923 – нет данных	Лагерь был открыт в 1919 г. (согласно С.П. Мельгунову – в сентябре 1918 г.) в городе Пятигорск Горской АССР (в наст. вр. Ставропольский край). В ноябре 1921 г. в нем содержалось 60 заключенных. Ликвидация Пятигорского лагеря состоялась не позднее начала 1923 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Томская и Ново-Николаевская губернии					
164	Томский	г. Томск	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – 226 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Томск. Заключенные лагеря назначались на внешние работы по требованиям различных советских учреждений, главным образом на работы по ликвидации колчаковского управления Сибирью и разгрузке барж и пароходов. Внутри самого лагеря имелись веревочно-канатная, столярная, сапожная, портняжная, жестяночная и бондарная производственные мастерские. Ликвидация Томского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
165	Ново-николаевский	г. Новониколаевск (в наст. вр. г. Новосибирск)	1920–1922	1920 – 1100 1921 – нет данных 1922 – 1049	Лагерь для военнопленных был открыт в 1920 г. в городе Новониколаевск Томской губернии (в наст. вр. г. Новосибирск). Заключенные лагеря назначались на внешние работы по требованиям различных советских учреждений (разгрузка барж и пароходов и др.). Внутри самого лагеря имелись сапожная, слесарная, жестяночная, портняжная, токарная, шпилочная, столярная, кузнечная, бондарная, парикмахерская, переплетная, кулепошивочная производственные мастерские. Ликвидация Новониколаевского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Трудовая коммуна немцев Поволжья					
166	Марксштадтский	г. Марксштадт (в наст. вр. г. Маркс, Саратовская обл.)	1921–1922	1921 – 572 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее весны 1921 г. в Трудовой коммуне немцев Поволжья в городе Марксштадт (в наст. вр. Саратовская область, г. Маркс). При лагере имелась сапожная мастерская. Заключенные были заняты также внутренними хозяйственными работами и отсылались на внешние работы в различные советские учреждения. Ликвидация Марксштадтского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.

Тульская губерния					
167	Тульский № 1	г. Тула, барачный городок «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе и улицы Некрасова	1919–1922	1919 – 295 1920 – 961 1921 – 848 1922 – 221	Лагерь принудительных работ № 1 был открыт не позднее осени 1919 г. и располагался в барачном городке «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова города Тулы. В лагере содержались заключенные, осужденные на срок свыше 6 месяцев и специалисты, занятые в мастерских: слесарно-механической, плотнично-столярной, сапожной, бондарно-колодочной, портновской, электротехнической, переплетной, чертежной, обойно-малярной, часовой и кузнечной. Заключенные назначались и на внешние работы: партиями (на черные работы) и одиночками (в различные учреждения). В Тульском лагере № 1 также содержались все заключенные женщины, независимо от основания заключения и отдельно от мужчин. Ликвидация лагеря состоялась не позднее конца 1922 г.
168	Тульский № 2	г. Тула, барачный городок «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова	1920–1922	1920 – 919 1921 – 536 1922 – нет данных	Лагерь принудительных работ № 2 был открыт 13 марта 1920 г. и располагался в барачном городке «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова города Тулы. Лагерь, рассчитанный на 600 человек, был сформирован с поступлением заключенных, участвовавших в кулацком восстании. В дальнейшем в нем содержались бывшие офицеры, военнопленные Гражданской войны и офицеры польской армии. Заключенные назначались на внешние работы: партиями (на черные работы) и одиночками (в различные учреждения), а также обслуживали хозяйственные нужды самого лагеря. Ликвидация Тульского лагеря принудительных работ № 2 состоялась не позднее 1922 г.
169	Тульский № 3	г. Тула, барачный городок «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова	1920–1922	1920 – 480 1921 – 361 1922 – нет данных	Лагерь принудительных работ № 3 был открыт 21 мая 1920 г. и располагался в барачном городке «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова города Тулы. Лагерь был сформирован с поступлением пленных белогвардейцев. В нем содержались срочные (срок менее 6 месяцев) и следственные заключенные и военнопленные Гражданской войны (солдаты). Заключенные назначались на внешние работы: партиями (на черные работы) и одиночками (в различные учреждения), а также обслуживали хозяйственные нужды самого лагеря. Ликвидация Тульского лагеря принудительных работ № 3 состоялась не позднее 1922 г.
170	Тульский № 4	г. Тула, барачный городок «Воронежские казармы» на	1920–1922	1920 – 1100 1921 – 777 1922 – нет данных	Лагерь принудительных работ № 4 был открыт 15 июня 1920 г. и располагался в барачном городке «Воронежские казармы» на пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова города Тулы. Стачка рабочих оружейного завода и прибытие на принудительные работы 2000 человек послужили формированию

		пересечении Воронежского шоссе (в наст. вр. Оборонная ул.) и улицы Некрасова			лагеря, который после освобождения рабочих стал пополняться военнопленными. В Тульском лагере № 4 содержались бывшие офицеры-белогвардейцы, военнопленные Гражданской войны и солдаты польской армии. Заключенные назначались на внешние работы: партиями (на черные работы) и одиночками (в различные учреждения), а также обслуживали хозяйственные нужды самого лагеря. Ликвидация Тульского лагеря принудительных работ № 4 состоялась не позднее 1922 г.
171	Белёвский	г. Белёв	1919–1920	1919 – нет данных 1920 – 113	Лагерь был открыт не позднее 1919 г. и располагался в одном из барачков города Белёв Тульской губернии. В лагере содержались военнопленные Гражданской войны. Заключенные отправлялись на работы при Тульском Губземеделе. Ликвидация Белёвского лагеря состоялась не позднее марта 1920 г.
Тюменская губерния					
172	Тюменский	г. Тюмень, здание бывшего Арестного дома за рекой Тюменкой. Подотделы в городах Ишим и Ялуторовск Тюменской губернии	1921–1923	1921 – 118 1922 – 130 1923 – нет данных	Лагерь был открыт в апреле 1921 г. и располагался в здании бывшего Арестного дома за рекой Тюменкой города Тюмень. Изначально контингент лагеря, рассчитанного на 150 человек, составляли исключительно политические заключенные, чей труд использовался на внутренних и сельскохозяйственных работах, работах на пристанях Тюмени и станциях ж/д. В лагере были оборудованы часовая, сапожная, столярно-слесарная и шорная производственные мастерские, в его ведении находились также кирпичный завод и совхоз «Черная речка». В целях борьбы с кулацким восстанием в апреле 1921 г. были созданы подотделы Тюменского лагеря в городах Ишим и Ялуторовск Тюменской губернии, где заключенные работали на заводах и фабриках. Ликвидация Тюменского лагеря принудительных работ состоялась не позднее первой половины 1923 г.
173	Тобольский	г. Тобольск, здание бывшей каторжной тюрьмы (Красная площадь, 5, стр. 5)	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – нет данных 1922 – 101	Лагерь был открыт в сентябре 1920 г. и располагался в здании бывшей каторжной тюрьмы (Красная площадь, 5, стр. 5) города Тобольск Тюменской губернии. Заключенные лагеря, рассчитанного на 600 человек, были заняты полевыми работами в заимке «Ново-Бардинская», отправлялись на внешние работы в различные городские учреждения, занимались рыбным промыслом и внутренними хозяйственными работами. В лагере были оборудованы кузнечная, столярная, сапожная и ювелирно-часовая производственные мастерские. С февраля по июнь 1921 г. Тобольский лагерь находился в эвакуации, затем он был соединен с Тобольским Рабдомом. Его ликвидация состоялась не позднее второй половины 1922 г.

Уральская губерния и Киргизская АССР					
174	Уральский	г. Уральск (в наст. вр. Республика Казахстан)	1920–1922	1920 – 130 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Уральск (в наст. вр. Республика Казахстан, г. Уральск). В декабре 1920 г. в нем содержалось 130 человек. Заключение лагеря были заняты работами по обработке плантаций. Ликвидация Уральского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Уфимская губерния					
175	Уфимский	г. Уфа, Успенский мужской монастырь (закрит, находился по адресу ул. Муксинова, 2)	1920–1922	1920 – 43 1921 – 54 1922 – нет данных	Лагерь был открыт 27 ноября 1920 г. и располагался в бывшем Успенском мужском монастыре города Уфа Уфимской губернии (в наст. вр. Республика Башкортостан). Заключение лагеря, рассчитанного на 300 человек, были заняты работами по устройству лагеря, заготовкой дров, отправлялись на сельскохозяйственные работы и на работы в различные городские учреждения. Труд заключенных использовался также в столярно-плотничной, слесарно-костяной производственных мастерских и кузнице. Ликвидация Уфимского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Царицынская губерния					
176	Царицынский	г. Царицын (в наст. вр. г. Волгоград)	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт предположительно в 1920 г. в городе Царицын (в наст. вр. г. Волгоград), его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
Челябинская губерния					
177	Челябинский (Центрлагерь)	г. Челябинск, бараки на восточной окраине города	1920–1922	1920 – 593 1921 – более 600 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее февраля 1920 г. и располагался в бараках на восточной окраине города Челябинск. В лагере, рассчитанном на 400 человек, содержались политические преступники. Труд заключенных использовался в сапожной, портняжной, кузнечно-слесарной и столярной производственных мастерских, принимавших заказы от различных советских учреждений. Ликвидация Челябинского лагеря состоялась 15 ноября 1922 г.
178	Челябинский (Военный городок)	г. Челябинск, бараки за чертой города	1920–1922	нет данных	Губернский лагерь был открыт предположительно в 1920 г. и располагался в бараках за чертой города Челябинск. В лагере, рассчитанном на 700 человек, были сконцентрированы долгосрочные заключенные и те заключенные, которым полагалась более строгая форма изоляции. Внутри него были оборудованы производственные мастерские и ферма Образсельхоз. Ликвидация Челябинского губернского лагеря «Военный городок» состоялась не позднее 1922 г.

179	Верхне-уральский	г. Верхнеуральск	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. в городе Верхнеуральск Челябинской губернии. Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г. Сведения, достаточные для более подробного описания, в настоящий момент не найдены.
180	Миасский	г. Миасс	1920–1922	1920 – нет данных 1921 – 250 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. в городе Миасс Челябинской губернии. В лагере, рассчитанном на 300 человек, имелась сапожная мастерская. Заключение отправлялись также на внешние работы в различные городские учреждения, где по отношению к ним применялась круговая порука. Ликвидация Миасского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
181	Курганский	г. Курган	1921–1922	1921 – 150 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1921 г. в городе Курган Челябинской губернии (в наст. вр. Курганская область). Лагерь мог содержать 200 заключенных, внутри него имелись сапожная, портняжная и чулочная производственные мастерские. Заключение посылались также на внешние работы в различные городские учреждения. Ликвидация Курганского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
182	Лагерь «Детский городок» в Тургояке	поселок Тургояк, помещение женской гимназии	1920-1922	1920-1922 – около 200	Лагерь «детский городок» в поселке Тургояк был открыт в 1920 г. и расположился на территории бывшей женской гимназии. В лагере в среднем содержалось около 200 детей, половина из которых являлись девочками. Как указывалось в докладе Челябинского губернского подотдела принудработ за март 1922 г., детский лагерь под Челябинском долгое время вырабатывал программу исправительно-трудовой жизни подростков, попавших в заключение. В лагере содержались дети в возрасте от 7 до 12 лет (отдельные дети находились в возрасте 4–5 лет). При традиционной для лагерей того периода деятельности — работе в мастерских, в лагере дети работали также на огородах и в парниках. Непосредственно в лагере был организован изолятор для больных. В соседнем городе Миассе (где располагалась крупнейшая колония для подростков) была учреждена школа с педагогами, где дети получали начальное образование.

Череповецкая губерния

183	Череповецкий № 1	1919–1920 г. Череповец, Череповецкий шлюз на реке Шексна; 1921–1922, деревня	1919–1922	1919 – нет данных 1920 – 203 1921 – нет данных 1922 – нет	Лагерь № 1 был открыт 1 июля 1919 г. и располагался в бараках около Череповецкого шлюза на реке Шексна в городе Череповец. Лагерь мог содержать 250 человек, большей частью заключенных являлись представители крестьянского сословия, осужденные за фронтное и трудовое дезертирство, уголовные и административные правонарушения. В заключении находились и политические преступники. Череповецкий лагерь № 1 обладал рядом производственных
-----	------------------	---	-----------	---	--

		Сойволово, Судская писчебумажная фабрика на реке Суда		данных	мастерских: сапожной, слесарной, столярной, часовой, портновской, кузнечной и парикмахерской. Заключение отправлялись также на работы в различные советские учреждения (на заготовку и выгрузку лесных материалов, кирпичный завод и др.). В 1921 г. лагерь был переведен на Судскую писчебумажную фабрику, которая находилась в деревне Сойволово на реке Суда Череповецкой губернии (в наст. вр. д. Сойволово, Вологодская область). Ликвидация Череповецкого лагеря № 1 состоялась не позднее 1922 г.
184	Череповецкий № 2	1920 – станция «Суда» (в наст. вр. Вологодская обл.); 1921 – г. Череповец, Череповецкий шлюз на реке Шексна	1920–1921	1920 – 146	Лагерь № 2 был открыт не позднее сентября 1920 г. с целью разгрузки Череповецкого лагеря № 1. Он находился на станции «Суда» Череповецкой губернии (в наст. вр. Вологодская область) в имении «Межное». Благодаря наличию на территории лагеря земельного участка появилась возможность использовать труд заключенных в сельскохозяйственной работе. В лагере были оборудованы производственные мастерские: сапожная, слесарная и колесная. Заключение отправлялись также на заготовки лесоматериала, в различные советские учреждения. Летом 1921 г. лагерь № 2 был слит с лагерем № 1 и в дальнейшем функционировал как его отдел. При этом он сменил свое расположение и переместился на бывшую локацию лагеря № 1 (барак около Череповецкого шлюза на реке Шексна в Череповце). Ликвидация Череповецкого лагеря № 2 состоялась не позднее 1922 г.
Чувашская автономная область					
185	Чебоксарский	г. Чебоксары, помещение бывшего Волостного Правления	1921–1922	1921 – 242 1922 – 63	Лагерь был открыт в январе 1921 г. и располагался в здании бывшего Волостного Правления города Чебоксары Чувашской автономной области (в наст. вр. Чувашская Республика). Заключение лагеря откомандировывались на работы в различные советские учреждения, а также были заняты внутренними хозяйственными работами. Ликвидация Чебоксарского лагеря принудительных работ состоялась в апреле 1922 г., после его закрытия все заключенные были переведены в Нижегородский лагерь.
Якутская губерния					
186	Якутский	г. Якутск, тюремная больница на окраине города	1921–1922	1921 – 155 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в начале 1921 г. и располагался в одном из зданий в центре города Якутск. В апреле 1921 г. он был перемещен в тюремную больницу на окраине города. При лагере имелись столярная, сапожная и колбасная производственные мастерские. Заключение были заняты также сельскохозяйственными работами и отсылались на кожзавод и в различные городские учреждения. Ликвидация Якутского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.

Ярославская губерния					
187	Ярославский № 1 (Спасский)	г. Ярославль, Спасский мужской монастырь	1919–1922	1919 – 226 1920 – 2527 1921 – 790 1922 – нет данных	Лагерь № 1 был открыт 23 мая 1919 г. С момента основания по октябрь 1919 г. лагерь располагался в Коровницком доме лишения свободы, с октября 1919 г. – в Спасо-Преображенском мужском монастыре (Богоявленская площадь, 25) города Ярославля. В рассчитанном на 600 заключенных Ярославском лагере № 1 содержались военнопленные поляки. Труд заключенных использовался в производственных мастерских: столярной, слесарной, портновской, белошвейной и сапожной, а также на внешних работах в различных советских учреждениях. В 1922 г. все лагеря города Ярославля были слиты в один – Ярконцлагерь, ликвидированный не позднее конца 1922 г.
188	Ярославский эксплуатационный полк	г. Ярославль, Казанский женский монастырь, Первомайская ул., 19 А	1919–1920	1919 – 777 1920 – 1186	Эксплуатационный полк, рассчитанный на 1500 человек, был открыт 4 сентября 1919 г. и располагался в Казанском женском монастыре (Первомайская ул., 19 А) города Ярославля. Данный эксплуатационный полк был организован с целью оказания активной поддержки государству за счет трудовой мобилизации буржуазии. В нем также содержались солдаты Белой армии. За неимением собственных производственных мастерских заключенные отправлялись на работы в различные советские учреждения. В августе 1920 г. Ярославский эксплуатационный полк был реорганизован в Ярославский лагерь № 2, при этом часть заключенных, мобилизованная в полк, была освобождена.
189	Ярославский № 2 (Казанский)	г. Ярославль, Казанский женский монастырь, Первомайская ул., 19 А	1920–1922	1920 – 2859 1921 – 653 1922 – нет данных	Лагерь № 2, рассчитанный на 600 человек, был открыт 5 сентября 1920 г. и располагался в Казанском женском монастыре (Первомайская ул., 19 А) города Ярославля. В сформированном из бывшего Ярославского эксплуатационного полка лагере содержались военнопленные Гражданской войны – колчаковские офицеры. За неимением собственных производственных мастерских заключенные отправлялись на внешние работы в различные советские учреждения. В 1922 г. все лагеря города Ярославля были слиты в один – Ярконцлагерь, ликвидированный не позднее конца 1922 г.
190	Даниловский	г. Данилов (отделение Ярославского концентрационного лагеря)	1920–1921	1920 – 369 1921 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. как отделение Ярославского лагеря в городе Данилов Ярославской губернии. Труд заключенных использовался на строительстве железнодорожных путей. На декабрь 1920 г. в Даниловском, Ростовском и Рыбинском лагерях состояло 4868 заключенных. К 1921 г. лагерное отделение было реорганизовано в Трудовую дружину из военнопленных.

191	Ростовский	г. Ростов, Спасо-Яковлевский монастырь (отделение Ярославского лагеря)	1920–1921	1920 – 436 1921 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее 1920 г. как отделение Ярославского лагеря в городе Ростов Ярославской губернии на территории Спасо-Яковлевского монастыря. В Ростовском лагере содержались военнопленные. На декабрь 1920 г. в Даниловском, Ростовском и Рыбинском лагерях состояло 4868 заключенных. Ликвидация лагеря состоялась не позднее 1921 г.
192	Рыбинский	г. Рыбинск, здание на углу улиц Троцкого (в наст. вр. Карякинская ул.) и Гоголя	1920–1922	1920 – 390 1921 – 130 1922 – нет данных	Лагерь был открыт не позднее осени 1920 г. и являлся подотделом Ярославского концлагеря. Изначально лагерь располагался в старом корпусе Дома лишения свобод города Рыбинска Ярославской губернии, с 25 октября 1921 г. – в здании бывшей Богадельни на углу улиц Троцкого (в наст. вр. ул. Карякинская) и Гоголевской (в наст. вр. ул. Гоголя). За неимением собственных производственных мастерских в лагере заключенные отправлялись на внешние работы в различные учреждения. На декабрь 1920 г. в Даниловском, Ростовском и Рыбинском лагерях состояло 4868 заключенных. Ликвидация Рыбинского лагеря состоялась не позднее 1922 г.

ССРБ

Минская губерния

193	Минский	1920 г. Минск, имение в 7 км от города. 1920 г. Рославль Смоленской губернии 1921–1922; Минск, бывшее помещение пересыльного пункта и имение «Малая Слепянка» в 4 км от города	1920–1922	1920 – 138 1921 – 257 1922 – нет данных	Лагерь открывался дважды: в 1920 и в 1921 гг. С 17 сентября 1920 г. он находился в одном из бывших имений недалеко от города Минск. Минский лагерь мог содержать 300 человек, основной контингент заключенных составляли военнопленные, чей труд использовался в портняжной, сапожной, слесарно-кузнечной, заготовочной и столярной производственных мастерских и на сельскохозяйственной работе. В октябре 1920 г. лагерь был эвакуирован в город Рославль Смоленской губернии. 28 марта 1921 г. Минский лагерь был открыт вновь в бывшем помещении пересыльного пункта и имении «Малая Слепянка» за городом Минск, в нем были оборудованы шорная, кузнечно-слесарная, швейная, кожевенная, древообделочная и слесарно-механическая мастерские, огород и крольчатник. 24 октября 1921 г. Минский лагерь был переименован в Лагерь Труда. Его ликвидация состоялась не позднее 1922 г.
-----	---------	--	-----------	---	--

Украинская ССР					
Волинская губерния					
194	Волинский	Предположительно г. Владимир-Волинский (в наст. вр. г. Владимир)	1920	нет данных	Лагерь был открыт предположительно в первой половине 1920 г. в городе Владимир-Волинский для военнопленных советско-польской войны на занятых территориях в ходе наступления Красной армии. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения. Ликвидация Волинского лагеря состоялась в конце 1920 г.
195	Житомирский	г. Житомир	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Житомир. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Житомирского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
196	Ровенский	г. Ровно	1920–1921	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Ровно, в ходе наступления Красной армии на Волини. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных учреждениях. Ликвидация Ровенского лагеря состоялась не позднее марта 1921 г., когда после подписания Рижского мирного договора территория Волини перешла к Польше.
Донецкая губерния					
197	Александро-Грушевский	г. Александровск-Грушевский (в наст. вр. г. Шахты)	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Шахты (в наст. вр. Россия, Ростовская обл., г. Шахты). Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Александро-Грушевского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
198	Бахмутский	г. Бахмут	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Бахмут. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Бахмутского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
199	Дебальцевский	г. Дебальцево	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Дебальцево. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Дебальцевского лагеря состоялась не позднее 1922 г.

200	Лисичанский	г. Лисичанск	1920–1922	1920 – 2360 1921 – нет данных 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Лисичанск. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Лисичанского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
201	Луганский	г. Луганск	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Луганск. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. При лагере имелся мыловаренный завод. Ликвидация Луганского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
202	Славянский	г. Славянск	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Славянск. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Славянского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
203	Таганрогский	г. Таганрог	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Таганрог (в наст. вр. Россия, Ростовская обл., г. Таганрог). Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Таганрогского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
204	Чистяковский	Чистяковский горный район, п. Чистяково (в наст. вр. г. Торез)	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в поселке Чистяково, Чистяковского горного района (в наст. вр. г. Торез). Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Чистяковского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
205	Юзовский	г. Юзовка (в наст. вр. г. Донецк)	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Юзовка (в наст. вр. г. Донецк). Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения (добыча угля) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Юзовского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Екатеринославская и Запорожская (Александровская) губернии					
206	Александровский	г. Александровск (в наст. вр.	1920	нет данных	Лагерь был открыт в г. Александровске предположительно в первой половине 1920 г. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также

		г. Запорожье)			на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Александровского лагеря состоялась в конце 1920 г.
207	Екатеринославский	г. Екатеринослав (в наст. вр. г.Днепр)	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Екатеринослав. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Екатеринославского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
208	Криво-Рожский	г. Кривой Рог	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Кривой Рог. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Криво-Рожского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
209	Мелитопольский	г. Мелитополь	1921–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1921 г. в городе Мелитополь. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Мелитопольского лагеря принудительных работ состоялась не позднее 1922 г.
Киевская губерния					
210	Киевский	г. Киев	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Киев. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Киевского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Кременчугская губерния					
211	Кременчугский	г. Кременчуг	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Кременчуг. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Кременчугского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Николаевская губерния					
212	Николаевский	г. Николаев	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Николаев. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на работах общегосударственного значения (торфяные разработки) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Николаевского лагеря состоялась не позднее 1922 г.

213	Елисаветградский	г. Елисаветград (в наст. вр. г. Кропивницкий)	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Елисаветград. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Елисаветградского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
214	Херсонский	г. Херсон	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Херсон. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Херсонского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Одесская губерния					
215	Одесский	г. Одесса	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Одесса. Труд заключенных применялся в мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. При лагере имелся мыловаренный завод. Ликвидация Одесского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Подольская губерния					
216	Винницкий	г. Винница	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Винница. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Винницкого лагеря состоялась не позднее 1922 г.
217	Подольский	Предположительно г. Каменец- Подольский	1920	нет данных	Лагерь был открыт предположительно в первой половине 1920 г. в городе Каменец-Подольский. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Подольского лагеря состоялась в конце 1920 г.
Полтавская губерния					
218	Лубенский	г. Лубны	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Лубны. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Лубенского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
219	Полтавский	г. Полтава	1920–1922	1920 – 162 1921 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Полтава. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация

				1922 – нет данных	Полтавского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Харьковская губерния					
220	Харьковский	г. Харьков	1920–1922	1920 – 4500 1921 – 2450 1922 – нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Харьков. Преимущественно в лагере содержались военнопленные советско-польской войны. В лагере имелись инженерная, чертежная производственные мастерские, мастерские кустарного производства. Заключенные отправлялись также на внешние работы в различные советские учреждения и предприятия. Ликвидация Харьковского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
221	Чугуевский	г. Чугуев	1920-1922	1920 – 2600 1921- 1000 1922 – нет данных	Лагерь для военнопленных поляков был открыт в 1920 г. в городе Чугуев. Труд заключенных применялся в производственных мастерских внутри лагеря, а также на внешних работах общегосударственного значения и в различных советских учреждениях. Ликвидация Чугуевского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
Черниговская губерния					
222	Черниговский	г. Чернигов	1920–1922	нет данных	Лагерь был открыт в 1920 г. в городе Чернигов. Труд заключенных применялся исключительно на внешних работах общегосударственного значения (лесные разработки) и в различных советских учреждениях. Ликвидация Черниговского лагеря состоялась не позднее 1922 г.
<i>№</i>	<i>Название лагеря</i>	<i>Местоположение</i>	<i>Годы существования</i>	<i>Численность заключенных</i>	<i>Историческая справка</i>